

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: История.
Международные отношения
2024
Том 24
Выпуск 4

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
HISTORY, INTERNATIONAL RELATIONS

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

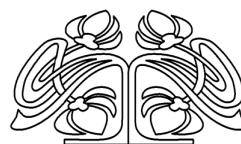
ИЗВЕСТИЯ

САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия История. Международные отношения, выпуск 4

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал

2024 Том 24

ISSN 1819-4907 (Print)

ISSN 2542-1913 (Online)

Издается с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Ананьев С. В. Деятельность местных жандармских органов по обеспечению государственной и общественной безопасности в Привислинском крае Российской империи (1870–1890-е годы) 426
- Сидоров С. Г. Учреждения военного плены на Владимирской земле в 1940–1949 годы 432
- Власова Н. Н. Опыт организации производственной практики студентов в вузах города Донецка в период «хрущевской оттепели» 442
- Мякшев А. П. Национально-территориальное устройство СССР: «мина замедленного действия» или «исторический компромисс»? 448

Всеобщая история и международные отношения

- Репина Л. П. Контексты изучения средневекового города, или О пользе «бесплодных» дискуссий в истории исторической науки 459
- Носова Е. С. «Прорицание вёльвы» в англо-скандинавской скульптуре 467
- Чернова Л. Н. Интеллектуальное пространство позднесредневекового Лондона 473
- Многолетняя Е. Н. Издательская деятельность чешского типографа XVI века Олдржижа Веленского из Мнихова 483
- Царева Ю. И. Особенности вотирования бюджета английским парламентом в XVII–XIX веках 488
- Киясов С. Е. Масонство в предреволюционной Франции (1773–1789 годы) 494
- Старокожева Н. А. Педагогическая деятельность английской писательницы Ханны Мор на рубеже XVIII–XIX веков 500
- Крылов В. А. Деятельность Сэмюеля Хора в России в 1916 году 506
- Рыбалко О. К. Американская «война с террором» до 11 сентября 2001 г.: формирование концепции 512
- Головченко Д. П. Румынский вектор во внешней политике Республики Молдова: политическое измерение основ и динамики двусторонних отношений Кишинева и Бухареста 520

Региональная история и краеведение

- Морозова Е. Н. Социально-экономические практики органов земского самоуправления: организация продовольственной помощи населению Саратовской губернии (1866–1900 годы) 528
- Утиулиев Ж. А. Причины и особенности проявления насильтвенных форм аграрного движения накануне Первой российской революции (по материалам Саратовской губернии) 537
- Мулевая М. С. «Приверженцы иудейства». Секта субботников Саратовской губернии в XIX – начале XX века: проблемы идентификации и восприятия 545
- Королев Г. К. Красная гвардия как инструмент закрепления большевистской власти в немецких селах Поволжья 553
- Данилов В. Н. Использование ресурсов Саратовской области для комплектования армии и флота в годы Великой Отечественной войны 558

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения»» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76642 от 26 августа 2019 года. Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К2, специальности: 5.6.1; 5.6.2; 5.6.5; 5.6.7). Журнал входит в международную базу данных DOAJ

Журнал выходит 4 раза в год. Подписной индекс издания 36018. Подписку на печатные издания можно оформить в Интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (imo.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Батищева Татьяна Федоровна

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Степанова Натalia Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Шевякова Виктория Валентиновна

В оформлении издания использованы работы художника Соколова Дмитрия Валерьевича (13.11.1940–20.11.2023)

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83
Тел.: +7(845-2) 51-29-94, 51-45-49,
52-26-89

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 19.12.2024.

Подписано в свет 25.12.2024.

Выход в свет 25.11.2024.

Формат 60 × 84 1/8.

Усл. печ. л. 16.3 (17.5).

Тираж 100 экз. Заказ 141-Т

Отпечатано в типографии

Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2024

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации оригинальные, ранее не публиковавшиеся научные статьи по всеобщей и отечественной истории, региональной истории и краеведению, истории международных отношений, источниковедению и историографии, а также обзорные статьи, рецензии и сообщения.

К рассмотрению принимаются статьи, написанные научными сотрудниками и преподавателями – специалистами по истории, истории международных отношений, докторами и кандидатами наук, аспирантами, соискателями.

Объем статей должен составлять 20–40 тыс. знаков с пробелами через полуторный интервал и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем рецензий и сообщений – 10–20 тыс. знаков с пробелами и до 2 рисунков. Рецензии оформляются так же, как статьи. Статья должна быть оформлена строго в соответствии с правилами и тщательно отредактирована. Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: тип статьи (научная статья, обзорная статья, рецензия, краткое сообщение), индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность (с указанием структурного подразделения), e-mail, ORCID, Aurhor ID своей страницы в e-library), аннотация, ключевые слова (7–10), благодарности и ссылки на гранты (если есть), текст статьи, примечания (при наличии), список литературы;

– на английском языке: тип статьи, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (имя, инициал отчества, фамилия, ORCID, Aurhor ID своей страницы в e-library), место работы, почтовый адрес организации (с указанием индекса), e-mail), аннотация, ключевые слова.

Требования к аннотации:

- должна отражать краткое содержание статьи;
- оптимальный объем 300–500 знаков;
- не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

Имеющиеся примечания и комментарии помещаются перед списком литературы. Каждое примечание обозначается концевой сноской и нумеруется арабской цифрой.

Список литературы составляется в пронумерованном с [1] по [последняя] ссылку порядке. Библиографические ссылки на пристатейный список литературы должны быть оформлены в порядке упоминания в тексте, с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера и через запятую номеров соответствующих страниц (листов архивного дела). Каждое архивное дело одного фонда считается отдельным источником в нумерации списка литературы. Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <https://imo.sgu.ru/ru/dlyavorov>

Материалы, отклоненные редакцией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редакцией серии: iimo_sgu@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

Ananiev S. V. The activities of local gendarmerie bodies to ensure state and public security in the Privilinsky Territory of the Russian Empire (1870–1890s)	426
Sidorov S. G. Institutions of military captivity on Vladimir land in 1940–1949	432
Vlasova N. N. The experience of organizing the practical training of students at universities in Donetsk during the "Khrushchev thaw"	442
Myakshev A. P. The national-territorial structure of the USSR: A "time bomb" or a "historical compromise"?	448

World History and International Relations

Repina L. P. Contexts for studying a medieval city, or On the benefits of "fruitless" discussions in the history of historical science	459
Nosova E. S. Völuspá's divination in Anglo-Scandinavian sculpture	467
Chernova L. N. Intellectual landscape of Late Medieval London	473
Mnogoletnyaya E. N. Publishing activity of the 16th-century Czech printer Oldřík Velenský from Mnichov	483
Tsareva Yu. I. Features of budget voting by the English Parliament in the 17th – 19th centuries	488
Kiyasov S. E. Freemasonry in pre-revolutionary France (1773–1789)	494
Starokozheva N. A. The pedagogical activity of the English writer Hannah More at the turn of the XVIII th – XIX th centuries	500
Krylov V. A. Activities of Samuel Hoare in Russia 1916	506
Rybalko O. K. The U.S. "War on Terror" before 9/11: Framing the concept	512
Golovchenko D. P. Romanian vector in the foreign policy of the Republic of Moldova: The political dimension of the foundations and dynamics of bilateral relations between Chisinau and Bucharest	520

Regional History and Local Studies

Morozova E. N. Socio-economic practices of zemstvo self-government bodies: organizing food assistance to the population of Saratov province (1866–1900)	528
Utiuliev J. A. The causes and features of the manifestation of violent forms of the agrarian movement on the eve of the First Russian Revolution (based on the materials of the Saratov province)	537
Mulevaya M. S. "Followers of Judaism". Subbotnik sect of the Saratov province in the 19th – early 20th century: Problems of identification and perception	545
Korolev G. K. The Red Guard as a tool for consolidating Bolshevik power in the German villages of the Volga region	553
Danilov V. N. Using the resources of the Saratov region for the recruitment of the Army and Navy during the Great Patriotic War	558

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Барабанов Олег Николаевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Дённингхаус Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор ист. наук, профессор (Оренбург, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Монахов Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел-Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Тисье Мишель, доктор истории, доцент (Ренна, Франция)

Федоров Сергей Егорович, доктор ист. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Цатурова Сусанна Карленовна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник
(Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

Editor-in-Chief – Victor N. Danilov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Larisa N. Chernova (Saratov, Russia)

Executive secretary – Yakov N. Rabinovich (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Oleg N. Barabanov (Moscow, Russia)

Yury G. Golub (Saratov, Russia)

Victor Dönninkhaus (Lüneburg, Germany)

Piotr S. Kabytov (Samara, Russia)

Sergey V. Lyubichankovsky (Orenburg, Russia)

Sergey A. Mezin (Saratov, Russia)

Sergey Yu. Monakhov (Saratov, Russia)

Donald J. Raleigh (Chapel Hill, USA)

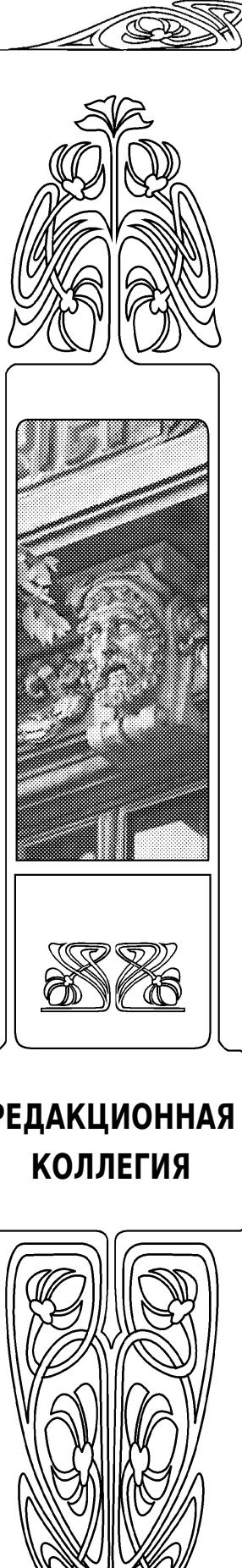
Lorina P. Repina (Moscow, Russia)

Michel Tissier (Rennes, France)

Sergey E. Fyodorov (St. Petersburg, Russia)

Susanna K. Tsaturova (Moscow, Russia)

Tatyana V. Cherevichko (Saratov, Russia)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 426–431

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 426–431

<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-426-431>, EDN: ADBTHA

Научная статья

УДК 351.742(470+571+438)|18|

Деятельность местных жандармских органов по обеспечению государственной и общественной безопасности в Привислинском крае Российской империи (1870–1890-е годы)

С. В. Ананьев

Главный центр научных исследований Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, Россия, 111250, г. Москва, ул. Красноказарменная, д. 9 А

Ананьев Сергей Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент, старший офицер научного отдела, sergey_ananyev1982@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-9372-165X>, AuthorID: 750523

Аннотация. В статье рассматривается деятельность местных жандармских органов Привислинского края Российской империи в 1870–1890-х гг. Перечисляются некоторые полицейско-политические меры, взятые в дальнейшем на вооружение органами исполнительной власти в деле обеспечения государственной и общественной безопасности на западных окраинах империи. Отмечается, что деятельность местной жандармерии, осуществлявшаяся в комплексе с другими правоохранительными структурами империи, стала составной частью мероприятий царского правительства по обеспечению государственной и общественной безопасности. Приводятся примеры участия жандармского корпуса в борьбе с польскими революционерами и социалистами, самоотверженности его личного состава. Настоящее исследование углубляет имеющиеся в отечественной историографии общие сведения по данному вопросу. На основе проведенной работы сделан вывод о том, что жандармерия края сыграла немаловажную роль как в пресечении, так и в борьбе с революционным движением в регионе.

Ключевые слова: жандармерия, государственная безопасность, общественная безопасность, революционное движение, народники, пропаганда, жандармская команда, конспирация, III отделение

Для цитирования: Ананьев С. В. Деятельность местных жандармских органов по обеспечению государственной и общественной безопасности в Привислинском крае Российской империи (1870–1890-е годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 426–431. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-426-431>, EDN: ADBTHA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The activities of local gendarmerie bodies to ensure state and public security in the Privilinsky Territory of the Russian Empire (1870–1890s)

S. V. Ananiev

Main Research Center of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation, 9 A Krasnokazarmennaya St., Moscow 111250 Russia

Sergey V. Ananiev, sergey_ananyev1982@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-9372-165X>, AuthorID: 750523

Abstract. The article examines the activities of local gendarme bodies of the Privilinsky Territory of the Russian Empire in the 1870–1890s. Listed are some police and political measures subsequently adopted by the executive authorities in ensuring state and public security on the western outskirts of the empire. It is noted that the activities of the local gendarmerie became an integral part of the measures of the tsarist government to ensure state and public security, carried out in conjunction with other law enforcement structures of the empire. Examples of the participation of the gendarme corps in the fight against Polish revolutionaries and socialists, the dedication of its personnel are given. This study deepens the general information available in domestic historiography on this issue. Based on the work carried out, it was concluded that the gendarmerie of the region played an important role, both in the suppression and in the fight against the revolutionary movement in the region.

Keywords: gendarmerie, state security, public security, revolutionary movement, populists, propaganda, gendarme team, conspiracy, III branch

For citation: Ananiev S. V. The activities of local gendarme bodies to ensure state and public security in the Privilinsky Territory of the Russian Empire (1870–1890s). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 426–431 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-426-431>. EDN: ADBTHA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

С момента своего основания 3 июля 1826 г. III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии (далее – III отделение) как высший орган политической полиции Российской империи отвечало за решение вопросов политического надзора, розыска, осуществление дознаний по государственным преступлениям, наблюдение за общественным мнением граждан. Его компетенция включала в себя руководство политической полицией, противодействие различного рода антиправительственным движениям, в том числе и революционному, наблюдение за прибывшими иностранными гражданами, находившимися на территории Российской империи, осуществление надзора за всеми казенными учреждениями в регионах страны [1]. Жандармерия являлась одной из основных правоохранительных структур Российской империи и ее деятельности в западном регионе, отличавшемся политической нестабильностью, уделялось большое внимание.

В рамках исследования служебной деятельности жандармерии в Привислинском крае, в который в 1874 г. после образования варшавского генерал-губернаторства было переименовано бывшее Царство Польское, помимо использования архивных документов Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного исторического архива, привлекались следующие исторические источники и литература: законодательные акты и другие нормативные документы, проливающие свет на функционирование ведомства, воспоминания офицеров Отдельного корпуса жандармов, например, А. И. Спиридовича [2] и А. И. Ломачевского [3]. Персональных работ, посвященных жандармерии Привислинского края, в отечественной историографии не было, но определенная информация общего характера, косвенно касающаяся отдельных аспектов ее работы в Привислинском крае в 1870–1890-е гг., содержится в трудах советских [4–6] и современных российских [7–14] историков. Имеется целый ряд исследований и в польской историографии [15–19].

Деятельность местных жандармских органов в Привислинском крае имела свои особенности в связи с тем, что данный регион с момента своего появления в составе Российской

империи фактически не сходил с политической повестки, носящей крайне острый политический и международный характер. Болезненный для царского правительства и к тому времени все еще не решенный «польский вопрос»ставил местную жандармерию в исключительное положение – в условия повышенной бдительности и боевой готовности. Поражение польского восстания 1863–1864 гг. вовсе не означало итогового решения данного вопроса, так как развитие революционного движения во внутренних губерниях России активизировало и польские национальные силы, никогда не оставлявшие идею исторического реванша за окончательный распад Речи Посполитой в последней четверти XVIII в.

После восстановления общественного порядка, нарушенного вследствие мятежных событий 1863–1864 гг., правоохранительные структуры Царства Польского претерпели сокращение своего штатного состава. Так, одним из насущных вопросов, обсуждаемых Комитетом по делам Царства Польского, стал вопрос об устройстве городской полиции, прежде всего, в Варшаве. Министерством финансов Российской империи было подсчитано, что на Петербургский жандармский дивизион приходились расходы в 117 тыс. руб., а на Варшавский – 108 тыс. Однако в пропорции на одного жителя расход денежных средств на содержание Варшавского жандармского дивизиона превышал идентичный Петербургский, поэтому рекомендовалось сократить штаты первого.

По окончании польского восстания со стороны местных жандармских органов в Царстве Польском был значительно усилен контроль за местным населением и его деятельностью. Так, жителям губерний разрешалось передвигаться в пределах своей губернии без паспорта, но при обязательном наличии ликвидационной книжки [20, л. 33]. С задержанных при переходе границы лиц снималось фото. Распоряжение шефа III отделения, адресованное начальнику Варшавского губернского жандармского управления (далее – ГЖУ) от 19 июня 1871 г. № 326, гласило о необходимости доносить ему без промедления обстановку по телеграфу в следующих случаях: при серьезных общественных бедствиях, пожарах, частых поджогах, расхищениях

казенных сумм и имуществ, подделке денег, са-моубийствах, грабежах, насилиях, нападениях на присутственные места – но только если все эти случаи заслуживают внимания [20, л. 45].

Шеф жандармов генерал-адъютант А. Л. Потапов 24 октября 1874 г. сообщал в Комитет по делам Царства Польского об исключительном положении Варшавы в сравнении с многими другими городами империи и полагал, что уравнивать с ней расходы на содержание местных польской жандармерии и полиции некорректно [21, л. 191]. Тем не менее варшавский жандармский дивизион подлежал сокращению штатов на 1 лекаря, 1 штаб-офицера, 5 обер-офицеров, 8 унтер-офицеров, 2 трубачей, 13 рядовых, 34 нестроевых. И без того незначительное число личного состава до этого сокращения с трудомправлялось с исполнением служебных обязанностей. Так, ежедневно на службу наряжалось около 120 чел., а при особых празднествах и церковных процессиях дивизион нередко заступал на службу в полном составе [21, л. 189]. В сложившейся ситуации местным жандармским органам предстояло действовать против набирающего обороты революционного движения в атмосфере неодобрения, а зачастую – ненависти местного населения против царской администрации Привислинского края.

Польское национально-освободительное движение в 1870-х гг. заметно оживает в связи с начавшейся в 1877 г. русско-турецкой войной, а также вследствие ранее созданных в 1876 г. на территории Галиции «Конфедерации польского народа» и «Жонда народового». Польская революционная организация предприняла серию неудачных агитационных возвываний к русским солдатам и попытки создания партизанских отрядов в ряде польских уездов (Лодзинском, Островском и др.). В сентябре 1877 г. местными жандармскими органами совместно с полицией было выявлено и изъято около 400 пудов оружия и патронов [22]. Местная жандармерия также усиливает надзор за питейными заведениями и при сборе в таковых неблагонадежных лиц данные заведения подлежали закрытию. Жандармские чины продолжали наблюдать и за местоприбывлением подозреваемых и обвиняемых в преступлениях лиц. В дальнейшем получили распространение методы снятия фото со всех обвиняемых лиц и необходимость их дактилоскопического исследования [23, л. 375].

В 1878 г. в Варшаве начала распространяться революционная пропаганда социалистических идей среди польской молодежи и фабрично-заводских рабочих. Местный социалистический кружок возглавил Л. Варыньский, поддерживавший довольно тесное взаимодействие с российскими «коллегами», особенно с известным руководителем «пропагандистского крыла» народников П. Л. Лавровым. Осенью 1878 г. местными жандармами были арестованы около

60 членов варшавской революционной организации. Высокий профессионализм в агентурной деятельности показали варшавские агенты III отделения Я. Н. Толстой, А. А. Сагтынский и К. Ф. Швейцер. Кроме того, за рубежом действовала и политическая разведка, которая, несмотря на довольно скромный состав из 15 постоянных агентов, показала свою эффективность [24, с. 85]. В Париже ею был выявлен особый польский фонд, основанный в 1882 г., ставивший своей целью рост политической активности и революционного движения в западных окраинах Российской империи [25].

Людвиг Варыньский стал организатором, идейным вдохновителем и руководителем первой польской социалистической партии «Пролетариат», основанной в 1882 г. Данная партия уже в 1883 г. встала на путь террора. В сентябре 1883 г. ее лидер был арестован в Варшаве местными жандармами, а в течение 1883–1884 гг. арестам были подвергнуты сотни рабочих и интеллигентов, многие из которых были заключены в крепости, 6 чел. – приговорены к казни, десятки людей отправлены на каторгу [26, с. 33]. Таким образом, первая социалистическая польская партия была разгромлена, и на несколько лет в польских губерниях Российской империи наступило политическое затишье.

3 декабря 1883 г. Положение «Об устройстве секретной полиции в Империи» регламентировало появление в государстве охранных отделений [10]. Тем самым царские правоохранительные органы перешли в наступление, повсюду громя народнические революционные организации. Система политической провокации, разработанная подполковником Петербургского охранного отделения Георгием Порфирьевичем Судейкиным, была взята на вооружение местными варшавскими сотрудниками – подполковниками Секеринским и Белановским, ставшими первыми инициаторами системы провокации в Варшаве. Однако выявить и раскрыть какой-либо крупный политический заговор им не довелось ввиду того, что революционная конспиративная работа в Привислинском крае сводилась в основном к устной и печатной пропаганде и агитации среди рабочих [27, с. 48].

Тем не менее, имелись вполне показательные примеры успешной оперативной работы чинов местной жандармерии. Так, 18 июля 1884 г. жандармский агент Оже совместно с ротмистром жандармерии прибыл в молочное заведение Варшавы для ареста подозрительных лиц. При попытке доставить их в полицейский участок данные лица произвели выстрелы из огнестрельного оружия. Оже, получив ранение, сумел обезвредить одного из преступников и лично доставить его в полицейский участок [21, л. 107–108]. Всего за тот год жандармы совместно с полицией арестовали свыше тысячи представителей партии «Пролетариат», многие из которых уже в 1885 г.

предстали перед Варшавским военным судом, а в январе следующего года революционеры Куницкий, Оссовский, Петрусинский, Бардовский были казнены через повешение на откосе варшавской цитадели [28, с. 200].

После разгрома первого «Пролетариата» и временного затишья польская эмиграция осудила бездеятельность польского народа в борьбе с царской администрацией. Наибольшая политическая активность проявлялась в Галиции. Начавшаяся новая революционная волна под эгидой второго «Пролетариата» также была успешнонейтраллизована местными жандармскими органами совместно с общей полицией в 1888 г. Следует отметить, что в польских губерниях империи местные полицейские структуры испытывали на себе контроль со стороны жандармерии, имевшей в своем составе военизированные подразделения. Местная жандармерия получала еще большую, чем в других регионах империи, свободу действий в сфере охраны правопорядка и имела в своем распоряжении более крупные полицейские силы, что объяснялось пограничным расположением региона и потенциальной вероятностью новых антироссийских выступлений [9, с. 12].

С января 1891 г. в Привислинском крае стали наблюдаться признаки общественного брожения в связи с подготовкой к празднованию 100-летней годовщины польской конституции 3 мая 1791 г. Варшавский генерал-губернатор в отчете императору докладывал о возникающих инцидентах вплоть до нападений на редакторов местных изданий, критиковавших в печати распространение польских прокламаций, случаев обливаний кислотой местных женщин на улицах города, одетых не в траурные платья [25].

Варшавское губернское жандармское управление докладывало оперативную информацию в Департамент полиции о деятельности Польской социал-демократической партии и других антиправительственных организаций: польском социально-революционном союзе, «Союзе польской прогрессивной молодежи» и др. Например, при обыске жандармами Келецкой семинарии было найдено большое количество революционных изданий – отдельные библиотеки с литературой крайне враждебного антироссийского содержания. За революционную деятельность жандармскими чинами к дознанию были привлечены получившие в будущем известность Ф. Э. Дзержинский, Б. В. Савинков, Ф. Ф. Ляхович и ряд других революционеров. В результате изучения и обработки полученных сведений жандармами составлялись сборники циркуляров под авторством помощника Варшавского генерал-губернатора по полицейской части, содержащие практические рекомендации по проведению оперативной и агентурной работы.

В мае 1893 г. местными жандармами была пресечена попытка доставки из-за границы в Вар-

шаву транспорта с запрещенной литературой, а в октябре 1894 г. была обнаружена организация тайного обучения еврейской молодежи [25]. В своей деятельности жандармы часто прибегали и к помощи граждан, получая от них ценные сведения. Так, один из жандармских чинов Варшавского жандармского дивизиона в служебной записке 7 декабря 1893 г. докладывал: «Вчера числа, в 12 ч. ночи, унтер-офицер 2-го эскадрона Егор Бобров, возвратясь с вечернего наряда из цирка доложил мне, что находясь в наряде за старшего в цирке, в 7 часов вечера к нему подошла неизвестная девушка, на вид лет 15, прилично одетая и заявила, что ее знакомый, господин Гринвальд, проживающий на Госпитальной улице в д. 10, квартире № 11, политически неблагонадежен» [29, л. 144].

Следует отметить, что местная жандармерия в своей оперативной деятельности нередко опиралась на помочь других правоохранительных и «силовых» структур: например, местные войска, которые обязаны были оказывать содействие в восстановлении внутренней безопасности и порядка. Кроме того, ими оказывалась помощь в исполнении законов, поимке преступников, сохранении порядка на общественных мероприятиях, при сборе податей, препровождении рекрутов, сопровождении арестантов, доставке казны и т. д. [30, л. 96]. На границе края помочь в изъятии контрабанды и запрещенных товаров революционного содержания оказывала пограничная стража, а в сельской местности – земская стража.

Конец 1890-х гг. был отмечен новым всплеском революционной активности местных националистических и социалистических организаций. Участились случаи оскорблений караульных нижних чинов политическими арестантами в тюрьмах, пения непристойных песен (в том числе касающихся персоны императора), и даже отдельных попыток нападений на жандармских чиновников. В множественных циркулярах варшавского обер-полицмейстера давались рекомендации по тщательному наблюдению за поднадзорными лицами путем сверки явочных листов домовладельцев со списками старших околоточных надзирателей. За неявку поднадзорных лиц к старшему околоточному надзирателю в течение месяца для получения отметки им грозил денежный штраф: крестьянам – 25 коп., мещанам – 50 коп., дворянам – 2 руб. за каждую неявку [31, л. 5–8 об].

Местная жандармерия в указанный период продолжала осуществлять наблюдение за прибывающими в край иностранными гражданами, а также военнослужащими и членами их семей, католическим духовенством и помещиками «польского происхождения», задерживать дезертиров и фальшивомонетчиков [32]. Ею выявлялись факты незаконного обучения детей польскому языку, в связи с чем впоследствии в данные

учебные заведения организовывались ревизии, велась борьба с распространением брошюр революционного и националистического характера, осуществлялось наблюдение за рабочей средой [33].

При этом нельзя сказать, что ведомственное начальство давало местным жандармским чинам полный карт-бланш на полицейский произвол. Так, согласно архивным данным, в июне 1897 г. Департамент полиции, адресуя письмо начальникам ГЖУ, обращал внимание на недопустимость проведения дознаний чинами жандармского корпуса без весомых и обоснованных причин. К числу оснований для проведения, например, обысков, относились следующие: сведения о политической неблагонадежности, сведения о готовящемся преступлении, сведения о совершившемся преступлении, о котором полагалось составлять протокол обыска. Обращалось внимание на недопустимость проявления физического насилия должностными лицами правоохранительных структур при проведении допросов и в отношении заключенных под стражу лиц [34, л. 35–37, 202].

К началу 1900-х гг. новым веянием в правоохранительной деятельности Российской империи стало учреждение охранных отделений. Они создавались как оперативно-розыскные органы ввиду того, что жандармерия не занималась подобного рода деятельностью и уже неправлялась с все более совершенствующейся революционной конспирацией. К тому времени в империи уже существовали и действовали 3 охранных отделения – Московское, Петербургское и Варшавское. Варшавское охранное отделение также было организовано в 1900 г. В регионе к моменту его появления при помощнике генерал-губернатора действовала Особая канцелярия, занимавшаяся розыскными мероприятиями в Варшаве и Лодзи, а в исключительных случаях – и на других территориях генерал-губернаторства. С учетом активизации польских националистических и революционных организаций в создании данного отделения имелась острая потребность. С целью выявления подобных организаций не только помощник Варшавского генерал-губернатора по полицейской части, но и начальники уездных жандармских управлений Привислинского края были наделены большим спектром различных полномочий. В уездных жандармских управлениях края сотрудники получили возможность проявлять инициативу и действовать относительно самостоятельно, приобретая бесценный оперативный и служебный опыт.

В это же время был образован Варшавский жандармский дивизион, также подчинявшийся помощнику Варшавского генерал-губернатора по полицейской части. Он выполнял задачи по противодействию общественным беспорядкам, неся патрульную службу в городе [10, с. 78].

В его состав вошли 2 эскадрона, канцелярия, казначейство, хозяйственная часть и др. Во главе дивизиона состоял, как правило, назначенный воинский чин в звании генерал-майора. Численность дивизиона составила около 500 чел.

Таким образом, на протяжении 1870–1890-х гг. на территории Привислинского края возникла и довольно успешно функционировала военно-полицейская система, частью которой являлись жандармские формирования. Вся их деятельность тесным образом опиралась не только на нормативные и правовые акты Российской империи, но и ведомственное подзаконное законодательство. Соответственно, организация местной жандармерии в крае приобретала особый специфичный характер, что позволило ей, несмотря на свою относительную малочисленность, довольно успешно противодействовать антиправительственным политическим организациям.

Список литературы

1. Указ об учреждении III отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии от 3 июля 1826 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2 : в 55 т. Т. I (с 12 декабря 1825 по 1827). СПб. : Типография II отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. № 449. С. 665–666.
2. Спиридович А. И. Записки жандарма. Харьков : Пролетарий, 1928. 263 с.
3. Ломачевский А. И. Из воспоминаний жандарма. СПб. : Тип. В. Грацианского, 1880. 160 с.
4. Оржеховский И. В. Реорганизация жандармского управления в связи с правительственной реакцией 60–70-х гг. XIX века // Горьковский университет им. Н. И. Лобачевского. Ученые записки. Вып. 151 : Вопросы истории общественно-политической мысли и внутренней политики России в XIX веке. Горький, 1971. С. 42–88.
5. Ярмыш А. Н. Политическая полиция Российской империи (1880–1904 гг.) : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1978. 226 с.
6. Тютюнник Л. И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением в России на рубеже XIX–XX вв. (1880–1904 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1986. 294 с.
7. Рууд Ч. А., Степанов С. А. Фонтанка, 16: политический сыск при царях. М. : Мысль, 1993. 432 с.
8. Киреев И. В. Роль института жандармерии в сохранении государственного строя России в XIX веке : дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. 303 с.
9. Тимошевская А. Д. Особенности организации полиции в национальных регионах Российского государства (XIX – начало XX в.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 20 с.
10. Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917). М. : РОССПЭН, 2000. 430 с.
11. Горянинов В. М. Исторические аспекты деятельности Корпуса жандармов Российской Империи в XIX – на-

- чале XX веков : дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2001. 173 с.
12. Макаревич Э. Ф. Политический сыск (история, судьбы, версии). М. : Алгоритм, 2002. 432 с.
13. Симбирцев И. Третье отделение. Первый опыт создания профессиональной спецслужбы в Российской империи. 1826–1880. М. : Центрполиграф, 2006. 381 с.
14. Лавренова А. М. Отдельный корпус жандармов и российское общество в 1880–1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2018. 303 с.
15. Козловски Я. Система управления Царством Польским с 1863 по 1875 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. 19 с.
16. Kaczynska E., Drewniak D. Ochrana. Carska policja polityczna. Warszawa : Grif, 1993. 183 p.
17. Kozłowski J. Zandarmeria w Królestwie Polskim w latach 1867–1880 // Przegląd Historyczny. 1998. Т. 89, № 1. S. 49–68.
18. Rodkiewicz W. Russian Nationality Policy in Western Provinces of the Empire (1863–1905). Lublin : Scientific Society of Lublin, 1998. 295 p.
19. Chimiak L. Gubernatorzy rosyjscy w Królestwie Polskim 1863–1915. Szkic do portretu zbiorowego. Wrocław : Finna, 1999. 356 p.
20. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 217 (Варшавское губернское жандармское управление). Оп. 1. Д. 117.
21. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1270 (Комитет по делам Царства Польского). Оп. 1. Д. 733.
22. Снытко Т. Г. Русское народничество и польское общественное движение 1865–1881 гг. М. : Наука, 1969. 478 с.
23. ГАРФ. Ф. 244 (Радомское губернское жандармское управление). Оп. 1. Д. 2.
24. Политический сыск в России: история и современность / отв. за вып. В. С. Измозик. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета экономики и финансов, 1997. 360 с.
25. ГАРФ. Ф. 543 (Коллекция рукописей Царскосельского дворца). Оп.1. Д. 544.
26. Агуровский С. Х. Очерки по истории революционного движения в Белоруссии (1863–1917). Минск : Белорусское государственное издательство, 1928. 347 с.
27. Кон Ф. Я. Под знаменем революции. Харьков : Пролетарий, 1926. 329 с.
28. Манусевич А. Я. Очерки по истории Польши. М. : Учпедгиз, 1952. 407 с.
29. ГАРФ. Ф. 726 (Варшавский жандармский дивизион). Оп. 1. Д. 25.
30. РГИА. Ф. 1316 (Комиссия о губернских и уездных учреждениях при МВД). Оп. 1. Д. 1.
31. ГАРФ. Ф. 493 (Варшавская исполнительная полиция). Оп. 1. Д. 2.
32. РГИА. Ф. 1282 (Канцелярия Министра внутренних дел). Оп. 3. Д. 163.
33. РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 230.
34. ГАРФ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 2.

Поступила в редакцию 14.05.2024; одобрена после рецензирования 26.05.2024; принята к публикации 28.06.2024
The article was submitted 14.05.2024; approved after reviewing 26.05.2024; accepted for publication 28.06.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 432–441

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 432–441

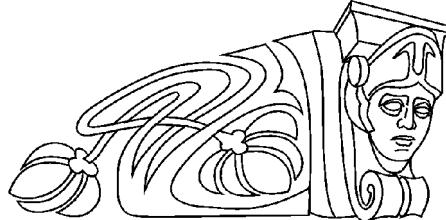
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-432-441>, EDN: CIQACH

Научная статья

УДК 355.716-054.65(470.314) | 1940/1949 |

Учреждения военного плена на Владимирской земле в 1940–1949 годы

С. Г. Сидоров

Волгоградский государственный университет, Россия, 400062, г. Волгоград, пр-т Университетский, д. 100

Сидоров Сергей Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и международных отношений, sergei.sidorov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1366-5787>, AuthorID: 434981

Аннотация. В статье анализируется деятельность Сузdalского, Владимирского и Киржачского лагерей для военнопленных Управления по делам военнопленных и интернированных (УПВИ) – Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) Союза Советских Социалистических Республик (СССР), спецгоспиталя № 2989 и отдельных рабочих батальонов (ОРБ) № 340 и 413 Министерства вооруженных сил (МВС) СССР, действующих на Владимирской земле в 1940–1949 гг. Прослежены категории и национальный состав военнопленных. Основное внимание удалено Владимирскому лагерю № 190 производственного назначения, через который прошло более 31 тыс. бывших солдат противника. Показаны доли военнопленных в балансе рабочей силы отдельных предприятий и организаций области, основные результаты их работы. Приведены сведения о количественном и национальном составе более 3 тыс. военнопленных, захороненных на 21 кладбище области. Сформулирован вывод о заметном вкладе военнопленных в развитие экономики Владимирской области в рассматриваемый период. Так они расплачивались своим трудом, а иногда и жизнью за агрессивную политику своих правительств.

Ключевые слова: Владимирская область, лагеря для военнопленных и интернированных, спецгоспиталь, отдельный рабочий батальон, Вторая мировая война, Великая Отечественная война

Для цитирования: Сидоров С. Г. Учреждения военного плена на Владимирской земле в 1940–1949 годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 432–441. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-432-441>, EDN: CIQACH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Institutions of military captivity on Vladimir land in 1940–1949

S. G. Sidorov

Volgograd State University, 100 Prospect Universitetsky, Volgograd 400062, Russia

Sergey Gr. Sidorov, sergei.sidorov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1366-5787>, AuthorID: 434981

Abstract. The article analyzes the activities of the Suzdal, Vladimir and Kirzhach prison camps of the Directorate for Prisoners of War and Internees (UPVI) – the Main Directorate for Prisoners of War and Internees (GUPVI) of the People's Commissariat of Internal Affairs (NKVD) of the Union of Soviet Socialist Republics (USSR), special hospital No. 2989 and separate working battalions No. 340 and 413 of the Ministry of the Armed Forces (MVS) of the USSR, operating on Vladimir land in 1940–1949. The categories and national composition of prisoners of war are traced. The main attention is paid to the Vladimir industrial camp No. 190, through which more than 31 thousand former enemy soldiers passed. The main results of their work are shown for prisoners of war in the labor force balance of individual enterprises and organizations of the region. Information is provided on the quantitative and national composition of more than three thousand prisoners of war buried in 21 cemeteries of the region. The conclusion is made about the significant contribution of prisoners of war to the development of the economy of the Vladimir region in the period under review. This was how they paid, sometimes at the cost of their lives, for the aggressive policies of their Governments.

Keywords: Vladimir region, camps for prisoners of war and internees, special education, separate working battalion, World War II, Great Patriotic War

For citation: Sidorov S. G. Institutions of military captivity on Vladimir land in 1940–1949. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 432–441 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-432-441>, EDN: CIQACH

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Владимирская область в составе РСФСР образована 14 августа 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР путем выделения из состава Ивановской области. Фактически в новый регион была передана территория, которая до начала 1929 г. входила в состав Владимирской губернии.

На территории области в годы Великой Отечественной войны и после ее окончания существовали различные учреждения, в которых содержались иностранные военнопленные. Отдельные проблемы пребывания взятых в плен солдат противника на Владимирской земле нашли отражение в ранее вышедших исследованиях и мемуарах. В воспоминаниях немецкой писательницы Мишкет Либерман рассказывается о работе германских антифашистов с немецкими военнопленными в лагере № 190 [1]. Итальянским военнопленным в СССР, которые содержались и в Сузdalском лагере № 160, посвящена монография Марии Терезии Джусти [2]. В работах краеведов нашло отражение участие военнопленных в строительстве отдельных зданий во Владимире [3], рассматривается краткая история отделений лагеря № 190 в г. Кольчугино [4] и в Гусь-Хрустальном районе [5]. Однако названные исследования не позволяют воссоздать целостную картину наличия и функционирования учреждений военного плена на Владимирской земле.

На территории области летом 1945 г. существовало три лагеря для военнопленных – Сузdalский № 160, Владимирский № 190 и Киржачский № 342, находившихся в ведении ГУПВИ НКВД СССР. У каждого из названных подразделений своя история, отличающаяся как по времени существования лагеря, так и по результатам пребывания военнопленных в них. В этом отношении производственный лагерь для военнопленных № 342 с лимитом в 5 тыс. чел., который был организован сразу после окончания Великой Отечественной войны по приказу НКВД СССР № 00667 от 9 июня 1945 г. в Киржачском районе, имел самую короткую историю. Контингент в лагерь так и не поступил в связи с освобождением из фронтовой сети ГУПВИ в 1945 г. более 456 тыс. плененных вражеских солдат [6, с. 170], которых по экономическим соображениям завозить в СССР было нецелесообразно из-за плохого состояния их здоровья и по другим причинам. По приказу НКВД СССР № 001000 от 30 августа 1945 г. Киржачский лагерь № 342, как и еще 21 лагерь в различных районах страны, был ликвидирован [7, с. 261].

Сузdalский лагерь для военнопленных стал первым подразделением УПВИ НКВД СССР, созданным на Владимирской земле. Лагерь организован по приказу НКВД СССР № 00831 от 13 июля 1940 г. на базе помещений бывшего Спасского монастыря, обнесенного сплошной монастырской кирпичной стеной высотой

от 5 до 7 м [8, с. 186]. Обязанности начальника лагеря исполнял майор госбезопасности Г. В. Коротков. За 6 лет существования статус учреждения несколько раз менялся. Вначале в лагере содержались интернированные в сентябре 1939 г. в Польше военнослужащие Чехословацкого легиона в составе 803 чел. По состоянию на 7 июля 1941 г. в лагере оставались 113 представителей легиона. 639 чел. к этому времени отправили в Одесский КПП, 5 чел. освободили по запросу Коминтерна, 2 чел., совершивших побег, находились в розыске [7, с. 169–170].

После нападения гитлеровской Германии на СССР в подчинении Управления по делам военнопленных и интернированных (УПВИ) НКВД СССР осталось 3 лагеря, рассчитанных на 8–9 тыс. чел. В их числе находился и Сузdalский лагерь [8, с. 27]. На 1 августа от фронтовых частей приемные пункты НКВД приняли всего 2385 вражеских солдат [6, с. 64] и мест в оставленных для их содержания лагерях вполне хватало.

В начале 1942 г. назначение лагеря меняется. После успешно проведенного контрнаступления войск Красной армии под Москвой из плена или окружения было освобождено большое число советских солдат. В соответствии с приказом НКВД СССР № 001735 от 28 декабря 1941 г. лагерь стал принимать спецконтингент – советских военнослужащих, побывавших в плену или окружении. На 1 января 1942 г. лимит лагеря составлял 2 тыс. чел. [7, с. 169–170].

В период контрнаступления советских войск в ходе Сталинградской битвы пленение солдат противника становится массовым. Сузdalский лагерь вновь начинает принимать вражеских военнопленных. По состоянию на 3 февраля 1943 г. в нем содержались 2280 чел. [7, с. 170].

1 марта 1943 г. нарком внутренних дел СССР генеральный комиссар государственной безопасности Л. П. Берия подписал приказ № 00398 «О вывозе военнопленных из лагерей и приемных пунктов прифронтовой полосы». В соответствии с этим приказом Сузdalский лагерь, получивший № 160, как и Оранский № 74 Горьковской области и Елабужский № 97 Татарской АССР, предназначался для размещения военнопленных офицеров. Если в Оранский и Елабужский лагеря предписывалось направлять в основном военнопленных немецкой национальности, то в Сузdalский – итальянской, венгерской, румынской и др. В лагерь, где уже находились 169 офицеров, переводились еще 1381 чел. не немецкой национальности, содержащихся ранее в других лагерях УПВИ. Только в период с 6 марта по 1 апреля 1943 г. в лагерь № 160 вывезли 669 офицеров, в том числе 198 чел. из района Сталинграда и 471 чел. из местечка Хреновое Воронежской области [9, л. 18]. В лагере имелся резерв на 450 мест для приема новых офицеров. 1004 рядовых военнопленных вывезли

в Южский лагерь, который находился на ст. Вязники, с. Талицы Ивановской области [8, с. 102].

С августа 1944 г. обязанности начальника лагеря исполнял полковник Н. М. Крастина, ранее возглавлявший Лебедянский лагерь для военнопленных № 35 в Рязанской области, с декабря 1945 г. до ликвидации лагеря в июне 1946 г. – подполковник Герасимов [7, с. 170; 8, с. 1073].

Летом 1944 г. в Сузdalском лагере № 160 наряду с офицерами содержались 3 немецких генерала. Они размещались отдельно в каменном здании, которое днем находилось под наблюдением, а в ночное время под специальной охраной. Высокая монастырская кирпичная стена служила надежным препятствием для предотвращения побегов. Охрану лагеря осуществлял гарнизон 243-го полка 36-й дивизии конвойных войск численностью 69 штыков и команда вахтеров в 27 чел. Зона лагеря в ночное время освещалась, между постами работала телефонная связь, гарнизон располагал розыскными собаками. Руководство лагеря имело в окружении достаточную агентурно-осведомительную сеть и базы содействия для проведения необходимых оперативных мероприятий [8, с. 186].

Физическое состояние военнопленных офицеров, поступающих в лагерь в 1943 г., было неудовлетворительным, смертность высокой. Главной причиной этого являлось ослабленное состояние здоровья многих попавших в плен, плохие условия содержания во фронтовых лагерях, транспортировка контингента из фронтовых районов в тыл в необорудованных вагонах. На 1 ноября 1944 г. в Сузdalском лагере № 160, несмотря на продолжающийся прием новых контингентов, находились только 965 чел., в том числе 761 итальянец, 148 венгров, 34 немца и 13 румын [10, л. 136].

Руководство ГУПВИ принимало меры для улучшения материально-бытового положения военнопленных. В 1945 г. для проведения капитального ремонта лагеря № 160 было выделено 50 тыс. руб. Из-за недостатка строительных материалов смогли освоить только 33,8 тыс. руб. (67,6%). Это дало возможность капитально отремонтировать 14260 м³ жилья для военнопленных, 1716 м³ казарм для конвойных войск и вахтерского состава, 250 м³ помещений соцкультбыта, 1501 м³ административных помещений и 1570 м³ помещений здравоохранения (лазарет, бани, дезкамеры, прачечные) [11, с. 331–332, 337].

Большинство контингента лагеря составляли бывшие офицеры итальянской армии. После окончания войны приказом № 00768 от 28 июня 1945 г. НКВД СССР ввел инструкцию о порядке переписки военнопленных итальянцев с их семьями [12, с. 212–215]. Однако связь итальянцев с родиной так и не была организована. Причиной этого стало постановление ГКО, принятое 13 августа 1945 г., об освобождении из фронтовых и тыловых лагерей всех 19640 военнопленных

итальянцев и передаче их аппарату Уполномоченного по депортации при СНК СССР. Не подлежали освобождению служившие в войсках СС, СД, СА, гестаповцы и все выявленные участники зверств [8, с. 800]. Приказ НКВД СССР № 00955, изданный на следующий день, включил в перечень лиц, оставляемых в лагерях, и офицеров. Освобождались только лица рядового и унтер-офицерского состава [8, с. 801].

Контингент лагеря угнетала неопределенность положения и отсутствие регулярного поступления писем от родных. 15 января 1946 г. 180 итальянских военнопленных своевременно не вышли на обед и попросили администрацию лагеря ответить на вопросы, почему они не получают писем от родных, почему их не отправляют на родину и держат под охраной. Ситуацию удалось урегулировать и до голодовки дело не дошло [8, с. 258].

5 апреля министр внутренних дел С. Н. Круглов направил в МИД В. М. Молотову и в ЦК ВКП (б) Г. М. Маленкову информацию о том, что в лагерях МВД содержатся 976 военнопленных итальянской армии (3 генерала, 3 полковника, 9 подполковников, 21 майор, 652 средних офицеров, 288 сержантов и рядовых), из которых 494 военнопленных офицера итальянской армии содержались в лагере № 160. МВД посчитало целесообразным освободить из лагерей офицеров итальянской армии до капитана включительно, за исключением работников разведывательных органов и участников зверств [8, с. 258–259]. Руководство СССР поддержало предложение МВД и вскоре итальянцы убыли на родину. По состоянию на 25 мая 740 итальянских военнопленных, в том числе 600 офицеров до капитана включительно, уже находились в специальном лагере в Одессе и были готовы покинуть Советский Союз [13, л. 294]. В июле 1946 г. в Италию вернулась последняя большая группа военнопленных, в основном офицеров, после этого депортация остановилась [2, с. 5–6]. 6 марта 1947 г. С. Н. Круглов доложил В. М. Молотову, что «в настоящее время в лагерях содержатся всего 47 военнопленных итальянцев (3 генерала, 3 майора, 17 младших офицеров и 24 рядовых). Все служили в войсках “СС” и временно освобождению не подлежат» [14, л. 118]. Все они содержались в других подразделениях ГУПВИ. Сузdalский лагерь был ликвидирован по приказу МВД СССР № 00551 от 18 июня 1946 г. [7, с. 169].

Наиболее продолжительное время на Владимирской земле функционировал производственный лагерь для военнопленных № 190, через который за время его существования прошли 31064 бывших солдат противника [7, с. 188; 15, с. 598]. Организация лагеря была связана с решением Советского правительства начать возведение Владимирского тракторного завода (постановлением СНК СССР № 349/109 от 3 апреля

1943 г.). Строительство завода на северной окраине города поручалось тресту «Владпромстрой» Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии (Минтяжстрой) СССР. В качестве рабочей силы НКВД СССР поручалось выделить на строительство 1500 военнопленных. Соответствующий приказ за № 00825 «Об организации лагеря военнопленных при Владимирском тракторном заводе» нарком внутренних дел СССР подписал 10 мая 1943 г. [16, л. 43]. Начальниками лагеря в военное время являлись майор госбезопасности М. Д. Казак (1943 г.) и подполковник госбезопасности К. Ф. Самоходов (1943–1945 гг.) [7, с. 188].

Первые военнопленные в лагерь начали поступать в июне. До октября 1944 г. количество военнопленных в лагере не превышало 1500 чел., численность кадрового состава – 60 чел. В лагере было всего два отделения, одно из которых находилось в г. Владимире, второе в количестве до 300 военнопленных – в г. Кольчугино [15, с. 608]. Жилые помещения и территория в это время не отвечали санитарно-гигиеническим требованиям. На 1 военнопленного приходилось всего от 0,5 до 1,0 м² жилой площади. Физическое состояние многих военнопленных, поступивших в 1943 г., по сравнению с последующими годами, было плохим. Среди прибывших оказалось большое количество ослабленных и больных. Благодаря правильно и своевременно организованным противоэпидемическим мероприятиям, заболевания были локализованы и в короткий срок ликвидированы. В ноябре 1943 г. заместитель наркома внутренних дел СССР С. Н. Круглов своим приказом за самоотверженную работу по проведению противоэпидемических мероприятий в борьбе с сыпным тифом объявил благодарность с занесением в личное дело двум медицинским работникам лагеря [8, с. 457].

В период с 1943 г. по 1947 г. лагерные отделения не имели собственных бань, дезкамер и прачечных, поэтому приходилось пользоваться услугами бань и прачечных тех предприятий, на которых работали военнопленные. Однако они располагали слабой пропускной способностью. Недоставало мыла, нательного белья. В 1943–1944 гг. от педикулеза страдало до 50% контингента [15, с. 602].

По состоянию на 1 марта 1944 г. в лагере № 190 находился 1041 военнопленный [16, л. 83], или только две трети от количества, определенного решением правительства [17, л. 43]. Для поддержания темпов строительства в лагерь были направлены новые контингенты. Однако ввиду незначительного поступления бывших солдат противника из фронтовой сети УПВИ, к 1 апреля контингент лагеря увеличился только на 300 военнопленных и составил 1341 чел. [18, л. 151].

По мере приближения окончания войны число военнопленных в СССР стремительно растет. В стране открываются новые лагеря, расширяются ранее организованные. По состоянию на 1 ноября 1944 г. в лагере № 190 находились уже 2657 военнопленных, в том числе 1995 немцев, 496 румын, 109 итальянцев и 15 венгров [19, л. 136 об.]. Всего за 1943–1944 гг. в него поступили 6772 бывших солдат противника [15, с. 598]. В числе покинувших лагерь за это время были умершие, направленные на длительное лечение в спецгоспитали, переведенные в другие подразделения УПВИ НКВД СССР. 818 чел., изъявивших желание с оружием в руках воевать на стороне Красной армии, убыли в формируемые чехословацкую, румынскую и венгерскую части [15, с. 612].

В первые месяцы существования лагеря, когда лагерные отделения проходили организационный период и с фронтов поступало большое количество ослабленных военнопленных, на вновь открываемых объектах работ организация труда было низкой, и производительность оставалась невысокой. Военнопленные обеспечивались обмундированием и обувью за счет трофеиного имущества. Постельные принадлежности выделял хозорган. При этом до 1945 г. для военнопленных рядового и унтер-офицерского состава одеяла не предусматривались, ночью они укрывались своими шинелями. Большая часть контингента лагеря к работам не привлекалась. В 1943 г. на производстве работало только 30,1% контингента лагеря. Часть военнопленных использовалась на строительстве и благоустройстве лагерных помещений, большинство из них не работали из-за плохого состояния здоровья.

К 1944 г. удалось решить организационные вопросы, наладить жилищно-бытовые условия для контингента, физическое состояние которого несколько окрепло. Военнопленные освоили места работ, работники лагеря научились организовывать их труд. По итогам первого квартала 1944 г. Владимирский лагерь попал в число шести лагерей, добившихся лучших показателей по выходам на производство и повышению производительности труда. Вывод военнопленных на производство в лагере № 190 за первый квартал составил 83,2% трудового фонда, средняя производительность труда – 126,2%. Приказом по ведомству начальникам передовых лагерей объявлена благодарность и выдана премия в размере месячного оклада. Деньги выделялись и для премирования наиболее отличившихся работников лагерей [8, с. 582]. В целом за 1944 г. вывод военнопленных на производство в среднем за год повысился до 60% от списочного состава. Однако в 1945 г. в связи с резким ростом численности контингента лагеря, открытием новых отделений доля работающих вновь резко упала и составила за год в среднем 39,6% всех военнопленных лагеря (табл. 1).

Таблица 1

Основные показатели производственной деятельности лагеря № 190 за 1943–1949 гг.

Год	Всего военнопленных, чел.	Количество работающих на производстве		Средняя производительность труда, %	Количество военнопленных, выполнявших нормы, чел.	Валовая сумма выработки, руб.	
		чел.	%			План	Факт
1943	1276	385	30,1	107	262	796335	993561
1944	2175	1305	60,0	108	548	2823840	4865000
1945	16390	6496	39,6	108,1	1773	27477464	25109495
1946	10602	7113	67,0	114,4	4836	26549000	30365230
1947	7429	5760	77,5	120,0	5311	35667160	28198263
1948	5245	3795	72,3	114,7	2556	22321000	19068752
1949	2250	1897	84,3	118,1	1500	7999000	8218485

Сост. по: [15, с. 613].

Длительный организационный период в 1945 г. был характерен для всех лагерей военнопленных. После окончания Великой Отечественной войны количество иностранных военнопленных, оказавшихся в руках НКВД, увеличилось в 3 раза. Если на 1 января 1945 г. количество военнопленных составляло 710 тыс., то на 1 января 1946 г. – уже 2145 тыс. чел. [6, с. 424], которые находились на предприятиях различных отраслей народного хозяйства.

В целях улучшения руководства работой лагерей для военнопленных приказом НКВД СССР № 0014 от 11 января 1945 г. в составе УНКВД Владимирской области создается отделение по делам о военнопленных и интернированных [8, с. 121].

За 1945 г. в лагерь № 190 поступили 18145 военнопленных [15, с. 598]. Для их размещения открылись новые отделения. Всего к июню 1945 г. на предприятиях различных отраслей народного хозяйства Владимирской области было организовано 34 лаготделения с контингентом от 500 до 1500 чел. в каждом. Четыре лагерных отделения разместили во Владимире, остальные на территории области в населенных пунктах Александров, Анопино, Артемово, Гусь-Хрустальный, Карабаново, Кольчугино, Ковров, Красное Эхо, Мезиновка, Панфилово, Струнино и др. Охрану военнопленных осуществляли подразделения конвойных войск. Некоторые зоны лагерных отделений были оборудованы деревянными заборами, другие – заборами из колючей проволоки. Часть лагерных отделений находилась на удалении от 100 до 150 км от управления лагеря, с ними отсутствовала нормальная телеграфно-почтовая связь, не было железнодорожных и шоссейных подъездных путей [15, с. 598]. Это затрудняло контроль над деятельностью удаленных подразделений, способствовало нарушению установленных правил. В июне 1945 г. комиссия Главного управления военного снабжения НКВД СССР проверила работу лагеря и выявила целый ряд недостатков.

Среди них были и такие, как незаконный расход и недостача продовольствия и вещевого имущества, неудовлетворительное состояние учета материальных ценностей, незаконное изымание продовольствия с кухни военнопленных и кадрового состава для обмена в колхозах на живой скот и ряд других нарушений. По результатам проверки начальнику управления лагеря подполковнику госбезопасности Самоходову приказом по НКВД СССР был объявлен выговор, его заместителю по снабжению Груздьеву – домашний арест на 5 суток с удержанием 50% зарплаты за каждый день ареста, начальнику отделения продфурражного снабжения – домашний арест на 10 суток. Руководству лагеря предписывалось в месячный срок устранить недочеты [20, л. 19].

Рост контингента военнопленных в СССР требовал значительного увеличения численности их охраны. Конвойных войск не хватало. Выход нашли за счет привлечения к охранной деятельности самих военнопленных. Приказом НКВД СССР № 0172 от 27 июня 1945 г. в 98 лагерях, включая и № 190, создавались вспомогательные команды. В этих лагерях также разрешалось расконвоирование отдельных военнопленных [8, с. 210].

За 1945 г. структура лагеря претерпела существенные изменения. К началу 1946 г. было ликвидировано 15 лагерных отделений. Численность военнопленных достигла 14283 чел., численность кадрового состава составила 502 чел. [15, с. 608].

После окончания войны военнопленным немцам, австрийцам, венграм и румынам разрешили переписку со своими семьями. Это решение, соответствующее нормам международного права, способствовало повышению дисциплины и производительности труда бывших солдат противника.

20 июня 1946 г. министр внутренних дел СССР С. Н. Круглов докладывал руководителям страны, что от военнопленных лагеря № 190 на имя Сталина, Советского правительства

и МИД поступали коллективные и индивидуальные письма с благодарностью за предоставленную возможность вести переписку с проживающими за границей родственниками. В докладной записке приводились переводы целого ряда писем [8, с. 271–273; 21, л. 226–239].

В 1945 г. военнопленные не только поступали в СССР, но и репатриировались на родину. Это касалось в первую очередь тех, кто потерял трудоспособность. В результате численность военнопленных во Владимирской области сократилась. По состоянию на 20 февраля 1946 г. в ней находились 11380 бывших солдат противника [8, с. 653]. До начала 1947 г. с момента организации лагерь по разным причинам покинули 14863 чел. [15, с. 598].

Значительная часть контингента военнопленных, направляемых в лагерь № 190, предназначалась для работы на объектах строительства Владимирского тракторного завода, которое выполнял трест «Владимирпромстрой». С мая 1943 г. и до середины 1945 г. все военнопленные осуществляли промышленное и жилищно-бытовое строительство завода, со второй половины 1945 г. начали работать и на производстве во вновь выстроенных цехах [15, с. 598].

В соответствии с решением ГКО № 8921 с от 4 июня 1945 г., НКВД поручалось выделить на строительство Владимирского тракторного завода 3900 чел. Однако в период комплектования лагеря строительство оказалось не подготовлено к приему всех военнопленных и смогло разместить только 2650 чел., из них большинство в летних палатках. Плохие условия проживания, тяжелые условия труда привели к тому, что 750 чел. умерли или были госпитализированы. В начале июля 1946 г. на строительстве ВТЗ имелось 1900 военнопленных, из которых на работы завода выводились 1490 чел. Руководство строительства попыталось с помощью распоряжения Советского правительства заставить МВД СССР выполнить решение ГКО 1945 г., увеличить контингент военнопленных на объектах Владимирского тракторного завода, обеспечив ежедневный вывод на работы 2500 чел. Такой пункт содержался в проекте распоряжения Совета Министров СССР, который был направлен в МВД СССР на согласование. Однако заместитель министра внутренних дел СССР В. В. Чернышов в своем ответе на имя управляющего делами Совета Министров Я. Е. Чадаева предложил данный пункт в постановление не включать, так как «все военнопленные решениями Правительства полностью распределены по стройкам и предприятиям народного хозяйства» [22, л. 44].

В лагере № 190, как уже отмечалось, содержались военнопленные немцы, румыны, венгры, итальянцы. В 1945 г. по решению ГКО на родину убыли итальянцы рядового и унтер-офицерского состава, не замешанные в зверствах в годы

войны на оккупированной советской территории. В 1945–1946 гг. лагерь смогли покинуть не только больные и нетрудоспособные, но и здоровые румынские военнопленные. Они находились в числе 850 румынских солдат, освобожденных в соответствии с приказом НКВД СССР № 001035 от 11 сентября 1945 г. [8, с. 805].

Военнопленные немецкой национальности могли покинуть лагерь только после потери трудоспособности. Это угнетало людей, заставляло заниматься членовредительством, наносить вред своему здоровью. Для злостных нарушителей режима и симулянтов при управлении лагеря в 1946 г. было создано штрафное подразделение, через которое прошли 420 нарушителей трудовой и лагерной дисциплины. Военнопленные, допустившие мелкие нарушения, направлялись в оборудованные гауптвахты, действовавшие в соответствии с Дисциплинарным уставом Вооруженных сил СССР. Наиболее отчаянные совершали побеги. За весь период существования лагеря был зафиксирован 121 случай побегов 160 военнопленных, из которых 140 чел. удалось задержать. Большинство побегов пришлось на 1945–1947 гг. (1945 г. – 68, 1946 г. – 41, 1947–33 чел.). В целях борьбы с побегами в районах дислокации лагерных отделений руководство управления лагеря совместно с работниками МВД создали из числа сельских активистов бригады содействия. В 1947 г. действовало 247 бригад, членами которых являлись 1224 чел. Благодаря принятым мерам, количество побегов резко сократилось. В 1948 г. бежали 3 чел., в 1949 г. – один, все они были задержаны в течение 24 ч [15, с. 599].

Отдельные военнопленные не смирились со своей участью и занимались вредительством на производстве. Так, весной 1947 г. военнопленные Сигель и Теринг, находясь на работе в литейном цехе тракторного завода, систематически нарушили технологический процесс литья, удаляли шлакоулавливающие приспособления при заливке форм, что привело к порче готовых деталей. Военный трибунал приговорил их к 5 годам ИТЛ каждого [8, с. 966].

29 мая 1947 г. МВД СССР для повышения производительности труда впервые приняло решение об отправке на родину 1000 военнопленных немецкой национальности, добившихся высоких показателей на производства. В соответствии с директивой № 102 на родину в их числе были отправлены и 10 лучших отличников производства из лагеря № 190 [8, с. 841]. Об их отъезде был оповещен весь контингент лагеря. Однако подавляющее большинство немцев убывало на родину вследствие потери трудоспособности. Так, в соответствии с приказом МВД СССР № 001078 от 15 октября 1947 г. из Владимирской области на родину были вывезены 1000 нетрудоспособных военнопленных немцев,

в том числе 500 из лагеря, 35 из отдельного рабочего батальона (ОРБ) и 465 из спецгоспиталя [8, с. 857].

Начиная с 1946 г., санитарное состояние жилых помещений и территории лагеря постепенно улучшалось. Территория регулярно очищалась от мусора и нечистот, разбивались цветники, возводились беседки, солярий и т. п. Жилые помещения были подготовлены к зиме, оборудованы двухъярусными нарами вагонного и сплошного типа. Уборка и дезинфекция помещений проводилась регулярно. Жилая площадь на одного военнопленного в среднем составляла 1,8–2,0 м². С 1947 г. лагерные отделения имели свои бани, прачечные и дезкамеры. Эффективность санобработки, которая проводилась регулярно, 3 раза в месяц, значительно повысилась.

В конце 1946 г. в лагере были организованы центральные мастерские, в которых 89 портных и 52 сапожника занимались капитальным ремонтом и реставрацией одежды и обуви. Зимой 1946–1947 гг. все военнопленные были обеспечены одеялами, телогрейками и ватными шароварами, теплыми портянками и варежками. Пленным, трудившимся на особо важных открытых объектах, выдавались валенки и полушибуки [15, с. 609].

Благодаря проводимым мероприятиям физическое состояние военнопленных значительно улучшилось. С апреля 1947 г. во всех лагерных отделениях были организованы комнаты отдыха. Ослабленных военнопленных (третья группа трудоспособности) с января по март 1947 г. перевели на положение оздоровительной команды (ОК) и использовали на легких работах по 6 ч (табл. 2).

В 1948 г., по сравнению с 1945 г., доля военнопленных первой группы, способных выполнять тяжелые виды работ, увеличилась с 34,7% до 54,1%. Резко сократилась доля военнопленных третьей группы, выполняющих легкие работы, а также количество находящихся в ОК и госпитальных больных.

Лечение заболевших военнопленных осуществлялось в лечебных подразделениях лагеря. При управлении лагеря функционировал центральный лазарет на 25 коек, в каждом лагерном

отделении имелись амбулатория и изолятор на 8–10 коек. До конца 1946 г. больничных коек не хватало. Из положенных по штату 710 в наличии имелось всего 240 коек, поэтому нередко больные размещались в жилых помещениях. В эти годы остро ощущался недостаток медицинских работников, особенно врачей. Начиная с 1947 г., положение меняется. Расширяется лечебная сеть, улучшается обеспеченность постельными принадлежностями, твердым инвентарем и предметами ухода. К началу 1948 г. в лагере был полностью укомплектован штат медицинских работников [15, с. 603].

Больные, требующие длительного лечения, направлялись в спецгоспиталь № 2989, рассчитанный на 1000 коек и дислоцировавшийся во Владимирской области в рабочем поселке Камешково (ст. Дербенево Горьковской железной дороги). Обязанности начальника госпиталя в 1944 г. исполнял майор медицинской службы Пугач, в 1948 г. – майор медицинской службы К. И. Самбородский [11, с. 490, 494]. Госпитализация не всегда была своевременной из-за трудностей в доставке больных, особенно в зимнее время, и из-за отсутствия мест в госпитале [15, с. 604]. В январе 1948 г. МВД СССР отмечало в работе спецгоспиталя низкий койкооборот, другие недостатки, повлекшие за собой повышение смертности. Начальнику УМВД по Владимировской области поручалось установить регулярный действенный контроль над работой спецгоспиталя и принять меры по устранению выявленных недостатков [8, с. 516–517].

В 1948 г. в лагере № 190 остались только военнопленные немецкой армии. По состоянию на 10 мая контингент лагеря составлял 5730 чел., в том числе 425 офицеров, 5305 унтер-офицеров и рядовых [23, л. 39]. В середине года все периферийные отделения были ликвидированы, и в лагере остались только отделения на территории г. Владимира [15, с. 607]. К началу 1949 г. в лагере было 3256 военнопленных, а к моменту его ликвидации – 737 чел. [15, с. 598]. По приказу МВД СССР № 00945 от 10 октября 1949 г. лагерь ликвидировали [7, с. 188].

Улучшение физического состояния контингента в последние годы существования лагеря

Таблица 2

Распределение военнопленных лагеря № 190 по группам трудоспособности в 1945 и 1948 гг.

Год	Единица измерения	Группа трудоспособности					
		1-я	2-я	3-я	Инвалиды	Оздоровительная команда	Госпитальные больные
1945	Человек	3332	2804	1969	–	1231	267
	%	34,7	29,2	20,5	–	12,8	2,8
1948	Человек	2796	1448	708	6	127	84
	%	54,1	20,0	13,7	0,1	2,5	1,6

Сост. по: [15, с. 603–604].

сказалось и на результатах его работы. В 1948–1949 гг. работающие военнопленные показывали высокую производительность труда. Отдельные бригады и передовики производства добивались выполнения норм на 300–400% за смену, рекордные показатели некоторых бригад составили 800–1000% [15, с. 602]. В эти годы удалось достичь не только рентабельности лагеря, но и отчислить в доход государства более 7 млн руб. [15, с. 599]. Несмотря на двойное сокращение контингента лагеря в 1948 г., по сравнению с 1946 г., доля работающих на производстве выросла с 67% до 72,3%, повысилась эффективность труда военнопленных. Если в 1946 г. годовая валовая сумма выработка одного работающего военнопленного в среднем составляла 4269 руб., то в 1948 г. – 5025 руб., т. е. на 17,7% выше (см. табл. 1).

Трудовое использование военнопленных оказывало существенное влияние на экономическое развитие Владимирской области. Это хорошо видно по их доле в общем балансе рабочей силы отдельных предприятий (табл. 3).

Наибольший вклад военнопленные внесли в строительство Владимирского тракторного завода. Ими построены и введены в действие крупнейшие цеха: литейный, кузачечный, земледелочный и серого чугуна, переоборудован и сдан под монтаж механосборочный цех. Контигент лагерного отделения № 1, который

обслуживал строительство тракторного завода, построил также кирпичный завод искусственной сушки, две средних школы, детские ясли, сад, баню и прачечную кирпичной кладки, здание областной типографии. На заводе Автоприборов введен и сдан под монтаж новый корпус специального назначения. Военнопленные этого отделения ввели в действие 44116 м² промышленных площадей, 26738 м² жилого фонда, 67725 м² шоссейных дорог, 22 км подъездных железнодорожных путей, выработали более 32 млн шт. красного кирпича, заготовили 74 тыс. м³ пиломатериалов, изготовили 101 тыс. м³ раствора бетона, выполнили большой объем других работ [15, с. 599–600].

После вступления в строй в апреле 1945 г. первой очереди тракторного завода военнопленных, как уже отмечалось, стали использовать и на работах в его цехах. До ликвидации лагеря стоимость выполненных военнопленными на заводе работ составила более 4,2 млн руб., ими было выпущено 444 колесных трактора «Универсал» [15, с. 601].

Большой объем работ проделали военнопленные на трех стекольных заводах области. Общая их стоимость составила более 3,344 млн руб. Особенно был заметен вклад военнопленных в работу стеклозавода им. Калинина, на котором их доля в балансе рабочей силы составляла 47%.

Таблица 3

Доля военнопленных в общем балансе рабочей силы отдельных предприятий Владимирской области и стоимость выполненных ими работ в 1943–1949 гг.

Предприятие	Доля военнопленных в общем балансе рабочей силы, %	Стоимость выполненных военнопленными работ, руб.
Трест «Владпромстрой» Минтяжстроя СССР	65	46124000
Владимирский тракторный завод Минавтотракторопрома СССР	15	4203000
Стеклозавод им. Калинина Главного строительного Управления Минлегпрома СССР	47	2157800
Мезиновское торфопредприятие Минстройматериалов СССР	25,5	1823676
ХОЗО УМВД Владимирской областного МВД	97	1573309
Завод № 681 Министерства электропромышленности СССР	13–15	1344617
Мелеховский известковый завод Минпромстройматериалов СССР	48	1158900
Фабрика «Комавангард» Минлегпрома СССР	6,1	904594
Артель «Стройматериал» УПК при Совете Министров РСФСР	58	848254
Стеклозавод «Хрустальный» Минлегпрома СССР	10	621071
Комбинат им. III Интернационала Минлегпрома СССР	13–15	575533
Стеклозавод им. Дзержинского Минпромстройматериалов СССР	21,2	565455
Завод № 7 Минцветмета СССР	13–15	284087
Кирпичный завод Минпромстройматериалов СССР	63	176680
Лесоучасток треста «Владпромстрой» Минтяжстроя СССР	56	98424

Сост. по: [15, с. 599–601].

Заметен вклад военнопленных в развитие и других предприятий области (см. табл. 3).

После ликвидации лагеря № 190 военнопленные, не состоявшие на особом учете, депатрировались на родину. Для рассмотрения дел на военнопленных, отставленных от депатриации и для окончательного решения вопроса об их предании суду Военного трибунала или депатриации в октябре по решению МВД СССР и Генеральной прокуратуры СССР во Владимирской области на базе лагеря № 190, как и в других регионах страны, была создана комиссия в составе заместителя начальника УМВД, представителя УМГБ и прокурора. Комиссии поручалось закончить работу к 15 ноября 1949 г., следственные дела на военных преступников передать военным трибуналам на рассмотрение [8, с. 778]. Осужденные военными трибуналами по заключениям межведомственной комиссии содержались в лагерях ГУПВИ других регионов страны.

Наряду с лагерями для военнопленных во Владимирской области в послевоенный период существовали отдельные рабочие батальоны (ОРБ), находившиеся в подчинении Министерства вооруженных сил (МВС) СССР. Военнопленные, содержавшиеся в батальонах, работали на строительных объектах МВС. Условия содержания и трудового использования в рабочих батальонах были хуже, чем в лагерях. Военнопленные быстрее теряли трудоспособность, заболевали, попадали в госпиталь и оттуда, как правило, назад в батальон не направлялись. В связи с этим контингент в батальонах быстро таял. ОРБ № 413 дислоцировался в г. Городец. В нем в 1947 г. по состоянию на 1 марта 1947 г. находились 145, на 1 августа – 273 военнопленных. После выполнения установленных работ батальон будет передислоцирован в Ивановскую область на ст. Андрониха. На 4 декабря 1947 г. в батальоне состояли всего 96 чел. [11, с. 621, 626].

В конце 1947 г. МВС переведет из Тулы во Владимир ОРБ № 340, в составе которого на 4 декабря было всего 43 военнопленных. Этот батальон также вскоре перестанет существовать. На 1 апреля 1948 г. контингент в нем уже отсутствовал [7, с. 514].

Не всем военнопленным, находившимся на Владимирской земле, удалось вернуться на родину. По данным МВД СССР, на 21 кладбище области захоронили 3002 бывших солдат противника. В большинстве могил находились лица 5 национальностей (1652 немца, 728 итальянцев, 202 румына, 126 венгров, 88 австрийцев). Но были среди захороненных солдат противника и представители других 14 национальностей (38 югославов, 34 молдаванина, 23 поляка, 17 французов, 16 чехославаков, 7 украинцев, 4 русских, по одному американцу, голландцу,

еврею, латышу, люксембуржу, норвежцу и шведу) [11, с. 250, 253, 256].

Подводя итог, следует отметить, что иностранные военнопленные оставили заметный след на Владимирской земле. В первую очередь это касается контингента производственного лагеря № 190, внесшего существенный вклад в развитие экономики области в военные и послевоенные годы. Это была плата за совершенную агрессию против СССР, многочисленные жертвы среди военных и мирного населения, огромные разрушения, нанесенные стране в годы Великой Отечественной войны. Военнопленные расплачивались за агрессивную политику руководства гитлеровской Германии и ее союзников.

Список литературы

- Либерман М. Из берлинского гетто в новый мир. М. : Прогресс, 1979. 320 с.
- Джусти М. Т. Итальянские военнопленные в СССР, 1941–1954. СПб. : Алетейя, 2010. 272 с.
- Фомина У. Немецкий след во владимирском градостроительстве. Мифы и реальность. URL: <https://kluch.media/materials/nemetskiy-sled-vo-vladimirskom-gradostroitelstve-mify-i-realnost/> (дата обращения: 21.04.2024).
- Царева Е. Военнопленные солдаты Вермахта в Кольчугино. URL: <https://ok.ru/kolchuga/topic/68163391914230> (дата обращения: 21.04.2024).
- Лагерь военнопленных у д. Будевичи Гусь-Хрустального района. URL: https://vk.com/wall-121240930_64845 (дата обращения: 21.04.2024).
- Сидоров С. Г. Труд военнопленных в СССР, 1939–1956. Волгоград : Издательство ВолГУ, 2001. 508 с.
- Военнопленные в СССР. 1939–1956 : в 6 т. Т. 6 : Лагеря для военнопленных НКВД–МВД СССР. 1939–1956 : справочник / под ред. М. М. Загорулько. Волгоград : Издатель, 2013. 768 с.
- Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / сост. М. М. Загорулько, С. Г. Сидоров, Т. В. Царевская ; под ред. М. М. Загорулько. М. : Логос, 2000. 1120 с.
- Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1-п (Центральный аппарат ГУПВИ НКВД–МВД СССР). Оп. 9 е. Д. 1.
- РГВА. Ф. 1-п. Оп. 11 а. Д. 4.
- Военнопленные в СССР. 1939–1956 : в 6 т. Т. 4: Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД–МВД СССР. 1941–1952 : Отчетно-информационные документы и материалы / под ред. М. М. Загорулько. Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2004. 1111 с.
- Русский архив: Великая Отечественная. Иностранные военнопленные Второй мировой войны в СССР. Т. 24 (13) / авт.-сост. В. Н. Вартанов. М. : ТЕРРА, 1996. 560 с.
- Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9401 (Секретариат НКВД–МВД СССР). Оп. 2. Д. 142.
- ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 172.

15. Военнопленные в СССР. 1939–1956 : в 6 т. Т. 5, кн. 1: Региональные структуры ГУПВИ НКВД–МВД СССР. 1941–1951: отчетно-информационные документы / под ред. М. М. Загорулько. Волгоград : Издатель, 2005. 1088 с.
16. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1 а. Д. 135.
17. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 23 а. Д. 2.
18. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 9 е. Д. 1.
19. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 11 а. Д. 4.
20. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1 а. Д. 185.
21. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 137.
22. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 4 и. Д. 27.
23. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 23 а. Д. 4.

Поступила в редакцию 26.04.2024; одобрена после рецензирования 07.05.2024; принята к публикации 28.06.2024
The article was submitted 26.04.2024; approved after reviewing 07.05.2024; accepted for publication 28.06.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 442–447
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 442–447
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-442-447>, EDN: CEMQPX

Научная статья
УДК 378.095.091.3(477.62-25)|1953/1964|

Опыт организации производственной практики студентов в вузах города Донецка в период «хрущевской оттепели»

Н. Н. Власова

Донецкий национальный технический университет, Россия, 283001, Донецкая Народная Республика, г. Донецк, ул. Артема, д. 58

Власова Наталья Николаевна магистр истории, ассистент кафедры философии, nnnata08@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3265-5967>

Аннотация. В статье на примере вузов Донецка (Сталино) (педагогического, индустриального и медицинского институтов) рассматривается система организации производственной практики студентов и особенности ее проведения в 1953–1964 гг. Особо выделяются изменения, происходившие в этом виде подготовки специалистов различного профиля после введения Закона «Об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшем развитии системы народного образования в стране», принятого Верховным Советом СССР 24 декабря 1958 г. Отмечаются как положительные стороны проведения производственной практики на различных курсах, так и имевшие место недостатки.

Ключевые слова: высшее образование, институт, производственная практика, студенчество, Донецк

Для цитирования: Власова Н. Н. Опыт организации производственной практики студентов в вузах города Донецка в период «хрущевской оттепели» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 442–447. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-442-447>, EDN: CEMQPX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The experience of organizing the practical training of students at universities in Donetsk during the "Khrushchev thaw"

N. N. Vlasova

Donetsk National Technical University, 58 Artem St., Donetsk, Donetsk People's Republic 283001, Russia

Natalia N. Vlasova, nnnata08@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3265-5967>

Abstract. Using the example of Donetsk (Stalino) universities (pedagogical, industrial and medical institutes), the article examines the system of organizing students' industrial practice and the specifics of its implementation in 1953–1964. The changes that occur in this type of training of specialists of various profiles after the introduction of the Law "On strengthening the connection of schools with life and the further development of the national education system in the country", adopted by the Supreme Soviet of the USSR on December 24, 1958, are highlighted. Both the positive aspects of conducting industrial practice in various courses and the shortcomings that took place in are given.

Keywords: higher education, institute, industrial practice, students, Donetsk

For citation: Vlasova N. N. The experience of organizing the practical training of students at universities in Donetsk during the "Khrushchev thaw". *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 442–447 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-442-447>, EDN: CEMQPX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Реализация реформ системы высшего образования, которые начались во второй половине 80-х гг. XX в. и продолжились в новейший период, во многом оказались неэффективными. И вновь перед властью и обществом стоят вопросы: какой должна быть система высшего образования; нужно ли дальше следовать болонской системе или творчески использовать опыт советской системы высшего образования?

Взяв курс на формирование креативных способностей выпускников через компетентностный подход, в последние годы в вузовской системе все большее внимание уделяется практической подготовке, важнейшей составной частью которой является производственная практика, позволяющая учащимся приобрести профессиональные умения и навыки. Производственная практика в вузах по-настоящему сложилась как система

в период так называемой хрущевской оттепели, когда была поставлена задача «осуществить связь науки с производством». В этой связи изучение данного опыта ныне представляется весьма полезным для организации подготовки специалистов в современных вузах.

В целом в советской системе высшего образования производственная практика строилась по общим правилам, но в каждой союзной республике имелись определенные особенности, в том числе в Украинской ССР, к которой тогда относился Донецк (до 1961 г. Сталино). В городе действовали три вуза различного профиля: индустриальный институт, медицинский институт и государственный педагогический институт. Все это дает возможность проследить как общее в организации вузовских производственных практик в 1953–1964 гг., так и ее специфику в отраслевом разрезе.

Можно назвать лишь несколько работ, где фрагментарно затрагивались вопросы производственной практики в высших учебных заведениях данной союзной республики в период «хрущевского десятилетия». Так, в работе «Высшая школа Украинской ССР: успехи, проблемы, развитие» [1], освещаются достижения высшей школы УССР – составной части единой системы высшего образования СССР. Приводятся материалы и примеры из опыта работы разных высших учебных заведений. В книге «Студент и его деятельность» [2] рассмотрены основные виды деятельности студентов – учебная, практическая, научная, общественно-политическая, трудовая, показана их взаимосвязь. Проблемы прохождения производственной практики авторами лишь обозначены. Несколько подробнее эта тема относительно студентов-медиков освещена в работе «Высшее медицинское образование в Украинской ССР» [3]. Поэтому автор в своей статье опирался главным образом на документы Государственного архива ДНР, а именно – годовые отчеты об учебной работе названных вузов и нормативные документы: распоряжения Министерства высшего образования СССР, Министерства просвещения УССР, Министерства здравоохранения УССР.

В послевоенный период роль производственной практики в вузах страны постоянно возрастала и полноценный характер она приобрела к концу 1950-х гг. Последовавшие в это время изменения в ее проведении связаны в первую очередь с реформой системы образования, которая была осуществлена в 1958–1962 гг. В ноябре 1958 г. Пленум ЦК КПСС одобрил проект тезисов ЦК и Совета Министров «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране», а 24 декабря 1958 г. Верховным Советом СССР был принят соответствующий закон. В этих документах были определены главные задачи

советской высшей школы на ближайшую перспективу:

подготовка специалистов в высших учебных заведениях должна проводиться на базе полного среднего образования, на основе соединения обучения с общественно полезным трудом и практикой;

предприятия, учреждения и организации должны предоставлять высшим учебным учреждениям оплачиваемые штатные рабочие места и технические должности для замещения их студентами, обеспечивать их производственное обучение;

при подготовке инженеров организовать сочетание обучения с трудом таким образом, чтобы производственный труд студентов способствовал лучшему овладению их будущей специальностью и давал им возможность последовательно изучить технологический процесс производства;

усилить значение производственной и педагогической практики в подготовке учителей;

при подготовке врачей в медицинских вузах обучение студентов сочетать с непрерывной практикой в лечебно-профилактических и санитарно-гигиенических учреждениях [4].

Таким образом, производственная практика определялась как одна из важных форм обучения. Ее цель состояла в применении и закреплении на деле знаний, полученных теоретическим путем, выработке профессиональных умений и навыков. В соответствии с поставленными задачами за высшими учебными заведениями были закреплены базы производственной практики, подходящие по своему профилю.

Важнейшее значение приобретение навыков практической работы в школьной системе имело для студентов-педагогов. Выполняя Закон СССР «О реорганизации системы народного образования и приближении школы к жизни», студенты I–IV курсов Сталинского государственного педагогического института проходили педагогическую практику без отрыва от учебных занятий в средних школах г. Сталино и Сталинской области. На каждом курсе практика длилась 4 недели. Непременным требованием перед началом каждой практики была организация подробного инструктажа, проводившегося на конференциях, на которых студенты знакомились с задачами и целями педагогической практики [5].

Студенты I курса проходили психолого-педагогическую практику. Их распределяли по школам и классам, предварительно дав задание. Каждый студент вел наблюдение за конкретным учеником, изучал его психологические характеристики на уроках и во внеурочное время. Основное внимание студентов обращалось на изучение тем «Мышление», «Внимание», «Память» и «Восприятие». После работы в школах со студентами проводились обсуждения итогов наблюдения, и они должны были сдать отчет –

психолого-педагогическую характеристику учащихся, за которую выставлялась оценка. Судя по отчетам, большинство студентов успешно справлялись с этими промежуточными заданиями и, как правило, получали оценки «отлично» и «хорошо».

Студенты II курса всех факультетов проходили практику по курсу педагогики. Центральным звеном данной практики в связи с политехнической обучением в школе являлась организация со школьниками экскурсий на предприятия областного центра. Кроме того, студентам вменялось в обязанность проводить с учащимися беседы, направленные на повышение успеваемости в классах, а также дополнительные занятия со слабо успевающими учениками, посещать родителей. Тем самым отрабатывались навыки классного руководства. Для многих студентов продолжением этой практики становилась работа летом вожатыми в пионерских лагерях.

В качестве полноценных школьных преподавателей студенты-педагоги практиковались уже с III курса. Производственная практика на III и IV курсах всех факультетов проводилась с 7 сентября по 17 октября для студентов историко-филологического факультета и с 21 сентября по 3 октября – для студентов физико-математического факультета. Адаптированная к школьной обстановке на предшествующих курсах, эта практика не вызывала особых затруднений у подавляющего числа студентов. Как правило, с ними работали опытные учителя и классные руководители. Общее руководство практикой осуществляла институтская кафедра педагогики. Молодые люди за время практики закрепляли полученные в институте теоретические знания, приобретали навыки в организации и проведении учебно-воспитательной работы. В программу практики входило проведение не менее четырех обязательных уроков. Практиканты учились составлять конспекты уроков, подбирать нужную литературу, выделять воспитательные моменты, делать выводы и обобщения. Значительная часть времени отводилась на воспитательную работу с учениками: экскурсии на заводы, шахты, походы в кино, музеи, литературные тематические викторины, беседы, посвященные знаменательным датам и событиям [6, л. 23, 24, 27]. Учителя школ, руководство базовых школ в своих отзывах неоднократно отмечало существенную помощь, которую в период практики оказывали студенты в деле воспитания учащихся. Более того, в некоторых классах в результате работы студентов-практикантов повышалась успеваемость [7, л. 34]. Итоги по окончании практики традиционно подводились на специальных факультетских конференциях.

Тем не менее из года в год в институтских отчетах отмечались одни и те же недостатки в проведении педпрактики на III курсе:

недостаточное знание студентами фактического материала;

студенты мало были знакомы с современной передовой техникой;

многие студенты не умели провести анализ решения задач, не могли связать изложение материала с местным материалом или с жизнью;

неумение студентов активизировать класс во время урока [8, л. 30].

Для того чтобы лучше ознакомиться с рабочим процессом, разными специальностями производственную практику студенты физико-математического факультета проходили не только в школах, но и на заводах: металлургическом заводе им. Сталина, машиностроительном заводе им. «15 лет ЛКСМ». Практику они проходили под руководством квалифицированных инженеров и мастеров заводов и автобаз, работали на разных станках, что дало им возможность овладеть специальностями токаря, слесаря, фрезеровщика, изучить технологию производства. При организации такой практики встречались более серьезные трудности. Не всегда цеха заводов могли обеспечить студентов рабочими местами, иногда им приходилось быть дублерами-наблюдателями. Многие студенты-педагоги слабо владели технической терминологией [9, л. 23].

Анализируя табл. 1, можно отметить, что успеваемость студентов по практике в Сталинском (Донецком) педагогическом институте была достаточно высокой в течение всего исследуемого десятилетия. Педагогический коллектив вуза считал успешной свою работу. Однако в связи с возросшими в это время требованиями к выработке практических навыков втрое увеличился процент удовлетворительных оценок.

Студенты Донецкого индустриального института в 1953/54 г. проходили четыре вида практики: ознакомительную, учебную преддипломную, педагогическую. Места практики были определены на предприятиях и в организациях 14 союзных и республиканских министерствах (угольной промышленности, черной металлургии, тяжелого машиностроения, геологии, химии и т. д.). В общей сложности была выделена 91 база, располагавшая 2565 рабочими местами, тогда как по договорным обязательствам эти производственные базы обязывались выделить 2750 мест. Однако так как и их оказалось недостаточно, то институтом было достигнуто соглашение на прием практикантов еще с 67 предприятиями, выделившими дополнительно 860 мест, и только тогда вуз получил возможность разместить всех студентов на практику [13, л. 88].

Таким образом, сложилась система учебно-производственных связей Донецкого индустриального института с предприятиями и организациями региона (г. Сталино и область), действовавшая на протяжении всего изучаемого периода. Для учебных геодезических и геолого-

Таблица 1

Сравнительные данные успеваемости по практике в Сталинском (Донецком) педагогическом институте по отдельным учебным годам

Год	Количество студентов, чел.	Успеваемость, %			
		отлично	хорошо	удовлетворительно	неудовлетворительно
1953/54	216	56	41,7	1,8	0,5
1958/59	516	54,65	42,45	2,9	0
1963/64	463	57,5	34,8	7,5	0,2

Сост. по: [10, л. 20; 11, л. 29; 12, л. 32].

разведовательных практик в полевых условиях арендовывались помещения школ.

Как и везде, выходу на практику в индустриальном институте предшествовали инструктивные совещания, которые в группах, как правило, проводили деканы факультетов и руководители практики из числа профессорско-преподавательского состава вуза. Все студенты-практиканты снабжались необходимой документацией, включавшей в себя в программы и учетные книжки (дневники) [9, л. 62]. Если учебно-ознакомительная практика проходила при повседневном участии в каждой группе студентов прикрепленных преподавателей вуза, то роль институтских руководителей на педагогической и преддипломной практиках заключалась в периодическом посещении каждой базы, а непосредственное руководство практикой осуществлялось специалистами предприятий, на которых проходила практика.

Так, в 1953/54 учебном году ознакомительную практику проходили 558 чел., педагогическую – 144 чел., учебную – 135 чел., преддипломную – 1836 чел. Сложности в организации практик на производстве в начальный период были в первую очередь связаны с недостатками материально-технического обеспечения заводов и шахт, что было характерным для Донбасса послевоенного времени. На предприятиях ощущался недостаток геофизических инструментов, отсутствовало оборудование лагерного типа для геофизических и геологических работ. Не могла компенсировать это и материальная база самого института, поскольку институтские мастерские располагали лишь несколькими устаревшими станками [10, л. 17, 19]. Постепенно к концу рассматриваемого периода вопрос с оборудованием для проведения практик и на предприятиях и в самом институте решался положительно.

Вместе с тем с каждым годом на предприятиях штаты все больше и больше укомплектовывались кадровыми работниками, поэтому постоянно росло число студентов, проходивших преддипломную практику, которым приходилось довольствоваться ролью дублеров, а не самостоятельных сотрудников. Так, в 1956/57 учебном году число практикантов, занимавших штатные оплачиваемые места, составляло 338 чел., т. е.

36% от количества работающих, а в 1958/59 учебном году их стало меньше на 6%. К тому же большинству студентов приходилось устраиваться самим на оплачиваемые предприятием работы, но зачастую не на должности инженерно-технических работников, а на рабочие места. Введение в стране вечерней формы обучения потребовало от руководства Донецкого индустриального института заняться трудоустройством принятых на это отделение студентов на предприятия города, тем самым решался и вопрос о прохождении ими практик.

До середины 1950-х гг. в Сталинском (Донецком) медицинском институте студентов выводили на практики только на средних и старших курсах. Для III курса базами практики служили тогда хирургические и терапевтические отделения клинической больницы им. Калинина и городская станция скорой помощи. Целью производственной практики было овладение студентами практических навыков по уходу за больными, знакомство с медицинской документацией и усвоение техники медицинских манипуляций. Все учащиеся распределялись по лечебным подразделениям с учетом профиля их специальности, а курировали прохождение практики специально выделенные на местах ассистенты. Во время практики студенты вели дневники. Это помогало им осмысленно изучать теоретические дисциплины, повышало их интерес к избранной профессии.

Следует отметить, что в названных лечебных учреждениях отмечалась хорошая организация практик. К примеру, одна медсестра, которая обслуживала 50 больных, руководила работой одного – двух студентов. Это обеспечивало достаточное количество медицинских манипуляций (уколы, перевязки) и способствовало успешному овладению необходимыми навыками. Условия жизни студентов во время практики были удовлетворительными. Их обеспечивали питанием или в больнице за наличный расчет, или же они питались самостоятельно вне больницы. Все студенты на производственной практике были снажены карточкой учета практических навыков, которые с характеристикой главного врача учреждения, где студент проходил практику,

представлялись по завершении практики в деканат.

Студенты IV курса уже участвовали во всех звеньях практической работы медицинских учреждений: дежурили, ассистировали на операциях, вели амбулаторный прием [14, л. 121]. Расширилась и география прохождения практики. Например, в 1953/54 учебном году на IV курсе практику прошли 82 чел., из них 57 студентов – в Сталинской области, 20 чел. – в других областях Украины, а 5 чел. – вне Украины. Только 10% студентов были направлены в сельские районы. Практиканты разбивались на группы по 5–10 чел. Студентам выдавались деньги на проезд, командировочные и аванс в счет стипендии [15, л. 91].

Студенты V курса Сталинского медицинского института проходили обязательную летнюю производственную практику в течение одного месяца: или в июле, или в августе (по желанию). Производственная практика студентов, как и потом VI курса, проводилась в различных больницах области. По согласованию с облздравотделом всем студентам предоставлялись вакантные врачебные должности с оплатой 550 руб. в месяц. Дирекция института считала принципиально обязательным оплачивать работу студента, так как это повышало у них ответственность за свою работу [16, л. 125]. Неоднократно представители института посещали базы практики студентов. К ним прикреплялись доценты, на базы производственной практики систематически выезжали преподаватели кафедры [17, л. 113].

В 1957 г. в Сталинском медицинском институте была введена практика и для студентов I и II курсов. Они привлекались к факультативной практике в качестве младшего обслуживающего персонала (санитаров, помощников медсестер). Практика длилась 12 дней. В тот год всего практику прошли 2838 студентов-медиков I и II курсов. За время практики студенты провели 870 бесед с пациентами на тему санитарно-просветительной деятельности и на политическую тему.

Более насыщенной становилась практика на старших курсах. Так, на III курсе в течение учебного года она длилась на всех факультетах института 25 рабочих дней. Задачей практики на этом курсе являлись изучение и овладение

студентов навыками лечебной и профилактической работы. За это время студенты должны были отдежурить 2 раза в отделении [12, л. 105, 110, 116, 118]. Они работали в качестве медсестер, обучались технике некоторых манипуляций (компресссы, промывание желудка, перевязки), оказания непосредственной помощи больным [17, л. 101]. Во время дежурств студенты выполняли работу среднего медицинского персонала под непосредственным руководством дежурной сестры. В летний же период для третьекурсников-медиков была введена двухнедельная практика, которую они обязаны были пройти в лечебных учреждениях области.

Также отмечались определенные организационные улучшения по сравнению с предыдущими годами: увеличилось число выездов заведующих кафедрами и профессоров, доцентов в медицинские учреждения, где проходили практику студенты; усилился контроль за работой практикантов [17, л. 119]. Вместе с тем весь изучаемый период в мединституте оставались неизжитыми такие недостатки в проведении практик, как слабый контроль за ведением дневников и со стороны врачей лечебных учреждений, и со стороны руководителей практики; несоответствие между записями и выполненной работой; либерализм, проявленный врачами лечебных учреждений, в оценке дневников (выставлены только отличные оценки); мало внимания уделялось терапевтической помощи на дому.

В течение всего десятилетия немного студентов старших курсов направлялось для прохождения летней практики в сельскую местность, где они могли приобретать навыки работы, оказывая медицинскую помощь в сельских больницах. В 1964 г. положение в этом отношении несколько выровнялось: в сельские районные больницы Донецкой области были направлены уже 220 студентов-практикантов (25% от общего числа), еще 31 чел. выехали в другие области [14, л. 120].

Данные табл. 2 свидетельствуют, о том что результаты практики студентов Сталинского (Донецкого) медицинского института в период с 1953 по 1964 г. оценивались достаточно высоко, тем не менее они имели некоторые колебания. Так, в 1958/59 учебном году снизилось количество выставляемых отличных оценок и выросло

Таблица 2

Сравнительные данные успеваемости по практике в Сталинском (Донецком) медицинском институте по отдельным учебным годам

Год	Успеваемость, %				
	отлично	хорошо	удовлетворительно	неудовлетворительно	
1953/54	48,8	50	1,2	0	
1958/59	37,5	61	1,5	0	
1963/64	55	45	0	0	

Сост. по: [15, л. 127; 16, л. 94; 17, л. 112].

Список литературы

не только число оценок «хорошо», но и «удовлетворительно». Вероятно, это было вызвано усилением требовательности со стороны самого вуза и медицинских учреждений к практической подготовке будущих специалистов в связи с принятием Закона «Об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшем развитии системы народного образования в стране». К концу же рассматриваемого периода качественные показатели по практикам достигли максимального значения. К тому времени система организации практик вуза адаптировалась к новым условиям. Не будем сбрасывать со счетов и улучшение качества новых наборов студентов, произошедших за эти годы. В вуз тогда зачислялись абитуриенты, имевшие стаж практической работы и получившие среднее медицинское образование.

Нужно отметить и тот факт, что в 50 – начале 60-х гг. бурно развивалось высшее образование, увеличивалось количество выпускемых специалистов. На основе соединения обучения с общественно полезным трудом, приближения вузов и техникумов к жизни, к производству повысился уровень теоретической и практической подготовки молодых специалистов. Увеличился прием в высшие и средние специальные учебные заведения молодежи, имеющей опыт работы в различных отраслях народного хозяйства и культуры. Особое внимание уделялось формированию студенческих коллективов вузов как важнейшей социальной проблеме. Предприятия получили право непосредственно направлять в учебные заведения своих молодых рабочих и служащих, обязуясь в течение всего времени обучения выплачивать им стипендию. Вместе с тем в системе высшего образования имелись и определенные трудности. В некоторых случаях производственная практика студентов стала занимать непомерно большое место, оттеснив на второй план изучение общетеоретических дисциплин. Введение производственной практики зачастую помогало руководителям предприятий решать проблему притока рабочей силы на производство.

Поступила в редакцию 07.04.2024; одобрена после рецензирования 15.04.2024; принята к публикации 28.06.2024
The article was submitted 07.04.2024; approved after reviewing 15.04.2024; accepted for publication 28.06.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 448–458
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 448–458
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-448-458>, EDN: CHHVSU

Научная статья
УДК [342.24+323.1](47+57)

Национально-территориальное устройство СССР: «мина замедленного действия» или «исторический компромисс»?

А. П. Мякшев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Мякшев Анатолий Павлович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии, myakshev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2997-2618>, AuthorID: 391367

Аннотация. В статье предпринята попытка опровергнуть широко распространенное в историографии мнение о том, что форма организации СССР, состоящего из разных по статусу этно-территориальных образований, явилась одним из главных факторов распада единого государства. Утверждается, что идея федерализации России принадлежала не большевикам, а национальным партиям и движениям, требовавшим признания их права на национально-территориальную автономию. Обосновывается положение о том, что национально-территориальный принцип внутреннего устройства советского государства способствовал как сохранению и укреплению национальной идентичности советских этносов, так и созданию гражданской нации в форме советского народа как новой исторической общности.

Ключевые слова: федерация, национально-территориальная автономия, союзная республика, автономная республика, этнос, национальная политика, советский народ как новая историческая общность

Для цитирования: Мякшев А. П. Национально-территориальное устройство СССР: «мина замедленного действия» или «исторический компромисс»? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 448–458. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-448-458>, EDN: CHHVSU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The national-territorial structure of the USSR: A “time bomb” or a “historical compromise”?

A. P. Myakshев

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Anatoly P. Myakshев, myakshev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2997-2618>, AuthorID: 391367

Abstract. The article attempts to refute the widespread opinion in historiography that the form of organization of the USSR, consisting of ethno-territorial formations of different status, was one of the main factors in the collapse of a single state. It is argued that the idea of federalization of Russia did not belong to the Bolsheviks, but to national parties and movements that demanded recognition of their right to national-territorial autonomy. The article substantiates the position that the national-territorial principle of the internal structure of the Soviet state contributed both to the preservation and strengthening of the national identity of Soviet ethnic groups and to the creation of a civil nation in the form of the Soviet people as a new historical community..

Keywords: federation, national territorial autonomy, Union republic, autonomous republic, ethnus, national policy, Soviet people as a new historical community

For citation: Myakshев А. П. The national-territorial structure of the USSR: A “time bomb” or a “historical compromise”? *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 448–458 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-448-458>, EDN: CHHVSU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

С момента распада Советского Союза в отечественной историографии наблюдается неприятие самой национально-территориальной формы устройства советской федерации. Еще в начале 1990-х гг. академик В. А. Тишков заяв-

лял: «Основной причиной распада СССР как многоэтничного государства явилось угнетенное и дискриминируемое положение нерусских народов, культура и идентичность которых подвергались насилиственной деформации в целях

реализации официальной концепции “слияния наций” и конструирования единого “советского народа” [1, с. 9]. В канун празднования 100-летия образования СССР популярность приобрела идея квалифицировать специфику его национально-государственного устройства «бомбой замедленного действия». Профессор Высшей школы экономики И. Б. Орлов объяснял этот образ созданием четырех «имперских ловушек»: «Введение в российское пространство значительных фрагментов других культур; создание в лице национальных кадров питательного бульона для национализма; разрыв между индустриальным северо-западом страны и традиционным юго-востоком; унификация и русификация, создавшие почву для антирусских настроений» [2]. Директор фонда «Историческая память», научный сотрудник Института российской истории РАН А. Р. Дюков «мину замедленного действия» усматривает в форме организации СССР «как сложного государственного образования, состоящего из разных по своему статусу этно-территориальных образований». По его мнению, эта форма «не только предопределила границы, по которым распалось государство, но и стала важным дестабилизирующим фактором в годы горбачевской перестройки» [3, с. 397].

На наш взгляд, во-первых, положение о специфичности внутреннего деления советского государству по этно-территориальному принципу как главной причине распада СССР («мине замедленного действия», «взорвавшей» советский проект) является упрощением, сама исследуемая историческая структура представляется оторванной от конкретно-исторической ситуации, в рамках которой ей было «суждено» сложиться и развиваться. Во-вторых, данный декларируемый историками и политиками подход находится в явном противоречии с исторической логикой: асимметричная российская федерация, по сути являющаяся «калькой» советской иерархической федерации, рассматривается как оптимальный путь разрешения межнациональных противоречий в Российской Федерации. «Признавая» нежизнеспособность внутреннего устройства СССР, исследователь «вынужден признать» и бесперспективность, даже обреченность, идентичной конструкции из национально-территориальных и административно-территориальных образований в России.

Цель данной статьи – попытка доказать, что модель иерархической федерации, построенной на национально-территориальном принципе, не только не делала советский проект нежизнеспособным, но и представлялась в сложившихся конкретно-исторических условиях оптимальным вариантом восстановления исторической России в ее имперских границах, а также попыткой осуществить в рамках единого государства как процесс «массового» нациестроительства, так

и формирование гражданской нации под названием «советский народ». Незавершенность процесса создания гражданской нации и этническая мобилизация сконструированных центром национальных элит в форме массового сецессионистского движения в годы перестройки не может служить доказательством неудачи российского федерализма. Наоборот, национально-территориальный принцип, заложенный в основу РФ, демонстрирует историческую уникальность государства-цивилизации Россия.

Идея трансформировать Российскую империю в федерацию отнюдь не большевистский проект. Это требование исходило от мобилизующихся национальных элит в условиях нарастания всеобъемлющего революционного кризиса в империи. Включение, наряду с общими гражданскими правами и свободами в Манифест 17 октября 1905 г., положения о праве на создание национальных организаций, развитие национальных связей и агитации свидетельствует о невозможности царского правительства более игнорировать факт недовольства существующим положением в этноконфессиональной сфере. Указ о веротерпимости, который, подтверждая доминирующее положение православной церкви, устранил дискrimинацию в отношении остальных существующих в России конфессий, демонстрировал готовность империи перейти к политике уступок и гибкого pragmatизма.

Автономистские настроения с этого момента стали превалировать среди национальных партий. Идеалом демократической партии Литвы стала «свободная, никому не подчиняющаяся демократическая республика Литвы», а ближайшей целью – «широкая демократическая автономия этнографической Литвы с сеймом в Вильне» [4, с. 74]. Польская социалистическая партия ставила своей ближайшей задачей «преобразование русского государства» в демократическую республику, в которой Польша получала «широкую автономию с законодательным сеймом» [4, с. 73]. Такой же позиции придерживалась Украинская демократическая партия: «установить конституционный строй в Российском государстве с признанием за каждой народностью и областью права на политическое и культурное самоопределение и самоуправление во всех областях жизни в пределах своей территории при соблюдении общеимперских основных законов» [4, с. 81]. «Закавказская демократическая и федеративная республика» позиционировалась в программе «Армянской революционной партии “Дашнакцутюн” как “составная часть России – республики федеративной”. Грузинская революционная партия социалистов-федералистов требовала для Грузии «до утверждения всероссийской федерации» – «национальной территориальной автономии» [4, с. 104].

Кадеты предполагали нечто подобное сегодняшней «асимметричной» федерации: в Цар-

стве Польском – «автономное устройство с сеймом», а для Финляндии – «особенное государственное положение», когда всякие «мероприятия, общие Империи и Великому Княжеству Финляндскому, должны быть впредь делом соглашения между законодательными органами Империи и Великого Княжества» [4, с. 117]. Среди социалистических партий выделялись эсеры, признававшие «более широкое применение федеративного начала к отношениям между отдельными национальностями» [4, с. 58]. «Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России (Бунд)» будущее России усматривал в преобразовании российского государства «в федерацию национальностей с полной национальной автономией каждой из них, независимо от обитаемой ею территории» [4, с. 85–86].

Представляется, что именно в этих требованиях П. А. Столыпин увидел угрозу единству России. Реформатор полагал, что обновленная Россия должна стать единым экономическим, правовым, политическим и социокультурным пространством. Финляндия и Польша должны были, по мысли Столыпина, быть не только равноправными, но и равнообязанными частями этого пространства. А движение к единству и равноправию должен был, по его мнению, возглавить русский народ – ядро российской государственности. Именно поэтому русскими приоритетами был наполнен его закон о земствах в западных губерниях. Заботой о русском единстве можно объяснить факт провала правительством законопроекта 1908 г. о начальном обучении украинцев на родном языке, поскольку, как было объяснено на совещании в 1911 г., белорусы и малороссы – не инородцы, поэтому обучение можно вести на русском языке. «Способы решения национальных и конфессиональных проблем Столыпин искал на пути правового “выравнивания” гражданских и политических прав и свобод различных национальностей и конфессий, распространения на всю территорию России местного самоуправления, с постепенной передачей ему функций исполнительной власти» [5, с. 230]. Представляется, что программа реформ Столыпина имела целью создания в России единой гражданской нации без какого-либо национально-территориального размежевания.

На наш взгляд, февральский переворот 1917 г. продемонстрировал совпадение целей и интересов двух мощных политических сил, окончательно сформировавшихся, хорошо структурированных и финансируемых: буржуазно-либеральной оппозиции, тесно поддерживаемой британскими спецслужбами, и национальных движений, идеологическое и всякое иное воздействие на которые из-за границ Российской империи не вызывает сомнений. В интересах этих политических сил были ослабление и уничтожение сильного имперского центра, что и обеспечивало в «единой и неделимой» империи

«сепрессионистский взрыв», подобный «национальному взрыву» в СССР в конце 1980-х гг.

Именно после Февраля стало более последовательным и настойчивым требование преобразования России в федеративную демократическую республику с национально-территориальной автономией населяющих Россию народов. По сути накануне Октября практически все национальные партии предложили некий вариант сегодняшнего СНГ – «союза» независимых государств, преимущественно реализующих в своей внутренней политике концепцию «приоритета титульного этноса». Наиболее показательной в этом отношении являлась программа воссозданной в апреле 1917 г. Украинской партии социалистов-федералистов, предлагавшая преобразовать Российское государство в «демократическую федеративную республику, в которой Украина должна занимать место отдельного штата» [4, с. 190]. При этом «всё движимое и недвижимое имущество» «в пределах Украины, в том числе государственные железные дороги, капиталы и права военного и морского ведомств» предполагалось передать «в собственность украинской казны». Делопроизводство и образование, по замыслу партийных идеологов, переводились на украинский язык, а Православная церковь в границах Украины объявлялась автокефальной [4, с. 194].

Следует отметить, что накануне Октябрьской революции национальные движения и партии озабочились «определением» своих этнотERRITORIALНЫХ границ. Так, в марте 1917 г. Белорусский национальный съезд, провозгласивший «единственной возможной формой государства Российской державы» федеративную республику, «ядром Белоруссии» объявил Минскую, Могилевскую, Витебскую, Гродненскую и Виленскую губернии Российской империи [4, с. 202]. Партия Алаш, работавшая за то, чтобы «каждое государство, входящее в федеративную республику, являясь самостоятельным», полагала, что «автономия казахов слагается из областей, населенных ими» [4, с. 243]. Границы будущих «воображаемых субъектов» Российской Федерации, по замыслу сепаратистов, могли располагаться и на исторической территории Московского государства. Так, Национал-демократическая партия Латвии, определившая «неделимую территорию Латвии» в рамках «Курляндии, южной части Лифляндии (Рига, Венден, Вольмар, Валкский уезд, остров Руно) и Латгалии (Режицкий, Люцинский и Двинский уезды Витебской губернии)», заявляла, что «границы Латвии в Ковенской и Псковской губерниях устанавливаются по этнографическому принципу, причем все области, большинство населения которых составляют латыши, присоединяются к Латвии посредством референдума». Также «к территории Латвии» были отнесены «Рижский залив и часть Балтийского

моря, прилегающая к этой территории» [4, с. 207]. Популярность набирали и панисламистские настроения. Мусаватисты требовали национально-территориальной автономии для «Азербайджана, Туркестана, Киргизии и Башкирии», а также «поволжских и крымских татар и всех вообще тюркских народностей» [4, с. 237].

Одной из первых большевистских деклараций по национальному вопросу стало как раз категорическое неприятие идеи федерализации России. 28 марта 1917 г. в газете «Правда» И. В. Сталин заявил о «неразумности» «добиваться для России федерации, самой жизнью обретенной на исчезновение». Федерализм в России, подчеркивал он, «не решает и не может решить национального вопроса», поскольку «для всех ясно, что области в России (окраины) связаны с центральной Россией экономическими и политическими узами, и чем демократичнее Россия, тем прочнее будут эти узы» [6, с. 27]. Вскоре большевистская партия одной из первых на Апрельской конференции 1917 г. четко и последовательно определила свои цели в национальной области. Stalin, излагавший на конференции ленинскую позицию, настойчиво доказывал, что «право на свободное отделение и на образование самостоятельного государства» (именно в такой интерпретации прозвучал знаменитый лозунг о праве наций на самоопределение, вплоть до отделения) категорически нельзя смешивать с вопросом об обязательности отделения нации в конкретной исторической ситуации. Исходить при этом большевики призывали «из интересов классовой борьбы пролетариата за социализм», а «право наций на самоопределение» есть просто фраза, без всякого определенного содержания» [4, с. 167]. Stalin высказал свою убежденность в нежелании подавляющего большинства «народностей» отделяться.

Большевики потребовали «широкой областной автономии», «отмены обязательного государственного языка и определения границ самодекларирующихся и автономных областей на основании учета самим местным населением хозяйственных и бытовых условий, национального состава населения» [4, с. 169]. Одновременно была отвергнута «так называемая «культурно-национальная автономия», она была объявлена «безусловно вредной». В конечном счете в апреле 1917 г. из уст большевиков прозвучало слово «слияние». «Слияние рабочих всех национальностей России» было объявлено решающим условием «победоносной борьбы с международным капиталом и с буржуазным национализмом» [4, с. 169].

Таким образом, можно заключить, что сама идея федерализации России принадлежала не большевикам, а национальным партиям и движениям, завершившим процесс этнической мобилизации и устремившимся в условиях революционного кризиса и ослабления раздираемого

противоречиями имперского центра к отделению и независимости. Впоследствии, воссоздавая российское государство в форме советской федерації, большевики по сути удовлетворили практически единодушное требование элит бывших национальных окраин (интеграция идеолога «украинства» Грушевского в советское политическое пространство – тому доказательство) управлять своими этническими территориями, но пользоваться при этом громадными ресурсами федерального центра. Отвергая же принципы культурно-национальной автономии, большевики действовали в русле излюбленной ими стратегии «слиться с массами». Их декларация «исходить из приоритета социального, классового» с определенными оговорками была близка трудающимся. Сам лозунг «права на самоопределение (государственное отделение)» в 1917 г. носил популистский характер. Настойчивость, с которой большевики убеждали народы в необходимости «отделения» и слияния наций ради достижения социальных целей, объективно способствовала интеграционным процессам и сохранению единого российского государства. К тому же декларировался и принцип добровольности: кто не хочет оставаться в России, может отделяться. Кроме всего прочего, образование Советского Союза в форме иерархической федерации было своеобразным компромиссом между идеей построения социализма в мировых масштабах и федералистскими (в годы гражданской войны превратившимися в сепаратистские) окраинными национальными движениями бывшей Российской империи. В условиях свершившегося распада империи позиция большевиков представляется оптимальной, с точки зрения общенациональных российских интересов – спасительной.

Следует согласиться с мнением авторитетного исследователя национальных проблем А. И. Вдовина: «Советская национальная политика... определялась главным образом идеями популизма, созвучными народным ожиданиям (подчас неосуществимым) и вере в возможность скорейшего и справедливого разрешения национальных проблем, и pragmatismom, ориентированным на скорейшее достижение практически полезных результатов» [7, с. 6–7]. Популизм и pragmatism явились средствами достижения двух целей – установить доверие этносов к власти как программа-минимум и достичь межэтнического доверия как программа-максимум. Следует также высказать предположение о том, что советская национальная политика скорее всего представляла собой значимый идеологический конструкт, но отнюдь не феномен политической практики.

Именно такая политика дала основание Т. Мартину именовать Советский Союз «империей положительной деятельности». Это понятие он отнес к «советской государственной поддержке национальных территорий, языков, элит

и самоидентификации этих этнических групп» [8, с. 33]. По мнению Д. А. Амонжоловой, «единое в политическом смысле пространство власти в СССР было полигэтничным и уже поэтому многомерным в своих конкретных воплощениях. Национальная номенклатура и элита, становясь неотъемлемой частью политической системы в целом, в рамках советского нациестроительства обеспечила закрепление этничности в каркасе власти национальных республик» [9, с. 413].

Институционализация этничности на уровне организации политического пространства ярко проявилась в структуре советской иерархической федерации и создании в ее рамках национальных политических единиц четырех рангов (союзные республики, автономные республики, автономные края, автономные округа и автономные области). Социокультурное пространство Советского Союза строилось как многонациональное. За каждой этнической группой закреплялась своя собственная, отдельная от других культуры. Одно из выдающихся достижений советской истории – формирование этнических культурных элит и этнических культурных институтов. Данный процесс шел не только на уровне союзных республик, но и на уровне национальных автономий, причем внутри РСФСР – активнее и эффективнее.

Представляется, что федеральный Центр твердо и последовательно проводил линию на сохранение, укрепление и развитие национальных культур. Местные органы власти в своей деятельности упор делали на решение социально-экономических вопросов, национальные проблемы практически весь советский период истории отодвигались в регионах на второй план. Национально-территориальная автономия в данном случае выступала как гарантия сохранения национальных языков и культур, в конечном счете, национальной идентичности. В этой связи интересны результаты инспекции национальных автономий РСФСР, проведенной в рамках подготовки «Положения о национальных округах» ответственными сотрудниками аппарата Верховного Совета СССР в 1952 г.

Материалы проверки Усть-Ордынского Бурят-Монгольского и Коми-Пермяцкого национальных округов свидетельствовали о том, что главным критерием при образовании автономных образований выступал фактор компактности проживания того или иного этноса на определенной территории. Так, буряты, которые квалифицировались проверяющими как самостоятельная ветвь «бурят-монгольской национальности с особым диалектом бурят-монгольского языка» [10, л. 6], проживавшие «к западу от озера Байкал» и ранее входившие в состав Бурят-Монгольской АССР, при создании Иркутской области образовали 26 сентября 1937 г. Усть-Ордынский Бурят-Монгольский национальный округ.

При этом «часть территории, отошедшей от Бурят-Монгольской АССР к Иркутской области, непосредственно примыкающей к озеру Байкал и заселенной на 70–75% бурятами, не вошла в состав национального округа» [10, л. 5]. На этой территории был образован Ольхонский административный район областного подчинения. Причиной «отрыва» бурят Ольхонского района от национального округа называлось отсутствие дорог в горной местности. «Окружные» власти настаивали на включении Ольхонского района в состав национального округа, областное руководство было против [10, л. 6]. Население Усть-Ордынского Бурят-Монгольского национального округа составляло «примерно 116 тысяч человек, из которых около 50% буряты (бурят-монголы), составляющие коренное население округа». Из 120 колхозов округа 47 являлись «чисто бурятскими, а в остальных буряты составляли около 50%» [10, л. 6]. Коми-Пермяцкий национальный округ Молотовской области был образован 26 февраля 1925 г. В 1952 г. в округе проживало около 180 тыс. чел., «из которых более 63% составляли коми-пермяки» [10, л. 70].

Инспекторы из аппарата Верховного Совета СССР установили, «что вымирание коренного населения» округов «давно приостановлено, и имеется большой рост населения», однако «права национального округа настолько ограничены, что он не сохраняет и видимости законной автономии и самостоятельности» [10, л. 12]. В качестве доказательства данного положения оценивалась практика расходования средств на нужды национального округа: «Общий бюджет национального округа утверждается областным советом и окружной Совет не вправе изменить в нем ни одной статьи без разрешения областного Совета, даже если это диктуется национальными интересами» [10, л. 12]. Представители Центра легко выявили основную проблему – языковое строительство. Бурятам, отмечали они, мешает «развивать свой литературный язык» отсутствие книг (в окружной библиотеке «из 12 тысяч книг только 300 – на бурят-монгольском языке») и газет («издается только одна газета, размером в обычной конторский лист») на национальном языке, «не ставятся пьесы на национальном языке», «не ведется никакой работы по записи народных сказаний и песен» [10, л. 8].

Та же картина наблюдалась и в коми-пермяцких школах: «Существующая грамматика не отражает особенности коми-пермяцкого языка, отсутствует переводной словарь», отсутствует научный центр, «который мог бы заниматься вопросами научного изучения и совершенствования литературного национального языка» [10, л. 5]. В результате согласно выводу сотрудников аппарата высшего законодательного органа страны «судопроизводство в судах округа и делопроизводство во всех государственных учреждениях округа ведутся только на русском языке». Между

тем, констатировали проверяющие, «в правовом положении национальных округов должно учитываться, что национальный округ является не административно-территориальным, подобно административному округу, а национально-территориальным образованием, в связи с этим ему должны быть предоставлены некоторые права, характерные лишь для национального объединения» [10, л. 81].

Если центр настаивал на том, что «наличие национального округа дает возможность» бурятскому и коми-пермяцкому народам «развивать национальную по форме и социалистическую по содержанию национальную культуру», то «отдельные работники обкома и округа» считали, что национальный округ «не оправдывает своего назначения в деле руководства хозяйственно-культурным строительством в районах окружного подчинения» [10, л. 13]. Позиция Центра была категорична: «Коренное население национальных округов, равно как и другие национальности, проживающие на территории национальных округов, имеют право пользоваться родным языком во всех областях государственной и общественной жизни» [10, л. 18].

Таким образом, национально-территориальный принцип внутреннего устройства советского государства позволял сохранять и укреплять национальное разнообразие советского культурного пространства. Советская история создавала уникальную модель цивилизации, способную на протяжении своей истории «не потерять ни один язык, ни одну культуру, ни один народ». Представляется, что советская государственная конструкция, построенная на национально-территориальном принципе, позволяет квалифицировать Советский Союз как страну реального и подлинного мультикультурализма [11].

Основным пороком советской модели федерации, построенной по национально-территориальному принципу, в настоящее время объявляется «злонамеренность» либо «беспомощность» Центра в определении границ между национальными образованиями, не совпадающими с вольно трактуемыми «историческими этническими границами». Наиболее показательной в данной связи является утвердившаяся в российском информационном пространстве версия о передаче большевиками русских территорий Донбасса, Слобожанщины, Новороссии, а также история вхождения Крыма в состав Украины. На наш взгляд, навязываемый обществу дискурс может быть отнесен к вопросам, связанным с использованием и интерпретацией прошлого в современных политических контекстах. Поддерживая определенные интерпретации коллективного прошлого, представители властвующей элиты стремятся легитимировать собственную власть и оправдать принятые и принимаемые управлеченческие решения. В данном случае присутствует очевидное стремление представить

политику «берите суверенитета столько, сколько хотите» и сам процесс разрушения Советского Союза как естественный результат развития советской модели, построенной на национально-территориальном принципе. Зачастую сторонники идеологемы «мины замедленного действия» параллельно являются яростными критиками советских идеологических практик, навязывавших социуму в целом и индивиду в частности универсальную нормативно-ценностную систему.

Изменение границ между национально-территориальными образованиями в рамках советской федерации не играло той роли, которую приписывает этому процессу сегодняшнее экспертное сообщество. Вряд ли Н. С. Хрущев был неискренен, когда утверждал: «Если вы спросите теперь русского, украинца, белоруса, является ли у них актуальным вопрос об административных границах их республик ... у большинства людей такой вопрос вызовет недоумение» [12, с. 107]. Советская федерация всегда декларировалась в духе приоритета единства, сближения, и даже слияния, над тенденциями национального обособления. Передвижка границ и «перекройка территорий», изменение или лишение (восстановление) статуса национально-территориальных образований трактовались чаще всего в категориях политической либо социально-экономической целесообразности. Советский Союз никогда не «был государством этнического апартеида, в котором все население дискриминировалось по принципу этнического происхождения» [13, с. 117]. Д. А. Аманжолова справедливо полагает, что «являясь отдельной общностью, народы СССР с собственной государственностью в иерархической федерации и без нее представляли собой и неотъемлемую часть общесоветского культурно-политического целого» [14, с. 29].

Исходя из данного заключения, передача Крыма в подчинение Украинского ЦК и Совмина отвечала «общим интересам Советского государства» потому, что «Крымская область, как известно, занимает весь Крымский полуостров и территориально примыкает к Украинской Республике, являясь как бы естественным продолжением южных степей Украины. Экономика Крымской области тесно связана с экономикой Украинской Республики» [15, л. 3]. Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР М. П. Тарасов с данным положением был согласен: «По географическим и экономическим соображениям передача Крымской области в состав братской Украинской Республики является целесообразной и отвечает общим интересам советского государства» [15, л. 2].

Через 3 года РСФСР получает своеобразную «компенсацию»: Карело-Финская ССР в апреле 1956 г. была преобразована в Карельскую АССР, а в июне была принята в состав РСФСР. Еще ранее, 24 ноября 1944 г., в состав Ленинградской

области РСФСР от Карельской ССР были переданы «Выборгский, Кексгольмский и Ясцинский районы, расположенные на Карельском перешейке» [16, л. 8]. Основной причиной понижения статуса Карело-Финской ССР являлось малочисленность ее коренного населения: из 615 тыс. населения республики «карел и вепсов насчитывалось 110 тысяч человек, или 17,8%, финнов немногим более 13 тысяч человек, или 2,2%», а «около 80 процентов населения республики составляли другие национальности, главным образом русские» [16, л. 8]. «Нынешнее построение нашей республики в форме союзной Карело-Финской республики не соответствует национальному составу населения», полагал глава республики О. В. Куусинен. Кроме того, он заявлял, что «рост численности карельского и финского населения и в дальнейшем будет отставать от роста всего населения республики, так как всё возрастающий объем производства, особенно лесной, бумажной и деревообрабатывающей промышленности, будет требовать притока значительного количества населения в нашу республику из других братских республик Советского Союза» [16, л. 17]. Куусинен отмечал еще один немаловажный фактор при «национально-территориальном» реформировании: «Преобразование ... приведет к упрощению и удешевлению государственного аппарата. Оно позволит значительно сократить республиканский управленческий аппарат, упростить его структуру, сделать его более гибким и работоспособным» [16, л. 19].

Следует заметить, что утверждение в информационном пространстве идеологемы «Союз распался потому, что был построен по национально-территориальному принципу» появилось после того, как Российская Федерация полностью отказалась от идей коммунизма и социализма. Трансформация антисоветизма в русофобию была необходима Западу для подрыва влияния России на постсоветском пространстве. А это нельзя было достичь без обвинений России в имперских амбициях и в стремлении восстановить империю. Именно поэтому политика большевиков, направленная на всемерную (политическую, культурную, социально-экономическую, образовательную, территориальную) интеграцию этносов бывшей Российской империи в единое советское социалистическое государство была интерпретирована западными, а затем, и постсоветскими экспертами, как процесс подавления метрополией (в этом качестве «выступала» РСФСР) колоний (к ним были отнесены все советские этносы, кроме государствообразующего русского народа).

Объективные исследования о воздействии национально-территориального принципа внутреннего строения советского государства на реализацию советского проекта неизбежно приводят к выводу об уникальности, креативности и новаторском характере советской федерации. Это

давно было замечено и серьезными западными исследователями. «Империи традиционно ассоциируются с подавлением национальных идентичностей, ассимиляцией, доминированием чужеродной государственной власти над национальными меньшинствами, – пишет, в частности, авторитетный Джереми Смит – Величайший парадокс советской империи состоит в том, что долгое время она занималась обратным: подобно другим империям, она имела возможность влиять на развитие наций, но ее влияние было позитивным, способствовало нациестроительству, поощряло этнический партикуляризм и коренизацию» [17, с. 353].

Национально-территориальный принцип строительства федерации не только формировал этнонации, но и способствовал разрешению многовековых конфликтов между соседними этносами. Так, после установления советской власти территориальные споры и претензии между республиками Закавказья грозили перерасти в этноконфессиональные войны, однако ЦК РКП (б) путем создания Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики (ЗСФСР) сумел эту угрозу отвести. На поддержание межнационального мира было направлено решение о сохранении статуса союзной республики за Абхазией, однако был достигнут компромисс с грузинами на предмет вхождения Абхазии в состав СССР через посредство Грузии. Сохранить в составе Грузинской ССР Южную Осетию удалось только после того, как ей предоставили статус Автономной области с центром в городе Цхинвали [18, с. 103].

Армения и Азербайджан спорили из-за Нагорного Карабаха. 4 июля 1921 г. армяне убедили Кавбюро ЦК РКП (б) передать эту территорию в состав Армянской ССР. На следующий день по настоянию Сталина Карабах передали Азербайджанской АССР, решающим фактором при этом стало обещание предоставить ему статус автономной области. Именно данное обстоятельство способствовало тому, что конфликт между армянами и азербайджанцами в НКАО удалось удерживать в латентном состоянии 70 лет, а в горячую fazu противостояние перешло в момент разрушения единого Союза [19, с. 19].

В рамках советского государства было проведено национально-государственное размежевание в Средней Азии. Главным доказательством успешности данного проекта, реализованного большевиками, служит отсутствие сколь-нибудь серьезных территориальных споров между государствами Центральной Азии: Казахстаном, Киргизстаном, Туркменистаном, Таджикистаном и Узбекистаном. К моменту образования СССР народы многонационального региона находились на разных уровнях экономического и социально-политического развития, существовала не только национальная, но и конфессиональная

рознь (между шиитами, суннитами, исмаилитами). Ситуация усугублялась наличием большого числа национальных анклавов и сложнейшей национальной чересполосицей, особенно в Ферганской долине.

Предоставление народам Средней Азии своих собственных «национальных квартир» было осуществлено волевыми, политическими решениями советской власти. В конечном счете наиболее многочисленным этносам региона было дано право на создание союзных республик. Представляется, что самый высокий статус государственности в рамках СССР выступал в качестве фактора преодоления высокого уровня дисперсности расселения населения. Отсюда и широко применяемая тактика «национально-территориальной компенсации». Советскому правительству удалось урегулировать споры между южными казахами, узбеками, киргизами и таджиками из-за орошаемых и пастищных земель, а также ряда городов южного Казахстана и Ферганской долины. Казахстану достались города Ак-Мечеть (Кзыл-Орда), Туркестан, Чимкент, Аулие-Ата (Джамбул), зато в составе Узбекистана остались населенные кочевыми казахами земли вокруг Ташкента в Кызылкумах. Узбекистану пришлось отдать города Ош, Джалаал-Абад, Узген, основное население которых составляли узбеки, Киргизии, но удалось заполучить Бухару и Самаркандин. Таджикам, которые утверждали, что эти города основаны их предками, передали несколько волостей Самаркандинского и Ходжентского уездов с городом Ходжентом, на который также претендовали узбеки. Национально-территориальное размежевание не устранило в полной мере национальную чересполосицу, новая национальная иерархия не решила всех проблем существования большого количества анклавов, однако остроту межнационального противостояния удалось снять практически на все времена существования Советской власти [20].

Формирование территорий советских государств на западе бывшей Российской империи было осложнено огромными территориальными потерями в результате советско-польской войны 1920 г. Украинская ССР не могла включить в силу этого в свой состав не только Галицию, но и значительную часть Волыни, а территория Белорусской ССР сократилась до пяти уездов Минской губернии. В 1920 г. по условиям мирных договоров с Эстонией и Латвией РСФСР потеряла часть Петербургской и Псковской губерний. В результате советско-финского вооруженного конфликта 1918–1920 гг. за Финляндией осталась Печенга [21, с. 268]. По всей видимости, это обстоятельство сыграло решающую роль в том, что Советская Россия, сообразуясь с военной, экономической, политической целесообразностью, передала часть российской территории в состав других советских республик. В 1920 г. Декретом Советской власти был утвержден особый статус

Донбасса как стратегически важного объекта. Затем Донбасс, в который вошла промышленная часть бывшей Области Войска Донского с Таганрогом и Александровым-Грушевским, был передан Украинской ССР [22, с. 28].

Тогда же развернулись острые споры в вопросе определения границ между Украиной и РСФСР. Национальный принцип размежевания применить в данном случае было сложно, поскольку во всех приграничных районах со-пределльных республик исторически сформировалась сложнейшая национальная чересполосица. В ряде уездов Черниговской губернии Украины проживали белорусы и великороссы, в западных уездах Курской и Воронежской губерний значительную часть населения составляли малороссы, а в Харьковской, Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерниях (Южная и Восточная Украина) – великороссы (деление русского народа на великороссов, малороссов и белорусов – характерная черта первых советских переписей 1920 и 1923 гг.). Украинцы, как свидетельствуют материалы Комиссии по урегулированию границ между РСФСР и УССР, предлагали решать проблему своих границ за счет участков, занимаемых великороссами [23, л. 4]. Украина также требовала передать ей ряд уездов Минской и Гомельской губерний [23, л. 7]. Треть заявленных Украиной претензий Центр удовлетворил, но в 1925 г. Москва настояла на передаче РСФСР части Донбасса – Таганрогского и Шахтинского районов с городами Таганрог и Шахты. В 1926 г. большая часть Путивльского уезда Курской губернии РСФСР была в свою очередь передана УССР. В 1924 г. на правобережной Украине «по просьбе трудящихся молдавских крестьян» была образована Молдавская АССР, куда вошли Дубоссарский, Тираспольский и другие районы с преобладающим русским и украинским населением [20].

Причиной передачи в состав Белорусской ССР районов РСФСР с преобладанием белорусского населения, в 2,5 раза большей, чем территория тогдашней советской Белоруссии, было стремление Центра создать своего рода «барьерную территорию» с враждебной Польшей. Декретом ЦИК РСФСР в 1924 г. к Белоруссии было присоединено большинства уездов Витебской губернии, ряд уездов и волостей Гомельской и Смоленской губерний [24, с. 60]. В 1926 г. гипотетическая угроза Польши и настойчивые просьбы белорусского ЦК заставили Центр согласиться с передачей Речицкого и Гомельского уездов с городом Гомелем Белорусской ССР. Новозыбковский, Клинцовский, Стародубский уезды бывшей Гомельской губернии передавались в Брянскую губернию РСФСР [25]. Так была установлена современная граница между двумя государствами – Российской Федерации и Республикой Беларусь. В силу существования

Союзного государства Россия – Беларусь никаких территориальных претензий и споров данная граница не вызывает.

Необходимо признать, что советское национально-государственное устройство категорически исключало какое-либо верховенство России. Более того, советское руководство в защите российских и национальных русских интересов усматривало проявления российского великоодержавного шовинизма и имперских амбиций: в советской империи отсутствовала метрополия. Следует предположить наличие определенных этнических предпочтений в отношении Украинской ССР и Грузинской ССР.

В 1939 г. советское руководство передало Украине бывшие западные земли Российской империи, аннексированные Польшей по Рижскому миру 1921 г. «Польские восточные кресы» превратились в Западную Украину. В 1940 г. Украине была передана полученная от Румынии Северная Буковина. Центр не возразил против передачи Украине трех прибрежных районов Бессарабии в обмен на часть территории Молдавской АССР, входившей в состав УССР, с преобладающим русским и украинским населением. В 1945 г. территория Украинской ССР расширилась за счет Прикарпатской Руси, полученной Советским Союзом по договору с Чехословакией, а в 1954 г. Центр санкционировал передачу Украине Крыма. Впрочем, в эскалации современного российско-украинского конфликта дестабилизирующую роль сыграл не национально-территориальный принцип и даже не ошибки советского руководства при решении этно-территориальных проблем, а устремленность позднесоветских элит интегрироваться в западный мир, категорически исключающий применительно к исследуемой проблеме сам принцип национального суверенитета.

Доказательством жизнеспособности и перспективности национально-государственного устройства советской федерации служат события в Грузии. Несмотря на то, что советское руководство «принудило» Абхазскую ССР согласиться на статус автономии в составе Грузинской ССР и препятствовало объединению осетин Грузии и России, национальный мир в этом сложном регионе сохранялся вплоть до момента разрушения советского государства. Статус автономной республики и автономной области в составе союзной республики, где негласно действовал принцип приоритета «титульного» этноса, давал абхазам и осетинам возможность сохранять и укреплять свою национальную идентичность. Национально-территориальный принцип и этнические границы позволили им создать свои независимые государства в ответ на решение русофобской грузинской элиты во главе с З. Гамсахурдия перейти от советской модели государственного устройства к политической конструкции по образцу Конституции

1920 г., исключавшей какую-либо автономию абхазов и осетин.

Главным противоречием советского национально-государственного устройства стал как раз категорический отказ от проекции советского национального-государственного устройства национальными элитами союзных республик на территории «своих суверенных», как они считали, государств. Исключение в данном ряду одно – Россия, исторические границы которой были существенно урезаны, но все уровни национальной автономии входящих в ее состав этносов были представлены. Компенсацией в данном случае выступало стремление советского руководства к максимальной интернационализации советского населения – за пределами РСФСР к 1991 г. проживало не менее 27 млн этнических русских. В качестве обратного примера выступал Казахстан, властвующая национальная элита которого сумела отвергнуть все попытки советского руководства утвердить на его территории «классическую» советскую систему национально-государственного устройства. После того, как в июле 1930 г. из состава Казахской АССР была выведена Кара-Калпакская автономная область, в республике не удалось ни одному «нетитульному» этносу образовать свою национально-территориальную автономию. При этом «титульный этнос» представлял в республике «этническое меньшинство» – по переписи 1979 г. казахи составляли 36,02%, в 1989 г. – 39,69% населения Казахской ССР [26].

Казахскому руководству удалось отстоять «территориальное единство» республики в истории с попыткой образования Целинной союзной республики, ценой волнений на национальной почве не дать образовать Немецкую автономную область с центром в Ерментау [12, с. 134–136], проигнорировать требование дунган и курдов на создание своей национально-территориальной автономии. «Антиавтономистская программа» наиболее четко была сформулирована аппаратчиком из Верховного Совета Казахской ССР Т. С. Джилтирорым в период перестройки. «Коренное население», – писал Джилтироров, – «не поймет, когда на лучших землях Казахстана будут возникать немецкие, курдские, татарские, тюркские автономные районы и области». «Создание национальных автономий», указывал чиновник, «может привести к постепенному вытеснению коренных жителей в отдаленные пустынные необжитые просторы Казахстана» [27, л. 2]. Признавая целесообразность и законность идеи «двойного суверенитета» на общесоюзном уровне, этноэлиты категорически отвергали эту идею в «своих» республиках. Данный парадокс советской национальной политики в полной мере обнаружится после распада государства; в рамках единого государства в форме иерархической федерации этнократические устремления

элит советскому руководству вплоть до конца 1980-х гг. удалось сдержать и подавить.

Таким образом, национально-территориальный принцип внутреннего устройства советского государства устранил одно из декларируемых западными и постсоветскими экспертами якобы фундаментальных противоречий советской национальной политики, заключающихся, по их мнению, в феномене советского народа как новой исторической общности. Будучи ориентированной на создание гражданской политической нации (составлено, это явление скрывалось под лозунгом «сближение и слияние наций при социализме» и идеологемами «сверхнациональное сообщество» либо «суперэтнос») советская национальная политика создавала и укрепляла этнонации. Национально-территориальный принцип выступал средством создания, объединения и скрепления составных частей (этноаций) в единое целое – новую историческую общность советский народ. Составлено, эту же роль сегодняшнее федеративное устройство России при всей ее асимметричности исполняет, объединяя в «российскую нацию», сохраняя и оберегая национальную идентичность всех ее народов.

Список литературы

1. Тишков В. А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве: (исторический аспект) // Этничность и власть в полигэтнических государствах / отв. ред. В. А. Тишков. М. : Наука, 1994. С. 9–32.
2. 100 лет СССР: четыре «имперские ловушки и “бомба замедленного действия”». URL: <https://daily.hse.ru/post/100-let-sssr-chetyre-imperskie-lovushki-i-bomba-zamedlennogo-deystviya-sovetskogo-proekta> (дата обращения: 20.05.2024).
3. Дюков А. Р. Советская система этнотерриториального устройства как фактор дезинтеграции СССР в эпоху перестройки // Советский опыт: взгляд из XXI века (к 100-летию образования Союза Советских Социалистических Республик) : сборник статей / гл. ред. А. А. Коваленя. М. : Фонд «Историческая память», 2023. С. 396–432.
4. Национальный вопрос в программных документах политических партий, организаций и движений России. Начало XX в.: документы и материалы : учебное пособие / сост., автор введения и ред. И. В. Нам. 2-е изд., испр. и доп. Томск : Издательство Томского университета, 2016. 256 с.
5. Пожигайло П. А. Столыпинская программа преобразования России, 1906–1911. М. : РОССПЭН, 2007. 240 с.
6. Сталин И. В. Против федерализма // Stalin И. В. Сочинения : в 13 т. Т. 3. М. : ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1946. С. 23–31.
7. Вдовин А. И. Эволюция национальной политики СССР. 1917–1941 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2002. № 3. С. 3–54.
8. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939 гг. М. : РОССПЭН ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 662 с.
9. Аманжолова Д. А. Советский проект в Казахстане: власть и этничность, 1920–1930-е гг. М. : Институт российской истории РАН ; Центр гуманитарных инициатив, 2019. 480 с.
10. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-7523 (Верховный совет СССР. 1937–1989). Оп. 58. Д. 1033.
11. Воронков В. Мультикультураллизм и деконструкция этнических границ // Мультикультураллизм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В. С. Малахова и В. А. Тишкова. М. : Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. С. 38–47.
12. Мякшев А. П. Межнациональные отношения в СССР (1945–1985 годы): от общей Победы к кризису межэтнического доверия. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2017. 196 с.
13. Амрекулов Н. А., Масанов Н. Э. Казахстан между прошлым и будущим. Алматы : МГП Берен, 1994. 205 с.
14. Аманжолова Д. А. Советская национальная политика и советский народ: некоторые вопросы историографии // Ноябрьские историко-архивные чтения – 2021 г. Материалы Международной научно-практической конференции «Национальная политика и миграционные процессы в Советском Союзе. К 100-летию создания СССР» (ПермГАСПИ, 30 ноября – 1 декабря 2021 г.) : сборник / под ред. С. В. Неганова, А. В. Черных. Пермь : АО «ИПП “Уральский рабочий”», 2022. С. 20–34.
15. ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 58. Д. 1316.
16. ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 353.
17. Смит Дж. Оценка советской национальной политики: к построению количественной модели // Новая имперская история постсоветского пространства: сборник статей / под ред. И. В. Герасимова, А. П. Каплуновского, М. Б. Могильнер, А. М. Семёнова. Казань : Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 353–374.
18. История Абхазской АССР. 1917–1937 / отв. ред. Г. А. Дзидзария. Сухуми : Алашара, 1983. 390 с.
19. Бибикова О. П. Геополитика и кровь Карабаха // Азия и Африка сегодня. 1994. № 12. С. 18–34.
20. Дьякова Н. Территории постсоветских республик: от истории к современности. URL: file:///C:/Users/user/Desktop/NDJA_territory.pdf (дата обращения: 20.05.2024).
21. Мирный договор между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Финляндской Республикой // Документы внешней политики СССР : в 26 т. Т. 3 / гл. ред. З-го т. Г. А. Белов. М. : Госполитиздат, 1959. С. 265–282.
22. Постановление Совета Труда и Обороны о милитаризации угольной промышленности // Декреты Советской власти : в 18 т. Т. 8. / ред. кол. 8-го т. Ю. А. Ахапкин, С. Н. Валк, И. В. Загоскина, Г. Д. Обичкин, П. А. Родионов, А. А. Соловьев,

- Г. А. Трукан, В. П. Шерстобитов. М. : Политиздат, 1976. С. 28–30.
23. ГАРФ. Ф. Р-6892 (Комиссия Центрального исполнительного комитета СССР по районированию. 1923–1928). Оп. 1. Д. 11.
24. Елизаров С. А. Формирование и функционирование системы административно-территориального деления БССР (1919–1991 гг.). Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2009. 222 с.
25. Гронский А. Советская национально-территориальная политика на примере укрупнения БССР в 1926 г.. URL: https://ruskline.ru/opp/2023/11/03/sovetskaya_nacionalnoterritorialnaya_politika_na_primerе_ukrupneniya_bssr_v_1926g (дата обращения: 20.05.2024).
26. Этническая демография Казахстана. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.9bc49c5f-665eac92-01fd5ba1-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Ethnic_demography_of_Kazakhstan#History (дата обращения: 20.05.2024).
27. ГАРФ. Ф. Р-9654 (Съезд народных депутатов СССР, Верховный Совет и их органы). Оп. 10. Д. 103.

Поступила в редакцию 04.06.2024; одобрена после рецензирования 20.06.2024; принята к публикации 28.06.2024
The article was submitted 04.06.2024; approved after reviewing 20.06.2024; accepted for publication 28.06.2024

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 459–466

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 459–466

<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-459-466>, EDN: DYKOOI

Научная статья
УДК 94(4-21)|653|:930

Контексты изучения средневекового города, или О пользе «бесплодных» дискуссий в истории исторической науки

Л. П. Репина

¹ Институт всеобщей истории Российской Академии наук, Россия, 119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32 а

² Российский государственный гуманитарный университет, Россия, 125047, г. Москва, Миусская площадь, д. 6

Репина Лорина Петровна, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, ¹главный научный сотрудник, заведующий Отделом историко-теоретических исследований; ²профессор кафедры теории и истории гуманитарного знания, lorinarepina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8008-9388>, AuthorID: 1263

Аннотация. В настоящей статье автор продолжает свои размышления о принципиальном значении и эвристическом потенциале последовательного изучения материалов научных дискуссий для историко-историографического исследования. В контексте современных обсуждений проблем теории истории и темпоральных аспектов исторического сознания стоит обратить внимание на концепцию «сложного настоящего» Ханса Ульриха Гумбрехта, который подчеркивает существенные изменения, произошедшие в восприятии времени в ХХI в., в результате ухода от парадигмы прогресса, с характерным для этой модели постоянно скипающимся коротким настоящим. Напротив, согласно концепции Гумбрехта, разделяемой автором статьи в ее основных положениях, новое настоящее ХХI в. – это время скрытого сосуществования множества прошлых. С этой позиции в настоящем исследовании на примере продолжительной дискуссии советских историков о средневековом городе обсуждается роль кажущихся бесконечными и бесплодными научных дискуссий в стимулировании новых исследовательских вопросов и той подспудной работы в поисках ответа на них, которая влечет за собой освоение нового материала, реконфигурацию предметного поля, постоянную переинтерпретацию и своеобразную интерференцию сформированных на каждом предшествующем этапе концепций, без чего было бы невозможно развитие исторической науки.

Ключевые слова: научные дискуссии, «сложное настоящее», средневековый город, преемственность, контекстуализация, история исторической науки

Для цитирования: Репина Л. П. Контексты изучения средневекового города, или О пользе «бесплодных» дискуссий в истории исторической науки // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 459–466. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-459-466>, EDN: DYKOOI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Contexts for studying a medieval city, or On the benefits of “fruitless” discussions in the history of historical science

L. P. Repina

¹Institute of World History, Russian Academy of Sciences, 32 a Leninsky Ave., Moscow 119991, Russia

²Russian State University for the Humanities, 6 Miusskay Square, Moscow 125047, Russia

Lorina P. Repina, lorinarepina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8008-9388>, AuthorID: 1263

Abstract. In the article, the author continues reflections on the fundamental importance and heuristic potential of the consistent study of materials of scientific discussions for historical-historiographic research. In the context of modern discussions of the problems of the theory of history and temporal aspects of historical consciousness, it is worth paying attention to the concept of the "complex present" by Hans Ulrich Gumbrecht, who emphasizes the essential changes that have occurred in the perception of time in the 21st century, as a result of the departure from paradigm of progress, with a constantly shrinking short present characteristic of this model. On the contrary, according to Gumbrecht's concept, shared by the author of the article in its main provisions, the new present of the 21st century is a time of hidden coexistence of many pasts. From this position the article, using the example of a long discussion of Soviet historians about a medieval city, discusses the role of seemingly endless and fruitless discussions in stimulating new research questions and that work in search of answers to them, which entails the attraction of new source material, reconfiguration of the subject field, constant reinterpretation and peculiar interference of the concepts formed at each previous stage, without which the development of historical science would be impossible.

Keywords: scholarly discussions, "complex present", medieval city, continuity, contextualization, history of historical science

For citation: Repina L. P. Contexts for studying a medieval city, or On the benefits of "fruitless" discussions in the history of historical science. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 459–466 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-459-466>, EDN: DYKOOI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В монографии Х. У. Гумбрехта [1] и изданной на русском языке его статье «Филология и сложное настоящее» [2] речь идет о том, что в «новаторской конструкции темпоральности» в нашем новом «сложном» или «широком настоящем» парадигмы и феномены прошлого, доступные и готовые к использованию, накладываются друг на друга. В этом пространственно-временном контексте, утверждает Х. У. Гумбрехт, мы стремимся понять, как в текстах прошлого «отпечатывались материальные следы и симптомы социальных ситуаций» [2, с. 72], в которых эти тексты бытовали.

Концепция «сложного настоящего» имеет важное значение для современной истории науки вообще, истории гуманитарных наук и собственно истории исторической науки. В такой парадигме содержание исследуемого исторического текста чрезвычайно разрастается, открывая новые возможности для анализа всех его пластов. Более 20 лет назад этот феномен, требующий от нас изменения исследовательской стратегии, был описан Л. М. Баткиным в его полемическом комментарии по поводу выступления М. Л. Гаспарова в одной из научных дискуссий, материалы которой опубликованы в альманахе «Одиссея. Человек в истории». Обсуждение вопроса о переводе как проблеме культуры в самом широком общегуманитарном смысле этого слова потребовало «развернуть» тезис о «стереоскопичности» и дополнительности разных по тенденции интерпретаций в новом направлении. Суть этого ценного в эпистемологическом плане предложения такова: на каждом новом этапе развития исторического знания «прежние корректные толкования не забываются и не перечеркиваются, но занимают иное, уже не системообразующее, а частное место», а расхождения между сформированными на данный момент в науке общими понятиями и конкретным материалом (во всем его пространственном и временном многообра-

зии) увеличиваются по мере накопления этого материала. Все новые контексты бытования изучаемых текстов в Большом времени выявляют в них смыслы, которые в их собственной «современности», т. е. в «малом времени» ситуации их создания, проявиться не могли [3, с. 352–353]. Тем не менее, имея в виду это обстоятельство и размыщляя с позиции сегодняшнего сложного настоящего о прежних интерпретациях и о дискуссиях, завершенных в свое время без очевидного результата, можно заметить скрытые импульсы к расширению предметных полей, освоению новой проблематики, разработке инновационных методик и развитию тех направлений, без которых уже невозможно представить современную историческую науку.

В такой перспективе совершенно по-новому раскрывается тернистый путь, пройденный в XX в. советской историографией, который, несмотря на монолитную идеологию и всеобъемлющую методологию, был отмечен целым рядом активных профессиональных дискуссий. Одна из них – дискуссия о средневековом городе.

Позволю себе привлечь внимание к высказыванию об этой дискуссии одной из ее активных участниц – Аделаиды Анатольевны Сванидзе в ее юбилейном интервью, опубликованном в журнале «Средние века» в 2009 г. [4]. Интервьюер задал вопрос: «В 70-х годах XX в. советская медиевистика словно заново “заметила” проблему средневекового города. Началась дискуссия о месте города в феодальной формации. Довелось принять в ней участие и Вам. Это была первая (и, кажется, пока единственная) серьезная дискуссия, посвященная урбанистической тематике. Как Вы могли бы оценить этот эпизод из жизни отечественной медиевистики сейчас, по прошествии стольких лет?». Отвечая на вопрос, А. А. Сванидзе справедливо поправила интервьюера, отметив, что дискуссия была не одна, так как споры в на-

учной печати продолжались, и подчеркнула, что они интересны прежде всего тем, что в них «получили четкое выражение различия между двумя позициями в отношении социальной сущности средневекового города вообще, точнее, соотношения города (конечно, преимущественно “центра ремесла и торговли”), феодализма и Средневековья... Дискуссия же в целом оказалась бесплодной, поскольку так и не породила новых подходов к проблеме функций и сути средневекового города в целом» [4, с. 11].

Этот вердикт представляется слишком суровым. На мой взгляд, несмотря на жесткие ограничения, которые условия того времени накладывали на поиск новых подходов методологического характера, дискуссии 1960–1970-х гг., стимулировав многочисленные исследования по истории отдельных средневековых городов на разных этапах их развития, дали, бесспорно, позитивный результат – впечатляющее приращение исторического знания: публикации этого периода ввели в научный оборот не только солидный корпус новых эмпирических данных, но также важные обобщения о специфике регионального развития и реализацию контекстуального подхода, к которому некогда призывал Е. А. Косминский, говоря о необходимости изучения «города и деревни в едином контексте» [цит. по: 4, с. 13]. Такой подход был объективно обусловлен внутренними потребностями развития исторической науки. Не случайно, что одновременно и тоже в череде развернувшихся дискуссий аналогичное направление утверждало свои позиции в зарубежной историографии под флагом системного подхода «новой социологии и истории города», а позднее – на волне пространственного поворота – в «новой региональной истории».

Вернемся, однако, к дискуссиям советских историков о проблеме средневекового города, интерес к которым оказался долговременным: к их предметному содержанию и концептуальным предложениям так или иначе обращались авторы всех последующих отечественных историко-урбанистических исследований, испытывая необходимость определиться со своей собственной позицией. Эта операция мне хорошо знакома по личному опыту работы над кандидатской диссертацией и первой монографией [5]. А по прошествии десятилетий, уже после выхода отечественной историографии из жестких рамок единственno верной теории формаций и пережитого методологического хаоса, обострившийся на рубеже веков интерес к теоретическим поискам и коммуникативным стратегиям сообщества медиевистов советского периода выразился в серии специальных статей (в том числе в межвузовском научном сборнике «Средневековый город»), а также в реализации полномасштабных диссертационных исследований или в специальных главах историографических диссертаций нового поколения историков.

Упомяну лишь несколько более или менее успешных попыток анализа научной полемики прошлого или ее значимых фрагментов. Помимо диссертационных работ Е. Ю. Полховской «Основные теоретические и методологические подходы к истории европейского города в отечественной медиевистике XX века» [6], Т. И. Ромадиной (Вахромеевой) «Проблема типологии развития городов в странах Западной Европы Высокого Средневековья в отечественной историографии второй половины XX века» [7], Е. В. Афонюшиной «Изучение английского средневекового города в отечественной историографии» (2012) [8], не меньшего внимания заслуживает опубликованная еще в 1997 г. небольшая статья А. В. Хрякова «Происхождение средневекового города: развитие отечественной медиевистики в свете одной проблемы» [9], прежде всего, потому что в ней была впервые поставлена нетривиальная задача дать краткий анализ судеб отечественной исторической науки сквозь призму дискуссий о происхождении средневекового города.

А. В. Хряков выделил и определил последовательные этапы обсуждения этой проблемы, начиная с работ В. В. Стоклицкой-Терешкович (1885–1962) [10], которую автор назвал первым российским урбанистом (хотя, на мой взгляд, этого статуса, скорее, заслуживает А. К. Дживелегов, издавший свою книгу «Средневековые города Западной Европы» в 1902 г., переизданную недавно, в 2020 г.) [11], и Я. А. Левицкого (1906–1970) как автора марксистской теории возникновения средневекового города, получившей в западных учебниках название «ремесленной». Кстати, не могу не отметить отнюдь не случайное «совпадение» – два значимых труда для последующего развития урбанизованных штудий в советской медиевистике вышли в свет практически одновременно, в 1960 г.: это книги В. В. Стоклицкой-Терешкович «Основные проблемы истории средневекового города X–XV вв.» [12] и Я. А. Левицкого «Города и городское ремесло в Англии в X–XII вв.» [13].

Поставив задачу осветить развитие советской историографии в фокусе обсуждения происхождения средневекового города, А. В. Хряков сразу обратился к дискуссиям 1970-х гг., пропустив, к сожалению, более раннюю дискуссию по проблеме возникновения средневекового города в Западной Европе, вызванную одноименным докладом М. Я. Сюзюмова на научной сессии «Итоги и задачи изучения генезиса феодализма в Западной Европе» (30 мая – 3 июня 1966 г.). Между тем материалы дискуссии середины 1960-х гг., опубликованные в 1968 г. в сборнике «Средние века», явственно обнаруживают ее содержательную и логическую связь с последующими спорами. Как известно, в центре внимания оппонентов, выступавших на этой сессии, была проблема континуитета или дисkontинуитета позднеримского полиса и раннесредневекового города. Однако считаю

важным обратить внимание на то, что концептуальное содержание доклада и опубликованного в 1968 г. текста [14] вопросом о континуитете не ограничивалось. Отмечу минимум четыре важных момента.

Во-первых, М. Я. Сюзюмов предложил развернутое определение понятия «город», согласно которому содержание этого понятия «включает в себя те функции, которые город выполняет в развитии общества, социальный состав городского населения в разные эпохи существования самого города, культурный облик последнего и его роль в оформлении общественной идеологии и развитии науки». При этом было подчеркнуто, что содержание любого явления или общественного института может исторически изменяться и, переходя в новое качество, «оказываться полностью измененным» [14, с. 77]. И напротив, сущность явления или института «представляет собой то определяющее общее, что характерно для данного явления в различных условиях его существования». Это «определяющее общее», сохраняющееся несмотря на все изменения, пережитые в процессе общественного развития, виделось в отделении одной части населения – «горожан», от другой – «жителей деревни» и неизбежном выделении «особых центров экономики и культуры» [14, с. 77–78].

Во-вторых, в число материальных причин, определивших «происхождение города как института, выполняющего особые функции в развитии общества», автор доклада включил, помимо обязательной отсылки к «развитию производительных сил», «необходимость обособления непроизводственных профессий» и «появление потребности в оформлении идеологии для упрочения складывающихся производственных отношений». Логика последующего рассуждения разворачивается, по сути, в оригинальную концепцию происхождения города как такового: «Представители непроизводственных профессий, работники умственного труда могут успешно развивать свою деятельность только в условиях взаимного общения, имея более широкий кругозор, в обстановке, при которой возможен выход из рамок местной ограниченности. Наиболее благоприятствовало этому создание особого общественного института – города» [14, с. 78]. И далее: «Приспособляясь к потребностям лиц непроизводственных профессий, ремесло принимало городской характер и тем самым уже отделялось от сельского хозяйства» [14, с. 81]. Нетривиальность этого рассуждения отнюдь не снимается цитатой из классиков марксизма, гласящей: «Наибольшее разделение материального и духовного труда – это отделение города от деревни» [15, с. 49]. Ведь для М. Я. Сюзюмова именно выделение непроизводственных профессий являлось главным в процессе становления города и оформлении его полифункциональности. Предложенная полномасштабная дефиниция «город как общественный институт в пору его генезиса» включала

такие позиции, как «центр отделения умственного труда от физического», центр «превращения натурально-хозяйственного продукта в товар», «центр товарно-денежного обращения», центр «создания специфически городского производства», а также «как правовая категория и как преимущественный центр развития идеологии, просвещения, знаний» [14, с. 81].

В-третьих, доказывая преемственность развития средневекового города из позднеримского полиса в органах городского управления, в хозяйственной и культурной сферах, М. Я. Сюзюмов отнюдь не абсолютизировал эту преемственность, специально указывая на то, что античный город в новых условиях приобрел средневековые черты [14, с. 78], что «характер функций города как общественной организации» и последующая тенденция его прогрессивного развития «в направлении к капиталистическому городу» зависели от «глубочайших изменений социального порядка» [14, с. 81].

В-четвертых, было особо подчеркнуто, что сущность континуитета состоит «в наличии единства исторического процесса», и признание континуитета города, ставшего «неотъемлемым достоянием человеческой культуры», «вовсе не означает отрицания революционных преобразований». В поддержку своего понимания исторического процесса М. Я. Сюзюмов привел знаковую цитату из все той же «Немецкой идеологии» К. Маркса и Ф. Энгельса (1846 г.): «История есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой – видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности» [15, с. 44–45]. Тем не менее такая диалектическая интерпретация роли преемственности в историческом процессе осталась участниками дискуссии незамеченной в тени допшианской «буржуазной» теории континуитета.

Основные тезисы доклада М. Я. Сюзюмова не получили поддержку ни на самой научной сессии, ни после нее, ни в ходе последующих дискуссий, однако необходимо обратить внимание на то, что реакция оппонентов на оспариваемые положения не ограничилась резкой критикой по разным основаниям, включая, кстати, не совсем корректные ссылки на отсутствие данных источников о функционировании городов в Раннее Средневековье, а также на то, что «утверждать... преемственность их развития можно только вопреки фактам» [16, с. 94].

В связи с задачей настоящего исследования, не вдаваясь в подробности изложения уже хорошо известных противостоящих тезисов, считаю важным подчеркнуть следующее: в перспективе

полемика стимулировала аргументированные позитивные высказывания ее участников, в которых на основе их личного опыта конкретно-исторических исследований прозвучали ценные идеи, во многом определившие как содержание и ход последующих дискуссий, так и проблематику будущих аналитических разработок в области истории средневекового города, в том числе на базе построения его сравнительной типологии, которые во многом предвосхищали новации в западной исторической социологии 1970-х гг.

Отмечу, прежде всего, три статьи, опубликованные в том же выпуске сборника «Средние века»: во-первых, статью А. Д. Люблинской «Типологии раннего феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза», главные концептуальные положения которой получили позднее развернутое эмпирическое обоснование в ее статье 1975 г. «Сельская община и город в Северной Франции в XI–XIII вв.» [17, 18]; во-вторых, статью Л. А. Котельниковой «Итальянский город раннего Средневековья и его роль в процессе генезиса феодализма» [19, 20] и, в-третьих, остро полемический обзор С. М. Стама «Некоторые тенденции в современной буржуазной историографии средневекового города», направленный против теории континуитета и идеи «филиации урбанизма», в продолжение полемики на сессии 1966 г. [21–24]. Примечательно, что в преамбуле автор сослался на то, что еще в начале 1930-х гг. Е. А. Косминский, «вырабатывая общий курс средних веков сделал очень много для утверждения в нашей науке марксистской концепции средневекового города. Возникновение средневекового города как следствие отделения ремесла от земледелия он рассматривал вместе с тем как органическую составную часть тех глубоких экономических и общественных сдвигов, которыми отмечены переломные для западноевропейского феодализма XI и XII столетия и которые вылились также в крестовые походы и в широкий процесс внутренней колонизации» [21, с. 72]. И не случайно относительно позитивные оценки были даны С. М. Стамом тем работам «буржуазных историков», которые рассматривали возникновение средневекового города, опираясь на междисциплинарные подходы, открывающие новые предметные поля в рамках гуманитарной географии, социальной топографии, исторической демографии, а также в свете процессов внутренней колонизации (в работах Ж. Дюби, Л. Женико и др.).

Таким образом, в рассматриваемой дискуссии советских медиевистов, наряду с резкой критикой, прозвучали конструктивные идеи, получившие впоследствии развитие как в собственных монографических исследованиях ее участников [25], породивших в свою очередь новые дискуссии, так и в мировой науке второй половины XX в.

Параллельно в течение 1960–1970-х гг. шел во многом аналогичный процесс за рубежом под влиянием известного социологического поворота

в западной историографии и становления исторической урбанистики как научной дисциплины. Мне пришлось подробно писать об итогах этого процесса еще 40 лет назад, посвятив данной теме статью «История и социология: основные тенденции в современной англо-американской урбанистике» [26], опубликованную в историографическом ежегоднике «История и историки» в 1984 г. В 1970-е гг. в результате широкой дискуссии в западной историографии об отношениях между историей и социологией историческая урбанистика стала местом приложения сил сторонников междисциплинарных исследований, город понимался как сложный структурно-функциональный комплекс, в изучении которого ведущее место заняли сравнительно-типологический и социально-контекстуальный подходы. Контекстуальный подход мыслился как вариант системного, предполагавший соблюдение принципа детерминации локальных форм социально-экономическим или социально-политическим контекстом. При всей гетерогенности западной урбанистики того периода, главные успехи «новой социологии и истории города» были связаны с опорой на концепцию Макса Вебера, с переходом от теорий социальной автономии города к анализу его одновременно как целостного организма и как части совокупной общественной системы, в противовес дуалистическим концепциям, отделяющим город от его окружения и противопоставляющим их друг другу. Изучаемый многофункциональный объект как определенная сложная целостность включаясь в общую сеть интерлокальных, региональных и надрегиональных связей.

Огромное влияние на историческую урбанистику 1970-х гг. оказали также синтетические бродлевские концепции городских ареалов – пространств, пронизанных связями разного характера, плотности и интенсивности [27–29]. Комплексное понятие «городской ареал» обозначало те пространства, в которых город данного типа, выступая субъектом исторического действия, реализовал свои многообразные экономические, политico-административные и культурные функции, а его типологические особенности определялись направлениями и масштабами проходившего через город движения людей и вещей, посредством которого осуществлялись обращение товаров, контроль за территорией, а также передача культурного опыта. Иными словами, город выступает как центр пространств различной конфигурации, образуемых его зоной снабжения продовольствием и сырьем, зоной регулярных товарообменов, зоной притока иммигрантов, зонами посреднической или дальней торговли, административным округом, а эмпирически определяемые параметры этих зон отражают ранг и роль города в иерархической системе городских поселений: рыночных mestечек, локальных, провинциальных, региональных, надрегиональных центров.

С распространением «новой истории и социологии города» по-новому зазвучала и тематика, связанная с исследованием процесса урбанизации. Здесь уместно упомянуть короткую статью Жоржа Дюби «Урбанизация в истории», в которой автор, говоря об исходивших из деревни импульсах развития, породивших этот процесс, и о взаимосвязях «двух миров» (сельского и городского), определил как актуальную задачу исторической науки изучение темпов, факторов и форм урбанизации в их историческом развитии и создание региональной типологии [30].

Отметим, что характерной чертой историко-урбанистических штудий 1970 – начала 1980-х гг. была ориентация на различные версии структурно-системного подхода. Особым влиянием в этом направлении в 1980-е гг. стала пользоваться теория структуризации выдающегося британского социолога Энтона Гидденса [31], посвятившего свою первую монографию анализу социальных теорий Карла Маркса, Эмиля Дюркгейма и Макса Вебера. В наиболее развернутом виде концепция города (прежде всего средневекового) с позиции теории структуризации в ее историко-материалистическом изводе была сформулирована и представлена М. А. Баргом [32]. Эта концепция опиралась на общее понимание исторического процесса как процесса «беспрерывного и бесконечного формообразования», обратной стороной которого выступает «беспрерывная деструктурация».

М. А. Барг писал, ссылаясь, конечно же, на классиков марксизма: «История творит живые формы человеческого общения столь же неустанно, как и разрушает их. И в этом нескончаемом потоке пребывает живым лишь то, что открыто будущему, не завершено» [32, с. 122–123]. Поставив задачу разобраться в механизме формообразования, М. А. Барг выделил следующие типы социальных структур: 1) формы унаследованные (типичный пример унаследованной структуры на протяжении всего Средневековья – католическая церковь, которая, несмотря на внутренние перемены, как субсистема оставалась неизменной); 2) формы приспособленные, преобразованные (пример – община как форма социальности в разных фазах ее развития, приспособливающаяся к новой целостности, претерпевающая изменения), 3) формы, возникшие в результате процесса дифференциации более ранних структур; 4) формы, появлявшиеся в процессе интеграции более ранних структур; 5) формы, вновь найденные, возникавшие как ответ на новые потребности общественного развития; 6) формы, заимствованные извне, «пересаженные» на другую историческую почву [32, с. 123–124].

Принципиальное значение М. А. Барг придавал третьему типу, «поскольку это – столбовая дорога формообразования». В качестве наглядного примера он приводил именно возникновение средневекового города как «...образец расщепления хозяйственного субстрата деревни раннего

средневековья на две обособленные структуры (вслед за отделением ремесла от земледелия)». Причем в этом процессе усматривается не только факт дифференциации структур, но и «доказательство нового формообразования». В своем логическом построении М. А. Барг акцентирует внимание на то, что «с дифференциацией прежних структур складывается не просто более густая сеть структур; вновь образованные структуры... входят в обширные единства (структуры) как сопряженные подсистемы (город и деревня в средние века), внутренне структурированные и внешне связанные с более обширной целостностью» [32, с. 125]. Только по поводу форм, заимствованных извне, «пересаженных» на другую историческую почву, М. А. Барг высказался предельно кратко: «Этот разряд столь ясен, что их выявление и истолкование не представляет большого труда» [32, с. 126].

М. А. Барг иллюстрировал значимость «обратной» активной содержательной функции форм именно на примере средневекового города. Позволю себе просто воспроизвести это интересное рассуждение почти полностью в соответствующей терминологии: «Средневековый город как форма, как общественная структура возник... в результате расщеплений, дифференциации экономического базиса раннефеодальной деревни, возник как ее антитезис, как ее противоположение в области производства: деревня – центр земледелия, город – центр ремесла. Однако кто взялся бы оценить или даже просто перечислить все последствия этой столь односложной, на первый взгляд, “оппозиции” во всех других сферах общественной жизни? В самом деле, сколько общественных форм было, в свою очередь, порождено городом, для скольких форм он стал колыбелью? В области производства средневековый город, как известно, вызвал к жизни... новую общественную структуру ремесла и торговли. На уровне политических форм город стал колыбелью коммунального строя. В сфере духовной город вызвал к жизни светскую культуру и, следовательно, в далекой исторической перспективе – рационализм и просвещение» [32, с. 126]. Таким образом, средневековый город оказал обратное влияние на реструктуризацию старых форм, включая феодальную деревню.

Итак, можно констатировать, что в советской и в западной историографии 1960–1970-х гг. переосмысление феномена города, в том числе города средневекового, шло в одном направлении, в соответствии с логикой познания и основными тенденциями развития науки того времени, при всей очевидности категориально-терминологических и теоретико-методологических различий. Это был общий тренд к междисциплинарному синтезу и построению эвристически ценных регионально-типологических моделей рассмотрения урбанизационных процессов и городских структур.

Каждый последующий методологический поворот в мировой историографии проходил через

горнило дискуссий, нередко вызывая ощущения кризиса и невозможности найти в этих концептуальных спорах истину, однако, как правило, порождал не только всплеск интереса к новым темам и экспансию предметного поля, но и обогащение исследовательского инструментария.

Антропологический поворот радикально преобразовал проблематику исторической урбанистики. В последней четверти XX в. вышел на первый план вопрос о «городском пространстве» как сфере, где действуют специфические формы солидарности и социальной напряженности; где пересекаются различные культурные и властные структуры. В ходе изучения форм повседневности, ценностных ориентаций, стереотипов поведения различных слоев и групп городского населения укреплялось представление о городе как о специфической социокультурной целостности, базирующейся на сложной системе специфических взаимосвязей и взаимодействий между индивидами и общностями, между нормой и практикой, ценностными ориентациями и формами коммуникаций. Очень скоро основные усилия историков-урбанистов сосредоточились на анализе социальных групп городского населения и связей внутри городского сообщества. Городские социальные общности разного уровня стали рассматриваться, с одной стороны, как форма гарантии безопасности и интересов индивида и коллективных привилегий, а с другой – как органы общественной солидарности, обеспечивавшие интегрирование индивидов в единый организм через включение в городские социальные микроструктуры: семью, соседство, цех или гильдию, общину, приход, другие общности и корпорации. Внимание к внутригородским горизонтальным связям сопровождалось освоением методов сетевого анализа. Микроисторические исследования во многом изменили представление о городской жизни Средневековья и раннего Нового времени, открыв целый мир разнообразных межличностных контактов.

В целом в урбанистике начала 2000-х гг. произошло принципиальное расширение горизонта представлений о городе как историческом феномене. Город как одна из важнейших форм социальной жизни оказался в центре исследовательских полей исторической географии и социальной топографии, исторической демографии и экономической истории, исторической психологии и истории социабельности, истории локальной и региональной, национальной и транснациональной и даже глобальной.

Пространственный поворот начала XXI в. в истории и других социально-гуманитарных науках существенно повлиял на обновление проблематики и подходов, нацеленных на разностороннее понимание spatialных структур в обществах прошлого и современности. Как выразился Жак Ревель, каждый исторический актор «участвует прямо или опосредованно в процессах разных масштабов и разных уровней, от самого локального

до самого глобального и, следовательно, вписывается в их контексты» [33, с. 117]. Актуализация трансдисциплинарных региональных исследований на фоне споров, возникающих по вопросу определения, а точнее, конструирования границ изучаемых регионов открывает новые перспективы в исторической урбанистике, и особый интерес представляют перспективы региональной компаративистики.

Открывшееся многообразие исторической действительности, несводимой к универсальным формулам, включает противоположные позиции старых дискуссий в общий познавательный контекст. В 2002 г. А. Я. Гуревич, мысленно подводя итоги давней дискуссии начала 1970-х по поводу его книги «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе», задал существенный вопрос из нашего «сложного настоящего»: «Если попытаться охватить умственным взором социальные отношения в разных регионах Европы и на разных этапах средневековья, то не предстанет ли Запад куда менее феодальным, чем это казалось предшествовавшим поколениям историков?» [34, с. 270].

Крукий разворот исследований в поле социокультурного анализа открыл новые перспективы во всех предметно-тематических областях исторического знания. В этом контексте полемика вокруг вопроса о феодальности или не-феодальности средневекового города перешла в сферу изучения истории науки.

Впрочем, это всего лишь промежуточный итог. Историческая урбанистика, как и отечественная медиевистика в целом, без сомнения, отнюдь не исчерпала свои необозримые возможности, и я надеюсь, что новые повороты внесут конструктивный вклад в ее дальнейшее развитие.

Список литературы

1. Gumbrecht H. U. Our Broad Present: Time and Contemporary Culture. New York : Columbia University Press, 2014. 112 р.
2. Гумбрехт Х. У. Филология и сложное настоящее / пер. с англ. Н. Поселягина // Новое литературное обозрение. 2016. № 2 (138). С. 68–77.
3. Баткин Л. М. О проблеме «чужого текста» и о том, был ли «настоящий Петрарка» // Одиссей. Человек в истории: слово и образ в средневековой культуре. 2002 / гл. ред. А. Я. Гуревич. М. : Наука, 2002. С. 345–353.
4. Юбилейное интервью с Аделаидой Анатольевной Сванидзе // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. 2009. Вып. 70 (4). С. 8–25.
5. Репина Л. П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV века. М. : Наука, 1979. 221 с.
6. Полковская Е. Ю. Основные теоретические и методологические подходы к истории европейского города в отечественной медиевистике XX века : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2002. 215 с.

7. Ромадина Т. И. Проблема типологии развития городов в странах Западной Европы высокого средневековья в отечественной историографии второй половины XX века : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008. 220 с.
8. Афонюшина Е. В. Изучение английского средневекового города в отечественной историографии : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2012. 248 с.
9. Хряков А. В. Происхождение средневекового города: развитие отечественной медиевистики в свете одной проблемы // Исторический ежегодник. 1997 / гл. ред. А. В. Якуб. Омск : ОмГУ, 1997. С. 76–83.
10. Стоклицкая-Терешкович В. В. Очерки по социальной истории немецкого города в Западной Европе. М. : Издательство АН СССР, 1936. 343 с.
11. Джиселегов А. К. Средневековые города в Западной Европе. М. : Юрайт, 2020. 216 с.
12. Стоклицкая-Терешкович В. В. Основные проблемы истории средневекового города X–XV вв. М. : Издательство социально-экономической литературы, 1960. 350 с.
13. Левицкий Я. А. Города и городское ремесло в Англии в X–XII вв. М. : Издательство АН СССР, 1960. 304 с.
14. Сюзюмов М. Я. Возникновение средневекового города в Западной Европе // Средние века. 1968. Вып. 31. С. 77–87.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. Т. 3. М. : Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 7–544.
16. Обсуждение доклада М. Я. Сюзюмова // Средние века. 1968. Вып. 31. С. 88–118.
17. Люблинская А. Д. Типологии раннего феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза // Средние века. 1968. Вып. 31. С. 9–16.
18. Люблинская А. Д. Сельская община и город в Северной Франции в XI–XIII вв. // Средние века. 1975. Вып. 38. С. 116–128.
19. Котельникова Л. А. Итальянский город раннего Средневековья и его роль в процессе генезиса феодализма // Средние века. 1975. Вып. 38. С. 100–115.
20. Котельникова Л. А. Феодализм и город в Италии в VIII–XV вв. (по материалам центральных и северных областей). М. : Наука, 1987. 256 с.
21. Стам С. М. Некоторые тенденции в современной буржуазной историографии средневекового города // Средние века. 1968. Вып. 31. С. 72–83.
22. Стам С. М. Движущие противоречия развития средневекового города // Вопросы истории. 1965. № 7. С. 93–105.
23. Стам С. М. Складывание социальной структуры средневекового города (XI–XIII вв.) // Средние века. 1971. Вып. 34. С. 256–273.
24. Стам С. М. Средневековый город и проблема возникновения нефеодальных форм собственности // Средневековый город : межвузовский сборник научных статей / отв. ред. С. М. Стам. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1974. Вып. 2. С. 3–45.
25. Стам С. М. Экономическое и социальное развитие раннего города (Тулуса XI–XIII вв.). Саратов : Издательство Саратовского университета, 1969. 432 с.
26. Репина Л. П. История и социология: основные тенденции в современной англо-американской урбанистике // История и историки : историографический ежегодник. 1980 / отв. ред. М. В. Нечкина. М. : Наука, 1984. С. 88–111.
27. Braudel F. Civilisation materielle, economie et capitalisme, XVe – XVIIIe siècle : in 3 t. T. 1 : Les structures du quotidien. Paris : Armand Colin, 1967. 544 p.
28. Braudel F. Civilisation materielle, economie et capitalisme, XVe – XVIIIe siècle : in 3 t. T 2 : Les Jeux de l'échange Broché. Paris : Armand Colin, 1967. 599 p.
29. Braudel F. Civilisation materielle, economie et capitalisme, XVe – XVIIIe siècle: in 3 t. T. 3. Le Temps du monde. Paris : Armand Colin, 1979. 607 p.
30. Duby G. L'urbanisation dans l'histoire // Études rurales. 1973. № 49–50. P. 10–13.
31. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. М. : Академический Проект, 2005. 528 с.
32. Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М. : Наука, 1984. 342 с.
33. Ревель Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального // Одиссей. Человек в истории. 1996: Ремесло историка на исходе XX века / гл. ред. А. Я. Гуревич. М. : Coda, 1996. С. 110–127.
34. Гуревич А. Я. «Феодальное средневековье»: что это такое? Размышления медиевиста на грани веков // Одиссей. Человек в истории: слово и образ в средневековой культуре. 2002 / гл. ред. А. Я. Гуревич. М. : Наука, 2002. С. 261–293.

Поступила в редакцию 21.05.2024; одобрена после рецензирования 24.05.2024; принята к публикации 28.06.2024
The article was submitted 21.05.2024; approved after reviewing 24.05.2024; accepted for publication 28.06.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 467–472

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 467–472

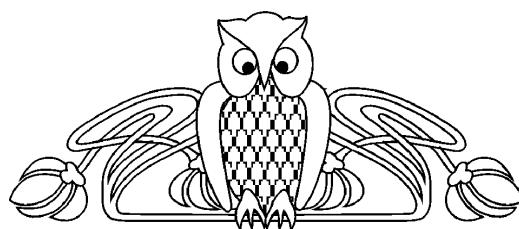
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-467-472>, EDN: FYEPGC

Научная статья

УДК [730(410+48):398(48)]|08/09|

«Прорицание вёльвы» в англо-скандинавской скульптуре

Е. С. Носова

Московский педагогический государственный университет, Россия, 119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1

Носова Екатерина Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков им. В. Ф. Семёнова, knosova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8333-4708>, AuthorID: 792702

Аннотация. Статья посвящена изучению эсхатологических сцен из «Прорицания вёльвы» в англо-скандинавской каменной скульптуре. Основное внимание сосредоточено на стилистическом анализе композиционных схем и их интерпретации на фоне трансформации религиозных представлений скандинавов в области датского права в конце IX – первой половине X в. Формулируется вывод, согласно которому использование языческих сцен из скандинавской мифологии подразумевало христианское значение для выражения сложных теологических проблем, связанных с темой Апокалипсиса.

Ключевые слова: англо-скандинавская скульптура, область датского права, скандинавская мифология, религиозные представления, Рагнарёк, «Прорицание вёльвы»

Для цитирования: Носова Е. С. «Прорицание вёльвы» в англо-скандинавской скульптуре // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 467–472. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-467-472>, EDN: FYEPGC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“Völuspá’s divination” in Anglo-Scandinavian sculpture

Е. С. Nosova

Moscow Pedagogical State University, 1 Malaya Pirogovskaya St., Moscow 119991, Russia

Ekaterina S. Nosova, knosova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8333-4708>, AuthorID: 792702

Abstract. The article is devoted to the study of eschatological scenes from the “Divination of Völuspá” in Anglo-Scandinavian stone sculpture. The main attention is focused on the stylistic analysis of compositional schemes and their background interpretation of how Scandinavian religious ideas transformed in the field of Danish law at the end of the 9th – the first half of the 10th century. The author concludes that the use of pagan scenes from Norse mythology implied Christian significance to express the complex theological problems associated with the theme of the Apocalypse.

Keywords: Anglo-Scandinavian sculpture, field of Danish law, Scandinavian mythology, religious beliefs, Ragnarök, “Divination of the Velva”

For citation: Nosova E. S. “Völuspá’s divination” in Anglo-Scandinavian sculpture. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 467–472 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-467-472>, EDN: FYEPGC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Осенью 865 г. войско датчан, впоследствии названное англосаксами «великой армией», во главе с Иваром и Хальфданом высадилось на восточном побережье Англии: «Тогда была большая смута среди нортумбрийцев... они собрались сражаться с данами, созвали большое ополчение, окружили данов в Йорке и попытались взять эту крепость. Некоторые прорвались внутрь, но очень много нортумбрийцев было убито, и снаружи, внутри... те, кто остались в живых, заключили мир с разбойническим войском» [1, с. 68]. К 867 г. Нортумбрия была полностью

захвачена, к 869 г. эту область разделила северо-восточная Мерсия. Правители Уэссекса предпринимали попытки предотвратить дальнейшее продвижение датчан, но в 879 г. королю Альфреду (871–900) пришлось пойти на заключение Уэссексского мирного договора с норманнами по той причине, что к этому времени скандинавы пустили слишком глубокие корни на всей территории северо-востока страны. Также необходимо обратить внимание на тот факт, что незадолго до заключения Уэссексского мирного договора предводитель данов Гутрум принял кре-

щение вместе со своей дружиной: «Тогда они дали ему важных заложников, поклялись суровыми клятвами, что они уйдут из королевства, и пообещали, что их король примет крещение. Они так и сделали: спустя три недели тридцать самых прославленных людей из войска данов – и Гутрум среди них – приехали к Эльфреду в Эллер, что неподалеку от Этелни. Король был крестным Гутрума, а церемония белых одежд была в Уэдморе, Гутрум оставался двенадцать ночей с королём, и тот почтил его и его спутников, поднеся им богатые дары» [1, с. 71]. По этой причине, по мнению многих исследователей, исчезает «религиозное различие между датчанами и англосаксами северных районов» [2, с. 33].

На самом деле в области датского права (территория в северо-восточной части Англии, где действовали законы и обычаи, принесенные сюда датчанами) даже после принятия христианского вероучения скандинавами, по словам Уильяма Мальсберийского, «гнусные образы язычников снова проросли в наших краях» [3]. Это было обусловлено следующими причинами: во-первых, в конце IX – начале X в. основная масса выходцев из Ютландии по-прежнему придерживалась традиционных верований. Большой популярностью пользовался обряд неполного крещения (*prima signato*), «потому что принявшие неполное крещение могли обращаться и с христианами, и с язычниками, а веру они себе выбирали ту, какая им больше понравится» [4]. Во-вторых, несмотря на то, что население Англии исповедовало христианство на протяжении нескольких столетий, скандинавское нашествие способствовало возрождению англосаксонских традиционных верований, сохранившихся в народной культуре «безмолвствующего большинства». Это выразилось не столько в поклонении богам, сколько в возрождении языческих обрядов, и именно в этот период времени появляется большое количество законодательных постановлений, в которых за религиозные преступления взыскивались штрафы. При этом языческие обряды ставились в один ряд с такими криминальными деяниями, как колдовство, клятвопреступление и прелюбодеяние.

Вполне естественно, что с «возрождением» языческих традиций в англо-ирландском искусстве, в частности в каменной скульптуре, происходят значительные изменения, связанные с появлением новых сюжетов из скандинавской мифологии. Из всего большого корпуса скандинавских песен наиболее популярным сюжетом становятся не подвиги славных героев – Сигурда, Сигмунда, Вёлунда, Хельги, не изображения плывущих на корабле в Вальхаллу воинов, погибших на поле брани, а последние строфы из «Прорицания вёльвы», описывающие конец мира.

«Прорицание вёльвы» – скандинавские стихи, сохранившиеся в двух рукописях: Codex Regius (GKS 2365 4) и Hauksbok (AM 544 4to),

датирующихся второй половиной XIII в. и первой половиной XIV в. соответственно. Кроме этого, отрывки «Прорицания вёльвы» упоминаются в прозаическом произведении «Младшая Эдда», написанном Снорри Стурлуссоном.

Во всех рукописях текст прорицания имеет расхождения, в связи с чем А. Хойслер [5, р. 12] и Дж. Линдблад [6, р. 251] выдвинули предположение о том, что в момент письменной фиксации была предпринята попытка выстроить логическое повествование песни, поэтому многие строфы скандинавских стихов не упоминались, но имели хождение в XIII в. Например, в Codex Regius отсутствуют строфы 34, 54, 65, но упоминаются в Hauksbok. Также в рукопись AM 544 4to включены диалоги между богами Одином и его женой Фригг с великаном Вафтрудниром. В 1923 г. Сигурд Нордаль в нескольких критических эссе усомнился в сохранности архаических эддических песен и указал на прямые отсылки к Библии, особенно в описании Апокалипсиса [7, р. 79–135]. На основании лексического анализа У. Дронке подтвердила тезис С. Нордаля о влиянии христианского вероучения на отдельные строфы песни. По всей видимости, при составлении Codex Regius скандинавские стихи подверглись корректировке, в частности в той части, которая связана непосредственно с гибеллю богов (*Ragnarök*) [8, р. XI]. Х. Дэвидсон не отрицала влияния христианского вероучения на описание эсхатологической картины в «Прорицании вёльвы», но настаивала на его минимальном влиянии, в качестве аргументации цитируя надписи рунических камней, датируемые IX–X вв., и сохранившихся скандинавских граффити в североатлантическом регионе [9, р. 188–195]. Одну из наиболее взвешенных точек зрения предложил британский историк Дж. Маккинелл, указывая на синтез языческих и христианских представлений. По его мнению, «Прорицание вёльвы» в основе своей отражает архаические традиционные верования, но под влиянием христианской этики его отдельные фрагменты подверглись смысловому изменению [10].

Согласно пророчеству в день Рагнарёк чудо-вищий волк Фернир освободится от своих пут, из морских глубин всплынет мировой змей Ёрмунганд, огненный великан Сурт с пылающим мечом выйдет всю землю, тогда наступит страшный час пророчества:

Братья начнут
биться друг с другом,
родичи близкие
в распрях погибнут;
тягостно в мире,
великий блуд,
век мечей и секир,
треснут щиты,
век бурь и волков

до гибели мира;
щадить человек
человека не станет
(Прорицание вёльвы, 45) [11, с. 33].

Выйдут светлые боги асы на свой последний бой на равнину Вигрид. В страшном сражении один за другим гибнут асы и вместе с ними – сражающиеся против них чудовища, битва завершится космической катастрофой:

Солнце померкло,
земля тонет в море,
ссыгаются с неба
светлые звезды,
пламя бушует
питателя жизни,
жар нестерпимый
до неба доходит
(Прорицание вёльвы, 57) [11, с. 36].

Как уже говорилось, апокалиптический сюжет из «Прорицания вёльвы» становится одним из популярных направлений в англо-скандинавской скульптуре в области Датского права конца IX – первой половины X в.

На сегодняшний день выявлено около 500 единиц памятников каменной скульптуры англо-скандинавского искусства, из них около 200 датируются концом IX – первой половиной X в. Необходимо сразу оговориться, что при изучении каменной скульптуры исследователь сталкивается с некоторыми трудностями. Первая (основная) заключается в том, что в конце XIX в. под руководством У. Коллингвуда был подготовлен каталог каменной скульптуры, который частично был опубликован в 1927 г. в книге «Нортумбрские кресты в донорманнский период», также сохранился материал в виде рабочих зарисовок по англо-норманнской скульптуре. К сожалению, вследствие в Англии не предпринимались попытки по обновлению каталогизации каменной скульптуры эпохи раннего Средневековья, вследствие чего новые находки находятся вне поля исследования. В 2018 г. на базе Даремского университета под руководством Розмари Крамп была создана научная группа для обновления каталога археологических памятников с учетом последних открытий. Первые результаты должны быть опубликованы к 2025 г. В связи с этим исследователи сталкиваются со второй трудностью, а именно с тем, что многие памятники на данный момент утрачены, и мы во многом зависим от наблюдательности и добросовестности первого публикатора и не представляется никакой возможности его проверить. В данном исследовании мы будем обращаться исключительно к тем памятникам, на которых сохранилось читаемое изображение с мифологическими сценами в рамках заявленных хронологических границ. Датировка

каменной скульптуры основывалась на стилистических особенностях скандинавского искусства.

В конце IX – первой половине X в. на территории Скандинавии и в североатлантическом регионе преобладал стиль Борре, названный так по бронзовой упряжке, обнаруженной в кургане в Борре. Для данного стиля характерно изображение развернутого в профиль «каролингского льва» с оскаленной пастью, сжимающего когтистыми лапами собственное тело, также присутствуют орнаментальные детали в виде геометрических узелковых переплетений. Влияние стиля Борре на английскую скульптуру нашло выражение в популярности использования ленточного плетения с ромбами или замкнутыми крестами-цепочками. Также появляются новые элементы, представленные в виде антропоморфных изображений с различными атрибутами (копье, молот, чаша и т. д.), и уже в первой половине X в. оформляется новый стиль Еллинг.

Центральным образом в стиле Еллинг остается фигура развернутого в профиль Большого Зверя, но уже в плосконосой ленточной манере. Акцент делается на фиксации напряженной сцены в виде фигуры скорченного, сражающегося с самим собой животного, застывшего в немыслимой позе в схватке за окружающее пространство, которое заполнено декоративными элементами: ритмично повторяющимися геометрическими узелками, переплетающимися лентами.

Стиль Еллинг достаточно четко прослеживается по погребальным плитам и по каменной скульптуре, на которых появляются различные элементы «хватающего зверя», отображающие скандинавские мифологические представления. На некоторых из них руническим письмом зафиксированы имена погребенных скандинавского происхождения. Например, на погребальной плите MM 131, расположенной в церкви св. Андрея, изображен человек верхом на лошади с сопровождающей подпись: «Сандульф Черный воздвиг этот крест для своей жены Аринбьерг» [12]. Также необходимо отметить, что большинство надгробий расположено в пределах монастырских (церковных) кладбищ, что свидетельствует о погребениях скандинавов, прошедших обряд крещения. Наибольшее количество изображений отражает мифологическую сцену из «Прорицания вёльвы»: борьба бога Одина с волком Фенриром:

Настало для Хлин
новое горе,
Один вступил
с Волком в сраженье
(Прорицание вёльвы, 53) [11, с. 35].

Аналогичный сюжет присутствует и в «Младшей Эдде»: «Один выходит на бой с Фенриром Волком... Волк проглатывает Одина, и тому приходит смерть» [13, с. 53].

Иконография данной сцены выглядит следующим образом: фигура человека, развернутая неестественным образом в профиль к зрителю. Гендерные признаки выражаются в наличии бороды и короткого платья с поясом (мужское платье). В руках могло находиться копье, а рядом изображены птицы на уровне плеч. На уровне ног запечатлен «зверь» в позе бегущего или встающего на дыбы, с коротким хвостом, раскрытой пастью, стремящийся проглотить человека [14]. Иногда волк Фенрир изображался в виде ленточного плетения, оканчивающегося головой с распахнутой пастью [15].

Популярность данной сцены, по-видимому, связана с широким распространением идеи о втором пришествии Христа, которая выражена в словах Апокалипсиса: «И увидел я Ангела, сходящего с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в руке своей. Он взял дракона, змия древнего, который есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет, и низверг его в бездну, и заключил его, и положил над ним печать, дабы не прельщал уже народы, доколе не окончится тысяча лет; после же сего ему должно быть освобожденным на малое время» [16]. В дальнейшем Кирилл Александрийский использует стих пророчества Исаии в контексте рассуждений о дохристианском мире: «Вся земля была во власти дьявола, как сказал пророк: “Преисподняя расширилась и без меры раскрыла пасть свою (Ис. 5:14) чтобы больше не закрываться [...] и, как будто гонимые попутным ветром, они [язычники] неслись прямо в бездну смерти”» [17, с. 25]. В связи с этим в западноевропейском искусстве формируется новая иконография адской пасти. Одним из таких изображений становится пасть Левиафана в образе «бездонной пасти смерти», сформированном на основе визионерских текстов. Например, в житие св. Гутлака упоминается зловонный рот демона, его огнедышащая глотка и пасть искривленная и разинутая [18, р. 380, 382].

В англо-скандинавской скульптуре происходит наложение двух иконографических традиций, связанных с религиозными представлениями. С одной стороны, присутствует прямая отсылка на «Прорицание вёльвы», указывающая на гибель языческих богов, с другой стороны, пасть волка Фернира во многом ассоциируется с пастью Левиафана, потому что у дьявола чудовищная пасть, как у волка и у самого ада. Об этом свидетельствуют сохранившиеся языковые формы в верхнемецкой поэзии – адский волк (*hellewolf*) и в песне «О Святом Георгии» – адский пес (*hellehunt*).

Вторым по популярности была иконография связанного Локи, исходящая из следующих строк из прорицания:

Сплел тогда Вали
страшные узы,

крепкие узы
связал из кишок.
Пленника видела
под Хвералундом,
с Локи зловещим;
Там Сигюн сидит,
о муже своем
горько печалясь, –
довольно ли вам этого?
(Прорицание вёльвы, 34–35) [11, с. 31].

В «Младшей Эдде» дается более детальное описание скальдических стихов, связанных с Рагнарёком: «Асы пришли с ним (Локи) в одну пещеру, взяли три плоских камня и поставили на ребро, пробив в каждом по отверстию. Потом захватили они сыновей Локи, Вали и Цари, или Нарви. Превратили асы Вали в волка, и он разорвал в клочья Нарви, своего брата. Тогда асы взяли его кишки и привязали Локи к тем трем камням. Один упирается ему в плечи, другой – в поясницу, а третий – под колени. А привязь эта превратилась в железо.

Тогда Скади взяла ядовитую змею и повесила над ним, чтобы яд капал ему в лицо. Но Сигюн, жена его, стоит подле и держит чашу под каплями яда. Когда же наполняется чаша, она идет выбросить яд, и тем временем яд капает ему на лицо. Тут он рвется с такой силой, что сотрясается вся земля. Вы зовете это землетрясением. Так он будет лежать в оковах до Гибели Богов» [13, с. 51].

Иконография скованного Локи близка к образу западноевропейской иконографии – Дьявола. Как правило, он изображался в виде бородатого существа с прикованными руками и ногами, с рогами (в мифологии рога не описываются) [19]. Данное заимствование, получившее широкое хождение на завоеванных викингами территориях, основано на скандинавских представлениях о демоне.

Изначально в скандинавской мифологии существовал бог Логи, сын великана Форньота, отвечающий за огненную стихию. В «Младшей Эдде» происходит подмена имен: вместо Логи – Локи, вследствие чего великан превращается в лукавого хромого злодея, обладающего возможностью повелевать огнем и воздухом. В «Старшей Эдде» есть косвенные указания на следы союза Одина и Локи, пылающего пламенем и частично обладающего функциями творения, созидания, но к IX в. принимающего на себя роль дьявола. По всей видимости, данное отождествление происходит на уровне языка, так как «diabolos» долгое время использовалось в качестве прилагательного и означало « тот, кто сеет ненависть, раздор, зависть», а в широком смысле – обманщик, клеветник. Вследствие этого в народном фольклоре появляются пословицы и поговорки, указывающие на его демоническую природу: «Локи воду пьет» (*Locke dricker vand*) –

имеется в виду огонь или палящее солнце, выжигающее посевы, «Локи сеет свой овес» (Lokken sin havre) – «овсом Локи», или «злым овсом» называли кукушкин лен, ядовитый для скота сорняк. Считалось, что овсюг – дикий и бесполезный – сеет Локи в насмешку над человеком. В XII в. Гервазий Тильберийский в труде «Императорские досуги» описывает Локи как злобного огненного демона: «В Англии обитает некий род демонов, которые называются на местном языке grant... эти демоны появляются на улицах в самую жаркую пору дня или на заходе солнца. И коли они явились, то это означает, что в городе или в деревне скоро случится пожар» [20].

Иконография скованного Локи в каменной скульптуре включалась в связку со сценой «Распятый Христос». Включение этой схемы в единую композицию указывает на желание заказчика усилить эсхатологические мотивы. По мнению Р. Бейли, возникновение переплетения языческих и христианских мотивов к середине X в. было обусловлено тем, что усиливается миссионерское движение по обращению язычников – скандинавов в истинную веру [21, р. 102–103]. В образе скованного Локи появляется иносказательная трактовка, он – падший дух и его страдания призывают задуматься над значением жертвы Христа. Может ли земной владыка облегчить ваши страдания? Локи получает временное облегчение от своих страданий благодаря жертве Сигюн, держащей чашу под каплями яда. А. Довиак выдвинула предположение, согласно которому образ Локи – это послание для тех, кто пребывает в сомнениях относительно могущества христианского вероучения. Иисус Христос поможет всем, кто к нему обратится, ведь языческие боги погибли безвозвратно [22].

Третьей и наиболее популярной была мифологическая сцена из «Прорицания вёльвы» на англо-скандинавской каменной скульптуре, связанная с изображением светлого бога – Хеймдалля, живущего на окраине Асгарда и охраняющего небесный мост от нашествия чудовищ.

Игру завели
Мимира дети,
конец возвращен
рогом Гьяллархон;
Хеймдалль трубит
поднял он рог
(Прорицание вёльвы, 46) [11, с. 34].

В скандинавской иконографии образ Хеймдалля интерпретируется исключительно по его атрибуту – рогу Гьяллархону. К сожалению, на данный момент не имеется иных изображений, которые могли бы атрибутировать с образом светлого бога. Дж. Дюмизель высказал предположение, согласно которому в X в. произошло наложение образов Хеймдалля с архангелом Михаилом, так как они связаны с эсхатологическими

мотивами. По-видимому, на фоне трансформации религиозных представлений в области Датского права в англо-скандинавской скульптуре под влиянием христианского вероучения светлый бог в иконографии каменной скульптуры получает рог, и подобно архангелу Михаилу Хеймдалль призовет всех богов трубным гласом [23, р. 126–140].

Также необходимо обратить внимание на то, что в зависимости от желания заказчика образ Хеймдалля мог быть самостоятельным в пространстве каменной скульптуры либо идти в связке с крестом по ирландскому типу, т. е. располагаться в верхней части памятника. В связи с тем, что светлый бог – это последняя преграда, останавливающая полчища чудищ, в иконографии превалирует образ бога с мечом и рогом в руках, препятствующего продвижению лентообразных волков с распахнутыми пастьюми. Эта комбинация предполагает, что скульптуры пытались изобразить борьбу Светлого бога с Левиафаном, поэтому в данном случае возможно буквальное толкование Иова 41: 6–8, описывающее чешуйчатое тело Левиофана: «крепкие щиты его – великолепие; они скреплены как бы твёрдою печатью; один к другому прикасается близко, так что и воздух не проходит между ними; один с другим лежат плотно, сцепились и не раздвигаются» [24]. Сопоставление двух образов предполагает, что искупление возможно через жертву Христа, одержавшего победу над зверем и, следовательно, над всем злом, потому что он «сильнейший из всех» [11, с. 374]. Он – владыка мира, олицетворенный в виде Креста. Он – вершина мира. Он бесконечен и вечен, это дополнительно подчеркивается вписаным в крест кругом. И все попытки чудовищ дотянуться до него – бесполезны.

Таким образом, мы рассмотрели три наиболее распространенных иконографических сцен из «Прорицания вёльвы» в англо-скандинавской скульптуре, что позволяет говорить о иносказательности эсхатологических скандинавских представлений под влиянием христианского вероучения.

Широкая популярность мифологических сцен (борьба бога Одина с Фенриром, скованного Локи и сдерживающего чудовищ Хеймдалля) перекликается с суммой христианских представлений о последнем судилище, почерпнутых из разных источников: Апокалипсиса, Евангелия, Ветхого Завета. Основной акцент в англо-скандинавской скульптуре делается на раскрытии идеи Божьего суда, относящегося к области духовной сферы. Языческая идея о гибели мира и знание о Страшном суде в христианском вероучении – главные сюжеты эсхатологии, важные для каждого верующего, так как определяют его дальнейшую посмертную судьбу. Принципиальное различие заключается лишь

в том, что языческие боги смертны, и это делает обреченными попытки Одина защитить свой Асгард от полчищ злобных мертвцевцов и чудовищ в решающий день – Рагнарёк, в отличие от христианского вероучения. Эта идея последовательно раскрывалась миссионерами перед скандинавами не только в устной проповеди, но и закреплялась на визуальном уровне, в частности, в памятниках каменной скульптуры.

Список литературы

1. Англосаксонская хроника / пер. с др.-англ. З. Ю. Метлицкой. СПб. : Евразия, 2010. 288 с.
2. Штокмар В. В. История Англии в Средние века. СПб. : Алетейя, 2005. 203 с.
3. Malmesbury W. Gesta regum anglorum. URL: https://archive.org/details/PlimptonMS267_20 (дата обращения: 01.04.2024).
4. Egils saga Skalla-Grímssonar, Chapter L. URL: https://sagadb.org/egils_saga.is (дата обращения: 05.04.2024).
5. Heusler A. Codex Regius of the Elder Edda: ms. no. 2365 4to in the old royal collection in the Royal library of Copenhagen. Copenhagen : Levin and Munksgaard, 1937. 90 p.
6. Lindblad G. Studier I Codex Regius av Äldre Eddan I–III. Lund : Gleerup, 1954. 328 p.
7. Nordal S. Three essays on Völuspá // Saga-book of the viking society : in 47 vols. Vol. 18. London : University college London, 1970–1973. P. 79–135.
8. Dronke U. The Poetic Edda : in 3 vols. Oxford : Oxford University Press, 1969. Vol. 1. 272 p.
9. Davidson H. Myth and symbols in Pagan Europe: early Scandinavian and Celtic religions. London : Syracuse Press, 1988. 268 p.
10. McKinell J. Völuspá and the feast of Easter // Alvíssmál. 2008. Vol. 12. P. 3–28. URL: <https://userpage.fu-berlin.de/alvismal/12vsp.pdf> (дата обращения: 08.03.2024).
11. Старшая Эдда / пер. с древнеисланд. А. Корсуня. СПб. : Азбука, 2000. 464 с.
12. Sandulf's Cross-Slab (No. 131), kirk Andreas. URL: <https://www.iomguide.com/crosses/andreas/no131.php> (дата обращения: 01.03.2024).
13. Младшая Эдда / под ред. Стеблин-Каменского. Л. : Наука, 1970. 140 с.
14. Thorvald's cross (No 128), kirk Andreas. URL: <https://manxvikings.jimdofree.com/galleries/kirk-andreas-mm-128/> (дата обращения: 01.03.2024).
15. Gosforth cross. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Gosforth_Cross#/media/File:Gosforth_Cross_Víðarr.jpg (дата обращения: 01.03.2024).
16. Апокалипсис. Откровение 20: 1–3. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Откровение_святого_Иоанна_Богослова#Глава_20 (дата обращения: 01.02.2024).
17. Творения святого Кирилла Александрийского : в 15 ч. М. : Типография М. Г. Волчанинова, 1890. Ч. 8. 532 с.
18. Visioni dell'aldilà in Occidente / a cura di M. P. Ciccarese. Firenze : Nardini, 1987. 478 p.
19. The Loki stone, Kirkby Stephen. URL: <https://ru.pinterest.com/pin/501307002254973015/> (дата обращения: 01.03.2024).
20. Гервазий Тильбериский. Императорские досуги. URL: https://vostlit.info/Texts/rus15/Gervazij_Tilberi/text2.phtml?id=11249 (дата обращения: 05.04.2024).
21. Bailey R. Viking Age Sculpture. London : Collins, 1980. 288 p.
22. Dovciak A. Doorway to Devotion: Recovering the Christian Nature of the Gosforth Cross // Religions. 2021. № 12 (4). URL: <https://www.mdpi.com/2077-1444/12/4/228> (дата обращения: 01.04.2024).
23. Dumezil G. The Ancient Northmen. Berkeley : University of California Press, 1973. 202 p.
24. Библия. URL: <https://bible.by/syn/18/41/> (дата обращения: 01.04.2024).

Поступила в редакцию 25.03.2024; одобрена после рецензирования 29.03.2024; принята к публикации 28.06.2024
The article was submitted 25.03.2024; approved after reviewing 29.03.2024; accepted for publication 28.06.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 473–482

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 473–482

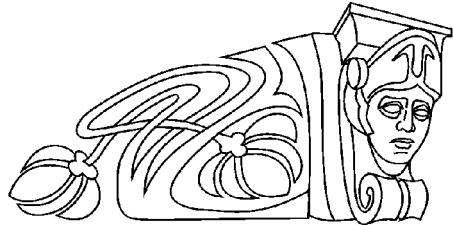
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-473-482>, EDN: GLFWZT

Научная статья

УДК 94(410.1)|13/14|

Интеллектуальное пространство позднесредневекового Лондона

Л. Н. Чернова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Чернова Лариса Николаевна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, larisachernova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5379-1470>, AuthorID: 472830

Аннотация. В статье рассматриваются различные элементы интеллектуального ландшафта Лондона XIV–XV вв., которые создавали и распространяли знания разного уровня. Показано, что в городе сложились благоприятные условия для реализации горожанами потребности в обучении грамоте не только на латыни и французском языке, но и на английском. Социальный запрос богатых купцов и ремесленных мастеров на получение светских, практикоориентированных знаний и навыков привел к появлению как новых лицензированных грамматических и певческих школ, так и все большему количеству неофициальных школ. Непосредственное участие в их создании и содержании, в материальной поддержке учителей принимали преуспевающие купцы, «отцы города». Горожане были заинтересованы и в привлечении в Лондон высокообразованных мужей – теологов, проповедников – из Оксфорда и Кембриджа, которые существенно дополняли интеллектуальное пространство города. Лондонцы реализовывали и одновременно воспитывали свои интеллектуальные запросы благодаря присутствию в городе известных авторов XIV–XV вв., а также наличию рукописей и книг в лавках книготорговцев, в различных библиотеках – монастырей и приходских церквей, публичных и располагавшихся в домах богатых купцов.

Ключевые слова: позднесредневековый Лондон, купечество, ремесленные мастера, развитие образования, лицензированные школы, неформальные школы, интеллектуальное влияние церкви, библиотеки, книготорговля, круг чтения горожан

Для цитирования: Чернова Л. Н. Интеллектуальное пространство позднесредневекового Лондона // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 473–482. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-473-482>, EDN: GLFWZT

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Intellectual landscape of Late Medieval London

L. N. Chernova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Larisa N. Chernova, larisachernova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5379-1470>, AuthorID: 472830

Abstract. The article examines various elements of the intellectual landscape of London in the XIV–XV centuries, which created and disseminated knowledge of different levels. It is shown that the city has favorable conditions for the realization by citizens of the need to teach literacy not only in Latin and French, but also in English. The social demand of wealthy merchants and artisan masters for secular, practice-oriented knowledge and skills has led to the emergence of new licensed grammar and singing schools, as well as an increasing number of informal schools. Successful merchants, the “fathers of the city”, took a direct part in their creation and maintenance, and in the financial support of teachers. The citizens were also interested in attracting highly educated men – theologians, preachers – from Oxford and Cambridge to London, who significantly complemented the intellectual landscape of the city. Londoners realized and at the same time nurtured their intellectual demands due to the presence of famous authors of the XIV–XV centuries in the city, as well as the presence of manuscripts and books in booksellers’ shops, in various libraries – not only in monasteries and parish churches, but also in “public libraries” and located in the homes of rich merchants.

Keywords: Late Medieval London, merchants, artisans, educational development, licensed schools, informal schools, intellectual influence of the church, libraries, bookselling, reading circle of citizens

For citation: Chernova L. N. Intellectual landscape of Late Medieval London. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 473–482 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-473-482>, EDN: GLFWZT

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Западноевропейский средневековый город – явление многофункциональное: это не просто тип поселения с особой топографией, в котором сосредоточены товарообмен и товарное производство, институты власти, культа, но и специфичный образ жизни, основанный на предприимчивости, практичности, рациональности, своя культура и интеллектуальная атмосфера [1, с. 9]. Именно в городах произошел стремительный рост числа образованных людей, имевший своими следствиями формирование специфической социальной среды, способной обеспечить необходимые условия для развития интеллектуальной культуры, и профессионализацию, растущее разделение труда, специализацию областей знания [2, с. 223].

В рассматриваемый период в Лондоне, как и во всем королевстве, сложились условия, наиболее благоприятные для развития образования и реализации интеллектуальных запросов горожан. Сохраняли свое значение факторы, в целом определявшие появление городских школ и распространение знаний. Возрос круг умственных потребностей и интересов горожан – купцов, финансистов, ремесленных мастеров, усилилось их стремление к светским, более широким и практикоориентированным знаниям. Востребованными в деловой среде качествами стали предусмотрительность, способность к анализу, коммерческая активность и энергия, умение концентрировать волю и знания, ориентироваться в сложной ситуации и находить эффективное решение, желание учиться на чужом и своем опыте. Примечательно, что лондонские купцы XIV–XV вв. стремились дать своим детям, прежде всего сыновьям – продолжателям их дела, соответствовавшее условиям времени образование. Так, Николас Пикот, скончавшийся в 1312 г., торговец шелковыми и бархатными тканями (мерсер), одермен Лондона в 1298–1312 гг., шериф в 1307–1308 гг., городской казначай в 1300–1304 гг., аудитор в 1310 г. [3, р. 105, 107], понимая всю важность для купеческих отпрысков умения читать, писать и считать, счел важным прописать в своем завещании, что его «сыновья Николас и Джон должны учиться и посещать школу для получения элементарных знаний» [4, р. 233–234]. Джон Пайл, тоже мерсер, избиравшийся одерменом в 1369–1382 гг., шерифом в 1370–1371 гг., мэром Лондона в 1372–1373 гг. [3, р. 389], решил не только обеспечить хорошее образование собственным детям, но и предпринял немалые усилия к тому, чтобы основать колледж в его родном Итлинборо (графство Нортхэмптон), где могли бы обучаться местные детишки. Сам Джон, видимо, получил начальное, но весьма добротное образование: немаловажный штрих – грамоты и акты его картулярия написаны на латинском и французском языках [5, с. 35]. Еще один лондонский купец Уильям Янг, умерший в 1389 г., хотел, чтобы его сыновья были обучены

грамматике и хорошим нравам: старший должен был 7 лет изучать юриспруденцию, а младший мог выбрать – поступить в университет Оксфорда или изучать торговое дело [6, р. 272]. Фактически Янг рассматривал образование как инструмент, обеспечивающий доступ к юриспруденции, университету или деловому миру, а в конечном счете способствовавший личностному росту.

Обратим внимание и на другие важные обстоятельства, делавшие востребованным образование и во многом определявшие интеллектуальные запросы горожан, особенно с последней четверти XIV–XV в. Очевидно, возрастал спрос на преподавание не только латыни, но и английского языка. К. Бэррон подметила, что после «Черной смерти» при сокращении численности людей (в Лондоне число людских потерь устанавливается в пределах 40–50% [цит. по: 7, с. 461]) благосостояние на душу населения заметно выросло: у многих оказались дополнительные средства, которые можно было потратить, в том числе на образование [8, р. 451]. Произошла своего рода языковая «демократизация», когда навыки чтения и письма продвигались все ниже по социальной лестнице и достигали уровней, где английский был единственным известным языком. Последняя четверть XIV в. ознаменовалась «триумфом английского языка» [8, р. 451], что способствовало более широкому его использованию в качестве средства письменного общения. В течение XV в. к английскому языку не только в Лондоне все чаще прибегали как при осуществлении деловых операций и ведении документации, так и в поэзии, при написании религиозных трактатов, в частной переписке.

Первые прокламации лондонского мэра, написанные на Old English, были обнародованы в 1383 г. [9, р. 480–482], а первое сохранившееся завещание на английском языке составлено в 1389 г. [10, р. 209–210]. Весьма показательный факт связан с одним из решений парламента, в 1388 г. заседавшего в Кембридже. Парламентарии предписали всем корпорациям письменно ответить на вопросы, касавшиеся их организаций, целей и средств. Откликнулись 36 лондонских гильдий: 13 ответов были на латыни, 15 – на французском языке и 10 – на английском [10, р. 139]. К 1422 г. преуспевающие пивовары Лондона постановили вести свои записи исключительно на английском языке, поскольку латыню и французским они «не владели должным образом: так, чтобы их можно было понять» [10, р. 139].

Трудно оценить, насколько широко были распространены навыки чтения и письма среди населения Лондона в целом. В церковных судах середины XV в. было принято называть свидетелей грамотными или нет исходя из их способности читать (если не толковать) по-латыни. Из 116 свидетелей мужского пола,

представших перед лондонским церковным судом в 1467–1476 гг., 48 (т. е. 40%) были признаны грамотными (literates) [8, р. 469]. Как отметила С. Трапп, если 40% лондонцев мужского пола того периода умели читать по-латыни, то очевидно, что гораздо больше читали по-английски [11, р. 158]. Видимо, к середине XV в. большинство представителей купеческой элиты говорили, читали и писали на английском языке.

Необходимость уметь читать и писать по-английски, наряду с латынью и французским языком, уже с XIV в. породила растущий спрос на образование, причем как для мальчиков, так и для девочек. В «Статуте о рабочих и учениках» 1406 г. указывалось, что «каждый мужчина или женщина, какого бы сословия или состояния они ни были, вольны отдать своего сына или дочь учиться в любую школу» [12, р. 387]. Определился и повышенный спрос не только на преподававших латынь учителей грамматических школ и обучавших навыкам составления документов на латыни и французском языке клерков (писцов), но и учителей английского языка.

В Лондоне получение образования было особенно актуальным вследствие причин, на которые обратила внимание К. Бэррон. Во-первых, это близость королевского двора (Вестминстер) и значимость столицы для монаршей власти, благодаря чему именно в Лондоне часто обнародовались законы и распоряжения властей (официальные постановления короля и / или мэра), на специальных досках при входе в Гилдхолл вывешивались списки с именами нарушителей городских постановлений. Естественно, такие меры были эффективны только в том случае, если лондонцы умели читать. Во-вторых, в Лондоне доступ к обучению, особенно в престижных купеческих компаниях, зависел от умения читать и писать, и не обязательно на латыни или французском, но и на английском языке [8, р. 452]. Не случайно некий сэр Джон Дипден из Йоркшира в 1402 г. оставил 20 фунтов сыну одного из своих арендаторов. Предполагалось, что, когда мальчик научится читать и писать, его отправят в Лондон учиться ремеслу торговца рыбой, бакалейщика или мерсера [8, р. 452; 13, р. 242]. Кроме того, навыки чтения и письма приобретались в ходе прохождения ученичества, что подтверждают источники. В частности, в 1415 г. Джон Холланд, прибывший в столицу из Норфорка, подал жалобу мэру Лондона на нарушение условий договора со стороны его мастера-цирюльника, у которого он был учеником. Джон сетовал на то, что мастер настолько беден, что не может ни прокормить, ни одеть его, ни оставить в школе, пока он не научится читать и писать, как было прописано в договоре [13, р. 41]. В середине XV в. лондонский галантререйщик включил в договор отдельный пункт о том, что его ученик должен научиться читать и писать, пока проходит у него

обучение [11, р. 158]. Особенно показательна жалоба ювелиров, в 1469 г. сокрушавшихся, что мастера компании берут абсолютно неграмотных учеников, не умеющих ни читать, ни писать: «Такая практика наносит ущерб не только братству, но и мастеру... и самим ученикам, поскольку неразумно ожидать, что неграмотный ребенок или взрослый мужчина только благодаря уму и наблюдательности будут обладать таким же пониманием [ремесла], как ребенок или взрослый мужчина, обладающие практическим опытом и умеющие читать» [14, р. 261]. Далее ювелиры ссылаются на вред, который наносят их компании неграмотные ученики, и приводят весьма убедительные доводы: «...Недостаток грамотности приводит к тому, что члены братства ежедневно прибегают к помощи грамотных людей за его [братства] пределами или же нанимают постоянных слуг для выполнения за них работы, требующей навыков письма, в результате чего секреты братства передаются незнакомым людям, что подвергает опасности компанию. Кроме того, из-за отсутствия грамотности члены этого братства не пользуются уважением торговцев города Лондона... как грамотные люди из других братств города, что сильно дискредитирует это братство» [14, р. 261–262]. Таким образом, умение читать и писать напрямую увязывалось с престижем компании, а следовательно, с ее благополучием и процветанием. К XV в. предполагалось, что сыновья и дочери лондонских горожан (возможно, каждый третий взрослый мужчина в Лондоне [8, р. 453]) и те, кто прибывал в город из других мест, либо уже умеют читать и писать, чтобы стать учениками, либо приобретут эти навыки в процессе прохождения ученичества.

Лондон живо откликнулся на неуклонно возраставший спрос на знания. Здесь действовало несколько соборных (кафедральных) грамматических школ для мальчиков, в учебной программе которых почти единственным предметом была латынь. Еще в конце XII в. У. Фиц-Стефан, секретарь и доверенное лицо архиепископа Кентерберийского Фомы Бекета, отмечал, что «в трех главных церквях города [собор св. Павла, церкви св. Троицы и св. Мартина] были школы, основанные на древних привилегиях и столь же древнего достоинства» [15, р. 55]. Автор замечает, что «... благодаря поддержке ряда ученых мужей, завоевавших известность в изучении философии, там есть и другие лицензированные школы» [15, р. 55], и довольно подробно описывает школьные реалии Лондона. Известно, что право назначения учителя грамматической школы св. Павла, который должен иметь степень магистра искусств, принадлежало канцлеру собора [16].

Грамматические школы в самых известных церквях Лондона (собор св. Павла, церкви св. Троицы, св. Марии на Холмах и св. Мартина ле Гранда) не были счастливым исключением.

В Вестминстерском аббатстве с XIV в. действовала не только грамматическая, но и певческая школа, где мальчики получали образование на латыни и английском языке, достаточное для того, чтобы петь на богослужениях и соблюдать церковные обряды. По оценке Б. Харви, к 1530-м гг. в певческой школе аббатства обучались 6 мальчиков, в грамматической – около 30 [17, р. 214–215]. Дж. Россер обратил внимание на то, что далеко не все из этих учеников были предназначены для церковной жизни, а школьными учителями здесь с конца XIV в. были женатые мужчины [18, р. 207–209]. Известны также певческие школы при приорате св. Марии и соборе св. Павла.

На протяжении XV столетия в Лондоне появились новые певческие школы: в госпитале св. Антония (1441 г.), часовне Гилдхолла (к 1479 г.), церквях св. Марии Уолнот (1492 г.), св. Марии на Холмах и св. Данстана в Исте [8, р. 453]. Мерсер Генри Фроуик, олдермен 1424–1453 гг., дважды мэр Лондона (1435–1436, 1444–1445 гг.) [19, р. 7], по завещанию от 1453 г. оставил деньги на содержание и обучение двух певчих в госпитале св. Томаса: «...мальчиков необходимо выбрать за их хороший характер и голос, и ни по какой другой причине. Один из них должен быть известен как “певчий Фроуика”, другой – как “певчий Оливера”» [20, р. 542]. Имеется в виду Уильям Оливер, лондонский мерсер, в начале 1420-х гг. завещавший средства на содержание «певчего Оливера» в церкви св. Томаса, чтобы он «ежедневно посещал различные религиозные службы в указанной церкви» [20, р. 460].

Однако большинство лондонских детей обучались чтению и письму не в официальных певческих и тем более не в грамматических школах, а в неофициальных элементарных (начальных) школах. Учителями в них были священники часовен и приходские клирики, которые получали возможность подработать (уже в XII в. плата за труд признавалась естественным и законным доходом интеллектуала [2, с. 233]), занимаясь преподаванием основ латинского письма и чтения, а также писцы, которые могли научить мальчиков и девочек читать и писать по-английски и по-французски. В частности, 12-летний мальчик, посещавший школу лондонского писца Уильяма Кингсмilla, умел «писать и считать», а также немного говорить по-французски [11, р. 159]. Некоторые из этих школ предназначались исключительно для девочек: не случайно бакалейщик Уильям Крессвик в 1406 г. завещал 20 шиллингов «школьной учительнице» [20, р. 371]. Как учительницы, так и школьные учителя-мужчины обучали девочек навыкам, необходимым им для ведения коммерческих дел, бухгалтерии, проверки купчих, исполнения обязанностей душегризачиц, для того чтобы справляться с корреспонденцией, в будущем трудиться бок о бок со своими мужьями или самостоятельно вести дела, если они решат торговать в качестве

femmes soles во время замужества или в качестве вдов.

Такие школы и учителя, широко представленные в Лондоне, не имели официального статуса, поскольку не были лицензированы ни светскими, ни церковными властями. Но совершенно очевидно, что в городе имел место растущий спрос на образование, и были те, кто готов и способен удовлетворять его и таким образом зарабатывать себе на жизнь.

Уже к концу XIV в. был брошен вызов и монополии на преподавание в трех главных грамматических школах Лондона. К 1391 г. учителя школ св. Павла, св. Марии на Холмах и св. Мартина ле Гранда вынуждены были выступить против «неизвестных и неквалифицированных учителей грамматики», которые содержали в Лондоне «школы грамматики» для «обмана» детей [21, р. 324]. Хотя неквалифицированные мастера-учителя не были названы поименно, некоторые возможные «нарушители» упоминаются в опубликованных материалах городских архивов. Примерно в это время Ричард Экстон содержал грамматическую школу «рядом с домом монахов ордена Святого Креста» в юго-восточной части города, а в 1393 г. некий бакалейщик задолжал «школьному мастеру» Генри Дрейперу 3 шиллинга [21, р. 214].

В источниках сохранилась информация о некоторых лондонских учителях грамматических школ. Одним из них был Джон Сьюард, известный «школьный мастер», который к 1404 г. (и вплоть до своей смерти в 1435 г.) жил и работал в приходе св. Петра в Корнхилле [8, р. 455]. Сьюард был женатым мирянином (его избранницей стала дочь лондонского бакалейщика), преподававшим латынь, читавшим и сочинявшим стихи на латыни, писавшим письма, адресованные группе учителей – мирян и клириков [22, р. 98–99]. Как «magister scolarum grammaticarum» в Корнхилле был записан в 1419 г. Роджер Кестон, а одним из друзей и корреспондентов по переписке Сьюарда был Уильям Релик, который в 1410 г. содержал школу на Ломбард-стрит, все в том же Корнхилле. Известно, что Релик и Сьюард устраивали дружеские соревнования на предмет сочинения и чтения латинских стихотворений и собирали вокруг себя группу учителей-единомышленников, которых восхищало латинское остроумие [22, р. 89–91, 104].

В 1441 г. Джон Карпентер, оксфордский доктор теологии и ректор Ориел-колледжа и в то же время настоятель госпиталя св. Антония в Лондоне [23, р. 360–361], разработал и успешно реализовал проект по созданию новой грамматической школы, при которой существовала и певческая школа. Предусматривалось, что 16 марок в год будут выплачиваться учителю, который до того бесплатно преподавал грамматику в госпитале и поблизости от него «всем мальчикам или другим [людям], которые хотели учиться

и стать учителями» [цит. по: 8, р. 455]. А клирик Джон Бенет получал годовое жалованье в размере 8 марок и 4 ярда ткани за обучение мальчиков пению [8, р. 455]. Даже после смерти Бенета в 1458 г. репутация грамматической школы и тамошних мальчиков-певчих оставалась высокой. Отец Томаса Мора, юрист, решил именно туда отправить своего сына изучать латынь, и в школьных диспутах XVI в. мальчики из школы св. Антония «обычно представляли лучших учеников и получали призы» [24, р. 6].

Церковные власти не могли игнорировать открытие новых грамматических школ, хотя и пытались держать этот процесс под своим контролем. Так, в марте 1446 г. епископ Лондона Роберт Гилберт напомнил всем настоятелям, викариям и капелланам города, что «единственными разрешенными грамматическими школами являются школы собора св. Павла, церкви св. Мартина ле Гранда, церкви св. Марии на Холмах, госпиталя св. Антония и церкви св. Данстана на Исте» [12, р. 418]. Таким образом, список лицензированных грамматических школ к середине XV в. увеличился до 5-ти.

Однако предотвратить появление «нелицензированных» школ в столице церковные иерархи в лице архиепископа Кентерберийского, епископа Лондонского и настоятеля собора св. Павла не смогли. В 1444 г. священнослужитель Джон Страффорд пожертвовал средства на возведение часовни госпиталя св. Варфоломея; здесь священник часовни должен был обучать мальчиков грамматике и пению и получать за это плату – 33 шиллинга 4 пенса ежегодно [20, р. 508]. Первым собственно школьным учителем при госпитале св. Варфоломея, видимо, был Джон Рейнольд, в своем завещании от февраля 1459 г. описавший себя как «magister scolarum hospitalis Sancte Crucis et Sancti Bartholomei» в Смитфилде и оставивший вдову и «внебрачного сына» Уильяма, которому отписал «восемь лучших из моих книг» («ocho optimos libros meos de libris meis») [8, р. 458]. Известно, что к 1470-м гг. грамматику в школе госпиталя св. Варфоломея преподавал Джон Баркби, державший книжную лавку в приходе св. Гроба Господня [25, р. 52]. В приходе св. Томаса в 1452 г. дом напротив одноименного госпиталя был описан как «в последнее время занимаемый горожанином Уильямом Шиптоном и учителем грамматики» [26, р. 120]. К началу XVI в. на территории госпиталя св. Томаса была открыта грамматическая школа, спонсируемая компанией мерсеров. Как уже говорилось, в районе Корнхилла грамматические школы существовали с начала XV в., хотя и не были официально признаны.

Важную роль в развитии образования в Лондоне сыграли богатые купцы, представители городской власти. Прежде всего, обратимся к успешному проекту известного купца и финансиста, мерсера Ричарда Уайтингтона

(ум. 1423 г.), олдермена 1393–1423 гг., шерифа в 1393–1394 гг., трижды избиравшегося мэром Лондона (в 1397–1399, 1406–1407, 1419–1420 гг.) [3, р. 71]. В начале XV в. в приходе св. Михаила он основал колледж св. Духа и св. Марии и богадельню «Божий дом» для 13-ти бедняков из компании мерсеров под общим названием «Уайтингтон колледж». При этом несколько удивительно, но сам Уайтингтон не был высоко образованным человеком, интеллектуалом, в его завещании не упоминаются какие бы то ни было книги. Однозначно можно утверждать лишь то, что он умел читать и писать, был знаком с латынью (на его печати была латинская надпись) [27, р. 296].

Еще одна очень интересная, но не совсем удачная образовательная инициатива XV в. связана с именем олдермена (1444–1458 гг.) и мэра Лондона (1445 г.) Саймона Эйра, богатого торговца тканями (дрейпера) [19, р. 9], поднявшегося на торговлю с итальянцами: в 1430–1440-х гг. он успешно продавал большие объемы ткани и приобретал красители и специи [13, р. 226, 292; 26, р. 41–42; 28, р. 215]. В своем завещании и дополнениях к нему Эйр упоминает «часовню и школы» в Лиденхолле, «построенные мной» [20, р. 600]. К 1458 г. он основал колледж из 5 священников, 6 клерков, 2 певчих и 3 учителей: один преподавал грамматику, другой – письмо, а третий – пение. Когда Эйр составил свое завещание (сентябрь 1458 г.), духовенство колледжа и школьные учителя уже были на месте, «находясь там и занимая указанное место в Лиденхолле» [20, р. 600]. Но, видимо, проект Эйра при его жизни не был реализован в полном объеме: он оставил 3 тыс. марок своим душеприказчикам, чтобы они проследили за созданием «часовни и трех школ» [20, р. 600]. Эйр надеялся, что колледж и школы будут находиться в ведении компании дрейперов или настоятеля монастыря св. Троицы на Олдгейте. Если бы душеприказчики Эйра преуспели, в Лондоне появилось бы учебное заведение, аналогичное любому из колледжей Оксфорда и Кембриджа. К сожалению, реализация этого плана забуксовала, и распоряжение Саймона Эйра оставалось актуальным вплоть до 1473 г., т. е. и через 15 лет после его смерти.

Надо сказать, что горожане еще долго хранили в памяти имя Саймона Эйра, а его образовательная инициатива вдохновила других лондонцев. Так, по завещанию от 17 сентября 1492 г. столичный ювелир Хью Брайс, олдермен 1476–1496 гг., шериф 1475–1476 гг., мэр 1485–1486 гг., аудитор 1481–1483 гг. [19, р. 15], распорядился, чтобы приходский священник и старосты церкви св. Марии на Ломбард-стрит «содержали образованного человека, умеющего хорошо и грамотно говорить, сведущего в ремесле и науке пения, игры на органе и в обучении детей, который будет держать школу и учить детей» [20, р. 600–601].

Для этого Брайс завещал им таверну в приходе св. Марии, которая «прежде принадлежала Саймону Эйру, торговцу тканями, некогда мэру города...» [20, р. 600–601]. Конечно, школа Хью Брайса уступала замыслам Саймона Эйра, но заинтересованность этого мэра в развитии образования в городе очевидна.

Помимо различных школ, школьных учителей и их благодетелей интеллектуальную атмосферу Лондона формировали знаменитые объединения адвокатов-барристеров. «Судебные инны» (Inns of Court) – Линкольнс-инн, Грейс-инн, Мидл-Темпл, Иннер-Темпл, хотя и были отделены от города рекой Флит, предоставляли альтернативное, неклерикальное, высшее образование сыновьям лондонских горожан (а в большей степени сельским джентльменам). К «Судебным иннам» были прикреплены Inns of Chancery, в которые собирались частные поверенные («солиситоры»). «Судебные инны» фактически дали Лондону собственный «университет».

Еще более значительными были интеллектуальное присутствие церкви в городе и влияние теологов на умы лондонцев. Можно обозначить несколько центров такого влияния. Прежде всего, это многие известные богословы, жившие в Лондоне. У епископов и архиепископов (Ламбет, Дарем, Йорк, Уинчестер), аббатов были дома в столице, где собирались ученые мужи. настоятель собора св. Павла возглавлял теологическую школу для соборного духовенства. К 1460-м гг., по-видимому, у него появился помощник для чтения лекций. Им стал известный выпускник Оксфорда, доктор Уильям Айв, который в то время был магистром «Уайтингтон колледжа». Доктор Айв призван был читать публичные лекции в соборе св. Павла, необходимость которых возникла из-за взглядов монаха-кармелита Генри Паркера (сына лондонского мечовщика), публично доказывавшего абсолютную бедность Христа. Этот диспут вылился в целую серию довольно ожесточенных проповедей, произносившихся как в соборе св. Павла, так и в монастыре кармелитов на Флит-стрит [29, р. 228–232].

У креста св. Павла на территории собора была кафедра под открытым небом, где также часто произносились проповеди. Мэр и олдермены финансировали чтение проповедей (в понедельник, вторник и среду после Пасхи) в госпитале св. Марии на Бишопсгейт. В 1440-х и 1450-х гг. для осуществления этого замысла были привлечены выпускники Оксфорда и Кембриджа, в том числе известные настоятели городских церквей Лондона – Уильям Личфилд, Джон Кут и Джилберт Уортингтон [8, р. 464–465].

Среди проповедников второй половины XV в. были также Джон Пинчбек, настоятель церкви св. Марии Абчерч, сначала картезианец, затем брат аббатства Сайон и, наконец, нищенствующий монах, Уильям Годар, монах-

францисканец, Томас Генри, монах-августинец, и Томас Эбрейл, настоятель церкви Всех Святых на Хани-лейн. Последний выступал как ярый противник Реджинальда Пекока (или Пикока; ок. 1395 – ок. 1461) – личности во многих отношениях примечательной, со славой «единственного великого английского богослова XV века» [30]. Уроженец Уэльса, он получил образование в Ориел-колледже в Оксфорде, в 1421 г. стал священником, в 1431 г. получил степень магистра в «Уайтингтон колледже» в Лондоне, где также был приходским священником королевской церкви св. Михаила. 14 июня 1444 г. Пекока рукоположили в сан епископа св. Асафа, а 23 марта 1450 г. перевели в сан епископа Чичестера. В 1454 г. Пекок, сторонник Ланкастеров, стал членом Тайного совета. В 1456 г. он присоединился к дебатам о христианской доктрине в контексте борьбы с движением лоллардов. Пекок утверждал, что Священное Писание – не единственный источник и критерий добра и зла, ставил под сомнение некоторые положения Символа веры и непогрешимость церкви, превозносил авторитет разума. Архиепископ Кентерберийский Томас Буршье поручил изучить труды Пекока, после чего был обвинен в ереси и выведен из состава Тайного совета. От мучительной смерти Пекока спасло только его публичное (у креста св. Павла, 4 декабря 1457 г.) отречение от своих взглядов. Он был вынужден оставить епископский пост в 1458 г., переведен в аббатство Торни в Кембриджshire, где прожил до самой своей смерти [30].

Главным трудом Реджинальда Пекока стал трактат «Отповедь тем, кто без меры поносит духовенство» (ок. 1455 г.). Помимо своего важного значения в истории движения лоллардов, «Отповедь» представляет интерес как образец английского языка того времени. Среди других сочинений Пекока – «Книга, или Правила христианской религии», «Донат» (или «Введение в главные истины христианской веры в форме диалога между отцом и сыном») и «Последователи Доната» [30].

Центром не только образования, но и богословских дискуссий, по-видимому, был колледж Уайтингтона, процветавший при целой плеяде выдающихся докторов теологии. В 1490 г. магистр Эдуард Андервуд основал там братство св. Мудрости (Holy Wisdom), чтобы поощрять чтение и обсуждение лекций по теологии [8, р. 465].

Важно, что сами лондонцы проявляли заинтересованность в привлечении в город известных и высокообразованных богословов из Оксфорда и Кембриджа. Об этом свидетельствуют завещательные акты горожан XV в. Так, городской клерк и любитель книг Джон Карпентер оставил деньги для того, чтобы не имевший бенефиция оксфордский или кембридгский ученый прибыл в Лондон проповедовать в соборе св. Павла [31],

р. 129–130]. А портной Уильям Джарден завещал гости니цу «Кэтрин Уилл» в Вестминстере Королевскому колледжу Оксфорда: его духовенство должно было не только произносить заупокойные молитвы по усопшему, но и ежегодно направлять священника с университетским образованием для чтения проповеди в Вестминстерском соборе св. Маргариты [18, р. 383].

Интеллектуальный ландшафт Лондона определялся и тем, что именно здесь сочиняли свои произведения известные авторы XIV–XV вв. Джейфри Чосер писал в Лондоне; Томас Аск, автор «Заветов любви», был секретарем мэра Джона Нортхемптона в 1370 – 1380-х гг.; Уильям Ленгленд жил в Корнхилле и путешествовал по городу, декламируя и перерабатывая свою поэмю. Уже в 1400 г. появилась копия «Видения о Петре Пахаре», которая находилась во владении настоятеля лондонской церкви св. Алфеджа. С Лондоном были связаны поэт и друг Дж. Чосера Джон Гаэр и Томас Хоклев, посвятивший свои стихи в том числе лондонскому книготорговцу Томасу Марлебургу и городскому клерку Джону Карпентеру [32, р. 162–172].

Интеллектуальное пространство позднесредневекового Лондона включало в себя и такой важнейший элемент, как библиотеки, представлявшие горожанам возможность читать. Располагались они в первую очередь, но не исключительно, в религиозных домах. Солидные библиотеки были в соборе св. Павла и в Вестминстерском аббатстве. Имелись они во всех 6 монастырях Лондона и еще в 7 монастырях в предместьях города [33, р. 120–127, 195–197]. В начале XIV в. Эндрю Хорн, образованный городской член, мог брать книги из библиотеки клюнийского монастыря в Бермондси [8, р. 465], и вряд ли он был единственным лондонцем, который пользовался такой возможностью. Очевидно, что библиотеки были в монастыре регулярных каноников ордена св. Креста (в 1359 г. из этой библиотеки была украдена коллекция книг) и в монастыре св. Марии Грейс (бедность вынудила аббата заложить 9 томов стоимостью 44 шиллинга) [9, р. 303]. Об общественной значимости таких библиотек свидетельствует весьма существенный (в размере 400 фунтов) вклад Ричарда Уайтингтона в строительство новой библиотеки францисканцев в начале XV в. [34, р. 170].

В XV в. появились новые библиотеки, что отражало растущий спрос горожан на образование и их интерес к чтению. «Пионером» в этом благородном деле стал неоднократно упоминавшийся Джон Карпентер, душеприказчик Уайтингтона. В 1423 г., после смерти завещателя, Карпентер использовал его деньги для строительства первой «публичной библиотеки» в Гилдхолле (библиотека располагалась в специально построенном здании, где книги были прикованы цепями, но доступны для всех желающих), а собственную

частную библиотеку оставил певческой школе в колледже Гилдхолла [33, р. 126–127].

Библиотеки существовали в нескольких лондонских приходских церквях. Известно о библиотеках в приходе св. Петра в Корнхилле, где, как известно, было довольно много учителей грамматики, и в приходе св. Джеймса (среди прочих здесь имелись 2 книги, написанные на французском языке, Библия и «книга Священного Писания») [11, р. 162; 33, р. 126, 221, 224]. Горожане поддерживали эти библиотеки не только как читатели, но и как благотворители.

Во второй половине XV столетия в Лондоне было несколько крупных владельцев книг, прежде всего, это семьи Уорнеров и Фроуиков [35, р. 143–158]. Фактически можно говорить о частных библиотеках, собиравшихся и хранившихся в этих купеческих фамилиях. К сожалению, установить перечень книг из данных библиотек не представляется возможным.

Известно, что в 1403 г. в Лондоне оформилась гильдия книготорговцев, объединившая составителей текстов, иллюстраторов, переплетчиков и собственно продавцов книг. Появление единой гильдии по созданию, оформлению и реализации книг может свидетельствовать о возросшем спросе на книжную продукцию, эффективно удовлетворить который была призвана такая компания. Многие книготорговцы жили недалеко от собора Святого Павла и в Смитфилде [25, р. 49–53].

Особого внимания заслуживает вопрос о том, какие книги предпочитали читать лондонцы. Ответить на него не так просто: источники, которыми мы располагаем, не слишком информативны. В завещании Эндрю Хорна, торговца рыбой и «выдающегося юриста» (считается автором «Зерцала судей». – Л. Ч.), составленном им 9 октября 1328 г., упоминаются «великая книга “De Gestis Anglorum” (речь идет о “Деяниях” или “Истории английских королей” Уильяма Мальмсберийского. – Л. Ч.), в которой содержится много полезных вещей, другая книга “De Veteribus Legibus Anglie” вместе с книгой “Bretoun” (возможно, это сокращенный вариант известной работы Генри Брактона. – Л. Ч.) и книгой под названием “Speculum Justiciariorum”, также книга, составленная Генри де Хантингдонским, и книга “De Statutis Anglie”, где записаны многие свободы и привилегии, касающиеся города Лондона...» [4, р. 344–345]. Торговец пряностями Уильям де Тони, олдермен, шериф, 20 июня 1349 г. завещал Псалтырь, некие другие книги и «Причины царя Соломона» [4, р. 603]. Джон де Джизор, тоже торговец пряностями, олдермен, 7 раз избиравшийся мэром Лондона, по завещанию от 5 января 1350 г. оставил «...книгу с посланиями святых... Евангелия, а также портифорий (требник, содержащий ежедневную службу, принятую в Римской церкви. – Л. Ч.) с музыкальными нотами, которые использовал

св. Павел, и Псалтырь...» [4, р. 643–644]. В качестве получателей книг в завещаниях указывались и женщины. Так, Уильям Крессвик в завещании от 3 ноября 1405 г. оговорил, что его жена должна получить в пожизненное пользование его книгу «Легенды о святых», а затем передать ее в монастырь св. Троицы [20, р. 371]. Видимо, способности и умения женщин воспринимались как нечто само собой разумеющееся.

К. Бэррон отметила, что только в 20% лондонских завещаний XV в. упоминаются книги, и, по меньшей мере, половину из них составляли литургические или религиозные сочинения [8, р. 466]. При этом книги, заслужившие упоминания в завещаниях, очевидно, были наиболее ценными, а их стоимость сильно различалась. Среди имущества одного из торговцев скобяными изделиями обнаружились книги стоимостью до 10 фунтов («Свод канонического права» и «Роман об Александре» в стихах, хорошо и богато иллюстрированный), а также 2 Псалтыри, которые оценивались в 3 шиллинга [9, р. 283; 36, р. 11, 19]. Томас Раус, один из учеников Уайтингтона, в 1434 г. оставил своему сыну Гаю значительную коллекцию книг, в том числе «Книгу совести» (The Book of Conscience) и «Видение о Петре Па-харе» [8, р. 468].

Популярностью у лондонцев пользовались произведения Уолтера Хилтона «Лестница, или Ступени совершенства» и «Правила смешанной жизни», копии которых они заказывали [8, р. 468].

Большое значение для распространения книг и удовлетворения растущего спроса на чтение имело изобретение книгопечатания. В 1476 г. Уильям Кекстон основал первую типографию в Вестминстере; в 1478 и 1480 гг. были открыты типографии в Оксфорде, Сент-Олбансе и Лондоне. За свою жизнь Кекстон выпустил более 100 изданий под издательской маркой W. C., затем его типографию унаследовал ученик Уинкин де Уорд, продолживший дело мастера. За последнюю четверть XV столетия в английских типографиях было издано около 400 книг: «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера (1478 или 1484), чосеровский перевод Boehzia, переводы «Метаморфоз» Овидия, компиляции из сочинений Вергилия и Боккаччо, энциклопедия «Зерцало мира» (1481) – первая иллюстрированная английская печатная книга, роман Мэлори «Смерть Артура» (1485), произведения Дж. Гауэра и Дж. Лидгейта, сочинения по истории и риторике [37, с. 113].

Важно, что книги, напечатанные Кекстоном, де Уордом и другими типографами, обосновавшимися в западных пригородах Лондона, продавались и читались обычными людьми – жителями Лондона. Широкое распространение и популярность печатных книг подтверждается тем, что в 1480–1481 гг. в Лондон было ввезено

900 печатных книг с «разнообразными историями» и 30 комплектов очков, предположительно для дальновидных читателей [38, р. xxxvi].

Таким образом, интеллектуальный ландшафт позднесредневекового Лондона предстает как динамичная, сложно организованная, многослойная структура, состоящая из отдельных акторов, которые объединены коммуникативными связями различной плотности и интенсивности, позволяющими им создавать и распространять знание [39, с. 22]. В городе царила атмосфера интеллектуальных поисков и заботы об образовании в его самых широких аспектах; сложились особо благоприятные условия для реализации горожанами потребностей в обучении грамоте – чтению, письму, счету не только на латыни и французском языке, но и на языке английском, который получал все более широкое распространение как средство деловой коммуникации и язык литературы.

В Лондоне появляются новые лицензированные грамматические и певческие школы, но все больше становится неофициальных школ – грамматических, певческих и элементарных (школ письма). Это соответствовало социальному запросу горожан, прежде всего богатых купцов и ремесленных мастеров, на получение светских, практикоориентированных знаний и навыков. Повсеместно появляются и учителя, лицензированные и неформальные, готовые удовлетворить растущий спрос лондонских мальчиков и девочек на получение навыков чтения, письма и счета, в том числе на английском языке. Ождалось, что этими навыками они овладеют прежде, чем приступят к профессиональному обучению в качестве учеников в той или иной ремесленной гильдии или купеческой компании, либо приобретут их в период прохождения ученичества.

Живое участие в создании и содержании школ, материальной поддержке учителей принимали сами горожане – богатые столичные купцы, «отцы города». Также они были заинтересованы в привлечении в Лондон высокообразованных мужей – теологов, проповедников – из Оксфорда и Кембриджа, которые существенно дополняли интеллектуальное пространство города и воздействовали на умы горожан. Лондонцы реализовывали и одновременно воспитывали свои интеллектуальные запросы благодаря присутствию в городе известных авторов XIV–XV вв., которые здесь жили, сочиняли и распространяли свои произведения, а также наличию рукописей и книг в лавках книготорговцев, в разнообразных библиотеках – не только в монастырях и приходских церквях, но и в «публичных», и располагавшихся в домах преуспевающих лондонских купцов.

Видимо, во многом справедливы слова из письма (хотя и весьма лестного) Эразма Роттердамского, адресованного Джону Колету в 1506 г.: «Я могу искренне утверждать, что

ни одна страна не подарила мне стольких друзей, таких искренних, таких образованных, таких преданных, таких замечательных, таких отличающихся всеми добродетелями, как Лондон» [40, p. 412].

Список литературы

1. Сванидзе А. А. Средневековые города Западной Европы: некоторые общие проблемы // Город в средневековой цивилизации Западной Европы : в 4 т. / отв. ред. А. А. Сванидзе. Т. 1 : Феномен средневекового урбанизма. М. : Наука, 1999. С. 9–41.
2. Уваров П. Ю. Интеллектуалы и интеллектуальный труд в средневековом городе // Город в средневековой цивилизации Западной Европы : в 4 т. / отв. ред. А. А. Сванидзе. Т. 2. Жизнь города и деятельность горожан. М. : Наука, 1999. С. 221–263.
3. The Aldermen of the City of London : in 2 vols. / ed. by A. B. Beaven. London : Eden Fisher and Company, 1908. Vol. 1. 479 p.
4. Calendar of Wills proved and enrolled in the Court of Husting, London A. D. 1258 – A. D. 1688: in 2 pts. / ed. by R. R. Sharpe. London : John C. Francis, 1889. Pt. 1. 902 p.
5. Чернова Л. Н. Лондонский олдермен XIV века и его супруга: Джон и Джоан Пайл // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М. : Издательство ЛКИ, 2008. Вып. 23. С. 32–49.
6. Rickert E. Chaucer at School // Modern Philology. 1932. Vol. 29, № 3. P. 257–274.
7. Лештаев Д. В. Средневековый Лондон в период эпидемии чумы (1348–1351): некоторые аспекты социальной жизни // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 459–468. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-459-468>
8. Barron C. M. The Expansion of Education in Fifteenth-Century London // Medieval London : Collected Papers of Caroline M. Barron / ed. by M. Carlin, J. T. Rosenthal. Kalamazoo: Western Michigan University, 2017. P. 449–479.
9. Memorials of London and London life, in the XIIIth, XIVth, and XVth centuries: Being a series of extracts, local, social, and political, from the early archives of the City of London A. D. 1276–1419 / ed. by H. T. Riley. London : Longmans, Green, and Co., 1868. 800 p.
10. A Book of London English, 1384–1425 / ed. by R. W. Chambers, M. Daunt. Oxford : Clarendon Press, 1931. 395 p.
11. Thrupp S. L. The Merchant Class of Medieval London. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962. 401 p.
12. Educational Charters and Documents 598–1909 / ed. by A. F. Leach. Cambridge : Cambridge University Press, 1911. 582 p.
13. Calendar of Plea and Memoranda Rolls preserved among the Archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall. 1413–1437 / ed. by A. H. Thomas. Cambridge : Cambridge University Press, 1943. 424 p.
14. The Early History of the Goldsmiths' Company 1327–1509 / ed. by T. F. Reddaway, L. Walker. London : Arnold, 1975. 378 p.
15. Fitz Stephen W. Description of London // London 1066–1914: Literary Sources and Documents / ed. and with introductions by X. Baron : in 3 vols. Vol. 1: Medieval, Tudor, Stuart and Georgian London, 1066–1800. Mountfield : Routledge, 1997. P. 52–60.
16. Софронова Л. В., Хазина А. В. Школа св. Павла в Лондоне: ренессансная модель организации школьного дела // Вестник Мининского университета. 2017. № 4 (21). С. 7. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2017-4-7>. EDN: YPATYN.
17. Harvey B. F. Living and Dying in England, 1100–1540: The Monastic Experience. Oxford : Clarendon Press, 1993. 291 p.
18. Rosser G. Medieval Westminster 1200–1540. Oxford : Clarendon Press, 1989. 448 p.
19. The Aldermen of the City of London : in 2 vols. / ed. by A. B. Beaven. London : Eden Fisher and Company, 1913. Vol. 2. 374 p.
20. Calendar of Wills proved and enrolled in the Court of Husting, London A. D. 1258 – A. D. 1688 : in 2 pts. / ed. by R. R. Sharpe. London : John C. Francis, 1890. Pt. 2. 996 p.
21. Rotuli Parliamentorum ut et petitiones, et placita in Parlamento : in 6 vols. / ed. by J. Strachey. London : s. n., 1771. Vol. 3. 674 p.
22. Galbraith V. H. John Sewarde and his Circle: Some London Scholars of the Early Fifteenth Century (Sewarde's will) // Medieval and Renaissance Studies. 1941. Vol. 1, № 3. P. 85–104.
23. Emden A. B. A Biographical Register of the University of Oxford to AD 1500 : in 3 vols. Oxford : Clarendon Press, 1957. Vol. 1. 2242 p.
24. Harpsfield N. The Life and Death of Sir Thomas More, Knight / ed. by K. Stearns, A. Taylor. Irving : CTMS Publishers at the University of Dallas, 2020. 64 p.
25. Memorials of the Book Trade in Medieval London : the archives of Old London Bridge / ed. by C. P. Christianson. Woodbridge : D. S. Brewer, 1987. 118 p.
26. Calendar of Plea and Memoranda Rolls preserved among the Archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall, 1437–1457 / ed. by Ph. E. Jones. Cambridge : Cambridge University Press, 1954. 238 p.
27. Barron C. M. Richard Whittington: The Man Behind the Myth // Medieval London : Collected Papers of Caroline M. Barron / ed. by M. Carlin, J. T. Rosenthal. Kalamazoo : Western Michigan University, 2017. P. 267–333.
28. Calendars of Letter-Books of the City of London, arranged in approximate chronological order. Includes editorial introduction and indices : in 11 vols. Vol. 9. Letter-Book I: 1400–1422 / ed. by R. R. Sharpe. London : His Majesty's Stationery Office, 1909. 393 p.
29. Gregory's Chronicle: 1461–1469 // The Historical Collections of a Citizen of London in the Fifteenth Century / ed. by J. Gairdner. London : Camden Society, 1876. P. 210–239.

30. Pecock, Reginald // Encyclopaedia Britannica : in 29 vols. / ed. by H. Chisholm. 11th ed. Cambridge : Cambridge University Press, 1911. Vol. 21. P. 33.
31. Calendar of Plea and Memoranda Rolls preserved among the Archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall, A. D. 1458–1482 / ed. by P. E. Jones. Cambridge : Cambridge University Press, 1961. 238 p.
32. English Court Culture in the Later Middle Ages / ed. by V. J. Scattergood, J. W. Sherborne. London : Gerald Duckworth & Co, 1983. 220 p.
33. Medieval libraries of Great Britain: A list of surviving books / ed. by N. R. Ker. London : University College London, 1987. 256 p.
34. *Kingsford Ch. L.* The Grey Friars of London. Aberdeen : Aberdeen University Press, 1915. 257 p.
35. Regionalism in Late Medieval Manuscripts and Texts: Essays Celebrating the Publication of a Linguistic Atlas of Late Mediaeval English / ed. by F. Riddy. Cambridge : Ds Brewer, 1991. 214 p.
36. Calendar of Select Plea and Memoranda Rolls A. D. 1381–1412 / ed. by A. H. Thomas. Cambridge : Cambridge University Press, 1932. 410 p.
37. Бовыкин Д. Ю. Повседневная жизнь Европы в XVI–XVII веках // Всемирная история : в 6 т. / гл. ред. А. О. Чубарьян. Т. 3: Мир в раннее Новое время / отв. ред. В. А. Ведюшкин, М. А. Юсим. М. : Наука, 2013. С. 103–116.
38. The Overseas Trade of London : Exchequer Customs Accounts 1480–1481 / ed. by H. S. Cobb. London : London Record Society, 1990. 267 p.
39. Василькова В. В., Басов Н. В. Интеллектуальный ландшафт: концептуализация метафоры // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14, № 3. С. 22–40.
40. The epistles of Erasmus, from his earliest letters to his fifty-first year, arranged in order of time: English translations from the early correspondence, with a commentary confirming the chronological arrangement, and supplying further biographical matter : in 3 vols. / ed. by F. M. Nichols. London : Longmans, 1901. Vol. 1. 644 p.

Поступила в редакцию 07.05.2024; одобрена после рецензирования 20.05.2024; принята к публикации 28.06.2024
The article was submitted 07.05.2024; approved after reviewing 20.05.2024; accepted for publication 28.06.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 483–487

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 483–487

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-483-487>, EDN: IUIUBH

Научная статья

УДК 655(437.1)|15|+929Олдржих Веленский

Издательская деятельность чешского типографа XVI века Олдржиха Веленского из Мнихова

E. N. Многолетняя

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Многолетняя Елена Nikolaevna, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, Elenamnogoletnjaja@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2079-6080>, AuthorID: 386600

Аннотация. В статье рассматривается издательская деятельность чешского типографа Олдржиха Веленского из Мнихова, гуманиста, печатника, писателя и переводчика. Анализируется жанровый репертуар изданий, выходивших из типографии Олдржиха Веленского из Мнихова, его переводческая деятельность и гуманистические штудии.

Ключевые слова: книгопечатание в Чехии, жанровый репертуар типографской продукции, гуманизм, Олдржих Веленский из Мнихова, издательская деятельность, переводческая деятельность

Для цитирования: Многолетняя Е. Н. Издательская деятельность чешского типографа XVI века Олдржиха Веленского из Мнихова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 483–487. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-483-487>, EDN: IUIUBH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Publishing activity of the 16th-century Czech printer Oldřík Velenský from Mnichov

E. N. Mnogoletnyaya

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena N. Mnogoletnyaya, Elenamnogoletnjaja@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2079-6080>, AuthorID: 386600

Abstract. The article examines the publishing activities of the Czech typographer Oldřík Velenský from Mnichov, a humanist, a printer, a writer and a translator. The author analyses the genre repertoire of publications published by Oldřík Velenský from Mnichov, his translation work and humanistic studies.

Keywords: book printing in the Czech, genre repertoire of typographic products, humanism, Oldřík Velenský of Mnichov, publishing activities, translation activities

For citation: Mnogoletnyaya E. N. Publishing activity of the 16th-century Czech printer Oldřík Velenský from Mnichov. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 483–487 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-483-487>, EDN: IUIUBH

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Олдржих Веленский из Мнихова (чеш. Oldřich Velenský z Mnichova, родился приблизительно в 1495 г. – умер после 1531 г.) – чешский гуманист, издатель, типограф, переводчик и полемист. Он являлся последним потомком старочешского низшего дворянского рода, происходившего из деревни Мнихов недалеко от Ческа-Липы. Был известен также под латинизированным именем – Ульрих Веленус Минхониенсис (лат. Ulrich Velenus Minhonensis). Современники и ранние исследователи чешского книгопечатания считали это имя псевдонимом неизвестного автора [1].

Годы издательской деятельности Олдржиха Веленского из Мнихова приходятся на новый период в истории раннего чешского книгопечатания, который ознаменовался изменением в оформлении печатной книги, связанными с появлением титульного листа, использованием гравюр и некоторыми другими моментами. Эти книги в книговедческой литературе принято называть палеотипами (условное название европейских печатных книг, изданных с 1 января 1501 г. до 1 января 1551 г.). Кроме того, репертуар книжной продукции в чешском книгопечатании меняется. Чешские гуманисты занимаются пе-

реводами сочинений европейских гуманистов на чешский язык, а затем нередко активно издают их в своих собственных типографиях, например Микулаш Конач из Ходишкова. К таким деятелям чешской культуры XVI в. можно отнести и Олдржиха Веленского из Мнихова.

В 1515 г. Олдржих Веленский из Мнихова получил в Пражском университете степень бакалавра, а затем отправился в Париж. Некоторое время жил в Виттенберге, где смог ближе познакомиться с учением Мартина Лютера. Вероятно, после 1517 г. он находился в Базеле, где учился типографскому мастерству и работал в типографии Андреаса Кратандера, а изучение книжного ремесла закончил в 1519 г. в Нюрнберге [2]. В то же время можно предположить, что Веленский прошел обучение и стажировку в братской типографии у Микулаша Клаудиана в Млада-Болеславе. Он сочувствовал взглядам общины чешских братьев, но свидетельства официального принятия братской веры отсутствуют [1].

Затем Олдржих Веленский из Мнихова перезжает в Беле по Бездезем, где в 1519–1521 гг. управляет собственной типографией. Для создания мастерской он использовал часть типографского материала типографии Микулаша Клаудиана. Во многом издательская программа типографии Веленского удивительным образом совпадает с издательской деятельностью базельского кружка Фробена (Эразм, Фичино, Лукиан, Лютер). Благодаря этому Веленский удовлетворял своими изданиями нужды братских общин и восполнил пробел, образовавшийся в результате прекращения типографской деятельности Микулаша Клаудиана (1519 г.) [1].

В феврале 1521 г. типография Веленского сгорела, а часть ее оборудования после пожара снова оказалась в Млада-Болеславе, где нашла применение при создании типографии Иржики Штырсы, начинавшего в этот момент свое издательское дело. После 1528 г. Веленский провел остаток своей жизни в уединении. По некоторым данным, он жил в Моравии, где занимался переводами. К этому времени относится его перевод сочинения Лютера «Толкование ... Антихриста в видении Даниила», изданный в 1522 г. в пражской типографии Павла Северины. Веленский не отказался полностью от своей литературной деятельности, о чем свидетельствует составленный им в 1531 г. научный труд «О спасении от чумы» (Прага, 1538), издание которого посмертно осуществил Ян Северин-младший из Праги в Северино-Косоржской типографии [1]. После 1531 г. его имя исчезает из источников [2].

Насколько нам известно, Веленский печатал только на чешском языке, поскольку отождествлял себя с программой национального гуманизма, созданной Викторином Корнелием из Вшегрд, и хотел донести идеи до людей, не знавших латыни, на родном для них чешском языке.

Обратимся непосредственно к деятельности Веленского. В библиографии чешских и словацких книг обнаружено 15 изданий, в которых упоминается Веленский в качестве автора, переводчика или издателя [3].

Экономические причины в начале работы собственной типографии заставили Веленского отойти от гуманистической программы своей издательской деятельности, перевести с латыни и издать «по просьбе и запросам многих» четырехстраничное руководство «Преностики ... отпечатанное на латыни в Нюрнберге..... от лета Господня... [1524] по... [1535]». Руководство вышло из типографии в Беле под Бездезем в 1519 г. [4]. «Преностики» – это жанр народной литературы, предсказания и прогнозы, относящиеся к определенным дням или периодам, и особенно к сельскому хозяйству и погоде. Данный жанр литературы был очень популярен в Средние века, в том числе в Чехии.

Деятельность типографии Веленского была ориентирована на образцы чешского типографа Микулаша Конача из Ходишкова. Веленский своими переводами на чешский язык сочинений античных авторов, гуманистов и реформаторов обогатил данный пласт чешской литературы. В отличие от Вшегрда, который рекомендовал переводить на чешский язык свободно и по смыслу, Веленский четко и точно переводил латинские оригиналы на национальный язык, жертвуя языковой ясностью. Как и чешские гуманисты Викторин Корнелий из Вшегрд и Ржегорж Грубый, он посвятил себя распространению текстов, затрагивающих вопросы нравственного воспитания, посвященных критике морали и социального порядка [5].

Веленский был первым чешским переводчиком и издателем сочинения Эразма Роттердамского «Утешительная и очень полезная книга... о христианском рыцаре». Оно было издано в типографии в Беле под Бездезем в 1519 г. [6], а затем переиздано в 1520 г. [7]. В XVII в. перевод сочинения был вновь переиздан и отпечатан в Праге у Яна Йозефа Дисбаха в 1787 г. Веленский не жалел сил для служения читателю, о чем свидетельствует его издание перевода сочинения Эразма Роттердамского. Поскольку текст Эразма часто основывался на древних и раннехристианских литературных источниках, Веленский добавил к своему изданию пояснительные примечания, которых не было в оригинальном издании. Комментарии Веленского – самый обширный античный текст, изданный в Чехии в XVI в. Большая часть их относится к языческой мифологии, а меньшая приходится на разъяснение идиом и пословиц. Он был первым чешским переводчиком, кто избрал данный редакционный метод [5].

Веленский перевел на чешский критический диалог Лукиана «Недолговечные и полезные письма и жалобы бедных и богатых к Сатурну»,

который был издан в его типографии в 1520 г. [8]. Ему принадлежит перевод на чешский язык сатирического произведения итальянского гуманиста и философа-неоплатоника Марсилио Фичино под названием «В этом сборнике... рассмотрено остроумное дело... о том, как Истина пришла к кардиналу Риару». Издано было в Беле под Бездезем в 1520 г. [9].

Типографии в Беле под Бездезем приписывается плохо сохранившееся с дефектами издание под названием «Встреча двух лиц Пасквила и Цира», напечатанное там в 1520 г. [10]. О нем достоверно известно только то, что переводчиком с латыни снова был Веленский.

Полемику о верховенстве власти церковной и власти светской обогащает выполненный Веленским перевод популярного за пределами Чехии диалога под названием «Диалог св. Апостола Петра и Святейшего Юлия Второго Папы... о власти церковной, а также главе церкви», изданный в 1520 г. в типографии в Беле под Бездезем [11]. На издании можно прочитать: «Переведено и напечатано Волдржихом Веленским из Мнихова».

В своей типографии Веленский печатал собственные переводы сочинений Лютера. Проповедь Лютера «О славном Таинстве Святого Истинного Тела Христова... речь» (О святом таинстве Причастия) [12] была напечатана в типографии в Беле под Бездезем в 1520 г. В выходных данных издания проповеди Лютера «О святом таинстве Причастия...» указано: «... Напечатано Волдржихом Веленским из Мнихова...». Мы не знаем наверняка, был ли издатель также печатником, а также неизвестно, действительно ли Олдржих Веленский перевел проповедь на чешский язык. Но поскольку она была опубликована 8 мая 1520 г., проповедь считается самым первым произведением Мартина Лютера, переведенным на чешский язык. Последующие переводы были опубликованы Павлом Северином в типографии Северинско-Косоржской в Праге только в ноябре 1520 г. и Павлом Оливецким в Литомышле в 1520 г. без указания точной даты. Кроме того текст проповеди Лютера «О Святом Причастии» является старейшим переводом труда Лютера на другой национальный язык, отличный от немецкого. Переводы проповеди на французский, датский и голландский языки начали публиковаться в 1521 г., а первые английский и итальянский переводы датируются 1630-ми годами [1]. Второй перевод Веленского сочинения Лютера, озаглавленный «Толкование ... Антихриста в видении Даниила» предположительно был напечатан Павлом Северином с Капи Горы в Северинско-Косоржской типографии в Праге в 1522 г. [13].

Непосредственно для нужд общины чешских братьев Веленский в своей типографии опубликовал сочинения Лукаша Пражского. Это трактат «Изложение доводов из самых верных

Писаний... о поклонах и коленопреклонениях» (1520 г.) [14] и труд, затрагивающий вопросы противников братского единства, «... почему крещение... повторяется» (1521 г.) [15].

Веленский являлся автором полемического сочинения, обычно цитируемого в исследованиях, под сокращенным названием «Петр не приходил в Рим». Он опубликовал его под латинизированным именем – Ульрих Веленус Минхониенсис. Всемирно известная латинская работа Веленского, направленная против папского главенства, не была опубликована в Беле под Бездезем, но после 1520 г. дважды была опубликована за пределами Чехии (с датой декабря 1520 г. в Аугсбурге Сильваном Отмаром и без даты в Базеле Андреасом Кратандером). Оба латинских издания называются одинаково: «В этой книге доказывается самыми серьезными, самыми верными и разнообразными доводами, основанными на Священном Писании, что апостол Петр не приходил в Рим и не был замучен там» («In hoc libello gravissimis, certissimisque & in sacra scriptura fundatis rationibus variis probatur, apostolum Petrum Rhomam non venisse, neque illic passum, proinde satis frivole & temere Rhomanus pontifex se Petri successorem iactat & nominat»). Веленский доказывает в нем, что римский Папа не является преемником апостола Петра, потому что он никогда не посещал Рим и не мог быть там замучен. Вероятно, Отмар также напечатал книгу на немецком языке под названием «В этой книге, заполненной множеством отрывков, ... четко указано, что святой апостол Петр не приходил в Рим и не претерпел там смерти» («In disem Büchlin wirt mit mancherlay Tapffern,... klärlich bewert, das der hailig Apostel Petrus gen Rom nicht kommen, noch alda den Tod gelitten») (Аugsburg? 1521?). Несколько десятилетий спустя, трактат Веленского уже на итальянском языке был опубликован под новым названием «Трактат, в котором содержатся вполне определенные доводы из Священного Писания, которые состоят в том, что апостол Петр никогда не был в Риме» («Trattato nel quale nos certissimi ragioni nella Sacra Scrittura, si Manifeta, Come Pietro apostolo non mai fu à Roma») (Регенсбург, 1566–1567). Все три языковые версии вошли в богатый фонд полемической литературы Реформации. Кроме того, католик Иоганн Кохлей гневно отреагировал на сочинение Веленского, написав свой ответ под названием «О Петре и Риме против лютеранского яда» («De Petro et Roma adversus Velenum Lutheranum») (Кёльн 1525) [5].

Значение деятельности Веленского как гуманиста-издателя и переводчика для чешского книгопечатания первой половины XVI в. очень важно. Но, кроме переводов и издания сочинений, он много сделал для развития типографского дела в Чехии, был новатором в использовании новых технологий. У Веленского в типографии применялся шрифт швабах. Однако, кроме него,

в ходу были печатные шрифты XV в.: ротонда и готическая антиква. Ротонда как отличительный шрифт в изданиях Веленского появляется, например, в «Преностике» (1519 г.), в сочинении Эразма «... о христианском рыцаре» (1519 г.) и в «Послании Лукаша о крещении» (1521 г.). Готической антиквой была напечатана сатира Марсилио Фичино (1520 г.). Таким образом, Веленского следует признать лидером в применении обоих шрифтов для печатания текста на чешском языке. До этого времени ротонда задействовалась только для латинского набора текста (в Чехии 1485 г. и в Моравии 1486–1504 гг.), а готическая антиква никогда не применялась в Чехии, вплоть до времен Веленского. Помимо этого, в своих изданиях Веленский прибегал ко многим зарубежным практикам, которые в то время еще не использовались в чешских мастерских или были совершенно новыми. Прежде всего, речь идет об отдельном (самостоятельном) титульном листе и типичном ренессансном оформлении титульного листа, на котором типограф по возможности помещал гравюру на дереве с названием повествования (Преностика 1519, Лукиан 1520). Возможно, впервые в Чехии гербы и маргиналии (надписи на полях) появляются в творчестве Веленского (Эразм 1519), довольно скоро отрывки текста упорядочиваются и исчезают со страниц изданий («Книга о Крещении...» Лукаш Пражский 1521) [1].

Декор книги был выполнен по принципу гравюры на дереве белыми линиями («Трактат...» Лукаша Пражского). Еще одной инновацией, неизвестной в Чехии, можно считать специфическую тематику типографской марки типографа или сигнета. Веленский использовал для своей марки изображение ручной печатной машины, которое во многих экземплярах распространялось по всей Европе со времен Йосса Баде. Изображение представляло собой следующий рисунок: на перекладине пресса выгравирована надпись «имя владельца»: «P[re]lu[m] Uldricianu[m]» (лат. «печать Олдржиха»). Изображение этой гравюры присутствует на титульном листе издания сочинения Эразма (1519) и годом позже на титульном листе проповеди Лютера «О Святом Причастии» (1520). Герб Веленского можно рассматривать также и как типографскую марку, на которой присутствуют изображение либо с надписью-лентой с текстом «Wol. z. Mni.» (Преностика 1519), либо ксилографическая надпись «Woldřich» (Лукаш Пражский «Книга о Крещении...» 1521) [1].

Таким образом, деятельность Олдржиха Веленского из Мнихова представляется очень многообразной и значительной. Он был гуманистом-издателем, типографом, переводчиком, автором сочинений. В своей типографии издавал книги только на чешском языке. Среди них были его переводы сочинений Лютера и Эразма Роттердамского, диалог Лукиана и трактат Марсилио

Фичино, сочинения Лукаша Пражского. У Олдржиха Веленского имеются собственные труды. Он оставил заметный след в чешском книгопечатании первой половины XVI в. как типограф, внедряя новые технологические процессы в работу чешских типографий, первым ввел титульный лист (стал использовать для изданий ренессансный титульный лист с гравюрами на дереве) и типографскую марку (сигнет) типографа.

Список литературы

1. Voit P. Oldřich Velenský z Mnichova // Oldřich Velenský z Mnichova – Encyklopédie knihy. URL: https://wwwENCYKLOPEDIEKNIHY.CZ/INDEX.PHP/OLDŘICH_VELENSKÝ_Z_MNICHHOVA (дата обращения: 20.04.2024).
2. Oldřich Velenský z Mnichova. Lexikon české literatury IV. URL: [https://EDICEE.UCL.CAS.CZ/IMAGES/DATA/PRIRUCKY/OBSAH/42/VÁVRA%20-%20VESELSKÝ%20\(1250-1293\).PDF](https://EDICEE.UCL.CAS.CZ/IMAGES/DATA/PRIRUCKY/OBSAH/42/VÁVRA%20-%20VESELSKÝ%20(1250-1293).PDF) (дата обращения: 29.04.2024).
3. KPS – Výsledky dotazu: Slova-Všechna pole= Oldřich Velenský z Mnichova // KPS – Výsledky vyhledávání. URL: https://ALEPH.NKP.CZ/F/IETQDMAS8PNUHXP1R92K3HTD63C69XJUT32T8368MGV1T3Q8U6-24705?func=find-b&find_code=WRD&x=38&y=4&request=Oldřich+Velenský+z+Mnichova&filter_code_1=WTP&filter_request_1=&filter_code_2=WLN&adjacent=N (дата обращения: 30.04.2024).
4. Prenostyka(!) ... od Leeta Paňe Tisycieho Pietisteho Cztyrmezciemeho [= 1524]. az do Leeta Tisycieho Pietisteho Trzidcateho Pateho [= 1535] ... Bělá pod Bezdězem: Oldřich Velenský z Mnichova, 1519, 20. Říjen // KPS – Úplné zobrazení záznamu. URL: https://ALEPH.NKP.CZ/F/U6PN2X13FN1XCVH6GHYLH59QH TG28B3NCFD858SFD8IG7URIHJ-40914?func=full-set-set&set_number=306624&set_entry=000006&format=999 (дата обращения: 29.04.2024).
5. Neškudla B. Knihovny a čtenářská recepce v období raného humanismu v Čechách. The Libraries and Reader's Reception in the Early Humanism Period in Bohemia // Knihovny a čtenářská recepce v období raného humanismu v Čechách. The Libraries and Reader's Reception in the Early Humanism Period in Bohemia – PDF Free Download. URL: <https://DOCPLAYER.CZ/133693518-Knihovny-a-ctenarska-recepce-v-obdobii-raneho-humanismu-v-cechach-the-libraries-and-reader-s-reception-in-the-early-humanism-period-in-bohemia.html> (дата обращения: 29.04.2024).
6. Erasmus Rotterdamský, Desiderius. Przeut'essena a mnoho prospisennaa knieha Erazyma Roterodamskeho o Rytierzi Krzestianskem ... / Desiderius Erasmus/Erasmus Rotterdamský, Desiderius. Bělá pod Bezdězem: Oldřich Velenský z Mnichova, 1519, 17. prosince // KPS – Úplné zobrazení záznamu. URL: https://ALEPH.NKP.CZ/F/U6PN2X13FN1XCVH6GHY LH59QHTG28B3NCFD858SFD8IG7URIHJ-19924?func=full-set-set&set_number=305890&set_entry=000008&format=999 (дата обращения: 10.05.2024).
7. Erasmus Rotterdamský, Desiderius. Przeut'essena a mnoho prospisennaa Knieha Erazma Roterodamskeho o Rytierzi Krzestianskem: ... / Erasmus Rotterdamský, Desiderius. Bělá pod Bezdězem: Oldřich Velenský z

- Mnichova, 1520. KPS – Úplné zobrazení záznamu. URL: https://aleph.nkp.cz/F/U6PN2X13FN1XCVH6GHYLH59QHTG28B3NCFD858SFD8IG7URIHJ-02913?func=full-set-set&set_number=306004&set_entry=000007&format=999 (дата обращения: 10.05.2024).
8. *Lúkianos*. Kratochwilni spolu y pozitečni Listo wee a žaloby Chudych a Bohatych I przed Saturnem ... / Lúkianos. Bělá pod Bezdězem: Oldřich Velenský z Mnichova, 1520, 26. Ledna // KPS – Úplné zobrazení záznamu. URL: https://aleph.nkp.cz/F/U6PN2X13FN1XCVH6GHYLH59QHTG28B3NCFD858SFD8IG7URIHJ-05418?func=full-set-set&set_number=306070&set_entry=000004&format=999 (дата обращения: 02.05.2024).
9. *Ficino Marsilio*. Wtomto Sebranie otěchto wiezech porzadī se poklada Spis wtipny Marsylia Ficynskeho/Marsilio Ficino. Bělá pod Bezdězem: Oldřich Velenský z Mnichova, 1520 // KPS – Úplné zobrazení záznamu. URL: https://aleph.nkp.cz/F/U6PN2X13FN1XCVH6GHYLH59QHTG28B3NCFD858SFD8IG7URIHJ-07921?func=full-set-set&set_number=306117&set_entry=000014&format=999 (дата обращения: 02.05.2024).
10. Rokowanie dwu osob Passkwilla a Cyra: ... [Bělá pod Bezdězem: Oldřich Velenský z Mnichova, 1520 // KPS – Úplné zobrazení záznamu. URL: https://aleph.nkp.cz/F/U6PN2X13FN1XCVH6GHYLH59QHTG28B3NCFD858SFD8IG7URIHJ-20270?func=full-set-set&set_number=306559&set_entry=000009&format=999 (дата обращения: 10.05.2024).
11. Spolu rozmlouwani swateho Petra Aposstola... [Bělá pod Bezdězem]: Oldřich Velenský z Mnichova, 1520, 24. února // KPS – Úplné zobrazení záznamu. URL: https://aleph.nkp.cz/F/U6PN2X13FN1XCVH6GHYLH59QHTG28B3NCFD858SFD8IG7URIHJ-22751?func=full-set-set&set_number=306624&set_entry=000011&format=999 (дата обращения: 10.05.2024).
12. *Luther M. Owelebne Swatosti Swateho pra weho Tiela Krystowa: A o bratr stwie Rzeč Doktora Martina Lutera.../Martin Luther*. [Bělá pod Bezdězem]: Oldřich Velenský z Mnichova, 1520, 8. Května // KPS – Úplné zobrazení záznamu. URL: https://aleph.nkp.cz/F/U1V1EVM2THHV6UCMVX9TIIUD1PS4BQ2SEHDY4G1U6U6C5IMNF-07494?func=full-set-set&set_number=264972&set_entry=000085&format=999 (дата обращения: 30.04.2024).
13. *Luther M. Wyklad slawneho Doktora Marti na Lutera: o Antykrystu na Widěni Danyelovo: ... / Martin Luther*. Praha : [Pavel Severýn z Kapí Hory], 1522, 22. Března // KPS – Úplné zobrazení záznamu. URL: https://aleph.nkp.cz/F/JJKVURGCTH4578HE57S7CICQGMSP785C9SHL54T1AI7METQJGQ-15661?func=full-set-set&set_number=260828&set_entry=000008&format=999 (дата обращения: 30.04.2024).
14. *Lukáš Pražský*. Sepsanie Duowoduou znaygistčich Pijsem / Lukáš Pražský. Bělá pod Bezdězem: Oldřich Velenský z Mnichova, 1520, 19. Listopadu // KPS – Úplné zobrazení záznamu. URL: https://aleph.nkp.cz/F/U6PN2X13FN1XCVH6GHYLH59QHTG28B3NCFD858SFD8IG7URIHJ-26849?func=full-set-set&set_number=306624&set_entry=000010&format=999 (дата обращения: 10.05.2024).
15. *Lukáš Pražský*. Spis dosti čzinicij Otazce protiwi kuow Gednoty Bratske / Lukáš Pražský. Bělá pod Bezdězem: Oldřich Velenský z Mnichova, [1521] // KPS – Úplné zobrazení záznamu. URL: https://aleph.nkp.cz/F/U6PN2X13FN1XCVH6GHYLH59QHTG28B3NCFD858SFD8IG7URIHJ-31025?func=full-set-set&set_number=306624&set_entry=000011&format=999 (дата обращения: 10.05.2024).

Поступила в редакцию 14.05.2024; одобрена после рецензирования 20.05.2024; принята к публикации 28.06.2024
The article was submitted 14.05.2024; approved after reviewing 20.05.2024; accepted for publication 28.06.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 488–493
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 488–493
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-488-493>, EDN: IWEKZB

Научная статья
УДК [336.14:342.537.5](410)|16/18|

Особенности вотирования бюджета английским парламентом в XVII–XIX веках

Ю. И. Царева

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, 119571, г. Москва, проспект Вернадского, 82, корп. 1

Царева Юлия Игоревна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, tsareva-yi@ranepa.ru,
<https://orcid.org/0009-0004-3727-0597>, AuthorID: 905071

Аннотация. В статье через рассмотрение основных конституционных актов Великобритании и процедуры принятия бюджета предпринята попытка определить основные особенности вотирования бюджета английским парламентом, начиная с периода правления династии Стюартов и заканчивая принятием «Акта о парламенте» 1911 г. Выявляются особенности процедурного характера и основные принципы взаимодействия двух палат парламента и короля по финансовым вопросам.

Ключевые слова: генеральный контролер казначейства, вотум, консолидированный фонд, комитет расходов, комитет по изысканию средств, акт об ассигнованиях, контролер авансов

Для цитирования: Царева Ю. И. Особенности вотирования бюджета английским парламентом в XVII–XIX веках // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 488–493. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-488-493>, EDN: IWEKZB

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Features of budget voting by the English Parliament in the 17th – 19th centuries

Yu. I. Tsareva

Russian Academy of National Economy and Public Administration, 82 Vernadsky Ave., Moscow 119571, Russia

Yuliya I. Tsareva, tsareva-yi@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0004-3727-0597>, AuthorID: 905071

Abstract. In the article, through consideration of the main constitutional acts of Great Britain and the budget adoption procedure, an attempt is made to determine the main features of budget voting by the British Parliament starting from the period of the Stuart dynasty and ending with the adoption of the Act of Parliament of 1911. The author identifies the procedural features and the basic principles of interaction between the two chambers of Parliament and the King on financial issues.

Keywords: Comptroller General of the Exchequer, vote, consolidated fund, committee of supplies, committee of ways and means, appropriation act, auditor of imprest

For citation: Tsareva Yu. I. Features of budget voting by the English Parliament in the 17th – 19th centuries. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 488–493 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-488-493>, EDN: IWEKZB

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Одной из особенностей развития государственных финансов Англии являлось раннее разграничение государственной казны с частным имуществом главы государства.

В первое время, когда королевские имущества были еще значительны, к имущественным выплатам со стороны подданных прибегали редко, лишь в чрезвычайных случаях. И поэтому в отличие от доходов с королевских земель – ординарных доходов денежные поступления именовались чрезвычайными доходами – экстраординарны-

ми. Сначала эти чрезвычайные средства носили характер добровольных пожертвований народа своему королю – беневоленций, но затем наступил момент, когда разросшиеся расходы на войну и содержание королевского хаусхолда изменили характер экстраординарных субсидий. Денежные повинности становятся все более важным источником государственных доходов и, наконец, занимают главное место в государственном хозяйстве. Вынужденный жертвовать частью своего имущества, английский народ все более осознавал

свое значение в государственной жизни страны. Необходимым следствием этого осознания стали притязания английских подданных на участие в управлении страной. В области же государственного управления самые ответственные английские налогоплательщики сосредоточили свое внимание на вопросе о назначении и употреблении уплаченных ими денежных средств.

Еще ст. 12 и 14 «Великой хартии вольностей» 1215 г. провозгласили принцип, в соответствии с которым король не мог самостоятельно без одобрения совета королевства вводить новые налоги. Причем уже на этом этапе была заложена основа двухпалатной структуры представительного органа, обусловленная различными методами комплектации палат: графов, баронов и прелатов вызывали в совет королевства посредством писем от короля за печатью, а представителей графств и городов – огулом через шерифов и бейлифов. Начиная со времен подписания «Великой хартии вольностей», английские рыцари и бароны будут неоднократно принимать участие в многочисленных мятежах и восстаниях, отстаивая свои финансовые интересы. Действительно, Хартия в большей степени содержит статьи, гарантирующие баронам и горожанам защиту от финансовых злоупотреблений со стороны короны.

В XIV–XV вв. вопросы налогообложения все чаще переходят в плоскость парламентских дебатов: нижняя палата парламента закрепляет за собой ряд привилегий в области финансов. Например, только палата общин обладает законотворческой инициативой в области налогов и сборов. Любой новый налог был, таким образом, связан с созывом народного представительства в Англии и устанавливался только с разрешения парламента. Хотя зачастую парламентарии были согласны с налогоплательщиками в вопросах сборов в пользу короны, особенно коммонеров раздражало использование королем прерогативных прав, позволяющих пополнять казну в обход парламента, не дожидаясь вотирования средств. Именно это раздражение послужило основой для эскалации конфликта в период правления династии Стюартов, приведшего страну к гражданским войнам.

Несомненно, что государственный бюджет каждой страны отражает особенности народа. Англию в принципе можно считать родоначальницей бюджетного права и бюджетного процесса. Само слово «бюджет» использовалось в современном смысле этого слова в 1720 г. Это несколько шутливое наименование переводится с французского как «небольшой мешочек», хотя часто пишут, что такое наименование документ получил от красной кожаной сумки (портфеля), в которой он хранится на протяжении парламентской сессии.

Прежде всего необходимо отметить, что англосаксонская правовая система не подразумевает кодификации норм права. Англия – это страна с неписаной конституцией, и естественным

образом этот подход отразился на бюджетной сфере. Здесь отсутствует единый консолидированный акт, посвященный вопросу бюджетирования. Принципы и нормы бюджетной деятельности распределены по нормативным актам различной юридической силы, в том числе конституционного характера, таких как уже упомянутая «Великая хартия вольностей», «Statutum de tallagio», «Билль о правах» 1689 г., а также «Акты о парламенте» 1911 и 1949 гг. В 1689 г. в результате «Славной революции» английские короли лишатся супремативной (приостановка законов или их исполнения королевским велением, без согласия парламента) и диспенсивной (притязания делать изъятия из законов королевским велением) властей. В «Билле о правах» запрещалось взимать деньги по «обманной прерогативе». Таким образом, палата общин практически лишила корону возможности получать и тратить средства в обход парламента. Расходы короны начали подразделяться на личные и государственные. Результатом реформы явилось возникновение цивильного листа, в котором определялись суммы, необходимые для содержания королевского хаусхолда и выплат пенсий и жалованья служащим короны.

Основными актами, установившими нормы бюджетного права в Англии в XVII–XIX вв., были «Акт о консолидированном фонде» 1816 г. и «Акт о департаменте казначейства и аудита» 1866 г.

Смета или бюджет государственных доходов и расходов прошли в своем развитии 4 этапа: составление бюджета, обсуждение и принятие, исполнение в течение определенного времени и отчет по нему. Каждый из этапов имел свои особенности.

Государственная смета Великобритании отличалась упрощенным порядком составления и голосования. Бюджет делится на 2 части – смету доходов и смету расходов, что соответственно выражалось в принятии двух финансовых биллей – «Билля о финансах» и «Билля об ассигнованиях». Смета расходов, отраженная в «Билле об ассигнованиях», подразделяется на 3 отдела – военные расходы, морские и гражданские. Каждый из этих разделов далее подразделяется на главы, каждая из которых требует рассмотрения и вотирования палатой общин. Число этих статей (вотумов) сравнительно невелико – около 150 [1, р. 52]. На континенте, например, в Российской империи в данный период это число доходило до 1000 [2, с. 12]. В смете расходов по гражданским делам принята классификация не по министерствам, а по предметам.

Билли, относящиеся к ежегодному бюджету, обсуждаются в комитетских заседаниях двоякого рода, соответствующих двум различным задачам парламента. Комитет расходов рассматривает предложенные правительством расходы; комитет по изысканию средств назначает на покрытие их существующие источники дохода, а иногда предлагает новые.

На второй стадии – утверждения государственного бюджета – в Великобритании также имеется особенность. Сама процедура рассмотрения бюджета происходит следующим образом. Немедленно после открытия парламентской сессии, как правило, за несколько месяцев до начала финансового года начинаются заседания комитетов. Сначала вотирируются статьи расходов, а потом назначаются средства на их покрытие. Канцлер казначейства вносит в комитет расходов сметы предполагаемых расходов, сначала по содержанию армии и флота, затем по разным отраслям гражданского управления и др. Когда бюджет поступает на ветирование в палату общин, специальный комитет расходов уполномочен лишь уменьшить или отменить совсем ту или иную статью расходов. Увеличить же он ее не может. Эта особенность проистекает из самой процедуры принятия бюджета. При открытии сессии парламента король произносит тронную речь, в которой заявляет о необходимости дарования ему средств на годичные потребности государственного управления. В ответ на это палата общин постановляет, что надо дать его величеству требующиеся денежные средства. Поскольку корона (правительство) запрашивает для управления страной денежные средства, то само собой разумеется, что испрашивает она их в тех размерах, которые находят для себя не только необходимыми, но и достаточными. Поэтому увеличение статей расходов рассматривается как недопустимое вторжение в область правительственные функций. И это составляет вторую особенность финансового законодательства Англии: законодательная инициатива по финансовым биллям находится исключительно в руках короны. «Это правило есть серьезная гарантия для плательщиков налога, – писал У. Энсон, – против случайных проявлений щедрости со стороны Палаты, являющейся следствием красноречия отдельного члена, а равно и против пополнений на казенные деньги со стороны недобросовестных политических деятелей, стремящихся в угоду демократии превзойти друг друга в увеличении денежных назначений» [3, с. 251].

При обсуждении первой сметы (т. е. военного и морского бюджета) депутаты могут касаться общей финансовой политики министерства, а также военного и морского управления вообще. Обсуждение и утверждение сметы не может превышать 18 дней. Когда главные и наиболее изменчивые статьи расходов (смета армии и флота) приняты первым комитетом, смета поступает на повторное одобрение в комитет изыскания средств, который должен подтвердить наличие доходов на определенные в смете расходы и подготовить так называемый «Annual Finance Bill», посвященный вопросам сбора налогов. Далее канцлер казначейства произносит длинную речь. По шутливому замечанию Ф. Энгельса, «при сэре Роберте Пиле доклад парламенту о бюджете стал своего рода

религиозным актом, который надлежало совершать со всей торжественностью государственного этикета и всячески возвеличивать при помощи пышного красноречия. К тому же требовалось, чтобы акт этот длился не менее пяти часов» [4, с. 32].

Затем требуется еще одно одобрение – на этот раз всей палаты общин. Постановления палаты общин по докладам комитета субсидий не поступают в верхнюю палату, но остаются в качестве односторонних резолюций общин до конца сессии, когда они соединяются в одном общем билле, носящем название «апpropriационного» и посвященном вопросам растраты денег.

Финансовый контроль со стороны палаты общин продолжает возрастать в XVII и последующих столетиях. В 1668 г., поняв расточительность нового английского монарха, парламент голосует за акт об ассигнованиях, устанавливающий, что суммы, одобренные комитетом субсидий палаты общин, должны храниться в казначействе отдельно от всех денег и расходоваться исключительно на оплату жалования морякам и на строительство флота.

13 апреля 1671 г. общины единогласно приняли резолюцию, в соответствии с которой «при установлении всех налогов, которые разрешаются общинами королю, общая сумма их, а также размеры налогов не могут быть изменены палатой лордов» [5, с. 34].

3 июля 1678 г. общины приняли другую резолюцию: «Все налоги и субсидии, разрешаемые королю в парламенте, представляют собой исключительный дар общин, все билли, имеющие своим предметом такие налоги и субсидии; должны первоначально ветироваться общинами; и общинам принадлежит неоспоримое право устанавливать и определять цели, условия, ограничения представления субсидий, которые не может ни уничтожать, ни менять палата лордов» [5, с. 36].

Право отвергать денежные билли в принципе признавалось за лордами, но крайне редко. В 1860 г. лорды отвергли билль об отмене налога на бумагу. Тогда общины стали соединять все финансовые законопроекты в один общий билль, отвергнуть который лорды не могли, не взяв на себя «тяжкой ответственности за потрясение всего государственного хозяйства» [2, с. 56]. После реформы парламента в 1911 г. и в 1949 г. палата лордов это право утратила.

Однако до 1911 г. процедура выглядела следующим образом: по окончании обсуждения комиссия расходов предоставляла доклад палате общин. После одобрения бюджета палатой лордов он принимал вид особого билля, который хранился в палате общин до окончания сессии, после чего представлялся Спикером на подпись королю. Монарх утверждал бюджет окончательно своей подписью: «Король благодарит своих подданных, принимает их назначения и утверждает» [6, с. 23].

Необходимо отметить еще одну особенность существовавшего в Англии порядка вотирования бюджета, резко отличавшегося от континентальной традиции. Государственная смета содержала некоторые статьи расходов, повторявшиеся из года в год, носившие наименование консолидированных, т. е. твердых. Является ли это ограничением королевской власти или права народа на согласование расходов – исследователи не дают однозначного ответа. Консолидированную часть английского бюджета составляли расходы на королевское содержание (хаусхолд), жалованье судьям и пенсии чиновникам, а также дипломатические расходы. По отношению ко всем расходам консолидированная часть была весьма значительной и составляла 3/4 всей сметы. Покрывались эти расходы из особого постоянного фонда, который также носил наименование консолидированного. Появился он в XVIII в., когда различные статьи дохода строго предназначались служить для покрытия определенных расходов. Ввиду возникших неудобств такой специализации назначения доходов, они стали объединяться по источникам взимания. В 1878 г. правительство объединило множество мелких статей доходов и основало из них общий консолидированный фонд.

Третья стадия – исполнение бюджета – также обладает рядом особенностей. Смета в Англии в XVIII в. составлялась на строго определенный срок, который назывался бюджетным периодом. Ранее этот период не был четко определен, и короли собирали парламент от случая к случаю, в зависимости от необходимости испросить у поданных денег в виде новых налогов на ведение войн. Правда, существовали определенные сроки, к которым все шерифы и бейлифи должны были явиться в казначейство для произведения расчетов и подачи отчета по собранным с общин налогам: Пасха (весенний переходящий праздник, отмечаемый по церковному календарю) и Михайлов день (церковный праздник, отмечавшийся обычно 11 октября). Слово «годичный», «аппналь», применительно к финансовым отчетам использовался в казначействе с XIII в. Существовали также налоги, вотировавшиеся парламентом королю раз в жизни на первом парламенте при вступлении его на трон – это таможенные пошлины, размер которых, как правило, фиксировался обычаем и контролировался нормами Common Law. Поэтому не стоит думать, что вся структура национальной фискальной системы строилась на ежегодном вотировании налогов всех видов платежей. Налог на наследство, акцизы и штамповочные сборы в течение XVIII в. дополнял список косвенных налогов, вотируемых королю пожизненно, по так называемому permanent statute [1, р. 44]. Это еще одна особенность английской финансовой системы: финансовый год никогда не был четко связан с периодом работы парламентов, т. е. налоги вотировались так часто, как созывался парламент. Однако именно этот разрыв

спровоцировал недовольство 11-летним беспарламентским правлением Карла I. Ведь уже при Елизавете I сложилась традиция, в соответствии с которой парламенты собирались примерно раз в 3 года, и сбор субсидий, вотируемых парламентами, делился соответственно на 3 части [7, с. 306–307]. В последние десятилетия правления королевы очень часто вотируют по 6 субсидий (2 на каждый год) и 4 десятины и пятнадцатины [7, с. 245–248]. При династии Стюартов эта традиция нарушилась.

В 1641 г. король Карл I подписал «Трехгодичный акт», фактически ограничивавший королевскую прерогативу созыва парламента следующими мерами. Во-первых, парламент должен созываться не реже одного раза в 3 года; в случае отказа короля в созыве парламента в ноябре эта инициатива примерно через месяц переходила к высшему должностному лицу государства, к лорду-канцлеру, а в случае его бездействия еще через 40 дней – к пэрам королевства, а в случае равнодушия к вопросу созыва парламента со стороны лордов – к шерифам, которые должны были объявить о начале выборов депутатов в палату общин самостоятельно, без указания свыше, не позднее 1 марта. Во-вторых, устанавливалась минимальная продолжительность парламентской сессии в 50 дней, и роспуск парламента в более ранний срок был возможен только в случае согласия каждой из палат, определяемого путем голосования [8, с. 40–42].

Таким образом, все налоги, вотируемые парламентом, продолжали рассчитываться на трехгодичный срок сбора. При этом Акт 1641 г. следует отличать от Акта 1694 г., поскольку в 1641 г. речь шла лишь о том, чтобы промежуток между двумя сессиями парламента не превышал трехлетнего срока. В 1694 г. «Трехгодичный акт» утвердили Вильгельм и Мария, и этот акт уже содержал указание на то, что ни один парламент не может заседать дольше, чем 3 года, т. е. каждый новый сбор налога вотировал уже парламентариев нового созыва [9, с. 133–134]. Скорее всего, в данном случае это было сделано для того, чтобы подчеркнуть экстраординарный характер обложения (на защиту королевства). Далее, 26 апреля 1716 г., королева Анна приняла «Семилетний акт», разрешавший парламенту собираться и действовать не более 7 лет [9, с. 142–143]. И лишь в 1911 г. парламентский акт утвердил 5-летний срок избрания депутатов в палату общин [10, с. 3–5]. Однако этим же актом был утвержден также современный ежегодный принцип вотирования финансовых биллей.

Итак, в Англии бюджетный период, связанный с вотированием прямых налогов, начинался 1 апреля, но английский парламент не придерживался столь строго годового бюджетного периода, как это происходило на континенте. Ведь может случиться, что намеченные в бюджете расходования не успели закончиться к данному сроку. В ряде

континентальных стран существовали льготные периоды, которых в Англии не было. Более того, любые дополнительные сверхбюджетные ассигнования рассматривались в соответствии тем же порядком, что и бюджетная смета. Это делало финансовую систему Англии негибкой и громоздкой, не способной отвечать текущим запросам экономического развития.

Теперь рассмотрим порядок выдачи казенных денег и те гарантии, которыми располагало казначейство для обеспечения расходования средств на строго определенные цели, указанные только парламентом. Здесь следует коснуться изменений, произошедших со временем «Славной революции» до принятия «Акта о департаменте казначейства и аудита», т. е. с 1688 по 1866 г. Нецелевое расходование средств могло происходить либо когда суммы, отпущеные казначейству, были израсходованы на другие цели, либо когда лица, которым выдавались денежные суммы, расходовали их неправильно, и цели не были достигнуты. В первом случае имел место обман парламента, во втором – и короля, и парламента одновременно. Аудиторская проверка счетов существовала в Англии с древних времен. Сборщики доходов составляли отчеты контролерам авансов (*auditor of imprest*), а выдача денег контролировалась сначала баронами, а затем теллерами, назначенными для различных статей расходов. Систематическая проверка устанавливалась в период правления Елизаветы Тюдор, когда были учреждены контролеры авансов, выдаваемых на общественные нужды. Два контролера авансов получали содержание и им полагались помощники. В 1780 г. были назначены комиссары государственных счетов для обследования «всей системы получения, сбора и выдачи, и счета казенных денег» [11, р. 54–57]. Выяснилось, что каждый контролер получал ежегодно 16 тыс. фунтов стерлингов, и должность эта была упразднена специальным статутом. Вместо этого была назначена комиссия из 5 чел. для просмотра государственных счетов. Однако и это изменение не принесло большой пользы, пока в 1866 г. не была введена должность генерал-контролера и ревизора казначейства. Все платежи производились по распоряжению лорда-казначея и генерал-контролера. Любопытно, что в Англии все денежные ресурсы королевства хранились на текущем счете в английском (частном) банке. Лорд-казначей, стоявший во главе кассового управления, должен следить за постоянным равновесием между доходами и расходами, что очень просто благодаря ежедневной отчетности английского банка. Административные учреждения не имели при этом прямых, непосредственных отношений с банком: для этого существовал специальный посредник в лице главного расходчика (*Paysaster-generae*). Со своими требованиями должностные лица административных учреждений обращались к расходчику,

и он после получения от государственного контролера удостоверения о законности требований выдавал соответствующие суммы.

Таким образом, ни одно правительственные учреждение в Англии денег у себя не имело, за исключением весьма небольших авансовых средств на текущие расходы. Подобный учет и хранение, по мнению англичан, совершенно устранил возможность каких-либо хищений. Все финансовые отчеты за год, который заканчивался 31 марта, должны быть предоставлены до 30 ноября того же года, и государственный контролер представлял парламенту доклад о произведенных по каждой статье расходов тратах. Отчеты эти предоставлялись в феврале следующего года. Получив данные отчеты, палата общин передавала их на исследование особой комиссии, которая выдавала свое заключение. Если в отчете встречались ошибки, то наиболее крупные из них обсуждались палатой общин, наименее – министром финансов. Благодаря отсутствию льготных сроков и совпадению бюджетного года с отчетным, смета в Англии давала полную возможность составить точное представление о доходах и расходах королевства. При этом отчетные цифры были гораздо ближе к первоначальным, сметным, чем в других государствах Европы.

Как быть, если парламент вотировал налог одному королю, но не все субсидии успели собрать до того момента, как король умер? В Средние века эта проблема *interregnum* вызывала значительные затруднения. Ведь вотирование налога рассматривалось как некая форма договора между королем и парламентом, соответственно, как только монарх умирал, парламент прекращал свою работу, и необходимо было созывать новый парламент. Вследствие этого иногда сложно было истребовать с подданных сбора налогов, вотированных парламентом, собранным предшествующим государем. Тюдоры компенсировали такое несовершенство неписаной конституции Англии использованием прокламаций, которые содержали приказ сборщикам субсидий и шерифам продолжать сбор налога в период, когда парламент, вотировавший их, уже прекратил свое существование. Эдуард VI, Мария I и Елизавета I издавали прокламации, в которых декларировалось, чтобы налоги, вотированные при жизни предшествующего монарха, были собраны полностью, даже если предшественник уже умер [12, р. 369]. В начале XIX в. посредством «Акта о регентстве» удалось преодолеть и эту проблему: после смерти монарха и парламент, и большая королевская печать, и Тайный совет продолжали свою работу именем умершего короля в течение 6 месяцев, т. е. так, как будто бы король жив. Эти полгода были необходимы для того, чтобы новый монарх успел пройти процедуру коронации и созвать новый парламент [13, с. 114–118]. Таким образом проблема сбора налогов в период междуцарствия решалась.

Итак, главным предназначением парламента, начиная с периода Средневековья, являлось вотирование налогов. При этом вотирование бюджета в Англии представляло собой процесс принятия или отклонения государственного бюджета, предложенного правительством. Этот процесс являлся частью парламентской процедуры и имел ряд особенностей.

Инициатива: король и правительство должны представить проект бюджета на рассмотрение парламента (обычно это делал канцлер казначейства).

Обсуждение: парламент обсуждал предложенный бюджет, его цели, приоритеты и способы достижения, но не мог увеличивать расходные статьи бюджета по собственному желанию.

Голосование: после обсуждения парламент голосовал по проекту бюджета в следующем порядке – палата общин, затем палата лордов. Для принятия бюджета необходимо было простое большинство голосов.

Расходы и доходы: бюджет не являлся единым актом и включал в себя отдельные законы: об ассигнованиях (список расходов) и финансовый акт (список доходов государства). Парламент мог вносить изменения в статьи доходов, увеличивая или уменьшая их, но не в статьи расходов. В каждом законе об ассигнованиях имелся ряд таблиц, в которых указывалось, как распределяются деньги, выдаваемые из консолидированного фонда. Каждое ведомство или орган, которому выделялись деньги, отмечались в таблицах с указанием строго определенных целей. Деньги не могли быть потрачены на иные цели, кроме тех, на которые они ассигновывались, и должны быть израсходованы до конца финансового года, на который распространялись эти ассигнования, или возвращались в консолидированный фонд.

Контроль над бюджетом: парламент осуществлял контроль над исполнением бюджета, проверяя его соответствие заявленным целям и приоритетам через генерал-контролера и ревизора казначейства.

Финансовый год: в Англии финансовый год начинался 1 апреля и заканчивался 31 марта, однако английский парламент не придерживался строго годичного бюджетного периода, что означало, что бюджет принимался на один год, но в течение года могли происходить изменения и дополнения.

Указанные особенности проистекали не только из исторических условий формирования финансовой системы Англии, но и из особенностей англосаксонского правового мышления. Процедурный или процессуальный аспект являлся весьма важным на всех этапах вотирования бюджета

английским парламентом. Именно поэтому процесс принятия бюджета содержал ряд устаревших, можно сказать,rudimentарных черт, что, впрочем, не мешало оставаться Великобритании передовым государством в области решения бюджетных вопросов, а также контроля над расходованием вотированных средств. Особое внимание следует обратить и на ведущую роль палаты общин в решении финансовых вопросов. Подобные широкие полномочия сформировались не сразу, но в ходе упорной борьбы с королевским абсолютизмом и палатой лордов в период Средневековья и раннего Нового времени. Можно также сказать, что вся конституционная история Англии вытекала из финансовой истории.

Список литературы

1. Young E. H. The system of national finance. London : John Murray, 1935. 240 p.
2. Кокошкин Ф. Ф. Бюджетный вопрос в государствах с представительным правлением. Ростов н/Д : Издательство Н. Е. Парамонова «Донская речь», 1906. 136 с.
3. Энсон У. Английский парламент, его конституционные законы и обычаи / пер. с англ. Н. А. Захаров. СПб. : Издание Юридического Книжного Магазина Н. К. Мартынова, 1908. 346 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. : в 39 т. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1958. Т. 12. 910 с.
5. Алексеев А. А. Финансовые полномочия английского парламента. СПб. : Сенатская типография, 1914. 83 с.
6. Швейттай Г. Государственный бюджет в Англии. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1906. 40 с.
7. Царева Ю. И. Финансовая политика Тюдоров (1485–1603). М. ; СПб. : Петроглиф, 2020. 368 с.
8. Законодательство английской революции 1640–1660 гг. / сост. Н. П. Дмитриевский ; отв. ред. Е. А. Косминский. М. ; Л. : Издательство АН СССР, 1946. 382 с.
9. Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. Англия, США, Франция, Италия, Германия : сборник документов / под ред. [и с предисл.] проф. П. Н. Галанзы. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1957. 587 с.
10. Томсинов В. А. Развитие британской конституции в XX – начале XXI вв. // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2013. № 2. С. 3–23.
11. Pixley F. W. Auditors: Their Duties and Responsibilities. London : Henry Good and Sons, 1901. 516 p.
12. Tudor Royal Proclamations : in 3 vols. / ed. by P. L. Hughes, F. Larkin. Vol. I. New Haven ; London : Yale University Press, 1964. 704 p.
13. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / сост. В. А. Томсинов. М. : Зерцало-М, 2012. 456 с.

Поступила в редакцию 18.04.2024; одобрена после рецензирования 24.04.2024; принята к публикации 28.06.2024
The article was submitted 18.04.2024; approved after reviewing 24.04.2024; accepted for publication 28.06.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 494–499
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 494–499
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-494-499>, EDN: JUHGSY

Научная статья
УДК 061.251(44)|1773/1789|

Масонство в предреволюционной Франции (1773–1789 годы)

С. Е. Киясов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Киясов Сергей Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, sergeykiyasov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7474-8105>, AuthorID: 510777

Аннотация. В статье освещены события масонской истории в предреволюционной Франции. В центре внимания автора – становление национальных структур французского масонства. Отмечено участие правящей династии в процессе трансформации «английских» лож в структуры Великого Востока Франции. Охарактеризованы усилия масонских лидеров накануне Французской революции.

Ключевые слова: масонство, новое английское масонство, Бурбоны, Великий Восток Франции, Французская революция

Для цитирования: Киясов С. Е. Масонство в предреволюционной Франции (1773–1789 годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 494–499. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-494-499>, EDN: JUHGSY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Freemasonry in pre-revolutionary France (1773–1789)

S. E. Kiyasov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Sergey E. Kiyasov, sergeykiyasov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7474-8105>, AuthorID: 510777

Abstract. The article examines the events of the Masonic history of pre-revolutionary France. The author focuses on the formation of national structures of French Freemasonry. The participation of the ruling dynasty in the process of transformation of the "English" lodges into the structures of the Grand Orient of France is noted. The efforts of Masonic leaders on the eve of the French revolution are characterized.

Keywords: Freemasonry, New English Freemasonry, Bourbons, Grand Orient of France, French revolution

For citation: Kiyasov S. E. Freemasonry in pre-revolutionary France (1773–1789). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 494–499 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-494-499>, EDN: JUHGSY

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Рождение в Лондоне структур [1] и идеологии [2] «нового» масонства не осталось незамеченным во Франции. Особое внимание событиям, произошедшим в 1717–1723 гг., уделили философы-просветители, поскольку английские «вольные каменщики» изначально заявили о себе как сторонники свободомыслия, веротерпимости и демократических перемен в общественной жизни [3]. Деятельность этого интеллектуального сообщества, сменившего Орден розенкрейцеров, была подкреплена впечатляющими итогами Английской революции, подготовленной идеями Английского Просвещения, а также активной внешней пропагандой. Идеологи и адепты масонского движения стремились максимально быстро представить в странах Европы преимущества

собственного вероучения, отражавшего достоинства строя парламентской монархии, только что утвердившегося в Великобритании. Активную PR-компанию, начатую Великой ложей Лондона (1717) и продолженную Великой ложей Англии (1738), сопроводили масштабные политические катаклизмы. На первых местах в этом перечне – Война за независимость британских североамериканских колоний, которую возглавил и победоносно завершил масон-президент Джордж Вашингтон (1732–1799), и события Французской революции, в подготовке и совершении которой многие современники [4], а потом историки [5] подозревали масонов. Поэтому обращение к истории масонского движения во Франции кануна революции приобретает особое значение. Кро-

ме событийно-хронологического экскурса, оно призвано помочь ответить на важный, по-прежнему актуальный вопрос: можно ли обвинить «вольных каменщиков» в организации революций Нового времени?

Прежде, чем приступить к рассмотрению событий предреволюционного этапа становления и эволюции масонских структур Франции, следует, хотя бы кратко, охарактеризовать их предысторию. Ретроспективный обзор поможет более точно реконструировать идеальные приоритеты французских масонских лож на пути к событиям кризиса 1788–1789 гг.

Во Франции ложи «вольных каменщиков» появились на исходе XVII в., за три десятилетия до создания первой Великой ложи. В эпицентре событий оказался Париж. Здесь масонские собрания были открыты англичанами-якобитами, сторонниками свергнутого в 1688 г. короля Якова II Стюарта. Оказавшись в эмиграции, эти люди не утратили интереса к уже привычному для себя эзотерическому культу, который по популярности превосходил знаменитые клубные собрания Лондона. Важно подчеркнуть, что якобиты оставались приверженцами традиций и обрядов «старого» масонства, появившегося в Англии в самом начале XVII столетия, в период правления Якова I Стюарта. По понятным политическим мотивам английские масоны, оказавшиеся во Франции, не поддержали собраний Братства, открытых в 1717 г. в Лондоне и объединивших сторонников новой Ганноверской династии. Таким образом, события «масонской реформации» 1688–1723 гг., происходившей в Англии и во Франции, сопровождались политическим размежеванием, поскольку «старые» и «новые» братья находились по разную сторону фронта ожесточенных династических баталий и продолжавшейся гражданской войны. Приютившая этих людей Франция оказалась в эпицентре масонского противостояния не случайно, поскольку ее правящая династия была заинтересована в ослаблении Англии – своего главного противника и конкурента в Европе. Исходя из этих стратегических соображений, Париж охотно поддержал внутреннюю смуту в соседней стране, а также открыл границы королевства для английских политических мигрантов, среди которых оказались и масоны-якобиты [6, с. 294–308].

После 1723 г., завершившего процесс обновления масонства в послереволюционной Англии, борьба масонских течений (якобитского и ганноверского) во Франции не прекратилась [7, р. 65]. Необходимо выделить и прокомментировать наиболее важный момент этого малоизвестного идеально-политического противоборства. Если в Великобритании, на родине «нового» масонства, раскол в отношениях «старых» и «новых» масонов удалось смягчить, а затем и преодолеть, не допустив фатального размежевания национальной интеллектуальной

элиты, то во Франции все произошло с точностью дооборот. Здесь апокалиптический, кризисный процесс разрушения Старого порядка состоялся без присутствия миротворческих усилий масонского Ордена, на что, не без оснований, рассчитывали его основатели, покровители и многие рядовые участники. В результате этих несбытийных политических надежд, нацеленных на «строительство» идеального общества и государства, французское королевство в 1789 г. оказалось ввергнутым в состояние внутреннего хаоса. Лишь реформы Наполеона Бонапарта, опиравшегося на консолидированную поддержку французского имперского масонства, прервали затянувшийся кризис в стране и вернули ее в русло цивилизованного, вне революционного развития [7, р. 97].

Английские якобитские ложи сохраняли свое присутствие во Франции вплоть до начала 30-х гг. XVIII столетия. Их лидер – герцог Филипп Уортон (1698–1731), недавний гроссмейстер Великой ложи Лондона, смешенный в 1723 г. со своего поста за неправильную политическую ориентацию, по праву стал великим мастером и в эмиграции [8, р. 463–464]. Однако поражение Стюартов в битве за реставрацию своей власти в Великобритании вынудило «старых» масонов отказаться от оппозиционных настроений. Якобитские ложи во Франции провозгласили новый статус, не связанный с политикой. Их лидеры (Ч. Редклиф, Дж. Маклин) инициировали рождение «Шотландского Обряда», который самим названием напоминал о мирных временах правления Якова Стюарта, первого англо-шотландского монарха. Кроме этого, приверженцы нового Обряда выступили сторонниками не ремесленного, а рыцарского (тамплиерского) происхождения Братства, провозглашенного в 1736 г. британским масоном-реформатором Майклом Рэмси (1686–1743). После разрыва с политикой «старые» масонские ложи во Франции стали доступны не только английским роялистам-эмигрантам, но и самим французам, которые также увлеклись новомодной эзотерикой. Впрочем, несмотря на состоявшуюся переориентацию, якобитские масонские вожди во Франции быстро утратили влияние, уступив его лидерам Великой ложи Англии. Условной датой наступивших для французских масонов перемен можно считать 1721 г., когда состоялось открытие первой регулярной «английской» ложи в Дюнкерке. В последующее десятилетие волна масонской экспансии захватила другие французские города и, наконец, достигла Парижа.

Летом 1735 г. в столицу Франции прибыл Джон Теофил Дезагюлье (1683–1744). Этот протестантский пастор и член научного Королевского общества в Оксфорде был известен как один из создателей Великой ложи Лондона. В Париже влиятельный заграничный мэтр,

друг французского философа-просветителя Шарля Луи де Монтескье (1689–1755), принял участие в открытии двух лож [7, р. 69–70]. Отметим, что французская фамилия и частые посещения этим человеком Франции не были случайностью. Дезагюлье родился в Ла-Рошели в семье гугенота, которая покинула родину после отмены королем Людовиком XIV Нантского эдикта (1685). Дружеские отношения Монтескье и Дезагюлье свидетельствуют о том, что распространение во Франции обновленного масонства было подготовлено консолидированными, тщательно согласованными усилиями интеллектуалов двух стран – Великобритании и Франции, явно не признававшими разделяющую их границу. Кстати, столь ощутимых результатов так и не смогли добиться те британские масоны, которые оказались на территории Франции, но оставались сторонниками англо-шотландских Стюартов. В скором времени регулярные масонские ложи появились в других городах королевства: Бордо, Лионе, Руане, Нанте, Авиньоне, Марселе, Тулусе [7, р. 69].

Широкое распространение регулярного английского масонства во Франции актуализировало вопрос его трансформации в национальное, подконтрольное властям. Тем более, что отношения двух стран, особенно после завершения неудачной для Франции войны за Испанское наследство (1701–1714), пребывали в состоянии перманентного кризиса. В 1738 г. в Люневиле (Лотарингия) Великим мастером французских масонов был впервые избран представитель местной аристократии. Им стал герцог Луи д'Антен, внук Луи Антуана де Пардайан де Гондрена, первого герцога д'Антина (1665–1736). Небезынтересно, что старый герцог д'Антен был сыном маркиза де Монгеспан – знаменитой фаворитки короля Людовика XIV. Состоявшееся событие знаменовало собой завершение полу века главенства англичан (якобитов и ганноверцев) в масонском движении Франции [8]. В 1743 г. на волне торжества национальных приоритетов масонский Орден Франции возглавил первый «принц крови», представитель правящей династии Луи де Бурбон-Конде, граф Клермонский (1709–1771). После его избрания деятельность «вольных каменщиков» предреволюционной Франции фактически и юридически перешла под контроль правящей династии. Члены королевской фамилии блокировали все попытки со стороны Ватикана и других недоброжелателей добиться распуска масонского Ордена во Франции. Последним принципиальным противником французских «вольных каменщиков» был кардинал Андре-Эркюль де Флёри (1653–1743), всесильный глава правительства короля Людовика XV [7, р. 69–76].

После избрания на пост гроссмейстера выскородного аристократа во Франции был утвержден собственный кодекс масонских законов. Он сохранил название Великой Английской ложи

Франции и признал три символические степени – Ученника, Подмастерья, Мастера [9, с. 182]. «Высокие» градусы посвящения были отклонены в целях максимальной подконтрольности масонских собраний в стране. Кроме этого, для всех французских масонских лож признавался приоритет католицизма, а также оговаривалась лояльность этих структур властям. Следуя примеру законопослушных собратьев Великобритании, французские «вольные каменщики» предпочитали не сопровождать свои заседания модными просветительскими призывами к ликвидации социального неравенства, а также требованиями отменить сословные привилегии. Все заявления об устремленности к равенству, изначально зафиксированные в «Конституции» Джеймса Андерсона [3, р. 53], оказались не более, чем общими декларациями. Их успешнонейтрализовали социальные реалии, по-прежнему разделявшие английский и французский социумы [10, с. 325]. Впрочем, обозначившиеся противоречия не препятствовали «демократическим» заседаниям масонских лож, которые, как во Франции, так и в Великобритании, объединяли самые разные слои населения: аристократов, священников, военных, литераторов, буржуа [11, р. 174–175].

Лояльность и миролюбие национального масонского Братства подвигали правящую элиту Франции к взаимовыгодному сотрудничеству. К тому же местные масонские собрания, как и в Великобритании, быстро приобрели характер узаконенного государством общественного института, который следовало не подвергать нападкам, а полностью подчинить и сделать максимально полезным власти. Исходя из этой стратегии, существование во Франции структур старой Великой Английской ложи становилось неуместным. Следовало как можно быстрее устранить возникший организационный казус. В 1771 г. после смерти графа Клермонского кресло Великого мастера занял очередной «принц крови», на сей раз кузен короля Людовика XVI – Луи Филипп, герцог Шартрский и Орлеанский (1747–1793). Его усилиями в 1772 г. во Франции состоялось рождение Великой Национальной Ложи Франции [7, р. 76]. Реформы были успешно продолжены, и в 1773 г. сторонники влиятельного лидера провозгласили создание нового масонского союза – Великого Востока Франции. Сам же герцог был наделен титулом Великого Мастера Ордена Франк-Масонов Франции [7, р. 76]. Все решения утвердило собрание уполномоченных делегатов масонских лож, собравшихся в Париже. Их форум продолжался несколько месяцев и получил название «Национального собрания», как и революционный законодательный орган, заменивший в июне – июле 1789 г. королевские Генеральные штаты. Новый масонский обряд сохранил три степени посвящения и санкционировал доступ в ложи женщинам. Отметим активное участие в этих событиях представителя

России – графа Александра Сергеевича Строганова (1733–1811). В частности, русский масон был включен в состав руководства Великого Востока и осуществлял работу по редактированию важнейших уставных документов французского Обряда.

В последующее десятилетие во Франции предпринимались попытки унифицировать и присоединить к Великому Востоку все масонские Обряды [7, р. 76–80]. К таким действиям национальные масонские власти подвиг небезопасный для государства факт появления и работы в стране иностранных структур «вольных каменщиков», особенно прусских [7, р. 76–80]. Для решения возникшей проблемы усилиями масона-реформатора А. Л. Реттье де Монтало (1748–1808) в Париже были образованы Великий Генеральный Капитул и Палата Степеней (1785). Через год Великий Восток Франции узаконил единый «французский ритуал», который состоял из трех символических степеней (уже упоминавшихся) и четырех новых: Избранника, Шотландца, Рыцаря Востока и Рыцаря Розенкрайцера [12]. Однако полностью преодолеть раскол в масонских структурах предреволюционной Франции так и не удалось. Лишь в период существования империи Наполеона Бонапарта Великий Восток Франции, подкрепленный ритуалами Древнего и Принятого Шотландского Обряда, завезенными из США масоном-реформатором, графом А. Ф. де Грасс-Тилли (1765–1845), сумел добиться первенствующих позиций [11, с. 407–421].

Благоприятная, мирная ситуация, установившаяся в отношениях французских властей и национального масонства, была нарушена новым идеологическим расколом. Незадолго до революции некоторые масонские ложи Франции, ранее полностью подконтрольные правящей династии и Великому Востоку, открыли сотрудничество с автономными просветительскими сообществами: салонами, клубами, музеями [12, р. 9]. Участники этих интеллектуальных ассоциаций, как и масоны, не являлись политическими за�отворщиками, но в силу специфики своей деятельности пребывали в оппозиции властям. Правящая династия, изыскивая компромиссные решения в ситуации кризиса, вынужденно легализовала такие собрания. Независимо от этого масонские структуры, которые придерживались ортодоксальных идейных позиций, сохраняли большинство. Накануне 1789 г. во Франции насчитывалось 650 масонских лож, объединявших 35 тыс. чел. [12, р. 16]. Столь внушительные количественные показатели заставляют вернуться к версии аббата О. Баррюэля и других конспирологов, обвинивших масонов в подготовке революционного взрыва во Франции, и привести собственные контраргументы. Несмотря на свою многочисленность и широкую географию распространения, масоны, как и упомянутые просве-

тительские сообщества, не имели возможности участвовать в масштабном политическом заговоре по причине наличия в стране действенного полицейского контроля. К тому же к масонскому Ордену были приближены представители правящей династии, главы знатных дворянских родов, а также буржуазные верхи и влиятельные духовные лица, которые – в совокупности – не были заинтересованы в подготовке радикального государственного переворота [10, с. 151]. С учетом этого немаловажного обстоятельства имеет право на существование альтернативное, внеконспирологическое объяснение феномена и роли французского предреволюционного масонского движения. Во всяком случае большинство специалистов в области истории Французской революции – разных стран и разных идейных убеждений – утверждают, что Старый порядок изжил себя объективно, т. е., экономически, социально и политически [13]. Непредвзятый же анализ конспирологических версий участия масонских лож в революционных событиях позволяет утверждать, что они заявили о себе не как организаторы, а как структуры, отражающие умеренные взгляды зарождающейся либеральной оппозиции. Такие умонастроения стали наиболее ярким свидетельством растущего в обществе неприятия внутренней политики французского абсолютизма, который полностью дискредитировал провозглашенные в Европе идеалы просвещенной монархии. Важно также отметить, что никто из масонских лидеров Франции не был сторонником революционного переворота, тем более, нацеленного на физическое истребление правящей династии. Яркое тому подтверждение – деятельность одного из политических лидеров начального этапа революционных событий, маркиза и «вольного каменщика» Мари-Жозефа Лафайета (1757–1834), сторонника конституционной монархии. Показательно, что критиком «преступлений и ужасов» Французской революции был американский масон и политик Томас Джефферсон [10, с. 309]. Разумеется, существовали и антиподы таких настроений. Известно, что участниками масонского движения предреволюционной Франции являлись Жан-Поль Марат и Максимилиан Робеспьер, т. е. будущие радикалы-якобинцы. Однако столь значимые расхождения в области политических взглядов в среде «вольных каменщиков» предреволюционной Франции доказывают, скорее, не наличие «масонского заговора», а его отсутствие [10, с. 334–335].

В конечном итоге ведущую оппозиционную роль во Франции сыграли не провластные масонские структуры, а проникшие в них философы-просветители. Известно, что в Париже с 1766 г. действовала просветительская масонская ложа «Наук» (в будущем – ложа «Девяти

сестер»), созданная усилиями известного французского литератора и философа Клода Адриана Гельвеция (1715–1771). В ее списках значились Ф. Вольтер, А. Кондорсе, Ж. Дантон, Э. Сийес, К. Демулен – активные участники политической жизни предреволюционной и революционной Франции. Среди других, не менее влиятельных представителей масонско-просветительской элиты Франции, выделяются персоны П. Гольбаха, Ж. Л. д' Аламбера, а также представители «младшего поколения» французских просветителей: С. Марешаля, Л. С. Мерье, Н. Ретифа де ля Бретона. Небезынтересно, что ложа «Девяти сестер» входила в систему придворного Великого Востока Франции [8, р. 566]. Накануне революции это был исключительно формальный союз. Столичные интеллектуалы-оппозиционеры вряд ли могли надеяться на результативные контакты с масонской элитой, которая фрондировала против Людовика XVI и преследовала собственные цели.

Об итоговой разрозненности и, следовательно, ослаблении влияния масонских структур свидетельствует наличие в Париже, а также в некоторых других городах Франции, внесистемных, «интеллектуальных» лож. Такие структуры появились, в частности, в Тулузе и Бордо [10, с. 271]. Попытки «усмирить» независимость провинциальных масонских центров предпринял герцог Ф. Орлеанский, но они не увенчались успехом [14, р. 151]. Французский историк Жоэль Кутюрье пишет о прогрессивной форме эманации таких «вольных каменщиков», которые вышли за пределы своей мистической деятельности, отвергли формальную принадлежность к различным масонским системам и чувствовали себя самостоятельными участниками общественной жизни [14, р. 162]. Подобным настроениям способствовали произошедшие изменения социального состава большинства масонских лож. Накануне революции в них уже преобладали представители «третьего сословия», аристократы, священники не превышали четверти состава [14, р. 164].

Появлению масонско-просветительских собраний способствовали также аристократические форумы «вольных каменщиков» Парижа, погрязшие в склоках и бессмысличных дискуссиях. Не случайно список «просветительских» масонских структур продолжал пополняться. Так, в Париже к ложе «Девяти сестер» присоединилось «Олимпийское Общество» [15, р. 135]. Членами этого популярного масонского собрания стали К.-А. де Сен-Симон, в будущем – философ и писатель-утопист; маркиз Ф. К. де Буйе – эмигрант и контрреволюционер; граф А. де Ферзен – один из организаторов неудавшегося бегства французского короля Людовика XVI из страны [10, с. 272]. Без сомнения, такие масонские ложи, даже формально лояльные властям, угрожали обществу идейной дестабилизацией. Однако,

как показали последующие события, революция явно застала врасплох и власть, и ее увеличивающихся в численности критиков [10, с. 324].

После своего зарождения и обретения национального характера масонское движение во Франции приобрело самое широкое распространение. По количественным показателям – число лож и адептов – французские «вольные каменщики» заметно опережали своих наставников – английских масонов. В процессе трансформации зарубежных масонских структур в национальные активное участие принимали представители правящей династии: Л. де Бурбон-Конде, граф Клермонский и Л. Ф., герцог Шартрский и Орлеанский. Весомый вклад в развитие масонской обрядовой культуры на территории Франции внесли зарубежные и местные масоны-реформаторы: Ф. Уортон, Ч. Рэдклиф, Д. Т. Дезагюлье, А. С. Строганов, А. Ф. де Грасс-Тилли, А. Л. Рettье де Монтало. Идеология французского масонского Братства корректировалась усилиями видных деятелей Просвещения: Ш. Л. де Монтескье, К. А. Гельвеция, П. Гольбаха, Ж. Л. д' Аламбера, Ж. А. Кондорсе.

Несмотря на содействие со стороны правящей элиты, заинтересованной в подконтрольном распространении лояльного масонского сообщества во Франции, местные «вольные каменщики» в отличие от Великобритании не сумели консолидироваться. Их структуры не участвовали в революционном заговоре против властей, но и не смогли оказать ей поддержку из-за идейной разобщенности. Отсутствие единства французского масонства, а также отход его «просветительской фракции» от провластной ортодоксии «английского масонства» способствовали углублению кризиса французского абсолютизма и последующему насилиственному разрушению Старого порядка.

Список литературы

1. Calvert A. F. The Grand Lodge of England. London : Herbert Jenkins Limited, 1917. 412 p.
2. The Constitutions of the Free-Masons. Containing the History, Charges, Regulations, &c. of that most Ancient and Right Worshipful Fraternity. For the Use of the Lodges. London : Printed by William Hunter, for John Senex at the Globe, and John Hooke at the Flower-de-luce over-against St. Dunstan's Church, in Fleet-street, 1723. 91 p.
3. Weisberger R. W. Speculative freemasonry and the Enlightenment. A study of the craft in London, Paris, Prague and Vienna. New York : East European monographs, Boulder. Distributed by Columbia University Press, 1993. 243 p.
4. Киясов С. Е. Аббат О. Баррюэль о причинах и организаторах Французской революции // Вестник Волгоградского университета. Новая серия. 2017. История. Международные отношения. Регионоведение. 2017. Т. 22, № 6. С. 46–56.

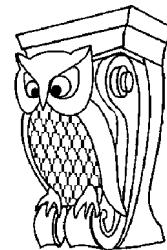
5. Martin G. La Franc-Maçonnerie française et la préparation de la Révolution. Paris : PUF, 1926. 294 p.
6. Егоров А. А. История Англии: учебник : в 2 ч. Ч. 2 : Англия в новое время. XVII век. Ростов н/Д ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2018–2021. 390 с.
7. Naudon P. Histoire général de la Franc-Maçonnerie. Paris : Office du Livre, 1987. 251 p.
8. Dictionnaire de la Franc-Maçonnerie publié sous la direction. Paris : PUF, 1987. 1301 p.
9. Уайт А. Э. Новая энциклопедия масонства (великого искусства каменщиков) и родственных тайнств: их ритуалов, литературы и истории. СПб. : Лань, 2003. 480 с.
10. Киясов С. Е. Масонство в эпоху Просвещения (генезис, идеология, эволюция, статус). СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. 398 с.
11. Agulhon M. Pénitents et Francs-Maçons de l'ancienne Provence. Paris : Fayard, 1984. 454 p.
12. Halévi R. Les loges maçonniques dans la France d'ancien régime aux origines de la sociabilité démocratique. Paris : Colin, 1984. 118 p.
13. Олар А. Политическая история французской революции. Происхождение и развитие демократии и республики. 1789–1804 / пер. с фр. Н. Кончевской. М. : Гос. соц.-эконом. изд-во, 1938. 979 с.
14. Coutura J. Le Musée de Bordeaux // Dix-huitième siècle. La Franc-Maçonnerie / Revue annuelle publiée par la Société française d'Étude du XVIII siècle. № 19. Paris : Prix Le Monde de la Recherche universitaire, 1987. P. 149–164.
15. Chevallier P. Nouvelles lumières sur la société Olympique // Dix-huitième siècle. La Franc-Maçonnerie / Revue annuelle publiée par la Société française d'Étude du XVIII siècle. № 19. Paris : Prix Le Monde de la Recherche universitaire, 1987. P. 135–147.

Поступила в редакцию 06.05.2024; одобрена после рецензирования 15.05.2024; принята к публикации 28.06.2024
The article was submitted 06.05.2024; approved after reviewing 15.05.2024; accepted for publication 28.06.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 500–505
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 500–505
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-500-505>, EDN: NGOUBZ

Научная статья
УДК [821.111.09:37-055.2(410)] | 17/18 | +929Мор

Педагогическая деятельность английской писательницы Ханны Мор на рубеже XVIII–XIX веков

Н. А. Старокожева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Старокожева Наталия Андреевна, аспирант кафедры всеобщей истории, natka000000@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7988-634X>, AuthorID: 1137642

Аннотация. В статье рассматривается педагогическая деятельность английской писательницы и педагога рубежа XVIII–XIX вв. Ханны Мор. Показано, что она не только писала о необходимости предоставить девочкам возможность получать образование, но и организовывала для них школы, женские творческие кружки, популяризировала благотворительную деятельность среди англичанок. Основное внимание уделяется трудностям, которые пришлось преодолеть Х. Мор на этом поприще.

Ключевые слова: Англия, Просвещение, Ханна Мор, женское образование, воспитание, школа

Для цитирования: Старокожева Н. А. Педагогическая деятельность английской писательницы Ханны Мор на рубеже XVIII–XIX веков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 500–505. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-500-505>, EDN: NGOUBZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The pedagogical activity of the English writer Hannah More at the turn of the XVIIIth – XIXth centuries

N. A. Starokozheva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Nataliya A. Starokozheva, natka000000@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7988-634X>, AuthorID: 1137642

Abstract. The article examines the pedagogical activity of the English writer and teacher of the turn of the XVIII–XIX centuries Hannah More. It is shown that she not only wrote about the need to provide girls with the opportunity to receive education, but also organized schools and women's creative circles for them, popularized charitable activities among English women. The main attention is paid to the difficulties that H. More had to overcome in this field.

Keywords: England, Enlightenment, Hannah More, female education, upbringing, school

For citation: Starokozheva N. A. The pedagogical activity of the English writer Hannah More at the turn of the XVIIIth – XIXth centuries. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 500–505 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-500-505>, EDN: NGOUBZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Гендерная история вот уже около полувека является одним из наиболее быстро развивающихся направлений исторической науки. По словам отечественного историка Н. Л. Пушкиревой, «гендер – это социокультурные проявления пола (совокупность социальных репрезентаций, связанных с полом, культурная маска пола, значения, смыслы, выражения и проявления пола, или же просто: пол в социальном смысле» [1, с. 15].

Гендерный подход включает практически все вопросы, связанные с жизнью женщин разных эпох. Если обратиться к истории Ново-

го времени, то одной из наиболее значимых проблем следует признать проблему женского воспитания и образования. При этом основное внимание исследователей, как зарубежных, так и отечественных, сосредоточено на характеристике и анализе взглядов и деятельности авторов, писавших о проблемах женского образования в обновляющемся обществе XVII–XVIII вв. [2]. Как отмечает Т. Л. Лабутина, «знакомство с трудами зарубежных исследователей позволяет заключить, что освещение этой социокультурной проблемы далеко от завершения» [3, с. 153].

Автор предлагаемой статьи ставит задачу рассмотреть практическую деятельность английской писательницы и педагога Ханны Мор (1742–1833), направленную на организацию учебных заведений для девочек на рубеже XVIII–XIX вв.

С 1760-х гг. британское общество вступило в период индустриализации, так называемый промышленный переворот, следствием чего стали не только экономические, но и социальные, духовные изменения. Большое влияние на умонастроение людей оказала и Французская революция: «Британия дала как образец свои железные дороги и фабрики, экономический взрыв, который разрушил традиционную экономику и социальные структуры неевропейского мира, но Франция совершила свою революцию и дала свои идеи, вот почему трехцветный флаг стал эмблемой фактически каждой рождающейся нации, а европейская и мировая политика между 1789 и 1917 гг. представляла собой борьбу за или против принципов 1789 года...» [4, с. 80].

Несмотря на явные изменения, происходившие в жизни общества, восприятие места и роли женщины в общественной жизни оставалось в основном прежним, хотя некоторые изменения наметились со временем беспокойного для Англии XVII в. Именно в XVII в. появились первые частные пансионы для девочек из «благородных семей» и школы для простолюдинок [3, с. 154]. Английские интеллектуалы полагали, что воспитание и образование подрастающего поколения имеют большое значение не только для отдельно взятого человека, но и для развития всего общества, а этот процесс во многом зависит от женщин, оказывающих значительное влияние на детей в семье, т. е. на ранний этап формирования нового поколения.

По мнению Т. Л. Лабутиной, ярким примером такого подхода служит книга видного государственного деятеля, публициста и просветителя Г. Севиля, маркиза Галифакса «Новогодний подарок для леди, или Наставление дочери» [5], которая была адресована дочери Галифакса Елизавете и опубликована в 1688 г. в Лондоне [6, с. 53]. «Новогодний подарок» стал «руководством в жизни для многих юных аристократок. Это произведение было своеобразным “эталоном” дамского чтения, как в Англии, так и за ее пределами» [3, с. 153].

Примечателен тот факт, что по поводу необходимости женского образования уже в XVII в. в Англии писали и сами женщины: Ханна Вулли (1622–1675), Мэри Эстелл (1666–1731). В частности, Мэри Эстелл предлагала открыть «женские закрытые учебные заведения монастырского типа, в которых девушки и женщины могли бы изучать различные науки, читать философские работы, а не только развлекательные романы. Создать такой колледж-монастырь ей не удалось, но высказанные ею идеи о необходимости женского образования свидетельствуют о том, что

следует обучать девушек не только домоводству и искусству нравиться, но и знакомить их с нравственно-философскими учениями, получили отклик в обществе» [7, с. 90].

С приходом «века Просвещения» в Англии возросла значимость таких проблем, как формирование личностного поведения и само-реализации человека в изменяющихся условиях [8, р. 9]. «Для английских просветителей новое общество было не идеальным “царством Разума”, каким оно виделось их континентальным коллегам, жившим в условиях абсолютистских порядков, а беспокойной, раздираемой противоречиями реальностью» [7, с. 87], поэтому в английском Просвещении внимание авторов было обращено к проблеме воспитания человека, практически живущего уже в новом обществе. Это коснулось и усиления интереса к проблеме воспитания девочек. На этой стезе проявила себя Х. Мор, «которая, по ее словам, свою жизнь и свое творчество посвятила филантропии и воспитанию “истинных англичанок – леди”» [цит. по: 9, с. 344].

Х. Мор родилась и выросла в среде, связанной с воспитанием и обучением. Начальное образование получила дома, как и все ее четыре сестры. Наставником девочек был их отец Яков Мор, который преподавал в приходской школе Стэпилтона. Когда Ханне исполнилось 12 лет, ее вместе с десятилетней сестрой Мартой отправили в школу для девочек в Бристоль, организованную их старшей сестрой Мэри. Окончив эту школу, Х. Мор стала помогать ей в организации обучения [10, р. 14].

В это время у юной Ханны случилось романтическое знакомство с Уильямом Тернером из Бельмонта, джентльменом с большим состоянием, но почти на 20 лет старше нее. Она задумала выйти замуж, но помолвка затянулась, а затем была разорвана в 1772 г. Жених, признанный виноватым в разрыве, обеспечил ее небольшим, но постоянным доходом в размере 200 фунтов стерлингов в год [10, р. 15]. После этого она покинула Бристоль и переехала в Лондон, чтобы стать драматургом. Казалось бы, на этом поприще она достигла определенных успехов, но спустя примерно 7 лет, вновь обратилась к преподавательской деятельности.

Первую школу Х. Мор организовала в Чеддаре в 1789 г. по совету У. Уилберфорса, религиозного деятеля и борца за отмену рабства. Посетив Чеддар, Уилберфорс был впечатлен, с одной стороны, красотой местной природы, а с другой стороны, бедственным положением его населения. Х. Мор со своей сестрой Петти отправилась в «разведывательную экспедицию» в Чеддар [11, р. 98]. Во время поездки им стало известно, что для открытия школы было необходимо получить разрешение богатого сквайра, собственника земли, который жил в 10 милях

от Чеддара. Фермер встретил женщин очень радушно, для гостей был накрыт праздничный стол, но, когда речь зашла о том, что в Чеддаре планируется открытие школы и там будут знакомить детей с основами религиозных знаний, он заявил, что «религия погубит сельское хозяйство, и она не приносila никогда ничего, кроме вреда» [11, р. 101].

Сестрам Мор все же удалось переубедить хозяина, и в конце встречи он высказал, что ему жаль их, они берут на себя тяжелые хлопоты, так как «народ Чеддара безнадёжен, он не получал никакой духовности уже 37 лет, потому что на протяжении этого времени между епископами идёт спор в суде за этот приход» [11, р. 101].

Действительно, изначально предпримчивым женщинам пришлось преодолеть значительные трудности. Сначала только 11 семей Чеддара поддержали идею о создании школы. Х. Мор на протяжении нескольких дней объясняла местным жителям пользу образовательного учреждения. Это было непросто. В письме к мистеру Уилберфорсу она писала: «И богатые, и бедные здесь невежественны. Они напиваются каждый день перед обедом и придаются такому пороку, что я начинаю считать Лондон добродетельным местом» [11, р. 102].

Несмотря на все сложности, Х. Мор удалось арендовать большой дом с садом размером около акра (почти 0,400 га) сроком на 7 лет за 6,5 гиней в год. В этом доме сестры сами сделали небольшой ремонт, и примерно через пять недель, 25 октября, в воскресенье, школа встретила своих первых 140 учениц и учеников, для которых провели небольшую проповедь. На следующий день, в понедельник, начались полноценные занятия [11, р. 103–105].

Школа предназначалась для детей обоих полов, но обучение было раздельным. С мальчиками работали преподаватели-мужчины, с девочками – женщины. Стоит немного подробнее рассмотреть, чему намечалось учить девочек. Главное внимание было сосредоточено на том, что читали отрывки из Священного Писания, заучивали наизусть молитвы, затем учили историю, французский и итальянский языки, а также свой родной английский язык. Кроме интеллектуальных занятий, девочки пряли шерсть, ткали лен или вязали. Большую часть изготовленных тканей продавали на текстильные предприятия Глостершира и Сомерсетшира, а оставшееся сохранили в школе для того, чтобы воспитанницы смогли связать или сшить для себя одежду.

Часть полученных средств возвращали ученицам в качестве платы за труд. Таким образом, с одной стороны, школа была на самообеспечении, а с другой стороны, юные жительницы Чеддара получили возможность обеспечить себя одеждой, которую в то время, по словам Х. Мор, было крайне трудно достать будучи бедным: «В Брентфорде, недалеко от Лондона,

бережливые родители одевали своих детей в златанные тряпки, купленные за фунт, а щетки и гребни им вообще не были известны. Думается, прядение и вязание никогда не выйдут из моды, и станут шагом к тому, что девочки смогут себя прилично одеть» [11, р. 104].

Стоит отметить, что Х. Мор, организовывая эту школу, в письме к Уилберфорсу сообщала: «Возможно, через несколько недель я могу превратиться в пыль от количества работы, которую необходимо сделать, но приятно осознавать, что к этому времени бизнес будет в самом разгаре» [11, р. 103]. Прядение не увенчалось успехом, но вязание приносило доход в 6 шиллингов в неделю: девочки вязали чулки на продажу в Акс-Бридж [11, р. 115].

Воодушевившись успехом в Чеддаре, Х. Мор решила открыть такие же школы в соседних деревнях: Шипхэм и Роуборроу, «жители которых были еще более дикими и достойными сожаления, чем население Чеддара. Они были настолько свирепы и ожесточены, что каждый знал, если отважишься арестовать кого-то из тех деревень, то вскоре бесследно пропадёшь» [11, р. 110].

Однако не это стало главной проблемой при открытии школ, а отсутствие учителей. В итоге Х. Мор лично обучила нескольких женщин для того, чтобы они в дальнейшем работали там учителями. Затем была открыта школа в Конгресбери. Х. Мор также занималась написанием учебников для этих школ и организовывала в данных деревнях кружки вязания для женщин. Ежегодно в июле стали проводить фестиваль Мэндип, на котором присутствовали ученики всех школ. Их кормили, раздавали угощения, одежду, а дети пели гимн «Боже, храни короля» [11, р. 118].

Школьные заботы и хлопоты дополнялись житейскими печалями. После смерти в начале 1797 г. двух близких писательнице человек – Хораса Уолпола и Эдмунда Бёрка – огорченная Ханна Мор уехала в Лондон погостить к миссис Гаррик, жене покойного актера Дэвида Гаррика. В это время вспыхнули волнения в школах Мэндипа, организованных Х. Мор. В условиях продолжавшегося военного конфликта между Францией и монархиями Европы, который начался еще в 1792 г., многие новшества в сфере образования в Англии воспринимались как революционные действия. После того как Х. Мор занялась открытием школы в еще одной соседней от Чеддара деревне – Ведморе, ее владелец заявил, что «школа ему не нужна, и ее открытие будет началом революции, подобной во Франции. Бедняки у ткацкого станка – это немыслимо» [11, р. 146]. Школа все же была открыта, но Х. Мор пришлось пройти через сложные испытания.

Пережитые трудности заставили Мор взяться за перо, чтобы убедить своих современников в важности распространения образования

среди девочек, происходивших из бедных семей, а также в том, что необходимо изменить существующий порядок обучения англичанок, принадлежавших к верхам общества, частично переориентировав его на решение общественных проблем.

В 1799 г. в Бате было опубликовано ее сочинение «Критика современной системы женского образования (с учетом принципов и практик поведения, распространенных среди женщин, относящихся к высшему обществу)» [12, р. 311–415]. Оно адресовано к богатым людям, в первую очередь, именно к женщинам, так как все же им предстояло воспитывать своих детей, заботиться об их образовании. В качестве эпиграфа к этому сочинению Х. Мор использовала высказывание вышеупомянутого лорда Галифакса: «Воспитайте себя так, чтобы вы смогли помочь следующему поколению стать лучше и оставить потомков в долгу перед вами за преимущества, которые они получат, благодаря вашему примеру» [12, р. 311].

Из названий глав видно, что организующую роль в образовании автор связывала с религиозным воспитанием. В предисловии Х. Мор обосновывает причины, побудившие ее обратиться к этому вопросу: «Выдающаяся несправедливость, которую часто практикуют по отношению к женщинам – сначала дать им ущербное образование, а затем ожидать от них безупречной чистоты поведения» <...> Некоторые мысли по поводу ошибочности современной системы образования с большим вниманием к ним представлены здесь на суд общественности. Автор понимает, ее обвинят в том, что она предает интересы своего пола, раскрывая их недостатки. Однако, обличение пороков для того, чтобы показать истинное достоинство женщин, не является службой врагу» [12, р. 311].

При этом Х. Мор добавляет, что не предлагает изменить существующую систему женского образования, а всего лишь дает несколько замечаний, которые следует устраниТЬ, и начать реформировать необходимо именно с представительниц высшего общества, так как изменения в «верхах» в любом случае будут переняты «низами», находящимися в зависимом положении: «К несчастью, это безумие свершений больше не ограничивается обычными рамками ранга и богатства; средние классы подхватили зарезу, и она распространяется вниз с возрастающей и разрушительной силой, от элегантно одетой,стройной дочери викария до дочери маленького торговца и до дочери более бедного, но не более рассудительного, фермера» [12, р. 323].

Далее Х. Мор поясняет, что многие возразят ей, так как ее мнение по поводу манер и поведения женщин высшего общества противоречит справедливым похвалам современных путешественников, «которые дружно приписывают дамам нашей страны определенное превос-

ходство над дамами других стран. Но таково, в общем, состояние иностранных манер. Однако, сравнительная похвала являетсяувечьем для англичанок. Польститься на превосходство над теми, чьи стандарты совершенства очень низки, является типом похвалы, способствующей деградации. Характеристика английских леди не должна определяться сравнением их с женщинами других стран, но сравнением их с тем, кем бы они могли стать, если бы все их таланты и несравненные способности использовались бы в полной мере» [12, р. 311].

В предисловии (и в целом на протяжении всей книги) писательница обращается к религиозным чувствам читателя: «Если какой-либо читатель станет противиться тому, что посчитает неоправданной строгостью в этой маленькой книге, пусть не выбросит ее с отвращением, пока следующее короткое соображение не будет осмысленно. Если в нашей христианской стране мы, в самом деле, начинаем считать обряд крещения всего лишь украшением записи в метрической книге церковного прихода, то тогда пусть современное образование будет принято как правильное. Но если это таинство, в самом деле, не является просто мирским действием, <...> сводкой имён и дат, <...> а является торжественным посвящением ребёнка Богу, <...> тогда критика на современное образование и на привычки изысканной жизни не покажутся столь противными истине, разуму и здравому смыслу, как могло показаться на первый взгляд» [12, р. 312].

Судя по этому обращению, можно заключить, что, несмотря на то, что в конце XVIII в. в странах Западной Европы происходила секуляризация умонастроений, женщины все же были больше привержены к религии. На этот факт обратил внимание английский историк Э. Хобсбаум: «Что явилось действительно беспрецедентным, так это секуляризация масс. Аристократическое безразличие, смешанное с педантичным исполнением обрядов, все это было характерно для эмансипированной знати, хотя леди, как и все женщины, оставались куда более набожными» [4, с. 300].

Х. Мор пыталась донести до читателя, что получаемое образование должно соответствовать изначальному предназначению человека. Например, если ребенок родился в семье фермера, то зачем ему углубленно изучать искусство. Такого же мнения она придерживалась и в отношении образования девочек: «Разве мы не воспитываем их для толпы, забывая, что им предстоит жить дома?» [12, р. 323]; «Специализации женщин, на которые следует обратить внимание при их обучении, – это дочери, жены, матери и хозяйки семьи» [12, р. 325]. В данном случае она делает акцент на том, что любому мужчине нужна жена, спутница жизни, его помощница, а не художник

или музыкант с великими достижениями, известными на весь мир. Однако, по мнению педагога, возможны и исключения: женщина может посвятить себя литературе, искусству, если откажется от планов создать собственную семью. Автор поясняет, что образование должно соответствовать не только половому признаку, но и социальному положению человека, как женщины, так и мужчины.

Что касается умения девушек танцевать и музицировать, то Х. Мор полагала, что это два совершенно ненужных навыка, которые противопоставлялись порядочности: «Она была слишком хорошей певицей и танцовщицей для добродетельной женщины» [12, р. 411]. Однако, как считает педагог, даже эти занятия можно превратить в полезное: «Евреи, египтяне и греки верили, что смогут более эффективно обучать свою молодежь принципам добродетели, прибегая к помощи музыки и поэзии; поэтому эти максимы были помещены в стихи, и эти стихи были положены на самые популярные и простые мелодии, которые пели дети; так пробуждалась их любовь к добру; а чувства, вкус и воображение были поставлены на службу религии и морали. Осмелюсь я обратиться к родителям-христианам, они обычно используют эти искусства как вспомогательную помощь по отношению к религии и к добродетели?» [12, р. 387]. Скорее всего, автор предполагала, что читатель, прочитав ее труд, придет к выводу о том, что необходимо воспитывать девочек истинными христианками, а уже настоящими леди они точно станут.

Написав книгу «Критика современной системы женского образования», Х. Мор надеялась заручиться поддержкой людей в деле открытия школ для детей, происходивших из бедных семей. Ожидания писательницы не оправдались. Если до публикации книги проблемы педагога были местного уровня (невежество «хозяина» поселения, разочарование в учениках, отсутствие учителей, бунты в школах и т. д.), то эта книга принесла ей серьезные неприятности. Заявление Х. Мор о вреде, причиняемом поэтами юным созданием, чей разум еще не окреп, вызвало нападки со стороны сатирика Джона Уолкота (1738–1819), писавшего под псевдонимом Питер Пиндар [11, р. 150].

Данное сочинение, а также сотрудничество писательницы с аболиционистом У. Уилбефорсом вызвало насмешки со стороны редакторов консервативного политического периодического издания «Анти-Якобинское обозрение, или Ежемесячный политический и литературный цензор». В то время все борющиеся с рабством вызывали подозрение как революционеры. Недовольства стали высказывать и некоторые друзья Х. Мор: «Архиdiакон Добени был встревожен последними главами книги, которые имели сильный привкус кальвинизма» [11, р. 150].

Нападки на Х. Мор по поводу книги послужили поводом для волнений в школах: «В Ведморе, который был под патронажем главы Уэльса, фермеры подали петицию против школ, в которой говорилось, что сестры Мор распространяют французские принципы, а один из учителей их школы назвал епископов “тупыми собаками” и добавил, что все, кто пойдут в церковь, попадут в ад» [11, р. 151].

В результате против сестер Мор началось уголовное преследование [11, р. 154]. Разобраться со всей этой ситуацией помог секретарь Клеведонского суда, сэр Абрамхам Элтон (1755–1842). Было доказано, что все обвинительные показания являются ложными. Волнения в школах прекратились. После этого горького опыта Х. Мор заболела и вернулась к своим учительским обязанностям лишь спустя 7 месяцев.

В начале XIX в. ситуация со школами и отношение к профессии учителя изменились: «В Британии около 76 тыс. женщин и мужчин называли себя школьными педагогами. Более того, учительство было немногочисленной, но растущей профессией. Она оплачивалась плохо, но в самых филистерских странах, вроде Британии и США, обыкновенный школьный учитель был по праву уважаемым человеком. Учитель представлял идеал века, когда впервые простые люди подняли головы и увидели, что с невежеством может быть покончено» [4, с. 270].

Немало было сделано для формирования нового взгляда на учителя усилиями женщины, которую обычно очень скептически настроенный Х. Уолпол называл «Моя дорогая святая Ханна» [13, р. 377], проявившей себя в качестве писательницы, педагога и филантропа, которая не только рассуждала о женском образовании, давая конкретные наставления, рекомендации к применению этого образования женщинами в условиях меняющегося современного ей общества, но и открывала в Англии школы для девочек из простонародья, организовывала женские творческие кружки, а также популяризовала благотворительную деятельность среди англичанок [14].

Список литературы

- Пушкирова Н. Л. Что такое «гендер»? (Характеристика основных концепций) // Гендерная теория и историческое знание : материалы второй научно-практической конференции (Сыктывкар, 3–4 октября 2005 г.) / отв. ред. А. А. Павлов, В. А. Семенов. Сыктывкар : Издательство СыктГУ, 2005. С. 8–20.
- Материалы Первой российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай-96» / редколлегия : О. А. Воронина, З. А. Хоткина, Л. Г. Лунякова. М. : МЦДИ, 1997. 198 с.
- Лабутина Т. Л. Женское образование в стюартовской Англии (1603–1714 гг.) // Новая и новейшая история. 2001. № 2. С. 153–167.

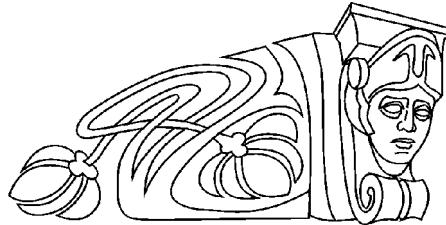
4. Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789–1848 / пер. с англ. Л. Д. Якуниной. Ростов н/Д : Феникс, 1999. 480 с.
5. The Lady's. New-Year's.-Gift of Advice to a Daughter // The Complete Works of George Savile, first Marquess of Halifax / ed. by Walter Raleigh. London : Augustus M Kelley Pubs, 1970. 68 р.
6. Лабутина Т. Л. Георг Севиль Галифакс // Вопросы истории. 1999. № 4–5. С. 51–70.
7. Креленко Н. С., Чернова Л. Н., Костина А. К. Такие разные... Судьбы английских интеллектуалов Нового времени. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2018. 352 с.
8. Porter R. The Enlightenment in England // The Enlightenment in National Context / ed. by R. Porter. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. 275 р.
9. Старокожева Н. А. Ханна Мор о значении благотворительности для бедных и богатых // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 343–349. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-343-349>
10. Ford Ch. H. Hannah More: A Critical Biography. New York : P. Lang, 1996. 309 р.
11. Yonge Ch. M. Hannah More. Boston : Roberts Brothers, 1888. 227 р.
12. Hannah More. Strictures on the modern system of female education // The Works of Hannah More / ed. by J. Harper. London : Harper and Brothers, 1835. Р. 311–415.
13. Walpole H. Selected letters of Horace Walpole / ed. by W. S. Lewis. Yale : Yale University Press, 1973. 323 р.
14. Elliot D. W. "The care of the poor is her profession": Hannah More and women's philanthropic work // Nineteenth Century Contexts. 1995. Vol. 19. P. 187–195.

Поступила в редакцию 07.04.2024; одобрена после рецензирования 03.05.2024; принята к публикации 28.06.2024
The article was submitted 07.04.2024; approved after reviewing 03.05.2024; accepted for publication 28.06.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 506–511
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 506–511
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-506-511>, EDN: OYSQFX

Научная статья
УДК [355.40(410)+94(470+571)]|1916|+929Хор

Деятельность Сэмюеля Хора в России в 1916 году

В. А. Крылов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Крылов Владимир Алексеевич, аспирант кафедры всеобщей истории, krylovvladimir12@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3880-4827>, AuthorID: 1140935

Аннотация. В статье рассматриваются становление и деятельность британского разведчика С. Хора в России. Его воспоминания как свидетеля последних дней Российской империи являются весьма полезными для исследователей. Взаимоотношения с представителями российской либеральной оппозиции позволили С. Хору собрать важные сведения об экономике России. Формулируется вывод, согласно которому Сэмюэль Хор значительно повлиял на укрепление Россией континентальной блокады.

Ключевые слова: Первая мировая война, Россия, Великобритания, С. Хор, либеральная оппозиция, разведка, экономическая блокада

Для цитирования: Крылов В. А. Деятельность Сэмюеля Хора в России в 1916 году // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 506–511. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-506-511>, EDN: OYSQFX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Activities of Samuel Hoare in Russia 1916

V. A. Krylov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vladimir A. Krylov, krylovvladimir12@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3880-4827>, AuthorID: 1140935

Abstract. The article examines the formation and activities of the British intelligence officer S. Hoare in Russia. His memories as a witness of the last days of the Russian Empire are very useful for researchers. Relations with representatives of the Russian liberal opposition allowed S. Hoare to gather important information about the Russian economy. The author concludes that Samuel Hoare significantly influenced Russia's strengthening of the continental blockade.

Keywords: World War I, Russia, Great Britain, S. Hoare, liberal opposition, intelligence, economic blockade

For citation: Krylov V. A. Activities of Samuel Hoare in Russia 1916. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 506–511 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-506-511>, EDN: OYSQFX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Деятельность британской миссии в России в период Первой мировой войны остается малоизученной темой. Многие воспоминания современников не переведены на русский язык. Одним из представителей Англии в России в 1916 г. являлся Сэмюэль Джон Гурни Хор, на протяжении нескольких месяцев руководивший разведывательной миссией в Петрограде. Воспоминания С. Хора о его жизни в России были изданы в 1930 г. под названием «Четыре печати» [1] и на русский язык переведены не были. В своих мемуарах он дал свою оценку событиям, происходившим в предреволюционной России,

и рассказал о своей роли в создании континентальной блокады Германии.

Роль Сэмюэля Хора в британской разведывательной миссии освещал в своей монографии английский исследователь Дж. Кросс [2, p. 40–42], однако он уделил мало внимания миссии в Петрограде. Огромный массив документов был засекречен на момент издания книги в 1977 г. Более поздние биографии и исследования дают лишь краткую характеристику деятельности Хора в России.

Сэмюэль Хор родился в 1889 г. в семье функционера партии консерваторов – баронета Сэмюэля Хора старшего [3]. Учился Сэмюэль

Хор младший сначала в Харроу, одной из старейших частных школ, а затем в Оксфорде, который вполне справедливо принято было считать «фабрикой джентльменов», воспитывавшей правящую политическую элиту Великобритании.

Хоры – стариная английская семья, ведущая свою родословную по меньшей мере с XV в. Ветвь, от которой происходил будущий лорд Темплвуд, брала свое начало в Ирландии, в Корке, где Эдварду Хору [4] была пожалована земля в награду за его заслуги перед кромвелевским делом в гражданскую войну [2, р. 18]. Его сын Джозеф проявил себя как опытный инвестор. В 1675 г. он и его брат Эдвард основали банк Хоров в Корке, один из самых ранних ирландских банков и первый за пределами Дублина [5].

Когда в XVIII в. первый из Хоров, носивших имя Сэмюэль, переехал из Корка в Лондон, и увез с собой две прочно укоренившиеся семейные традиции: приверженность банковскому делу и религиозную преданность квакерам [2, р. 19]. Однако со временем квакерство было оставлено. Сначала Хоры стали приверженцами англиканства, а еще позже перешли в англо-католицизм. Сэмюэль Хор пятый, женившийся на Кэтрин Харт Дэвис в 1866 г., был первым членом семьи, который отказался от занятия банковским делом ради парламентской карьеры.

Следуя по стопам отца, Сэмюэль Хор шестой начал политическую карьеру и поступил на государственную службу в качестве секретаря министра по делам колоний в 1905 г. [6, р. 8]. В 1906 г. он стал мировым судьей графства Норфолк. Спустя 3 года женился на девушке из аристократической семьи. Его супруга леди Мод была дочерью 6-го графа Бушана, Фридерики Лайгона – политика от партии консерваторов. В 1910 г. молодого политика избрали в палату общин на всеобщих выборах в качестве члена парламента от Челси [2, р. 364–368].

Начавшаяся в 1914 г. война изменила ситуацию в стране и нарушила планы начинающего политика С. Хора. Небольшой приобретенный им политический опыт был далек от потребностей военного времени. Британская корона и правительство формировали новые запросы к обществу. Теперь служба в армии или деятельность, связанная с военными делами, становились залогом успешной карьеры. Оставаясь в тылу, парламентарий С. Хор мог сохранить свой депутатский пост, но этот путь не сулил перспектив.

Первые месяцы войны Хор обдумывал свои дальнейшие планы. Наиболее эффективным шагом он представлял путь армейского офицера. Молодые парламентарии часто появлялись в Вестминстерском дворце в форме, демонстрируя приверженность армии. С. Хор принял решение вступить в сухопутные войска, однако он выбрал неудачный для этого момент. В конце августа 1914 г. мало кто представлял, какими

потерями обернется война с Германией. Англия медленно формировала новые воинские соединения. Действующие подразделения армии были полностью укомплектованы и в новых кадрах не нуждались.

В октябре 1914 г. Хор добился зачисления в Йоменский полк Норфолка в качестве лейтенанта [2, р. 26]. Полк, по его словам состоял из бывших фермеров и офицеров самого разного происхождения. Для истинного джентльмена находится в таком окружении было делом малоприятным, а главное, малоперспективным. Служба среди йоменов не сулила стремительного карьерного роста и потому не могла удовлетворить амбиции Хора. Тяжелая болезнь отца грозила утратой привычной поддержки. Учитывая все это, Сэмюэль Хор-младший начал поиск возможностей изменить сложившееся положение дел [2, р. 35]. Возможно, последующее направление поисков ему подсказала беседа с военным министром Г. Китчинером, озабоченным проблемами британских сухопутных войск и заинтересованным в контроле восточного фронта. Однако, прежде всего, Хор постарался «сделать паузу»: взял отпуск по болезни и вернулся к службе весной 1915 г.

Возможности заявить о себе могла помочь работа в разведке. В период войны со спецслужбами сотрудничали не только армейские и дипломатические специалисты, но и представители финансовых и промышленных кругов Англии, что открывало перспективы быстрого карьерного роста. Однако связать свою жизнь с разведкой, по воспоминаниям Хора, было достаточно сложно, во всяком случае, на том направлении, которое считалось престижным. В частности, С. Хор был огорчен тем, что штат дипломатической миссии во Франции был переполнен, а значит, работа в Париже была практически недостижимой.

После общения с кузеном У. Д. Биркбеком, публицистом, считавшимся знатоком русской жизни и русского общества [7], С. Хор принял решение выучить русский язык и отправиться в Россию. Английские дипломатические службы испытывали недостаток в русскоязычных переводчиках при дипломатической миссии в Российской империи. В период отпуска «по болезни» С. Хор занялся самостоятельным изучением русского языка. Сотрудники российского посольства помогли найти учителей. Около года будущий разведчик упражнялся в изучении русской словесности.

Однако первые две попытки поступить на дипломатическую службу закончились для Хора безуспешно. Решить данную проблему помог случай: С. Хор встретился со своим товарищем Джоном Бердом, служившим под началом Мэнсфилда Камминга, директора британской дипломатической разведки. Именно Д. Берд организовал встречу С. Хора с руководителем MI-6,

который принял Хора даже без проверки знания русского языка. Этот факт говорит об активном лоббировании персоны С. Хора со стороны Г. Китченера, заинтересованного в том, чтобы иметь свои «глаза и уши» в Петрограде. Министр обороны Великобритании планировал поездку в Россию и ему необходимо было собрать информацию о происходящем в России.

На тот момент руководители военных ведомств были недовольны работой британской разведки в России. Глава военно-морской разведки Р. Холл считал поступающие из России данные неадекватными и лично поручил Хору наладить связь со штабом русского военно-морского флота [2, р. 27]. В дальнейшем Сэмюэль Хор будет регулярно поддерживать контакты с адмиралом Холлом.

В России майору Хору поручено было заниматься организацией торговой блокады Германии и сопутствующими финансовыми операциями в банках нейтральных стран. В рамках этого направления деятельности С. Хор сумел попасть в орбиту внимания директора Банка Англии – Д. Бэринга, сотрудничавшего с адмиралом Холлом. Первоначально посещение России должно было занять 3 месяца. Официальной целью была инспекция действующей английской разведывательной миссии в Петрограде [8].

Начинающий разведчик отправился в Россию через страны Скандинавского полуострова. По пути к месту назначения майор Хор был тепло принят императорской четой в Могилеве. Под предлогом передачи письма Николаю II от короля Георга V британский дипломат получил возможность побеседовать лично с императором. При этом Хор постарался коснуться вопроса, очень занимавшего британские власти. Данный вопрос был связан с желательным для Великобритании усилением поддержки Салоникского фронта со стороны Черноморского флота. Для этого посол Джордж Бьюокенен активно продвигал персону Александра Колчака в качестве идеальной, т. е. пребритански настроенной персоны на пост командующего Черноморским флотом [2, р. 42], а С. Хор озвучил эту мысль. Добиться назначения адмирала Колчака удалось только в июне 1916 г.

В марте 1916 г. проделав длинный и трудный путь, британец добрался до российской столицы. В России Хор не ограничился инспекцией британской разведывательной миссии, а начал устанавливать личные контакты с представителями российского истеблишмента в Москве и Петрограде. Здесь он заводил связи с деятелями земских и городских союзов, а также с представителями православного духовенства. Помощь в вояжах ему оказывали Джеймс Роберт Брюс Локкарт, британский консул в Москве и У. Д. Биркбек. Помощь Локкарта была очень важна, ведь он был хорошо знаком с московским обществом, знал лично многих крупных промышленников и финансистов города.

По итогам проверки С. Хор предоставил доклад о разведывательной миссии в России. В Лондоне его отчет оценили и в июне 1916 г. вновь отправили в Петроград на должность, которую на этот момент занимал К. Д. М. Торнхилл. Назначение офицера «со стороны» создало напряжение внутри разведывательной миссии [8]. Британские офицеры были лично преданы майору Торнхиллу и винили С. Хора в отставке своего руководителя. Английский политик был воспринят разведывательной миссией как человек, не имеющий ни военного, ни разведывательного опыта для выполнения поставленной задачи. Майор К. Торнхилл получил скромный пост заместителя военного атташе при посольстве Англии в России. С. Хору необходимо было время для знакомства со своей новой должностью и подчиненными [8]. Таким образом, М. Камминг – директор MI-6 сохранил структуру британской разведывательной миссии в Петрограде, а Сэмюэль Хор получил возможность проявить себя.

В начале июля 1916 г. Хор был временно откомандирован в Бухарест, чтобы собрать информацию об обстановке в Румынии. Лондонские власти стремились заставить Румынию выступить в войне на стороне Антанты. Британский посол в России Джордж Уильям Бьюокенен с начала 1916 г. вел переговоры с румынским посланником о вступлении в войну и добивался от румын удара по Болгарии. Румынские дипломаты настаивали на том, чтобы все усилия румынской армии были направлены против Австро-Венгрии [9, с. 164], поскольку Бухарест был заинтересован в захвате Трансильвании.

Глава румынского правительства Ионел Брэтиану всячески оттягивал вступление в войну. Поддержка политики Антанты оппозицией и народные волнения в стране не смущали румынского премьер-министра и он не поддавался давлению Антанты. Лондон был уверен в том, что вступление Румынии в войну изменит баланс сил в восточной Европе, так как между Германией и Турцией будет нарушено железнодорожное сообщение.

Для С. Хора миссия в Румынии могла обернуться как триумфом, так и неудачей. Ситуация в маленьком придунайском государстве была непонятна Хору. К тому же в июне 1916 г. направившийся в Россию лорд Китченер погиб во взрыве на борту крейсера «Хэмпшир», а без его поддержки положение британского дипломата осложнилось.

В то же время для налаженной в Петрограде дипломатической машины Д. Бьюокенена С. Хор был бесполезен. Британский посол предполагал, что Китченер способствовал отправке неопытного политика в качестве агента разведки в Россию для сбора сведений о проблемах в русской армии. Информация могла усложнить работу министерства иностранных дел и министерства обороны

Англии. Даже после гибели Г. Китченера в британском посольстве полагали, что за Хором стоят соратники лорда из министерства обороны. Поэтому пока из Лондона не пришли новые указания по поводу персоны Хора, Бьюкенен сослал британского политика в Румынию.

Вступление Румынии в войну было важно для Англии, но оно могло откладываться на продолжительное время. В результате С. Хор мог остаться во временной командировке надолго. Если же британский офицер справится с задачей, то есть соберет необходимые данные и создаст условия для вступления Румынии в войну, то докажет свою полезность послу Бьюкенену. Перед Хором стоял выбор. Он мог медленно и долго работать в Бухаресте или быстро и жестко добиться видимых успехов. Послом Англии в Румынии был дальний родственник С. Хора сэр Д. Х. Бэркли [2, р. 92]. В Бухаресте С. Хор познакомился с военным атташе Англии полковником К. Б. Томпсоном, который был убежден в слабости Румынии и потому считал нейтралитет Бухареста лучшей позицией для Антанты. Британская дипломатическая миссия в Бухаресте долгие месяцы поддерживала политику румынского нейтралитета. Однако с представителем из Лондона пререкаться было бесполезно.

Сэмюэль Хор стал добиваться поставленных Лондоном задач и наметил новую тактику британской политики в Румынии. Он рассчитывал оказать давление на правительство в Бухаресте со стороны проанглийской партии, заручиться поддержкой местных магнатов и трансильванских румын. Английский разведчик провел переговоры с лидером румынских англофилов Т. Ионеску, идеологами трансильванских националистов писателем О. Гогой и священником В. Лукачом. При посредничестве полковника Томпсона С. Хор познакомился с Мартой Бибеско, светской дамой и писательницей, известной своими связями среди европейской аристократии [10], которая организовала встречу С. Хора и австрийского представителя в Румынии Отакара Чичерина [2, р. 94]. Можно лишь догадываться, о чем говорили британский разведчик и австрийский дипломат. Известно, что в Вене О. Чичерин лоббировал план по выводу австро-венгерских войск из Трансильвании и вынашивал проект сепаратного мира с Антантой, чтобы сохранить целостность Австро-Венгрии [11, р. 205].

В конце июля 1916 г. С. Хор вернулся в Россию. Через несколько недель Румыния вступила в войну на стороне Антанты и, потеряв в ходе боевых действий 1916 г. почти всю свою территорию, практически выбыла из войны. Однако С. Хор достиг желаемого результата своей румынской командировки. Русские войска растянулись вдоль Румынского фронта.

После возвращения из Румынии британская миссия по-прежнему не воспринимала С. Хора в качестве серьезного офицера и разведчика. Для

офицеров британской разведывательной миссии он оставался номинальным руководителем. Хору удалось добиться успеха в Румынии, но для разведчиков важнее было то, что результаты этого успеха были сомнительны. В августе 1916 г. М. Камминг прислал в Петроград капитана Д. Скейла, который стал связующим звеном между Хором, майором Торнхиллом и заместителем начальника разведмиссии капитаном Элли [12, р. 431].

Тем не менее посол Бьюкенен был доволен работой своего протеже. Новый министр обороны Ллойд Джордж не видел препятствий для работы С. Хора в Петрограде. Сэр Сэмюэль Хор и его супруга леди Мод активно посещали официальные мероприятия, начали заводить новые знакомства в среде представителей русских либерально настроенных аристократических и финансовых кругов. Это была внешняя, но важная сторона деятельности разведчика. Она способствовала формированию и распространению англофильских настроений.

Одной из основных задач С. Хора на посту руководителя британской разведывательной миссии в России была организация торговой блокады Тройственного союза. Западные союзники считали, что Россия уделяла мало внимания экономической изоляции Германии. На межсоюзнической конференции по вопросам блокады в Париже в июне 1915 г. англичанам не удалось добиться существенного прорыва от российских представителей. Однако российский военно-морской атташе А. А. Игнатьев отправил в Петроград предложение по созданию комиссии на базе штаба русского флота. Ученик и помощник Петра Струве Николай Нордман, служивший в штабе флота, начал активно лоббировать вопрос создания комитета по обеспечению торговой изоляции стран Тройственного союза, а начальник морского генерального штаба адмирал А. Русин считал целесообразным утвердить создание этой комиссии.

1 августа 1915 г. комитет по изоляции перешел под юрисдикцию министерства торговли и промышленности. Основную часть чиновников организации составили приверженцы либеральных взглядов. Председателем секретного Особого межведомственного комитета по ограничению снабжения и торговли неприятеля при министерстве торговли и промышленности стал П. Б. Струве, а Н. Н. Нордман – советником министра торговли. В комитет также был включен главноуправляющий землеустройством и землемерием А. В. Кривошеин, известный своими нападками на министров-консерваторов.

Чиновники, входившие в комитет, распространяли свое влияние на государственные и частные институты России. Британская разведывательная миссия в России предполагала, что существует группа российских финансистов,

промышленников и политиков, занимавшаяся торговлей с Германией при посредничестве Швеции [2, р. 186]. В 1916 г. межведомственная комиссия в рамках экономической борьбы с Германией собирала сведения о финансовых операциях между банками внутри России и за ее пределами. Руководство комитета знало об импортируемых для российской промышленности товарах. Сэмюэль Хор, участвовавший в заседаниях комитета, получал точные данные о финансовых операциях не только промышленных объектов, но и частных лиц. Влияние комитета позволяло пресечь много торговых сделок, жизненно важных для российской экономики.

Осенью 1916 г. Сэмюэль Хор изучал банковские операции и заметил, что американские финансисты значительно увеличили суммы инвестиций на российском рынке в течение 1916 г. Поддержка американо-российского экономического сотрудничества шла с самого верха Петроградского истеблишмента. Эти переговоры осуществлял У. Ашберг, шведский банкир, связанный с германской и американской финансовыми системами [13, с. 3–94]. Германское лобби в Петрограде с самого начала военного конфликта не устраивало сотрудничество России и Англии. Английская промышленность с трудом обеспечивала заказы русской армии. Кабальные договоры с союзниками и давление английского лобби были серьезными аргументами для царя. Прогерманская партия в Петрограде изменила свою политику. С подачи противников британского засилья американские инвесторы начали замещать англичан на российском рынке.

10 мая 1915 г. было утверждено Высочайшее положение Совета Министров «О ликвидации торговых предприятий, принадлежащих неприятельским подданным» [14, с. 78–82]. Согласно положению предприятия с германскими капиталами должны быть ликвидированы зимой 1916–1917 гг. Тем самым прогерманская группировка в России получала весомый удар. Кроме того, освобождался сегмент российского рынка, который рассчитывали занять британцы. Однако с притоком американских инвестиций английские планы оказывались под угрозой.

Осенью 1916 г. британская миссия начала ощущать давление со стороны правительства. Д. Скайл писал: «Немецкие интриги с каждым днем становились все более напряженными. Вражеские агенты были заняты тем, что шептали о мире и намекали, как его добиться, создавая беспорядки, бунты и т. д. Все выглядит очень мрачно. Румыния разваливалась, а сама Россия, казалось, слабела. Сбои в коммуникациях, нехватка продовольствия, зловещее влияние, которое, казалось, засоряло военную машину, пьяный развратник Распутин, влияющий на политику России, чем все это должно было закончиться?» [15].

Английская дипломатическая миссия упорно защищала позиции Лондона, прежде всего, укрепляя сотрудничество с российской оппозицией. В результате осенью 1916 г. обострилось противостояние Думы и правительства Российской империи. Ужесточилась цензура в газетах. Министерство иностранных дел следило за каждым сообщением иностранных журналистов, отправленных за рубеж. Из разговоров с британскими корреспондентами Хор понял, что британская миссия в России теряет связь с Лондоном, где все хуже представляют ситуацию в России [2, р. 119].

За месяц до убийства Распутина Сэмюэль Хор общался с В. М. Пуришкевичем. Русский депутат рассказал британскому агенту о заговоре против «старца». Пуришкевич явно ожидал от англичанина активной поддержки заговора. С. Хор понимал, что убийство повлечет международный скандал. Однако ликвидация Распутина была выгодна британцам в первую очередь как удар, раскалывающий германское лобби в российском истеблишменте. После смерти Распутина британская дипломатическая миссия рассчитывала разделить сферы влияния с США на российском рынке.

Хор уклонился от прямого ответа Пуришкевичу. Он не был уверен, что Бьюкенен будет защищать его, если раскроется участие английского разведчика в заговоре. Глава разведывательной миссии все еще считал свое положение шатким. В конце осени 1916 г. С. Хор изолировался. В своей книге он написал о тяжелой болезни, вызванной слабым здоровьем и суровым российским климатом [2, р. 120]. Лишь в конце декабря 1916 г. Сэмюэль Хор начал появляться на официальных совещаниях. На одном из заседаний комитета по торговле британский разведчик узнал о смерти Распутина и отправил в Лондон сообщение об этом.

В январе 1917 г. в Петрограде состоялась международная конференция союзников по Антанте. Союзную комиссию на встрече возглавил новый министр обороны Великобритании лорд Мильнер, который официально приехал в Россию для изучения проблемы поставок вооружения для российской армии. Фактически делегаты при нуждали Николая II к подчинению русской армии иностранным представителям. Император отказался от требований союзников.

В ходе конференции Сэмюэль Хор организовал встречу лорда Мильнера с Петром Струве, передавшим британскому политику два меморандума. В своих записках П. Б. Струве предупреждал о заговоре в российском правительстве и вероятном перевороте. С. Хор описал встречу как неудавшийся диалог [2, р. 189–195]. По сути встреча являлась попыткой зондирования отношения Лондона к перевороту в России. Альфред Мильнер не дал конкретных ответов русскому

политику. В Москве Брюс Локкарт также предупреждал лорда Мильнера о скором перевороте.

После встречи Сэмюэль Хор принял решение покинуть Россию вместе с британской делегацией под предлогом незддоровья. Формально он выполнил свою миссию, собрав данные о состоянии российской армии и значительно укрепив блокаду Тройственного союза. Результаты расследования, изначально предназначавшиеся Герберту Китченеру, были переданы Альфреду Мильнеру. В ходе возвращения домой Сэмюэль Хор и леди Мод завязали дружеские отношения с Мильнером и другими делегатами миссии. Недавние знакомства позволили Хору получить новое назначение в Италии.

Таким образом, миссия Сэмюэля Хора в России состояла из комплекса задач. Основной целью миссии был сбор информации об экономическом состоянии армии России. В результате работы С. Хора Россия серьезно усилила блокаду Германии, что оказалось весьма убыточно для российских промышленников. Благодаря работе британской разведки был нанесен колossalный удар по прогерманской партии российских элит. Февральский переворот дал возможность Англии и США разделить сферы влияния в России.

Список литературы

1. Hoare S. J. G. *The Fourth Seal*. London : William Heinemann Ltd., 1930. 432 p.
2. Cross J. A. *Sir Samuel Hoare: A Political Biography*. London : Jonathan Cape, 1977. 450 p.
3. Leigh Rayment's Historical List of MPs – Constituencies beginning with "N" (part 3). URL: <https://web.archive.org/web/20150402155128/http://www.leighrayment.com/commons/ncommons3.htm> (дата обращения: 05.02.2024).
4. Edward Hoare (abt. 1652–1709). URL: <https://www.wikitree.com/wiki/Hoare-860> (дата обращения: 10.12.2023).
5. Joseph Hoare (abt. 1658–1729) URL: <https://www.wikitree.com/wiki/Hoare-1427> (дата обращения: 08.02.2024).
6. Dictionary of National Biography : in 60 vols. / ed. by H. C. G. Matthew, H. Brian. Oxford : Oxford University Press, 2004. Vol. 27. 1032 p.
7. Уильям Джон Биркбек: английский консерватор в поисках «святой Руси». URL: <https://politconservatism.ru/thinking/uilyam-dzhon-birkbek-anglijskij-konservator-v-poiskah-svyatoj-rusi> (дата обращения: 10.01.2024).
8. Cook A. To Kill Rasputin. URL: https://royallib.com/read/Cook_Alfred/to_kill_rasputin.html#152093 (дата обращения: 14.03.2024).
9. Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М. : Международные отношения, 1991. 344 с.
10. Марта Бибеску – биография и семья. URL: <http://people-archive.ru/character/marta-bibesku> (дата обращения: 20.11.2023).
11. William L. M. *The European Powers in the First World War: An Encyclopedia*. New York : Garland, 1996. 824 p.
12. Smith M. Six: A History of Britain's Secret Intelligence Service. London : Bloomsbury, 2010. 876 p.
13. Ашберг У. Между Россией и Западом. 1914–1924 гг. Из воспоминаний «Красного банкира» // Из глубины времен. Альманах. СПб. : Крига, 1993. Вып. 2. С. 3–94.
14. Ратников Г. Н., Агеева Е. А. Германский капитал в российской империи в годы Первой мировой войны // Научные записки молодых исследователей. 2014. Вып. 3. С. 78–82.
15. Biography Samuel Hoare. URL: <https://spartacus-educational.com/PRhoareS.htm> (дата обращения: 02.03.2024).

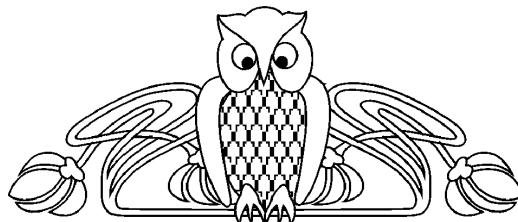
Поступила в редакцию 01.04.2024; одобрена после рецензирования 20.04.2024; принята к публикации 28.06.2024
The article was submitted 01.04.2024; approved after reviewing 20.04.2024; accepted for publication 28.06.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 512–519
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 512–519
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-512-519>, EDN: RALSBK

Научная статья
УДК 327(73)|19/20|

Американская «война с террором» до 11 сентября 2001 г.: формирование концепции

О. К. Рыбалко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов,
ул. Астраханская, д. 83

Рыбалко Ольга Константиновна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России,
rybalkook@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9001-8287>, AuthorID: 788255

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования концепции «войны с террором» в США в 1980–1990 гг., демонстрируется преемственность ее ключевых идей и принципов на протяжении двух десятилетий. Базовые компоненты этой концепции – восприятие терроризма как формы асимметричной войны, провозглашение глобальной миссии США по искоренению террористической угрозы, акцент на использовании военной силы в борьбе с терроризмом, обоснование права на упреждающий удар, – были выработаны в администрации Р. Рейгана, восприняты Дж. Бушем-старшим и развиты в период президентства Б. Клинтона. В 2001 г. Джордж Буш-младший имел готовый набор инструментов для обоснования «войны с террором» и превращения этой концепции в часть стратегии глобального доминирования США.

Ключевые слова: внешняя политика США, международный терроризм, Р. Рейган, Дж. Шульц, Дж. Буш-старший, Б. Клинтон, «война с террором», превентивная самооборона

Для цитирования: Рыбалко О. К. Американская «война с террором» до 11 сентября 2001 г.: формирование концепции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 512–519. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-512-519>, EDN: RALSBK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The U.S. "War on Terror" before 9/11: Framing the concept

O. K. Rybalko

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Olga K. Rybalko, rybalkook@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9001-8287>, AuthorID: 788255

Abstract. The article examines the process of framing the concept of the "War on Terror" in the United States during the 1980–1990s and demonstrates the continuity of its key ideas and principles over two decades. The basic components of the concept, like the perception of the terrorism as a form of asymmetrical warfare, the declaration of the U.S. global mission to terminate the terrorist threat, the emphasis on use of military force for fighting against terrorism, the justification of a preemptive strike, were developed in the Ronald Reagan administration, adopted by George H. W. Bush and developed during the presidency of Bill Clinton. In 2001 George W. Bush had a ready set of tools to justify the "War on Terror" and to turn this concept into part of the US strategy of global dominance.

Keywords: U.S. foreign policy, international terrorism, Ronald Reagan, George Shultz, George H. W. Bush, B. Clinton, "War on Terror", preemptive self-defense

For citation: Rybalko O. K. The U.S. "War on Terror" before 9/11: Framing the concept. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 512–519 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-512-519>, EDN: RALSBK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Выражение «война с террором» сегодня
прочно ассоциировано с событиями 11 сентября 2001 г. Президент Джордж Буш-младший сравнил взрывы башен-близнецов с нападением на Перл-Харбор и объявил о начале «первой

войны XXI века» [1], которая, как и мировые конфликты предыдущего столетия, должна была знаменовать трансформацию системы международных отношений и определить конфигурацию нового мирового порядка. При отсутствии рав-

нозначных конкурентов и неоспоримом военном и моральном лидерстве США этот новый миропорядок явно очерчивался в контурах однополярности. Потому неудивительно, что принципы и идеи, положенные в основу манифестации и реализации американской антитеррористической стратегии – восприятие террористических атак как формы войны, обоснование своего права на упреждающий военный ответ, пренебрежение необходимостью доказывать наличие реальной угрозы, «назначение» государств, ответственных за распространение терроризма – воспринимаются как явления, порожденные «однополярным моментом» после окончания холодной войны и маркирующие кардинальный сдвиг во внешней политике США.

Глобальную «войну с террором» действительно можно расценивать как явление беспрецедентное по форме и масштабам. Однако и форма, и масштаб, и идеологические обоснования ее были определены в рамках концепции, сформулированной в США задолго до 11 сентября. Дж. Бушмладший по сути перенял и адаптировал под задачи текущего момента тот подход к борьбе с международным терроризмом, который был выработан в администрации Р. Рейгана, воспринят кабинетом Дж. Буша-старшего и расширен в период президентства Б. Клинтона. Анализ процесса формирования этого подхода позволяет увидеть, как на протяжении трех последних десятилетий XX в. в США формировался образ глобальной угрозы, задачи противостояния которой заняли центральное место в американской внешней политике и определили мировую политическую повестку в начале нового тысячелетия.

Первым американским президентом, поставившим вопрос о борьбе с международным терроризмом в центр своей внешнеполитической программы, стал Рональд Рейган. Призыв «выступить против терроризма во всем мире» [2] и обещание направить на это все ресурсы своей администрации нашли отклик в американском обществе и добавили Рейгану очков еще на этапе предвыборной кампании 1980 г., где его соперником был действующий президент Джимми Картер.

Кампания разворачивалась на фоне печально известной истории с захватом американского посольства в Тегеране. С 4 ноября 1979 г. дольше года 52 сотрудника посольства находились в заложниках. Инициированная Картером в апреле 1980 г. операция по их спасению силами спецназа окончилась грандиозным провалом. Картер успел разрешить этот вопрос в последнюю ночь своего президентства – заложники были освобождены 20 января 1981 г., однако для их возвращения американской стороне пришлось пойти на переговоры и сделку с революционным Ираном, уступив тем, кто провозглашал: «Смерть Америке!» [3]. Это был удар по национальной гордости американцев, которые еще до конца

не оправились от фиаско американских войск во Вьетнаме. По данным опросов, к сентябрю 1980 г. лишь 23% респондентов положительно оценивали международную деятельность Картера [4, р. 2].

Широко и активно освещавшие и обсуждавшие весь ход кризиса СМИ также способствовали тому, что проблема терроризма из рядового вопроса внешнеполитической повестки впервые превратилась в фактор внутренней политики, что влекло электоральные последствия. Далекая угроза стала восприниматься американскими избирателями как серьезная и близкая при том, что, невзирая на трагизм каждого из случаев террористических атак, по статистике ежегодное количество жертв терроризма среди американцев было ниже, чем количество погибших от удара молнии или укуса пчелы [5, р. 7].

Рейган сыграл на страхах и разочаровании американцев, пообещав вернуть им веру в силу Америки и гордость за свою страну. Он решительно выступал против переговоров с террористами и настаивал на том, что Соединенные Штаты должны взять на себя ведущую роль в сдерживании этого нового «бича цивилизации» [6]. Наряду с этим он обещал вернуть могущество и боеспособность американской армии, увеличив расходы на оборону [2]. В сложившихся условиях это отвечало как чаяниям простых граждан США, так и интересам представителей консервативных и неоконсервативных кругов американского истеблишмента, чье влияние стало возрастать с конца 1970-х гг. [7, р. 6].

Воинственная риторика Рейгана принесла ему победу на выборах. С первых дней на посту новый президент и члены его кабинета подчеркивали верность взятому курсу, заявляя, во-первых, что США никогда больше не пойдут на сделки и уступки террористам, а во-вторых, что «государства, спонсирующие терроризм, платят за свои действия» [8, р. iv], и больше ни одна террористическая атака не останется без «быстрого и эффективного возмездия» [9]. В дискуссиях о форме и инструментах возмездия стала обсуждаться возможность нанесения военного удара по террористам. Вопрос вызывал споры – террористические акты, совершенные на территории страны, рассматривались как преступления, за которые следовала индивидуальная уголовная ответственность; использование вооруженных сил за рубежом означало участие в войне против другого государства или в поддержку сил, признаваемых легитимными. Кто или что будет являться объектом военного удара в случае борьбы с террористами, и чем должен быть обоснован этот удар, было неочевидно.

Особую остроту этот спор приобрел в 1983 г. после того, как в Ливане было совершено два крупных теракта против американцев. В апреле 1983 г. бомба взорвалась в американском

посольстве, а 23 октября того же года были взорваны казармы международных миротворческих сил в Бейруте, где погиб 241 американский военнослужащий. Президент Рейган был настроен весьма решительно: «Те, кто руководил этими злодействами, должны получить по заслугам, и они получат» [10]. По данным разведки, ответственность за теракты лежала на движении «Хезболла», и военные планировщики прорабатывали сценарии авиаударов по ее объектам в Ливане. Эти планы не были реализованы: ряд чиновников сомневались в том, насколько убедительными будут представленные разведкой доказательства [11, р. 247]. Кроме того, серьезное сопротивление самой идеи использования вооруженных сил в антитеррористических кампаниях шло со стороны министерства обороны и возглавлявшего его Каспара Вайнбергера. Министр обороны был убежден сам и смог убедить президента в том, что военный удар приведет к жертвам среди гражданского населения и лишь усугубит ситуацию, вызовет гнев мусульман и спровоцирует «Хезболлу» на новые атаки. Лучшим способом предотвратить будущие нападения Вайнбергер считал вывод контингента США из Ливана [4, р. 30]. В данном случае его умеренный подход возобладал – американские морские пехотинцы ушли из Бейрута. Однако, по итогам расследования этого инцидента были сформулированы выводы, отражающие принципиально новый взгляд на природу ближневосточного терроризма и толкавшие к пересмотру стратегии и методов контртеррористической борьбы.

В отчете комиссии, созданной для изучения обстоятельств нападения на морских пехотинцев в Бейруте, недвусмысленно заявлялось, что это действие было равносильно военному акту с использованием террористических средств. «Террористическая война... представляет собой растущую с пугающей скоростью угрозу для Соединенных Штатов» [12, р. 9], – отмечалось в документе, где указывалось также на то, что реактивная политика отдает инициативу террористам, и рекомендовалось подготовиться и переходить к активным действиям с использованием всего диапазона мер политического и военного давления [12, р. 128]. Впервые в США на уровне правительственный ведомств террористический акт был приравнен к акту войны, требующему военного ответа.

Подобную точку зрения разделял и продвигал оппонент Каспара Вайнбергера в администрации госсекретарь США Джордж Шульц, который последовательно, активно и красноречиво призывал сражаться с террористами всеми доступными средствами, на их территории и желательно, не дожидаясь, пока террористы ударят первыми. «Терроризм... это не просто преступная деятельность, это разнужданная форма ведения войны... Мы должны выйти за рамки пассивной защиты

и прибегнуть к средствам активного предотвращения, упреждения и возмездия», – заявлял Шульц в 1984 г. в своей программной речи, произнесенной в синагоге на Парк-Авеню в Манхэттене и переложенной впоследствии в эссе «Терроризм и современный мир» [13]. Этот опус можно считать доктринальным: в нем комплексно и системно изложены взгляды госсекретаря на природу терроризма как новой устрашающей угрозы не только для США, но и для всего мира, определены инструменты противодействия этой угрозе, сформулированы задачи, которые необходимо решить внутри страны и на международной арене для консолидации усилий в борьбе.

Особый интерес представляют идеи Шульца относительно обоснования использования США своей военной силы для решения террористической проблемы. Необходимость действовать на опережение, полагал Шульц, не позволяет тратить время на скрупулезный сбор доказательств наличия угрозы и соблюдения всех юридических процедур обвинения. Поэтому и американские граждане, и представители цивилизованного человечества должны были проникнуться мыслью о том, что террористы – это «новые варвары», которым чужды и ненавистны все достижения и ценности западной цивилизации, и признать за США моральное право, и даже обязанность защищать все то, что так дорого американцам и друзьям Америки и что составляет сущность демократии: «Возможно, у нас никогда не будет доказательств, которые мы смогли бы представить в суде, но мы не можем позволить себе стать нацией-Гамлетом, что вечно беспокоится, стоит ли реагировать, и каким образом. Великая нация, несущая глобальную ответственность, не может позволить себе, чтобы ей мешали сомнения и нерешительность. Борьба с терроризмом не будет честным и легким состязанием, но у нас нет другого выбора, кроме как участвовать в нем» [13, р. 14].

Внутри страны американское общество, по мнению Шульца, должно было оказать полное доверие правительству и дать ему карт-бланш в вопросе выбора методов и объектов контртеррористической борьбы, приняв все возможные риски: например, гибель военных и мирного населения в ходе антитеррористических операций или критику действий армии и правительства США. На международной арене Шульц также рассчитывал на объединение усилий и сплочение демократий под стягами США: «Если враги наших ценностей едини, то и демократические страны должны быть едини в их защите» [13, р. 14]. При этом у защитников не должно быть моральных терзаний и сомнений по поводу правомерности их действий в борьбе с терроризмом – демократии правы уже на том основании, что они демократии: «Демократические страны должны показать, верят ли они в себя... Нет места вине или неуверенности в себе

в отношении нашего права защищать образ жизни, который дает всем народам надежду на мир, прогресс и человеческое достоинство» [13, р. 14].

Принципиально важной частью нового подхода к выработке контртеррористической стратегии в 1980-е гг. стало определение «государства-спонсоров терроризма». Список стран, поддерживающих терроризм, был составлен Государственным департаментом еще в 1979 г. [14]. Тогда он носил скорее технический характер и был создан для обеспечения исполнения Закона о контроле над экспортом [15], призванного не допустить продаж американского оружия и технологий двойного назначения недружественным США странам на фоне учащения случаев террористических актов против американских граждан и объектов инфраструктуры за рубежом. При Рейгане, в том числе благодаря усилиям Джорджа Шульца, проблема государственной поддержки терроризма была вписана в единую концепцию антитеррористической борьбы, что позволяло, с одной стороны, усилить ее идеологический компонент, с другой – облегчить вопрос практической реализации в плане определения объекта противостояния.

В дискурсивной плоскости наряду с продвижением образа терроризма как абстрактного зла или неуловимой сети подпольных группировок, среди которых бывает трудно отличить злобных террористов от гордых борцов за свободу, появляется объект с вполне осозаемыми физическими характеристиками. Что характерно, в риторике Шульца «государства-спонсоры терроризма» рисуются не как отдельно взятые акторы, действующие каждый в своих интересах, а как «Лига террора» [16, р. 13] (сравним с «Осью зла» Джорджа Буша-младшего), единое сообщество врагов «свободного мира». Терроризм, таким образом, представляется не тактическим инструментом, используемым по различным поводам и в различных контекстах, а как идеология, объединяющая противников США и их союзников. Такое понимание проблемы позволяло настаивать на необходимости выработки универсальной, глобальной стратегии борьбы с терроризмом и отказа от анализа частностей.

В практическом отношении обозначение «государства-спонсора терроризма» позволяло безошибочно определить его в качестве цели праведного возмездия. В пособии, изданном в 1985 г. корпорацией RAND для BBC США и символически озаглавленном «Международный терроризм: новая мировая война», помимо констатации реальности перспективы использования военной силы для борьбы с государственным терроризмом [17, р. 25], отмечается: «Государственная поддержка терроризма... способствует его эскалации, поскольку террористы, поддерживаемые государством, обладают большими ресурсами всех видов... Но государства, совершающие террористические действия против США, также

подвергаются большему риску, поскольку их легче идентифицировать, чем небольшие группы, действующие независимо» [17, р. VI].

Довольно скоро список «стран-спонсоров терроризма» из технического документа внутриведомственного пользования стал инструментом внешнеполитического воздействия с мощным идеологическим зарядом. Государства включались в этот перечень и исключались из него официально, в соответствии с текущими задачами правительства США. Так, к примеру, Ирак, названный «спонсором терроризма» в 1979 г., был исключен из этого списка в 1982 г., после того как Саддам Хусейн вторгся в Иран, и снова включен в 1990 г., когда Саддам Хусейн вторгся в Кувейт [18, р. 141–142].

Это новое видение угрозы международного терроризма с выбором в пользу ее активного военного упреждения стало закрепляться в Белом доме в качестве доминирующего. В апреле 1984 г. президент Рейган подписал Директиву о решении в области национальной безопасности № 138 «Борьба с терроризмом» (NSDD-138), которая среди прочего обязывала министерство обороны США «разработать военную стратегию, нацеленную на активную превентивную борьбу с международным терроризмом, осуществляющую прежде, чем террористы смогут начать враждебные действия», а также «разработать полный спектр военных вариантов борьбы с терроризмом» [19].

Практическим воплощением нового подхода к борьбе с терроризмом и исполнением Директивы-138 можно считать военную операцию против Ливии в апреле 1986 г. На фоне участившихся в 1984–1985 гг. террористических атак против американских военных и гражданских лиц Муаммар Каддафи с его демонстративной антиамериканской риторикой и готовностью приписать себе в заслуги любой враждебный США акт, стал очевидным выбором в качестве цели удара. Этот шаг был с одобрением встречен в обществе, где зрело разочарование от расхождения воинственной риторики президента и госсекретаря с реальными действиями администрации. По данным опросов, накануне начала операции 72% американцев были согласны с тем, что США следует использовать военную силу против террористов и «государств-спонсоров», даже если это сопряжено с риском жертв среди гражданского населения [20, р. 774]. Таким образом, внутри страны удалось добиться того консенсуса по вопросу осуществления военных действий против террористов, о котором говорил Джордж Шульц.

Однако на международном уровне такой поддержки США добиться не удалось. Большинство союзников по НАТО выступили против апрельского рейда 1986 г. против Ливии. Франция и Испания запретили самолетам BBC США использовать свое воздушное пространство. Операцию поддержали только Великобритания, Ка-

нада и Израиль. Следует упомянуть о том, что на полях ООН не прекращались дебаты о правомерности действий Израиля, который с 1960-х гг. заявлял о том, что применение силы против государств, поддерживающих или укрывающих террористов, является законным актом самообороны и на этом основании, в частности, осуществлял авиааналеты на Сирию и Ливан. Многие полагали, что Израиль сам таким образом осуществляет государственный терроризм [21, р. 76]. Шульц, формулируя принципы нового подхода к борьбе с терроризмом, вдохновлялся примером израильских коллег. В 1986 г. защищавшие Израиль в ООН США поступили так же, как их протеже, и это не добавляло симпатий американской стороне. Лозунги битвы с мировым злом за свободу и демократию, с энтузиазмом воспринятые союзниками США в 2001 г., на тот момент действия не возымели.

Разоблачения, связанные с делом «Иран-контрас», казалось, должны были дискредитировать продвигаемый курс. Сделка с Ираном, объявленным одним из главных спонсоров терроризма, и поддержка никарагуанских повстанцев в обход законодательного запрета противоречили всем провозглашенным принципам. Действительно, в связи с разгоревшимся скандалом и кадровыми изменениями в администрации до конца президентского срока Рейгана от решительного продвижения по пути противостояния международному терроризму пришлось отказаться. Однако все ключевые концептуальные и стратегические наработки на этом направлении перешли в наследство Джорджу Бушу-старшему, служившему вице-президентом при Рейгане и сменившему того на посту главы государства в 1989 г. Он высоко оценивал результаты антитеррористической деятельности предыдущей администрации, заявлял об «огромных успехах» на этом поприще, и признавал эффективность применения военной силы против «государств-спонсоров» [22].

Новый президент ожидаемо снизил накал риторики, убрал тему борьбы с терроризмом из национальной повестки дня и постоянного поля внимания общественности, но оставил неизменными сформулированные при Рейгане основные принципы контртеррористической политики США. В ежегодном отчете Госдепартамента «Модели глобального терроризма» (Patterns of Global Terrorism) за 1989 г. [23] формулировки этих принципов полностью заимствованы из предыдущего [8]: не идти на соглашения с террористами, заставить «страны-спонсоры терроризма» заплатить за свои действия и активно работать внутри страны и по всему миру для развития и распространения эффективных инструментов предупреждения и противодействия террористическим атакам. Наряду с этим в формулировании проблемы международного терроризма появляется новое важное измерение –

опасность получения террористами оружия масового уничтожения. На волне обвинений Ирака в злоупотреблении ОМУ во время войны с Ираном США присоединились к международной Конвенции о биологическом оружии и приняли Антитеррористический закон о биологическом оружии 1989 г. (Biological Weapons Anti-Terrorism Act) [24].

Важно отметить, что со второй половины 1980-х гг. в Белом доме постепенно происходил отход от ассоциации террористической угрозы с влиянием Советского Союза. По мере сближения в американо-советских отношениях эта ассоциация становилась все более неудобной, и при Буше-старшем проблема международного терроризма была выведена за рамки контекста холодной войны, идущей к завершению. Это в свою очередь позволяло после распада СССР произвести замену в восприятии главного врага США, не отказываясь при этом от логики глобального противостояния. Признание возможного наличия у террористов или «государств-спонсоров» химического, биологического или ядерного оружия выводило угрозу международного терроризма на уровень опасности фактически равнозначной той, что представлял ранее Советский Союз.

В неоконсервативных кругах в 1991 г. звучали обращенные к президенту Бушу призывы вывести контртеррористическую повестку из тени, снова сделать ее приоритетной в глазах американской и мировой общественности и на волне успеха США в Персидском заливе, пользуясь отсутствием конкурентов, под лозунгом борьбы с международным терроризмом решить все свои задачи на Ближнем Востоке. Решение, разумеется, предлагалось, военное [25]. При первом Буше этого не произошло, однако тема борьбы с международным терроризмом вновь заняла одно из ведущих мест во внутренней и внешней политике США после прихода к власти Билла Клинтона. Этому способствовало совершение нескольких крупных и резонансных терактов внутри США и за рубежом: 25 февраля 1993 г. была взорвана бомба в подвале Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, погибли 6 чел.; 19 апреля 1995 г. мощный взрыв прогремел в Оклахома-Сити, где число погибших достигло 168 чел.; в марте 1995 г. мир потрясло известие о зариновой атаке в токийском метро. Ответственность за каждый из этих терактов лежала на разных идеологических группах – в Нью-Йорке это были члены «Аль-Каиды», в Оклахоме – ультраправые радикалы, в Токио – secta «Аум Синрикё», однако в дискурсе террористической угрозы все они изображались как явления одного порядка.

Билл Клинтон сформулировал концепцию «нового» или «катастрофического» терроризма [26]. В рамках этой концепции проблема терроризма теперьочно и однозначно увязывалась с проблемой распространения и использования

ОМУ и это наряду с трансграничным характером террористической деятельности делало его «катастрофическим». «Новой» террористическая угроза становилась в связи с рисками ее перехода в киберпространство.

Клинтон говорил о размывании границ между внутренним и внешним терроризмом и формированием глобальной угрозы, требующей универсальной стратегии противодействия. В рамках этой стратегии важное место вновь занял концепт «государств-спонсоров терроризма», которые теперь звучно именовались «странами-изгоями» [27] и в отношении которых однозначно провозглашался курс на сдерживание. В 1995 г. была принята Президентская директива [28], в которой, помимо намерений энергично реагировать и применять все доступные средства для сдерживания и поражения террористов в небе, на воде, внутри страны или на территории иностранных государств и использовать для этого все возможные средства, в том числе и военные, ставилась задача обеспечить информационную и дипломатическую поддержку антитеррористической политики США. Очевидно, памятая о негативной международной реакции на бомбардировки Ливии в 1986 г., Клинтон выделил в отдельный пункт директивы задачи публичной дипломатии США, призванной сформировать у мировой общественности ясное представление о позиции, целях и возможностях США в борьбе с терроризмом и подготовить аудиторию к неизбежному использованию этих возможностей в случае необходимости.

Случай представился довольно скоро – в феврале 1998 г. Усама бен Ладен выпустил фетву – заключение о том, что убийство американцев и их союзников считается богоугодным делом, а в августе 1998 г. боевики «Аль-Каиды» взорвали американские посольства в Кении и Танзании. Клинтон заявил, что бен Ладен ведет против Америки «террористическую войну» [29], и приказал нанести ракетные удары по фармацевтическому заводу в Судане, где, как предполагалось, изготавливались компоненты химического оружия для террористов, и по тренировочному лагерю боевиков в афганской провинции Хост, где предположительно скрывался Бен-Ладен. Предоставить однозначных доказательств связи фармзавода и его погибших работников с «Аль-Каидой» в итоге не удалось [30], уничтожить Бен-Ладена тоже, но страны Запада в этот раз поддержали действия США, как и большая часть американской общественности [31].

В обращении к нации по поводу нанесения ударов по «террористическим объектам» в Афганистане и Судане Клинтон, как и его предшественники, опирал на особую роль Америки и изображал борьбу с терроризмом как «борьбу между свободой и фанатизмом», где олицетворяющие свободу США должны делать

все, что потребуется, ибо бездействие Америки перед лицом смертельного врага более рискованно, чем любое действие. Обращает на себя внимание реплика Клинтона о перспективах контртеррористической борьбы: «Наша битва с терроризмом... не закончится сегодняшним ударом. Она потребует силы, мужества и выносливости... мы выстоим в ней, сколько бы времени это ни заняло» [29]. В сентябре 2001 г. Джордж Буш-младший, объявляя начало похода «свободы против страха», практически скопирует эту мысль [32], анонсируя долгую войну Америки и ее союзников против «врагов свободного мира» – войну, правила, которой собирались диктовать Соединенные Штаты.

В заключение можно вновь подчеркнуть, что ключевые компоненты концепции «глобальной войны террором», начатой США после терактов 11 сентября 2001 г., были выработаны в 1980–1990-е гг. В администрации Рейгана были сформированы ее базовые элементы: образ терроризма как «мирового зла», имманентно враждебного ценностям свободы и демократии; определение террористического акта как формы военного действия, делающего возможным и правомерным военный ответ; провозглашение глобальной спасительной миссии Америки и обоснование ее права на упреждающий удар с позиций морали, которая выше закона; воплощение образа врага в виде «государств-спонсоров терроризма». В этот же период принцип военного возмездия и упреждения был апробирован на практике и выявлены нюансы, требующие доработки, в частности, касающиеся обеспечения международной поддержки военных контртеррористических операций. В период президентства Джорджа Буша-старшего в концепцию был добавлен важный компонент, связанный с опасностью завладения террористами оружием массового уничтожения, и угроза терроризма возросла до масштабов, достаточных, чтобы занять место главного врага Соединенных Штатов, заменив Советский Союз. При Клинтоне каждый из указанных концептов был усилен и, кроме того, проведена работа по обеспечению лояльной международной конъюнктуры. Таким образом, когда перед Джорджем Бушем-младшим встало задание ответить на удар, нанесенный Аль-Каидой, у него в руках были готовые инструменты, позволяющие не только обосновать «войну с террором», но и превратить эту концепцию в часть стратегии глобального доминирования США.

Список литературы

1. President Holds Prime Time News Conference. October 11, 2001 // The White House. URL: <https://georgewBush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/10/20011011-7.html> (дата обращения: 02.05.2024).
2. Peace: Restoring the Margin of Safety. August 18, 1980 // Ronald Reagan. Presidential Library & Mu-

- seum. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/peace-restoring-margin-safety> (дата обращения: 02.05.2024).
3. Koppel T. 30 years after the Iran hostage crisis, we're still fighting Reagan's war // The Washington Post. January 21, 2011. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/30-years-after-the-iran-hostage-crisis-were-still-fighting-reagans-war/2011/01/21/ABYwAKR_story.html?outputType=amp&itid=sr_7_6c0ad e7d-4c17-4df7-86e3-415f170e3c5f (дата обращения: 02.05.2024).
 4. Wills D. C. The First War on Terrorism: The Battle Over Counter-Terrorism Policy During the Reagan Administration. Lanham : Rowman & Littlefield Publishers, 2003. 285 p.
 5. Jackson R. D. Writing Wars on Terrorism: The Rhetoric of Counter-Terrorism from Ronald Reagan to George W. Bush Jr. Aberystwyth University, 2005. 29 p.
 6. Televised Address by Governor Ronald Reagan: A Strategy for Peace in the 80's. October 19, 1980 // The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/televised-address-governor-ronald-reagan-strategy-for-peace-the-80s> (дата обращения: 19.04.2024).
 7. Toaldo M. The Reagan Administration and the Origins of the War on Terror: Lebanon and Libya as Case Studies // New Middle Eastern Studies. 2012. № 2. 18 p. URL: <http://www.brismes.ac.uk/nmes/archives/767> (дата обращения: 19.04.2024).
 8. Patterns of Global Terrorism: 1988. Washington, DC : US Department of State, March 1989. viii+84 p.
 9. Taubman P. U.S. Tries to Back Up Haig on Terrorism. May 3, 1981 // The New York Times. May 3, 1981. URL: <https://www.nytimes.com/1981/05/03/world/us-tries-to-back-up-haig-on-terrorism.html> (дата обращения: 19.04.2024).
 10. Address to the Nation on Events in Lebanon and Grenada. October 27, 1983 // Ronald Reagan. Presidential Library & Museum. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/address-nation-events-lebanon-and-grenada> (дата обращения: 19.04.2024).
 11. Brands H. Making the Unipolar Moment. U.S. Foreign Policy and the Rise of the Post-Cold War Order. London : Cornell University Press, 2016. 469 p.
 12. Report of the DOD Commission on Beirut International Airport Terrorist Act, October 23, 1983. 147 p. URL: <https://irp.fas.org/threat/beirut-1983.pdf> (дата обращения: 20.04.2024).
 13. Secretary Shultz. Terrorism and the Modern World // Ronald Reagan Presidential Library Digital Library Collections. Collection: Correspondence, Office of Records. Folder Title: AVH-347 – Support for Secretary Shultz's Remarks on Terrorism. Box: 20. P. 9–14. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/public/digitallibrary/smc/correspondence/coroffice/box-020/40-108-7560791-020-031-2019.pdf> (дата обращения: 20.04.2024).
 14. State Sponsors of Terrorism // U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/state-sponsors-of-terrorism/> (дата обращения: 20.04.2024).
 15. S. 737 – Export Administration Act of 1979. URL: <https://www.congress.gov/bill/96th-congress/senate-bill/737/text> (дата обращения: 20.04.2024).
 16. Draft speech on terrorism for delivery by Secretary Shultz at the Jonathan Institute Conference, June 24, 1984 // Ronald Reagan Presidential Library Digital Library Collections. Collection: Fortier, Donald: Files. Folder Title: [Terrorism] [Shultz Material]. Box: RAC Box 18. P. 12–30.
 17. Jenkins B. M. International Terrorism: The Other World War. Santa Monica : The RAND Corporation, 1985. VII+29 p.
 18. Sanford M. "This is a Game": A History of the Foreign Terrorist Organization and State Sponsors of Terrorism Lists and their Applications // History in the Making. 2020. Vol. 13, article 10. P. 139–174.
 19. National Security Decision Directive 138 "Combatting Terrorism". April 3, 1984. URL: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-138.pdf> (дата обращения: 20.04.2024).
 20. Jenkins B. M. Defense Against Terrorism // Political Science Quarterly. 1986. Vol. 101, № 5. P. 773–786.
 21. Brulin R. Compartmentalization, contexts of speech and the Israeli origins of the American discourse on "terrorism" // Dialectical Anthropology. 2015. Vol. 39, № 1. P. 69–119.
 22. Presidential Debate in Winston-Salem, North Carolina. September 25, 1988 // The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/presidential-debate-winston-salem-north-carolina> (дата обращения: 20.04.2024).
 23. Patterns of Global Terrorism: 1989. Washington, DC : US Department of State, April 1989. VIII+86 p.
 24. S.993 – Biological Weapons Anti-Terrorism Act of 1989. URL: <https://www.congress.gov/bill/101st-congress/senate-bill/993> (дата обращения: 20.04.2024).
 25. Silverstein D. An American Strategy Against Terrorism // The Heritage Foundation. 1991. Aug. 23. URL: <https://www.heritage.org/homeland-security/report/american-strategy-against-terrorism> (дата обращения: 20.04.2024).
 26. Tsui C.-K. Framing the threat of catastrophic terrorism: Genealogy, discourse and President Clinton's counterterrorism approach // International Politics. 2015. Vol. 52, № 1. P. 66–88.
 27. Remarks at the World Jewish Congress Dinner in New York City. April 30, 1995 // The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-the-world-jewish-congress-dinner-new-york-city> (дата обращения: 21.04.2024).
 28. Presidential Decision Directive/NSC-39. June 21, 1995 // Clinton Digital Library. URL: <https://clinton.presidentiallibraries.us/items/show/12755> (дата обращения: 21.04.2024).
 29. Address to the Nation on Military Action Against Terrorist Sites in Afghanistan and Sudan. August 20, 1998 // The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-the-nation-military-action-against-terrorist-sites-afghanistan-and-sudan> (дата обращения: 21.04.2024).

30. *Marshall A.* US evidence of terror links to blitzed medicine factory was ‘totally wrong’ // Independent. February 15, 1999. URL: <https://www.independent.co.uk/news/us-evidence-of-terror-links-to-blitzed-medicine-factory-was-totally-wrong-1071064.html> (дата обращения: 21.04.2024).
31. *Barabak M. Z.* U.S. Raids Get Broad Support; Clinton Issues Not Significant // Los Angeles Times. August 23, 1998. URL: U.S. Raids Get Broad Support; Clinton Issues Not Significant – Los Angeles Times (latimes.com) (дата обращения: 21.04.2024).
32. Address to a Joint Session of Congress and the American People. September 20, 2001 // The White House. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/09/20010920-8.html> (дата обращения: 21.04.2024).

Поступила в редакцию 03.06.2024; одобрена после рецензирования 20.06.2024; принята к публикации 28.06.2024
The article was submitted 03.06.2024; approved after reviewing 20.06.2024; accepted for publication 28.06.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 520–527
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 520–527
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-520-527>, EDN: SIXUPY

Научная статья
УДК 327(498:478)|19/20|

Румынский вектор во внешней политике Республики Молдова: политическое измерение основ и динамики двусторонних отношений Кишинева и Бухареста

Д. П. Головченко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Головченко Дмитрий Павлович, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России, goloovchenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2758-7642>, Author ID: 1199306

Аннотация. В статье рассматриваются основы двусторонних отношений Молдавии и Румынии с момента распада СССР. Анализируется феномен молдавского унионизма и его влияния на внешнюю политику Кишинева на румынском направлении. Выделяются отдельные этапы молдавско-румынских отношений в контексте регулярных трансформаций внутриполитической ситуации в Молдавии.

Ключевые слова: Молдавия, Республика Молдова, Румыния, унионизм, СНГ, Россия, ЕС, внешняя политика

Для цитирования: Головченко Д. П. Румынский вектор во внешней политике Республики Молдова: политическое измерение основ и динамики двусторонних отношений Кишинева и Бухареста // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 520–527. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-520-527>, EDN: SIXUPY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Romanian vector in the foreign policy of the Republic of Moldova: The political dimension of the foundations and dynamics of bilateral relations between Chisinau and Bucharest

D. P. Golovchenko

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Dmitry P. Golovchenko, goloovchenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2758-7642>, Author ID: 1199306

Abstract. The article examines the foundations of bilateral relations between Moldova and Romania since the collapse of the USSR. The author analyzes the phenomenon of Moldovan unionism and its influence on the foreign policy of Chisinau in the Romanian direction. Individual stages of Moldovan-Romanian relations are highlighted in the context of regular transformations of the internal political situation in Moldova.

Keywords: Moldova, Republic of Moldova, Romania, unionism, CIS, Russia, EU, foreign policy

For citation: Golovchenko D. P. Romanian vector in the foreign policy of the Republic of Moldova: The political dimension of the foundations and dynamics of bilateral relations between Chisinau and Bucharest. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 520–527 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-520-527>, EDN: SIXUPY

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В контексте протекающих на современном этапе процессов трансформации глобального мицоустройства и изменения подходов отдельных стран к выстраиванию межгосударственной кооперации представляет интерес, с точки зрения понимания нынешних политических событий, исследование этапов развития и динамики отношений Республики Молдова (РМ) с Румынией с момента провозглашения Кишиневом независимости от СССР, а также распада социалистического блока в Восточной Европе.

Стоит отметить, что выбор анализа данной конкретной проблемы обусловлен наличием

на протяжении последних десятилетий в общественном пространстве двух стран вопроса о близости румынского и молдавского народов или даже об отсутствии каких-либо различий между ними. В этой связи поиск рационального ответа в данном диспуте с учетом реализуемой нынешним руководством РМ во главе с М. Санду внутренней и внешней политики является актуальным и в настоящее время. Так или иначе неоспоримым является факт того, что отличительной особенностью Молдавии как союзной республики в составе СССР действительно было культурно-языковое сходство значительной

части проживавшего в ней населения с румынским народом, что оказало большое влияние на развитие двусторонних отношений Кишинева и Бухареста, начиная с 1991 г.

На этом фоне происходивший демонтаж социалистической системы был положительно воспринят молдавскими и румынскими внутриполитическими элитами как с точки зрения сепарирования двух государств от Москвы, так и с позиции активизации сотрудничества Молдавии и Румынии на основе упомянутой культурной близости стран. Примечателен факт восприятия Бухарестом в ту эпоху территории современной РМ как незаконно оккупированной СССР в результате секретного протокола советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г. В свою очередь еще в 1990 г. парламентская комиссия Советской социалистической Республики Молдова сделала заключение о незаконности присоединения Советским Союзом территории Бессарабии и Северной Буковины, тем самым давая румынской стороне новую почву для обсуждения указанного вопроса на международном уровне. Дополнительным драйвером ускоренного отдаления Кишинева от Москвы стал и рост политических позиций в Молдавии сторонников так называемых унионистских настроений, которые выступали за необходимость государственного воссоединения с Румынией, фактически и юридически отвергая возможность обретения РМ самостоятельной государственности. Ключевой движущей силой в данном процессе стало политическое движение «Народный фронт Молдовы», в состав которого вошли молдавские националисты и приверженцы идеи унионизма. Стоит отметить, что ярким примером политика высокого уровня в Молдавии того времени, придерживавшегося данных взглядов, был первый глава правительства республики М. Друк. Показательно, что он после сложения своих полномочий уже в 1992 г. получил румынское гражданство и переехал в Румынию.

Указанные факторы, наряду с иными происходившими в преддверии окончательного распада СССР внутриполитическими процессами в Восточной Европе, привели к тому, что 27 августа 1991 г. в день принятия Кишиневом декларации о независимости первой страной, признавшей Молдавию суверенным государством, стала Румыния, а в январе 1992 г. она также стала первым государством, открывшим свое дипломатическое представительство в Бухаресте. При этом румынским руководством того времени обретение Кишиневом независимости от Москвы также воспринималось в качестве важного политического шага для будущего объединения двух государств и устранения «несправедливых» по отношению к румынскому народу последствий эпохи Второй мировой войны [1, р. 138]. В частности, данные тезисы использовались членами правительства Румынии в контексте оце-

нивания Бухарестом социально-политических событий в Молдавии 1990–1991 гг. [2, р. 68–69].

Тем не менее желаемое сторонниками унионистских настроений в РМ и румынскими политическими элитами быстрое «историческое воссоединение» не было реализовано в силу наличия нескольких причин, связанных с внутриполитическими и социальными особенностями Молдавии. В частности, на рубеже распада СССР порядка 30% от всего населения РМ являлись этническими русскими, белорусами, украинцами и гагаузами, которые не имели ничего общего с румынской или молдавской нацией и негативно воспринимали процессы «румынизации» республики с перспективой поглощения молодого государства Бухарестом [3, с. 112].

Головной болью для первых руководителей независимой Молдавии, в частности для президента страны М. Снегура и премьер-министра М. Друка, являлись в первую очередь такие регионы, как Приднестровье и Гагаузия, у населения которых на фоне проводимой Кишиневом прорумынской и «однобокой» национальной политики отмечался рост сепаратистских настроений в пользу сближения с Россией. В результате этого события на левом берегу Днестра в 1992 г., как известно, привели к прямому военному конфликту республиканских властей с Тирасполем, а проблема определения политического статуса непризнанной Приднестровской Молдавской Республики (ПМР) и вопрос нахождения в ПМР российского контингента войск остаются неразрешенными по сей день. Стоит также отметить, что в разгар происходивших на левобережье событий Бухарест обозначил Кишиневу готовность оказать при необходимости военную помощь. Данный факт также демонстрировал подходы сторон к пределам выстраиваемого многостороннего сотрудничества. Несмотря на то, что в Гагаузии удалось избежать вооруженного конфликта, к 1994 г. регион все же смог получить статус автономии в составе Молдавии, что также подталкивало Кишинев пересмотреть свои внешнеполитические планы.

Параллельно с возникновением кризисных социально-политических ситуаций внутри РМ в первые годы независимости значительное влияние на трансформацию молдавско-румынского сотрудничества оказало нарастание экономических проблем внутри Молдавии. Разрушались торгово-производственные цепочки, существовавшие в рамках единой советской системы, что усугубляло социально-экономическое положение республики. При этом Кишинев не мог быстро и эффективно справиться с возникшими проблемами, что отражалось в том числе в снижении материального благосостояния населения и спаде объемов национального ВВП [4].

Таким образом, описанные факторы – различие подходов разных социальных и политических групп к развитию новой независимой

от Москвы Молдавии, рост социально-политической напряженности в регионах в результате попыток Кишинева проведения политики ускоренной «румынизации», отсутствие положительных сдвигов в экономической сфере РМ и деградация материального положения страны – заставили к 1995 г. настроенное на всеобъемлющее сближение с Румынией руководство республики пересмотреть и скорректировать основы сотрудничества с Бухарестом.

Прежде чем переходить к дальнейшему анализу внешнеполитического курса Молдавии на румынском направлении, важно отметить, что двусторонние отношения Кишинева и Бухареста практически с самого начала их официального установления характеризовались некоторой турбулентностью – от всеобъемлющего стремления к углубленной совместной интеграции до высылки дипломатов из страны [5, р. 117]. Главным образом, это, конечно, связано с внутриполитической расстановкой сил в обоих государствах на тот или иной промежуток времени, наличием социальной напряженности в Молдавии по вопросам пределов молдавско-румынского сотрудничества, а также влиянием третьих стран, в первую очередь России, особенно в контексте Приднестровского урегулирования. Так, в результате внутриполитической борьбы в РМ и победы на парламентских выборах 1994 г. Аграрно-демократической партии Молдавии произошло первое похолодание молдавско-румынского сотрудничества. Снизилась популярность ориентированных на сближение с Румынией молдавских политиков (причины этого были описаны выше). Происходила постепенная и с некоторыми оговорками интеграция Кишинева в Содружество Независимых Государств, ведущую роль в котором занимала Россия. На этом фоне диалог между молдавскими и румынскими властями стал развиваться в русле совместного поиска альтернативных «объединению» подходов к двустороннему сотрудничеству. В частности в тесной кооперации румынские и молдавские специалисты заложили фундамент межгосударственного сотрудничества Молдавии и Румынии в принятой в 1995 г. Концепции внешней политики (КВП) Республики Молдова. Согласно четвертому разделу КВП, помимо общих положений о всестороннем сотрудничестве двух стран, акцент делался на географических, исторических и культурных основах взаимодействия Кишинева и Бухареста. Особое внимание уделялось использованию кооперации Молдавии и Румынии в качестве инструмента по преодолению экономических проблем РМ и внешней зависимости республики путем ее поэтапной интеграции в европейское сообщество [6].

Необходимо отметить, что Румыния сразу после распада СССР стала активно подключаться к различным европейским и западным интеграционным инициативам. А упомянутый тезис

КВП РМ о евроинтеграции продемонстрировал трансформацию внутриполитического расклада в Молдавии, спад популярности «унионистов», а также, как следствие, переосмысление Кишиневом к 1995 г. внешнеполитических ориентиров Молдавии в пользу позиционирования себя как независимого государства, хотя и стремящегося к углубленному сотрудничеству с Румынией.

Вместе с тем новый этап активизации сотрудничества Молдавии и Румынии стал возможен после очередных изменений на политическом поле в РМ, произошедших в результате парламентских выборов 1998 г. Так, несмотря на победу по их итогам Партии коммунистов РМ (ПКРМ) во главе с В. Ворониным, представители Христианско-демократической народной партии во главе с Ю. Рошкой сыграли важную роль в получении унионистами устойчивых позиций в правительстве РМ и формировании коалиции в законодательном собрании Молдавии. При этом президент страны П. Лучинский, одержавший победу на голосовании 1996 г., в целом соответствовал внешнеполитической парадигме нового парламента, но пытался лавировать между разнонаправленными политическими группами внутри страны.

Одним из шагов новой волны сближения Молдавии и Румынии стало подписание в 1998 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Молдовой и Румынией, который стал важной вехой в развитии двусторонних отношений между двумя странами. Этот документ заложил правовую основу для сотрудничества в различных сферах и способствовал укреплению партнерства Бухареста и Кишинева. С точки зрения анализа данного договора, важным являлось наличие в нем положений об уважении национального суверенитета друг друга, что продемонстрировало определенную умеренность сторон к взаимодействию Кишинева и Бухареста с позиции практического применения тезиса о «необходимости воссоединения», проявлявшегося в первой половине 1990-х гг.

В указанный период произошла и активизация межгосударственных контактов на парламентском, правительственном и президентском уровнях, что подтверждалось регулярными встречами в 1998–2000 гг. между высокопоставленными политиками двух стран.

Другим направлением углубления сотрудничества РМ и Румынии стало создание в 1998 г. и 2000 г. совместно с Украиной так называемых еврорегионов сотрудничества «Нижний Дунай» и «Верхний Прут». Взаимодействие в рамках данных программ предусматривало упрощение процедур пересечения государственных границ сторон, снижение таможенного контроля, реализацию гуманитарных программ в соответствии с европейскими стандартами и пр. [7, с. 78].

Одним из ключевых доктринальных документов, разрабатываемых в период президент-

ства П. Лучинского и занятия унионистами прочных позиций в органах власти РМ, стал представленный общественности весной 2000 г. в результате многолетних переговоров дипломатических ведомств двух стран Договор о привилегированном сотрудничестве между Молдавией и Румынией, который был неоднозначно воспринят унионистскими силами по обе стороны р. Прут [8]. В частности, в тексте соглашения формулировки о «воссоединении», «осуждении пакта Молотова – Риббентропа», «наличии двух румынских государств» и т. д. были заменены на более нейтральные положения о духовно-культурной близости Кишинева и Бухареста в контексте общего европейского пространства. При этом наиболее негативную реакцию данный договор вызвал именно у румынской стороны, где сторонники подхода единства РМ и Румынии обвинили главу своего внешнеполитического ведомства П. Романа в поспешной и недопустимой подготовке документа по причине преследования им своих внутриполитических целей в преддверии президентских выборов в стране.

В свою очередь, президент РМ П. Лучинский оценил разработанное соглашение как важный итог работы дипломатов двух стран с точки зрения закрепления и признания государственных границ друг друга, что является неотъемлемым требованием на пути евроинтеграции. Ключевой политической силой в Кишиневе, которая негативно восприняла Договор о привилегированном сотрудничестве, стала Христианско-демократическая народная партия РМ, лидер которой Ю. Рошка во взаимодействии с экс-премьер-министром республики М. Друком, эмигрировавшим, как упоминалось ранее, в Румынию и осуществлявшим там свою политическую деятельность, активно призывали власти Бухареста к блокированию подписания документа.

Тем не менее парафированный в апреле 2000 г. договор так и не был подписан правительствами Молдавии и Румынии, что сохранило нерешенными ряд межгосударственных вопросов, в том числе проблему демаркации государственных границ двух стран, сохраняющуюся по настоящее время.

Стоит отметить, что в результате внутриполитической борьбы в 1999–2000 гг. в республике парламентом РМ, главным образом представителями ПКРМ, летом 2000 г. был пролоббирован вопрос о фактической смене формы правления страны – от президентской к парламентской [9]. В результате принятых изменений законодательное собрание Молдавии получило расширенные полномочия, самым важным из которых стало право выбирать главу государства вместо всенародных выборов, как это осуществлялось ранее.

Таким образом, внутриполитическая борьба между лагерями сторонников сближения Молдавии с Россией и сторонниками сближения с Румынией, отсутствие консолидированной позиции

молдавских граждан по вопросу позиционирования республики на мировой арене, неурегулированность приднестровской проблемы, нарастание социально-экономического кризиса в стране, а также регулярные в связи с этим протестные акции в Кишиневе привели к тому, что 25 февраля 2001 г. состоялись досрочные парламентские выборы в РМ. Причиной их организации и проведения стал роспуск законодательного собрания в связи с его невозможностью избрать президента страны. По итогам голосования еще более уверенную, по сравнению с аналогичными выборами 1998 г., победу одержали молдавские коммунисты. При этом их лидер В. Воронин, ставший впоследствии новым главой государства, выстраивал свою избирательную кампанию на тезисах о необходимости сближения Кишинева с Москвой и СНГ в противовес продвигаемому унионистами исключительно румынскому вектору внешней политики Молдавии. Вместе с тем новый глава государства заявлял и о продолжении прагматического сотрудничества РМ и Румынии на основе невмешательства во внутренние дела друг друга [10, с. 46].

Данный тезис имел свое подтверждение в подписании между органами власти двух стран в первые годы правления ПКРМ Соглашения о взаимных поездках граждан на основе национальных паспортов, Соглашения о реадмиссии иностранцев и Протокола между Генеральной инспекцией пограничной полиции Министерства пограничных войск Румынии и Департаментом пограничных войск Молдавии о взаимных поездках граждан двух государств. Тем самым В. Ворониным и новым премьер-министром РМ В. Тарлевым хоть и демонстрировался сдержанный подход к углублению кооперации с Румынией, но она не отрицалась как таковая.

Также в качестве примера можно привести тот факт, что именно при В. Воронине, хоть и под давлением международных сил, в 2002 г. в Молдавии состоялось открытие Бессарабской метрополии Румынской православной церкви, чего активно добивались молдавские унионисты и Бухарест с 1999 г.

Серьезный вызов унионистским идеям был все же сделан через отмену коммунистами дисциплины «история румын» и ее замену «историей молдаван», а также через попытки ПКРМ вернуть изучение русского языка в школах в качестве второго обязательного, закончившиеся безрезультатно по причине возникшего из-за этого давления радикально настроенных унионистов. Также в первый год правления ПКРМ был объявлен персоной нон грата военный атташе Румынии в РМ по официальной причине «несоответствия его деятельности работе дипломата».

Важным в период 2001–2004 гг. стала многосторонняя работа по урегулированию приднестровского кризиса. В этом контексте Румыния

пыталась содействовать разрешению данной проблемы через попытки ее интернационализации главным образом через использование площадки ОБСЕ и в контексте евроинтеграции Кишинева и Бухареста. Однако В. Воронин предпринимал попытки к поиску возможного для всех сторон компромисса путем активизации диалога с Россией и обсуждения так называемого «плана Козака». Последовавший после длительных и успешных переговоров отказ президента РМ в последний момент от его подписания в конце 2003 г. стал во многом неожиданным, особенно для российских властей. По разным оценкам данное решение В. Воронина стало следствием международного давления на молдавские власти, инициированного Бухарестом, а также из-за происходивших неоднозначных внутриполитических процессов в странах постсоветского пространства с учетом попыток Москвы расширить свое влияние в рамках СНГ.

Так или иначе в период 2004–2005 гг. наблюдалась трансформация подходов Кишинева к сотрудничеству с Россией и мягкая переориентация на углубление евроинтеграционных процессов РМ в рамках тесного взаимодействия с Румынией.

Важным фактором, способствующим данному переосмыслению внешнеполитической линии Молдавии, стала победа в 2004 г. на выборах президента Румынии Т. Бэсеску, который с самого начала своего правления стал заявлять о необходимости объединения двух стран. Примечательным является и первый зарубежный визит румынского лидера, который он совершил именно в РМ, после чего вновь активизировались взаимные поездки высокопоставленных чиновников Молдавии и Румынии. Безусловно, важную роль в данном процессе играли и унионистские политические силы РМ.

Так, уже по итогам первого визита Т. Бэсеску в Кишинев в 2005 г. была принята совместная Декларация президентов РМ и Румынии, в которой содержались тезисы о всеобъемлющей поддержке Бухарестом политики евроинтеграции Кишинева, а также о культурной близости двух государств. При этом предусматривалась новая волна сближения Молдавии и Румынии в пространстве «общего европейского дома». Румынской стороной подразумевалось осуществление «исторического воссоединения» двух стран через их вступление в ЕС и другие евроатлантические структуры.

Таким образом, произошло очередное потепление в молдавско-румынских отношениях. В период 2005–2009 гг. между странами, помимо упомянутой декларации президентов, были заключены Соглашение о малом приграничном движении (2007 г.), Протокол о сотрудничестве в сфере образования (2007 г.), Соглашение о сотрудничестве в области культуры (2008 г.),

Меморандум о взаимопонимании в энергетической сфере (2008 г.), Соглашение о сотрудничестве в борьбе с организованной преступностью (2009 г.) и др.

На этом фоне ориентированные на сближение с Румынией политические группы в РМ, осознав смену В. Ворониным внешнеполитического вектора и открывшуюся в результате этого возможность, активизировали с 2005 г. свою деятельность по продвижению прорумынских настроений в Молдавии. Наиболее яркими представителями указанных общественно-политических движений того времени являлись Либеральная партия РМ во главе с М. Гимпу, Национал-либеральная партия РМ, а также организации «Союз за единство Румынии», «Молодежь за объединение» и пр. При этом данные акторы внутриполитической жизни РМ осуществляли свою деятельность и организовывали различные массовые акции и митинги при непосредственной финансовой и организационной поддержке европейских, в частности румынских некоммерческих организаций и фондов.

Несмотря на разворот руководства Молдавии в сторону сотрудничества с ЕС и Румынией, очередное похолодание молдавско-румынских отношений произошло уже в 2007 г. Необходимо отметить, что именно в это время Румыния стала полноценным членом Европейского Союза, в результате чего вновь актуализировался вопрос о порядке въезда в страну граждан РМ. Так, румынской стороной был введен визовый режим для молдаван. На этом фоне Бухарест принял решение о возможности получения молдавским населением румынских паспортов, что в том числе, помимо их углубления связей с Румынией, позволяло им беспрепятственно перемещаться в пределах стран ЕС. Усиливалась и риторика румынского президента Т. Бэсеску, который на регулярной основе заявлял о том, что «румынский народ объединится в составе ЕС».

Указанные факты были расценены Кишиневом в качестве недружественной политики Румынии, и В. Воронин обвинил Бухарест во вмешательстве во внутренние дела РМ. По итогу данного политического кризиса два румынских дипломата были объявлены властями Молдавии персонами нон грата. Также в результате коррупционного скандала из РМ был вынужден уехать консул Румынии в республике и стало невозможным открытие дополнительных румынских консульств в Молдавии, о чем в начале 2007 г. договорились В. Воронин и Т. Бэсеску [11].

Примечательным является тот факт, что в ответ на «антирумынскую» риторику президента РМ В. Воронина и его действия по высылке румынских дипломатов упомянутые унионистские движения и политические партии Молдавии в 2007 г. организовали серию протестов, в ходе которых звучали требования улучшить отношения с Румынией.

Однако главной точкой бифуркации под конец правления ПКРМ, с точки зрения развития молдавско-румынских отношений, стал 2009 г., причиной чему послужил острый внутриполитический кризис в РМ. Так, 5 апреля 2009 г. состоялись очередные парламентские выборы в Молдавии, уверенную победу на которых вновь одержали коммунисты, получив 60 из 101 мандата. После оглашения результатов проевропейские и прорумынские силы Молдавии (Либерально-демократическая партия, Либеральная партия, Демократическая партия и альянс «Наша Молдова») уже 6–7 апреля организовали массовые протесты в Кишиневе, которые переросли в беспорядки с захватом правительственные зданий. Все это вызвало жесткую реакцию молдавских властей, которые среди прочего обвинили в организации протестных акций Румынию, а 8 апреля посол РМ в Бухаресте был отозван в Кишинев для проведения консультаций. После подавления массовых беспорядков власти Молдавии выслали из страны посла Румынии в РМ Ф. Теодореску и советника-посланника румынского посольства И. Габорян после объявления их персонами нон грата в связи с «несовместимыми действиями с дипломатической деятельностью» [12], а также ввели визовый режим для румынских граждан. Указанные события вошли в историю как «твиттер-революция» по причине активного использования данной социальной сети лидерами протестов при координировании своей деятельности.

В июле 2009 г. состоялись новые выборы в парламент РМ, на которых ПКРМ хоть и одержала победу, но получила уже 48 из 101 мандата, в то время как оппозиционные силы, стоявшие за апрельскими протестами, получили 53 мандата и образовали «Альянс за европейскую интеграцию», куда также вошли унионистские партии. Таким образом, произошедший политический кризис, несмотря на то, что привел к серьезной турбулентности в молдавско-румынских отношениях, по его итогам правительство РМ возглавил лидер Либерально-демократической партии В. Филат, а исполняющим обязанности президента страны стал лидер Либеральной партии М. Гимпу. Как уже говорилось, оба политических объединения были нацелены на углубленное взаимодействие с Румынией с перспективой объединения двух государств.

Подводя итог, касающийся данного периода, можно констатировать, что причиной недовольства унионистскими силами проводимой в 2005–2009 гг. политикой ПКРМ, несмотря на ее разворот в сторону евроинтеграции и сотрудничества с Румынией в ущерб пророссийским силам в стране, стали попытки В. Воронина позиционировать Молдавию на международной арене как суверенное государство, стремящееся отдельно от Бухареста, но при взаимодействии с ним идти по европейскому пути развития.

Так или иначе с 2009 г. и фактически до 2016 г. на ключевых государственных должностях в Молдавии в различные временные отрезки находились политики из лагеря унионистов и сторонников безоговорочной евроинтеграции РМ. С учетом череды внутриполитических изменений в стране в данный период, характеризующихся постоянной сменой власти и борьбой экономических элит за ресурсы республики, политика Кишинева на румынском направлении носила умеренный прагматический характер в сторону углубления двустороннего сотрудничества. Подтверждением этому стало подписание в 2010 г. Соглашения о создании стратегического партнерства для европейской интеграции между Республикой Молдова и Румынией. В том же году стала более активно продвигаться повестка энергетического сотрудничества сторон, что привело к строительству в 2013–2014 гг. газопровода Яссы – Унгены, по которому, по замыслу сторон, в РМ должен был поставляться румынский газ. В указанный период также разрабатывалась нормативно-правовая база взаимодействия Кишинева и Бухареста в образовательной и медицинской сферах. Показательным во внутренних делах РМ стало возвращение руководством страны в 2012 г. в образовательный процесс курса «история румын», отмененный коммунистами в 2003 г., о чём говорилось ранее.

Укреплению прорумынского курса Молдавии также продолжал способствовать находящийся на должности президента Румынии до 2014 г. Т. Бэсеску. Так, в 2013 г. он заявлял о том, что основной стратегической целью для Бухареста после вступления в НАТО и ЕС является воссоединение с Молдавией [13, с. 79]. В свою очередь следующий президент страны К. Йоханнис в рамках своей предвыборной кампании 2014 г. использовал тезис о готовности Румынии как поддержать граждан РМ, желающих объединения, так и не препятствовать тем гражданам РМ, которые не заинтересованы в данном шаге.

Важным для Кишинева стало подписание в 2014 г. Соглашения об ассоциации с ЕС, что стало возможным в том числе при содействии со стороны Румынии по данному вопросу в переговорах с Брюсселем. В результате данного шага был отменен визовый режим для граждан РМ при осуществлении поездок в страны ЕС, что также открыло взаимные границы для граждан Молдавии и Румынии.

Необходимо отметить и рост к 2014 г. румынской национальной идентичности в РМ, что напрямую корректировалось с проводимой молдавскими властями внутренней и внешней политикой страны, а также с ростом популярности унионистских партий в Молдавии. Так, если еще в 2004 г. согласно опросам общественного мнения свою национальность «румын» указали порядка 2,5% респондентов, то к 2014 г. этот показатель вырос фактически втрое и составил

около 7%. Параллельно происходило и уменьшение доли населения РМ из числа представителей национальных меньшинств (русские, гагаузы, белорусы, украинцы), что также наравне с реформами в сфере образования содействовало процессу естественной и постепенной «румынизации» молдавских граждан. В тот же период с 2004 по 2014 г. число представителей данных национальностей снизилось с 30% до 18%. Другим показателем происходивших трансформаций к 2014 г. стало наличие у более чем 5% населения РМ паспортов граждан Румынии. Однако практически неизменным осталось число лиц, высказывающихся за свою молдавскую, а не румынскую идентичность. Аналогично отвечали порядка 75% опрошенных как в 2004 г., так и в 2014 г. [14, с. 41]. Приведенные идентификаторы настроений общественного мнения в РМ лишь дополнительно подтвердили противоречивость внутриполитических настроений в республике на протяжении всей новейшей истории страны как на политическом, так и на гражданском уровне.

Регулярные внутриполитические кризисы в РМ, связанные с непосредственной борьбой политических групп за власть, и распределение финансовых потоков оказывали серьезное влияние на внешнеполитическую линию Кишинева. Произошедший в 2014 г. коррупционный скандал, связанный с так называемой кражей 1 млрд долл. США из молдавских банков «Banca de Economii», «Unibank» и «Banca Sociala», а также «захват» основных политических институтов в стране ключевым на тот момент олигархом РМ В. Плахотнюком вносили корректиды в расстановку политических сил в Кишиневе. Нарастала и социальная напряженность в Молдавии, а у населения республики отмечался рост недовольства проводимой проевропейскими и прорумынскими лидерами РМ внутренней и внешней политики.

На этом фоне в 2016 г. происходит очередное похолодание в отношениях между Кишиневом и Бухарестом, причиной чего стали первые прямые президентские выборы страны, после их отмены в 2000 г., по итогам которых с небольшим перевесом победил лидер Партии социалистов РМ И. Додон, ориентированный на сближение с Россией. В рамках своей предвыборной кампании им среди прочих использовались тезисы о «запрете унионистских сил», что, безусловно, оказывало влияние на промолдавски настроенный электорат. Необходимо заметить, что прямым конкурентом И. Додона на выборах 2016 г. стала лидер партии «Действие и солидарность» М. Санду, имевшая румынское гражданство и неоднократно заявлявшая о ее готовности объединиться с Румынией [15]. С учетом незначительного разрыва голосов между двумя кандидатами во втором туре голосования (52% против 48%), данный

факт демонстрировал сложившуюся полярность общественных настроений в указанный период по вопросам дальнейшего как внутреннего, так и внешнего развития страны.

Несмотря на похолодание отношений Молдавии и Румынии в период президентства И. Додона и правления ПСРМ, ускоренной интеграции Кишинева в инициируемые Россией проекты также не наблюдалось. Помимо политического измерения данной тенденции, существовала упомянутая проблема «захвата власти» В. Плахотнюком, который фактически управлял многими процессами в республике через своих ставленников в органах власти РМ, что не соответствовало интересам Москвы, Брюсселя, Бухареста и Вашингтона. В этой связи фактическое «изгнание» указанного олигарха в 2019 г. из страны благодаря усилиям всех заинтересованных сторон стало одним из немногих достижений политики И. Додона и ПСРМ. Примечательным в данном случае является объединение социалистов с парламентским блоком АСУМ, сформированным по инициативе М. Санду, и их выступление единым фронтом в рамках решения обозначенной проблемы.

Отдаление Кишинева от Бухареста в пользу сближения с Россией в период президентства И. Додона побудило его выступить в 2018 г. с инициативой получения Молдавией статуса наблюдателя ЕАЭС. Однако других значимых успехов во внутренней и внешней политики РМ отмечено не было, что вызвало разочарование сторонников социалистов в связи с неоправданными ожиданиями. Как результат, указанные факторы привели к победе на президентских выборах 2020 г. М. Санду и на парламентских выборах 2021 г. – подконтрольной ей партии «Действие и солидарность», основными программными установками которой по настоящее время являются евроинтеграция и сближение с Румынией.

Приход к власти данного политического объединения был положительно воспринят Бухарестом и Брюсселем, а также открыл перспективы для интенсификации взаимодействия Молдавии и Румынии. Вопрос современной политики молдавских властей на румынском направлении заслуживает отдельного рассмотрения, так как, начиная с 2021 г., Кишинев беспрецедентно активизировал курс на отдаление от России в пользу сближения с ЕС и Румынией, а также демонстрировал намерение выйти из СНГ и других интеграционных проектов, инициированных Москвой. При этом сохраняется проблема поиска диалога с представителями региона Гагаузии и властями ПМР, а также с настроенными на независимое существование Молдавии гражданами республики.

Таким образом, подводя итоги анализа внешнеполитической линии РМ на румынском направлении и динамики отношений Кишинева

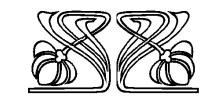
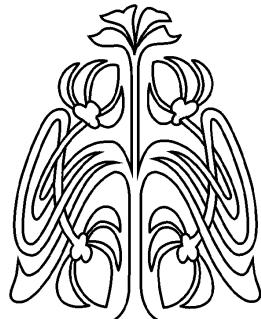
и Бухареста до прихода к власти действующей партии Молдавии во главе с М. Санду, можно сделать вывод о том, что ключевой проблемой для республики является полярность общественных настроений и политических взглядов, базирующихся главным образом на национальной самоидентификации. В этом ключе вопросы будущего молдавской государственности и развития молдавско-румынских отношений во многом зависят от возможности всех сторон прийти к общему знаменателю и выработать компромиссное направление дальнейшего развития РМ. При отсутствии совместной работы над поиском данного решения, с учетом нестабильности экономической и политической системы Молдавии республика так и будет оставаться под значительным влиянием третьих стран, в первую очередь ЕС и Румынии, игнорируя при этом возможность самостоятельного государственного развития со сбалансированной внешнеполитической линией.

Список литературы

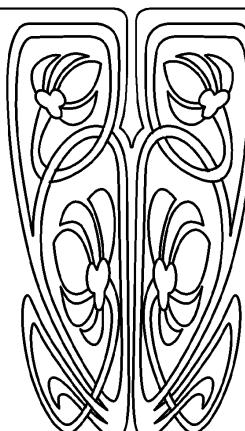
1. Petrenc A. Teroarea stalinistă în Basarabia. Studii, documente, memorii. Chișinău : S.n., 2013. 360 p.
2. Cojocaru Gh. E. Politica externă a Republicii Moldova // Studii. Chișinău : Civitas, 2001. P. 68–69.
3. Республика Молдова от перестройки к независимости. 1989–1991. Секретные документы из архива ЦК Компартии Молдавии / под ред. И. Кашу, И. Шарова. Кишинёв : Cartdidact, 2011. 637 с.
4. IMF Country Report. No. 190. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/scr/2002/cr02190.pdf> (дата обращения: 14.05.2024).
5. Leancă I. Evoluția relațiilor externe // Tranzită: retrospective și perspective. Chișinău : GUNIVAS, 2002. 368 p.
6. Постановление Парламента Республики Молдова от 8 февраля 1995 г. № 368 «Об утверждении Концепции внешней политики Республики Молдова». URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=60504&lang=ru (дата обращения: 21.05.2024)
7. Гекман С. Возможности и перспективы еврорегионов в контексте межгосударственного сотрудничества Украины, Республики Молдова и Румынии // Материалы Международного научного симпозиума (Кишинев, 15–16 октября 1998 г.) / под ред. В. Машняги. Кишинев : Перспектива, 1998. С. 77–80.
8. Румыния и Молдова: договор как привилегированное партнерство. URL: https://zn.ua/international/rumyniya_i_moldova_dogovor_kak_privilegirovannoe_partnerstvo.html (дата обращения: 15.05.2024).
9. Парламент Молдавии ограничивает права президента и сокращает правительство // Коммерсантъ. 1999. 20 нояб.
10. Серебрян О. Десятилетие молдавско-румынских отношений // Демократия. Кишинев. 2002. № 9. С. 45–47.
11. Молдавия объявила персонами нон грата двух румынских дипломатов // Известия. 2007. 13 дек.
12. Молдавия высылает посла Румынии. Интернет-газета «Столетие». URL: https://www.stoletie.ru/lenta/moldaviya_visilaet_posla_ruminii_2009-04-08.htm (дата обращения: 25.05.2024).
13. Биткова Т. Г. Траян Бэесеску и перипетии румынской политики // Политические лидеры в современной Восточной Европе / под ред. Л. Шаншиевой. М. : РАН ИНИОН, 2017. С. 68–86.
14. Кириллов В., Путинцев И. Влияние Румынии в Молдавии: формы и эволюция унионизма // Современная Европа. 2018. № 3. С. 37–48. URL: <https://dx.doi.org/10.15211/soveurope320183748>
15. Интервью М. Санду 2 февраля 2016 г. URL: <https://protv.md/politic/maia-sandu-spune-ca-ar-vota-da-incazul-unui-referendum-legat---1344581.html> (дата обращения: 28.05.2024).

Поступила в редакцию 31.05.2024; одобрена после рецензирования 20.06.2024; принята к публикации 28.06.2024
The article was submitted 31.05.2024; approved after reviewing 20.06.2024; accepted for publication 28.06.2024

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 528–536

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 528–536
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-528-536>, EDN: SPOUMQ

Научная статья

УДК [342.25:338.439](470.44)|1866/1900|

Социально-экономические практики органов земского самоуправления: организация продовольственной помощи населению Саратовской губернии (1866–1900 годы)

Е. Н. Морозова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Морозова Елена Николаевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии, morozovaen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3436-151X>, AuthorID: 723910

Аннотация. Статья посвящена одному из наименее исследованных вопросов в сфере социально-экономических практик земства: попыткам решения продовольственного вопроса с момента создания Саратовского земства до принятия Временных правил по продовольственному вопросу в 1900 г. Анализируются полномочия земства в организации хлебозапасной системы; мероприятия, проводимые органами земского самоуправления в «мирное время» и в период неурожая (голода 1879 г. и 1891 г.). На примере Саратовского земства рассматриваются проблемы, связанные с плюсами и минусами продовольственной помощи населению, противоречивая оценка деятельности земства и правительства в период «великого голода» 1891 г. Значительное место в публикации удалено характеристике нормативно-правовых актов 1900 г. и реакции органов земского самоуправления на новое законодательство по продовольственному делу.

Ключевые слова: земство, социально-экономические практики, продовольственное дело, хлебозапасная система, хлебные магазины, продовольственный капитал, Устав 1834 г., Временные правила 1900 г.

Для цитирования: Морозова Е. Н. Социально-экономические практики органов земского самоуправления: организация продовольственной помощи населению Саратовской губернии (1866–1900 годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 528–536. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-528-536>, EDN: SPOUMQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

**Socio-economic practices of zemstvo self-government bodies:
Organizing food assistance to the population of Saratov province (1866–1900)**

E. N. Morozova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena N. Morozova, morozovaen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4420-8156>, AuthorID: 723910

Abstract. The article is devoted to one of the least studied issues in the field of socio-economic practices of the zemstvo: attempts to resolve the food issue from the creation of the Saratov zemstvo to the adoption of the Temporary Rules on the Food Issue in 1900. The study analyzes the powers of the zemstvo in organizing the grain supply system; activities carried out by the bodies of zemstvo self-government in "peacetime" and during the period of crop failures (famines of 1879 and 1891). Using the example of the Saratov zemstvo, problems associated with the pros and cons of food assistance to the population, a contradictory assessment of the activities of the zemstvo and the government during the period of "great famine" of 1891. A significant place in the publication is devoted to the characteristics of the regulatory legal acts of 1900 and the reaction of zemstvo self-government bodies to the new food legislation.

Keywords: zemstvo, socio-economic practices, food business, grain supply system, bread stores, food capital, Charter of 1834, Provisional rules of 1900

For citation: Morozova E. N. Socio-economic practices of zemstvo self-government bodies: Organizing food assistance to the population of Saratov province (1866–1900). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 528–536 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-528-536>, EDN: SPOUUMQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Продовольственная помощь сельскому населению представляет собой наименее изученную проблему в землеведении, ибо интересы исследователей лежат в другой плоскости: изучение статуса и полномочий органов земского самоуправления, комплексный анализ деятельности различных земств России, культурно-просветительские и социально-экономические практики земства [1].

Интерес к указанной теме обусловлен тем, что она является своеобразным зеркалом, отражавшим всю кризисную ситуацию в аграрной сфере страны и уровень благосостояния сельского населения России.

Рассматриваемому вопросу посвящены страницы в классическом труде Б. Б. Веселовского, где автор анализирует общие процессы, присущие этому направлению деятельности земства, комплекс нормативно-правовых актов, регламентирующих участие органов земского самоуправления в сфере продовольственного вопроса [2].

Ряд современных исследователей разрабатывают данную проблему в ракурсе продовольственной безопасности государства [3], продовольственных кампаний в отдельные исторические периоды [4] (в частности, голода 1891 г.) [5], причин политических катализмов [6]. Своебразная точка зрения на аграрно-продовольственную политику России представлена в статье японского историка К. Мацуцато [7], которая получила свое дальнейшее развитие в публикации «Земский феномен: Политологический подход» [8]. В этих работах автор приходит к дискуссионному выводу о том, что полученные земством широкие полномочия в сфере закупок хлеба в годы Первой мировой войны привели к серьезному продовольственному кризису в потребляющих губерниях.

В рамках Саратовской губернии земское продовольственное дело рассматривалось лишь фрагментарно до 1890 г. [9].

Одно из важных мест в земских социальных практиках занимало решение продовольственного вопроса. В 1864 г. в ведение земства законодателем были переданы дела, относящиеся

«к местным хозяйственным пользам и нуждам каждой губернии и каждого уезда» [1, с. 192, 10, с. 52]. Наряду с другими повинностями, в круг полномочий земских учреждений входили «меры обеспечения народного продовольствия». Исследователи считают, что, в соответствии с положением о земствах в руки органов земского самоуправления передавалась стратегически важная отрасль внутренней политики государства [10, с. 52]. Однако это утверждение не вполне соответствует действительности. В соответствии с Продовольственным уставом 1834 г. и последующими узаконениями (1867, 1874, 1880 гг.) земства имели функцию надзора за сельскими общественными хлебными магазинами и амбарами, но они не были наделены исполнительной властью. Органы земского самоуправления стремились расширить свои полномочия и сократить компетенции сельских обществ в продовольственном деле, т. е. получить не только хозяйственную-распорядительную, но и административно-исполнительную власть [2, с. 307]. Лишь в 1890 г. на основании нового Положения о земских учреждениях полномочия земств в этой области были расширены (о чем речь пойдет ниже). Однако все эти меры не привели к существенному улучшению в системе продовольственного обеспечения населения, что было обусловлено общей ситуацией в аграрной сфере постреформенной России.

Сельское хозяйство Саратовской губернии, по выражению известного статистика С. А. Харизоменова, было «рассчитано всецело на божью волю, да хорошую погоду» [11, с. 31–32]. Представители местной администрации, характеризуя экономику Саратовской губернии в 70–80-е гг. XIX в., отмечали «неблагоприятное состояние», «серьезное экономическое расстройство населения». Одной из причин «далеко не цветущего» «экономического состояния губернии» администрация видела «общий застой в хлебной торговле» в связи «с мировым аграрным кризисом, захватившим и Россию» [12, с. 144].

В Саратовской губернии в середине 1880-х гг., как известно из политического обзора,

«зажиточность крестьянства резко уменьшилась, труды землевладельцев оплачивались весьма скучно», «32% рабочих рук не занималось земледелием по недостатку рабочего скота и инвентаря» [13, л. 61]. В таких экономических условиях продовольственная проблема приобрела особую остроту: «Вопрос в настоящее время поставлен не только о том, на что кормить нуждающихся, – но чем кормить и не нуждающихся» [14, с. 69].

Источниками продовольствия служили натуральные и денежные капиталы. Главными натуральными источниками по Уставу 1834 г. являлись общественные хлебозапасные магазины, амбары. Однако вопреки ожиданиям правительства они не могли оказывать полноценную продовольственную помощь крестьянству, ибо в этих хранилищах никогда не было положенного количества хлеба. В частности, по данным Саратовской губернской управы, в 1880 г. во всех хлебных магазинах губернии хранилось 677 четвертей озимого и 35 четвертей ярового зерна. А по инструкции в них должно было находиться 640 тыс. четвертей озимых и 320 тыс. четвертей яровых (в 10 раз больше) [9, с. 51]. Размер засыпки в общественные магазины составлял 3 1/3 четверти на ревизскую душу. Хлебные запасы в Саратовской губернии на 1891 г. должны были составить 1114 тыс. четвертей, в 1900 г. – 1046 тыс. четвертей. Но, по свидетельству Б. Б. Веселовского, в наличии в хранилищах имелось от 37 до 50% положенного количества зерна [2, с. 315]. Иногда магазины существовали только на бумаге. Но и те, которые имелись в селах, в большинстве своем, производили безоградное впечатление: «Очень ветхие, построенные из тонкого леса, стены которых угрожают распадением, без закромов и даже без дверей» [15, с. 3].

Однако главным недостатком хлебозапасной системы являлось отсутствие мобильности, так как в случае недорода в одном уезде земства не имели права брать зерно в магазинах других уездов. Для этого требовалось специальное ходатайство [7, с. 189]. Таким образом, складывалась парадоксальная ситуация, когда в одном уезде или губернии население страдало от неурожая, то в других селениях и регионах хлеб лежал «мертвым» запасом [7, с. 189], портился, становился непригодным не только для посева, но и для продовольственных нужд.

Саратовское земство ограничивало круг получающих пособие на продовольствие возрастом от 2 до 12 и свыше 55 лет. Хлеб на продовольствие выдавался преимущественно серый, как самый дешевый, ибо, по мнению земцев, он «ближе к конкретным потребностям народа». Крестьянам хлеб выдавался помесячно, чтобы нуждающиеся не могли его продать. Часть земских гласных выступали за изменение продовольственной помощи населению региона: «Нужно приобрести хлеб и выдавать нуждающимся, которые сами

лучше знают, на что его лучше употребить» [16, л. 125]. Против такой практики позже выступил Л. Н. Толстой, который был уверен в том, что «при выдаче провианта на руки» цели прокорма населения «не достигаются, потому что всякий хороший хозяин, получив муку, замесит ее для лошадей» [17, с. 177]. Само же население желало «монетизации» продовольственных льгот: требуя деньги, оно «направляло их на уплату податей» [2, с. 302].

Саратовское земское губернское собрание приняло решение о продолжении старой продовольственной политики: выдачу продовольственных ссуд, считая неправильное их распределение одной из причин бедности народа. Земство неоднократно (в 1866, 1871, 1880 гг.) вырабатывало новые правила выдачи ссуд, постепенно ужесточая их.

Важными источниками продовольственной помощи населению являлись губернский и имперский продовольственные капиталы. Губернский продовольственный капитал, переданный правительством земству в 1866 г., был невелик – 348,7 тыс. руб. (в расчете 48 коп. на ревизскую душу). Тогда же (на очередном губернском земском собрании в декабре 1866 г.) земцы отметили мизерность этой суммы, подчеркивая, что в случае недорода во всей губернии «ее не хватит и на год» [16, л. 127–128]. Губернский продовольственный капитал предназначался в основном на обсеменение полей и лишь в минимальной степени – на продовольствие населению. По мнению земских гласных, крестьяне должны были самостоятельно обеспечить прожиточный минимум, занимаясь кустарными промыслами, отходничеством и участвуя в общественных работах [9, с. 52].

Общий по империи продовольственный капитал (по правилам от 6 марта 1867 г.) стал относиться к специальным средствам Министерства внутренних дел. Ссуды, назначаемые Министерством по представлению губернаторов, основанному на постановлениях губернских земских управ или продовольственных комиссий, выдавались на сроки от двух до трех лет [18, с. 27].

В земствах неоднократно поднимался вопрос об образовании уездных продовольственных капиталов. В 1870-е гг. только в 4 уездах Саратовской губернии (Саратовском, Балашовском, Аткарском, Камышинском) были образованы подобные капиталы. Уезды предпочитали кредитоваться у губернского земства или просить заем у правительства. Каждый год поступали просьбы о ссудах от уездных управ. Особенно часто страдал от недородов Хвалынский уезд, общий долг которого по губернскому и государственному продовольственному капиталу в 1889 г. составлял значительную сумму – свыше 270 тыс. руб. [19, с. 147–149].

5 июля 1880 г. был издан специальный циркуляр, в соответствии с которым земства начали образовывать уездные продовольственные

капиталы. К 1902 г. они исчислялись суммой в 6,3 млн руб. Самый значительный продовольственный капитал имела соседняя Самарская губерния: около 820 тыс. руб. В Саратовской губернии его сумма составляла 59 тыс. руб., а в Тамбовской – всего 2 тыс. руб. Только 12 уездных земств имели продовольственные капиталы свыше 50 тыс. руб. [2, с. 334]. Безусловно, такие суммы были каплей в море народной нужды.

Вплоть до конца 1870-х гг. продовольственная помощь населению была эпизодической и бессистемной, и земство укладывалось в рамки существующих продовольственных капиталов. Но, как справедливо писал Б. Б. Веселовский, Устав от 5 июля 1834 г. был пригоден только для «мирного времени», но не для периода неурожаев в силу своей чрезвычайной регламентации [2, с. 299]. Первым «звоночком», который выявил все недостатки продовольственной системы, явился голод 1879 г. Этот год оказался особенно тяжелым для Саратовской губернии: «Тяжелая эпидемиологическая обстановка в Саратовской губернии» (угроза чумы, грозившая перейти из Астраханской губернии), «опустошительные пожары, посетившие большую часть губернии, засуха, последствием которой стал повсеместный неурожай». Все это неблагоприятно сказалось на жизни населения губернии, «благостояние которой было подорвано постоянными повторяющимися неурожаями» [20, с. 1].

Год 1879 г. застал земство врасплох. С просьбами о помощи обратилось 9 уездов из 10 (кроме Аткарского). В этих уездах неурожай поразил большинство крестьянских хозяйств. Только в Камышинском уезде в помощи нуждалось 2/3 его населения. В Царицынском уезде крестьяне не вернули даже посевного зерна. Уездные земские управы разрешили взять хлеб из запасных магазинов, но его оказалось недостаточно [20, с. 40–42].

Земские уездные собрания пораженных неурожаем уездов обратились за выдачей ссуд из губернского продовольственного капитала. В частности, только Камышинскому уезду требовалось 191 тыс. руб., Царицынскому уезду – 127 тыс. руб., Кузнецкому и Петровскому – по 20 тыс. [20, с. 43].

По минимальным подсчетам 9 уездам требовалось 684 тыс. руб., а сумма продовольственного капитала, имевшаяся в наличии в земской казне, составляла всего 231 тыс. руб. Губернское собрание ходатайствовало о выдаче субсидий из государственного продовольственного капитала в размере 453 тыс. руб. [14, с. 59–72]. Но не успело «земство распорядиться полученными деньгами», «как со всей очевидностью обнаружилась ужающая картина последствий недорода текущего 1880 года» [14, с. 69–72].

Правительство выдавало ссуды на определенный период. В частности, в 1879–1880 гг.

Саратовское земство взяло из имперского продовольственного капитала сумму в размере почти 4 млн руб. с ежегодной выплатой 6% пени, но население губернии не могло вернуть этот долг в установленный срок. Для того чтобы дать крестьянам возможность скопить необходимые суммы для уплаты задолженности по продовольственному капиталу, Саратовское губернское земство ходатайствовало перед правительством об отсрочке взносов по казенным платежам. Но крестьянские хозяйства функционировали на грани разорения, и в 1888 г. земство вновь обратилось с ходатайством об отсрочке уплаты недоимок по государственному продовольственному капиталу сроком на 3 года [21, с. 46].

И правительство, и земство видели недостатки продовольственной системы. Сенатская комиссия, ревизовавшая Саратовскую губернию в 1881 г., потребовала сократить пособия уездным земствам, разъясняя, что они «не должны служить к развитию беспечной праздности и пагубного убеждения в несомненной выдаче пособия» [22, с. 111].

Продолжающиеся недороды на протяжении 1880-х гг. вынудили правительство принять целый ряд мер, которые расширили права земства в продовольственной сфере. В соответствии с новым Положением о земских учреждениях от 12 июня 1890 г. губернским земским собраниям было предоставлено право издавать обязательные постановления, связанные с хранением и расходованием хлебных общественных запасов. В их ведении находились устройство и содержание хлебных магазинов, порядок закупки в магазины хлеба, отчетность. Однако все эти меры не привели к существенному улучшению в сфере устройства хлебных запасов в деревне, о чем свидетельствует грандиозный голод 1891 г. [18, с. 26–33].

Год 1891 г. исследователи сравнивают с общенациональным кризисом, сопоставимым с поражением в Крымской войне и его последствиями для страны [23, с. 3]. Причинами «великого голода» ученые называют целый комплекс причин: неурожайные годы, низкий уровень развития сельского хозяйства, «голодный экспорт», фискальную политику правительства, аграрный кризис в преформенной России [5, с. 44–46].

В Саратовской губернии к системному аграрному кризису добавился неурожай, вызванный экстремальными погодными условиями: малоснежной зимой, морозами, которые держались до конца апреля, жарой, суховеями, продолжавшимися до начала полевых работ. Голодало население всех 10 уездов Саратовской губернии. По подсчетам местной администрации, в 1891 г. в губернии было собрано всех видов зерновых культур 4,3 млн четвертей вместо потребных 11–12 млн [24, с. 123].

Ситуация с хлебозапасными магазинами в земских губерниях России оценивалась как

очень тяжелая: большая часть запасов зерна была израсходована для преодоления последствий неурожая 1879–1880 гг., а «пополнение запасов производилось крайне медленно» [10, с. 51]. С одной стороны, зерна, хранящегося в хлебозапасных магазинах, катастрофически не хватало, с другой – часто эти запасы были столь плохого качества, что не годились на посев. Такое некондиционное зерно отправляли на прокорм населения [25, с. 11].

На деньги, полученные из имперского капитала, Саратовским земством было куплено зерно для посева и на продовольствие крестьянам: «приобретена рожь для обсеменения озимых полей в местностях с неурожаем». Причем «ссуды выдавались только на надельные земли», а «дарственникам и малоземельным» «ссуда выдавалась каждой ревизской душе по расчету на одну десятину», «переселенцам – на 1,5 десятины» [25, с. 5].

Всего в 1891–1892 гг. Саратовское земство выдало сельскому населению ссуду в 9,6 млн пудов зерна. Но ее крестьяне не смогли вернуть во время. Как свидетельствуют документы, их долг составлял свыше 1 млн пудов зерна и около 600 тыс. руб. Так, в Балашовском уезде крестьяне получили в ссуду 732 тыс. пудов зерна, а возвратили только 83 тыс. пудов. В Вольском уезде населению было выдано более 360 тыс. пудов, а возвращено менее одной трети – 103 тыс. пудов [26, с. 14–26].

Важной дискуссионной проблемой является вопрос об эффективности помощи голодающим в период «великого голода» со стороны правительства и земства. Ряд исследователей считали и считают, что голод сопровождался большими человеческими жертвами, и в целом продовольственная помощь правительства и общественных организаций была малоэффективна [10, с. 55]. Альтернативная точка зрения заключается в том, что продовольственная помощь, оказываемая правительством [27, с. 100–105] и земством [28, с. 12–14], была вполне успешна. Эти соображения ученых базируются на признании властью и земствами своего большого вклада в продовольственную кампанию 1891 г., но в то же время, эти два социальных института были крайне недовольны действиями друг друга в период «великого голода».

По утверждению Б. Б. Веселовского, в 1891 г. правительство потратило на продовольственную помощь 30 млн руб. [2, с. 308–309]. Е. В. Белокуров, ссылаясь на известного исследователя продовольственного вопроса в России А. С. Ермолова, приводит более значительную цифру: по его данным, за 1891–92 гг. на борьбу с голодом правительство ассигновало 175 млн руб. [4, с. 31]. Правительственная администрация упрекала земство в неэффективной трате имперского продовольственного капитала, в плохой организации помощи крестьянству в голодные годы, обвиняла

его в расточительности, преувеличении масштабов бедствия, в развращении населения «даровыми подачками». Л. Н. Толстой отмечал: «Повсюду земства требуют больших сумм, администрация считает их преувеличением... Администрация жалуется, что земства увлекаются общим настроением, и, не вникая в сущность дела, не мотивируя, пишут жалобные литературные описания нужды народной и требуют огромные суммы, которые правительство не может дать» [17, с. 143]. Этот же сюжет подметил и В. Г. Короленко, который в голодные годы посетил Нижегородскую губернию: «Известно, что пессимизм и «крики о голоде» составляют исконную вину «либералов», литературы и земства» [29, с. 78].

Л. Н. Толстой, принимая живейшее участие в организации помощи голодающим и зная реальную ситуацию, был убежден в том что «чем больше будут даровые пособия, тем более ослабится энергия народа, а чем более ослабится энергия народа, тем более увеличится нужда. А не помогать нельзя». Ситуация казалась тупиковой. «В этом cercle vicieux (заколдованным кругу) боятся администрация и земство» [17, с. 157].

В свою очередь, земские гласные были уверены в том, что «земству в борьбе с этим бедствием (голодом 1891 г. – Е. М.) пришлось играть главную роль» [30, с. 51]. Земства, так же как и правительственные администрации, своей основной заслугой считали, что их продовольственная политика позволила избежать многочисленных человеческих жертв. Саратовские земцы подчеркивали, что «в 1891 году люди не умирали» [25, с. 16]. В других губерниях была схожая картина: объединенными усилиями правительства, земств, РОКК, меценатов вымирание населения было предотвращено. Однако качество жизни крестьянства, и так невысокое, резко ухудшилось в период «великого голода». О последствиях голодных и полуголодных лет рассказывал В. А. Федоровский, председатель Саратовской губернской управы. Он отмечал, что народ питался картофелем и капустой, пока они были; лебедой с отрубями с примесью некоторого количества муки, даже колобом, которым откармливают скот...» [15, с. 11–12]. Об ужасном качестве пищи «из тяжкой клейкой массы из разной дряни» свидетельствуют очевидцы и из других губерний [29, с. 63]. Отсюда сильное развитие нищенства, «голодовщина» «с ее спутниками: тифом, цингой, и прочими эпидемиями в нетопленных избах» [29, с. 38–39; 31, с. 195]. Низкое качество питания приводило к массовым хроническим заболеваниям детей и взрослых, о чем неоднократно говорили земские врачи [32]. О болезнях сельского населения, постоянных спутниках голодных лет, и в частности, «великого» голода 1891 г., свидетельствуют не только земская документация, но и публикации представителей русской творческой интеллигенции, писателей и журналистов [17, 29, 33, 34; 35, с. 363–364].

Бескормица приводила к падежу скота. «В 1891 г. не было корма, население кормило скот листвиями» и «скот дох», – отмечалось в журналах губернского земского собрания, – а для Саратовской губернии вопрос «о прокормлении скота даже важнее вопроса о прокормлении людей, ибо человек постарается добиться работы, пропитания. Ведь не в аравийской степи мы живем» [25, с. 15–16].

Невозможность прокормить себя и домашнюю скотину приводила к ее массовому забою или продаже. «Продавался уже самый необходимый скот», – с горечью говорили земские гласные, что вело «к окончательному расстройству крестьянского хозяйства» [15, с. 11–12]. Такая же ситуация существовала и в других губерниях России [33, с. 239].

Разорение крестьянских хозяйств порождало массовую миграцию как в пределах Саратовской губернии, так и за ее границами. Этот процесс приобрел огромные масштабы в начале XX в. Большая часть населения «побуждаема была уйти из деревни, чтобы кормиться подаянием» [15, с. 11–12]. Саратовские земские гласные сообщали о массовом скоплении голодающих людей в уездных городах, но самое большое их количество сосредоточилось в губернском центре: «Население деревни ищет работу в Саратове, – отмечал председатель губернской управы К. Н. Гrimm. – Сюда стекается масса пришлого люда» [36, с. 446]. Призрак голода гонит крестьян сотнями на заработки в Закаспийский край и Баку [31, с. 189].

Голод 1891 г. стал переломным моментом в широком развитии земских социально-экономических практик. Как отмечали саратовские земские гласные, «в области экономической и сельскохозяйственной деятельности роль отправного и опорного пункта сыграл голод 1891 г.» [30, с. 51].

«Великий голод» привел земства к нескольким важным выводам. С одной стороны, они настаивали на децентрализации продовольственной помощи населению, что способствовало обострению дискуссии о мелкой земской единице, ибо основная помощь крестьянам оказывалась уездными земскими учреждениями, которые, по мнению земских гласных, слишком «далеки от народа», чтобы оказать помощь всем нуждающимся. Полемика, начатая газетой «Земство» и альманахом «Вестник Европы» вокруг мелкой земской единицы, активно велась с начала 1880-х гг. В качестве «фундамента» политического института многие земцы видели волостное земство. Дальнейшая активизация этой дискуссии происходит в начале XX в. в связи с принятием нового законодательства по продовольственному делу.

С другой стороны, многие земские гласные считали, что одна из причин неудач продовольственной кампании 1891–92 гг. заключалась в отсутствии солидарности земств, контактов между

ними, общеземских капиталов. Вятское земство предложило создать общеземскую организацию (1893 г.) в области ведения продовольственного дела [2, с. 323]. Но первоначально ОЗО возникла для помощи больным и раненым воинам в период Русско-японской войны. Только 8 июля 1905 г. на съезде земских и городских деятелей было принято решение о превращении ОЗО в организацию благотворительной помощи.

Главными направлениями в социально-экономических практиках земства в 1890-е гг. стали организация агрономической помощи населению, развитие страхового дела, кооперации, поддержка кустарных промыслов, повышение сельскохозяйственной грамотности крестьянства, широкое распространение общественных работ. Основную свою задачу земские учреждения видели в мерах, которые бы позволили, с одной стороны, избежать социального иждивенчества со стороны крестьян, с другой – создать с помощью общественных работ необходимую инфраструктуру в деревне. Земства, по мнению земских гласных, должны «помочь населению» не превратиться «в дармоедов», лежащих «на печи» и едящих «земский хлеб». Саратовские земцы были убеждены: «Чем больше будет работ, тем лучше» [25, с. 20, 36].

До 1890-х гг. вопрос об общественных работах органами земского самоуправления почти не ставился. По свидетельству Б. Б. Веселовского, в начале 1880-х гг. только три российских земства (Саратовское, Екатеринославское, Самарское) проводили общественные работы и получили на эти цели из имперских средств 640 тыс. руб. [2, с. 351–352].

Правительственная администрация, анализируя опыт голодных лет, так же, как и земства, пришла к выводу о том, что нужно перейти от денежной и натуральной помощи крестьянству к проведению общественных работ. Они, с одной стороны, должны дать возможность крестьянам заработать деньги на собственное пропитание и своей семьи, с другой – решить назревшие проблемы по благоустройству селений и дорожному делу, обеспечить значительный приток дешевой рабочей силы, что потенциально было весьма выгодно для государственной казны [37, с. 104–105].

В начале 1892 г. были начаты общественные работы, руководство которыми поручалось генерал-лейтенанту М. Н. Анненкову, участнику Крымской и Русско-турецкой войн, бывшему управляющему Закаспийской железной дорогой. По общему признанию, общественные работы закончились неудачей [2, с. 352; 38, с. 421]. Показателем этого стала крайне невысокая эффективность: расходы на проведение общественных работ составили 10 млн руб., а к трудовой деятельности было привлечено всего 88 тыс. чел. [37, с. 104–105]. Очень часто созданные сооружения в эпоху «анненковской эпопеи» стали памятниками бесхозяйственно потраченных средств: «Образец этого мы видели, когда проводились

общественные работы под руководством генерала Анненкова, – отмечало Саратовское земство. – Около Камышина и сейчас есть мостовая, которую все обезжают. Это своего рода монумент и памятник общественных работ генерала Анненкова» [25, с. 24–25].

Одновременно правительство стремилось реорганизовать систему продовольственного обеспечения сельского населения. Особая комиссия под руководством товарища министра В. К. Плещеева, образованная 18 февраля 1893 г., должна была оценить эффективность борьбы с голodom 1891–1892 гг. Комиссия обвинила земство в несостоятельности и рекомендовала вернуться к положениям старого Продовольственного устава 1834 г., построенного на принципах словности и ссудности [2, с. 330].

Новое законодательство по продовольственному делу состояло из «Временных правил по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей» (от 12 июля 1900 г.), разъяснения (от 1 января 1901 г.), циркулярах правительства (от 21 марта и 17 августа 1901 г.). Продовольственное дело изымалось из ведения земства и передавалось в руки центральной и местной администрации.

Согласно новому законодательству общее руководство продовольственным делом находилось в ведении МВД. На местах оно контролировалось губернаторами, губернскими земскими присутствиями, земскими начальниками, которые наблюдали за хлебозапасными магазинами и правильным составлением списков нуждающихся [39, с. 140–154].

Однако правительство не решилось совершенно лишить земство всех компетенций в сфере продовольственной помощи населению. В круг полномочий органов земского самоуправления входили различные формы благотворительной деятельности (проведение общественных работ, создание бесплатных столовых, лечебно-питательных пунктов); организация земской сельскохозяйственной статистики; продажа населению хлеба по заготовительной цене [10, с. 57]. На эти цели правительство отпускало деньги из имперского капитала. Продажа хлеба населению шла по особым спискам, где по закону «учитывались только надельные земли», а «арендуванные не принимались во внимание» [40, с. 332–333].

В среде историков новое законодательство по продовольственному делу имело и имеет широкий спектр трактовок: от полного неприятия до позитивных оценок. С критикой Временных правил выступил Б. Б. Веселовский, который утверждал, что они поставили «земства в орудия исполнения поручений администрации по продовольственной части» [2, с. 333]. Выход из сложившейся ситуации историк видел в создании мелкой земской единицы, в введении принципа всесословности в продовольственную систему, в организации взаимного земского страхования.

По мнению С. И. Чудова, правительственные узаконения позволяли избегать катастрофических последствий в экономической и демографической жизни страны, но не могли кардинально изменить ситуацию с продовольственной безопасностью страны [41, с. 56].

Противоположной точки зрения придерживаются И. А. Тарасова [10, с. 57], В. Н. Круглов [27, с. 99–103], М. К. Стэльмах [39, с. 151], которые полагают, что в результате законотворческих усилий правительства в целом была сформирована достаточно эффективная система продовольственной безопасности, позволившая предотвратить последствия неурожаев.

Оригинальный взгляд на указанную проблему представлен японским историком К. Мацуцато, который утверждает, что Временные правила явились закономерным итогом эволюции хлебозапасной системы России. Автор убежден в том, что земства сами стремились переложить составление списков нуждающихся на плечи земских начальников. Новое законодательство, по мнению историка, стало возвращением к положениям старого Устава 1834 г., и «земства в принципе не протестовали против “сокращения” своих полномочий, предусмотренных Временными правилами 1900 г.». Далее автор утверждает, что нормативно-правовой акт узаконил разделение полномочий по функциональному принципу между земствами и администрацией [7, с. 192–194].

Факторологический материал, характеризующий реакцию российских земств на новые законы, с одной стороны, свидетельствует о том, что земства были крайне недовольны новыми Правилами [4, с. 35]. В частности, Саратовское земство отмечало, что списки нуждающихся «составлялись земскими начальниками и утверждались губернским присутствием, которые урезали помощь до 2/3». Более того, часто «в списки включались те, кто не нуждалась в помощи и не включались нуждающиеся» [40, с. 317], ибо четкие критерии нужды и ее признаки не были прописаны в законодательстве [42, с. 228–229]. Иногда в перечни вносились близкие родственники и знакомые. В результате в них было так напутано, «что сам архиерей не разберет» [29, с. 55; 43, с. 68–69].

После издания закона 1900 г. многие земства ходатайствовали об его отмене и пересмотре при участии органов земского самоуправления. В 1902 г. с таким ходатайством выступило Саратовское земство. На губернском земском собрании Временные правила резко критиковал губернский гласный, известный правовед С. А. Котляревский, за то, что закон базировался на Уставе 1834 г. и ничего общего не имел с интересами населения. Земские гласные поддержали позицию юриста, указав на недостатки нормативно-правового акта. По их мнению, невозможно отделить продовольственное дело от других социальных

экономических практик, имевших целью поднятие благосостояния населения. Они считали, что коронная администрация незнакома с положением на местах [2, с. 336]. Одновременно этот закон, по мнению саратовских земцев, тормозил творческую работу земских учреждений [28, с. 12–14].

С другой стороны, думается, что действительного функционального размежевания обязанностей между земствами и администрацией не произошло. Полномочия земств и администрации не были четко прописаны в законе, и «продовольственные обязанности» между двумя учреждениями привели к ненужному параллелизму в действиях земства и администрации [2, с. 336]. На мой взгляд, справедливо утверждение Е. В. Белокурова, согласно которому основы продовольственной системы не были изменены, совершилось лишь ее административное преобразование [4, с. 35].

Временные правила поставили органы земского самоуправления в подчиненное положение от бюрократических структур. В частности, собственных средств земству не хватало, и они зависели от ассигнований из государственного казначейства. В соответствии с Временными правилами (ст. 9) местные учреждения получали ссуды по смете из специальных средств Министерства внутренних дел на срок не более трех лет; в случае необходимости разрешались отсрочки по возврату ссуд, отпущеных из общего по империи продовольственного капитала на период до трех лет и из местных продовольственных средств – на срок свыше шести лет. Министр внутренних дел определял условия ассигнования безвозвратных пособий из имперского продовольственного капитала [10, с. 57].

Новое законодательство не оправдало возлагавшихся на него правительством надежд: продовольственных запасов и капиталов оказалось недостаточно для удовлетворения нуждавшегося населения неурожайных губерний, вновь потребовались многомиллионные затраты из государственного казначейства. В неурожайный 1901 г. расходы правительства на продовольственные мероприятия достигли 35 млн руб., в 1905–1906 гг. – свыше 250 млн руб., в 1911 г. – 160 млн руб. [39, с. 142].

Земство вращалось в кругу паллиативов [2, с. 324] или, по словам Л. Н. Толстого, в «*cercle vicieux*» [17, с. 157]. Оно спасало крестьян от голода и смерти, но не могло радикально изменить состояние продовольственного дела, тесно связанного как с аграрным строем России, так и статусом земских учреждений в имперской политической системе.

Органы земского самоуправления были лишены реальной власти в одной из важнейших социальных сфер – обеспечения продовольствием населения России. И земство, и правительство понимали ущербность хлебозапасной системы. Об этом свидетельствуют постоянные требования

органов земского самоуправления отменить существующие правила, регламентирующие полномочия земств в продовольственном деле, а также возникавшие в начале XX в. проекты правительства, которые должны были изменить *status quo* в важнейшей сфере внутренней политики государства.

Список литературы

1. Земское самоуправление в России. 1864–1918 / под ред. Н. Г. Королевой : в 2 кн. Кн. 1 : 1864–1904. М. : Наука, 2005. 428 с.
2. Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет : в 4 т. Т. 3. СПб. : издательство О. Н. Поповой, 1909. 703 с.
3. Рогожина А. С. Формирование системы продовольственного обеспечения в российской деревне в 30–90-е годы XIX века (по материалам Орловской и Тамбовской губерний) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2013. 24 с.
4. Белокуров Е. В. Продовольственная кампания 1901–1902 годов: к вопросу об организации продовольственного дела в России (конец XVIII – начало XX века // Исторический журнал: научные исследования. 2012. № 6 (12). С. 27–37.
5. Пьянков С. А., Михалев Н. А. Голод 1891–1892 гг. в советской и современной отечественной историографии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Исторические науки и археология. 2015. № 4. С. 44–55.
6. Нефедов С. А. Уровень потребления в России начала XX века и причины русской революции // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 126–137.
7. Мацуэто К. Сельская хлебозапасная система в России, 1864–1917 // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 185–197.
8. Абрамов В., Мацуэто К., Ярцев А. Земский феномен. Политологический подход. Саппоро : Slave Research, Hokkaido University, 2001. 221 с.
9. Морозова Е. Н. Саратовское земство. 1866–1890 / под ред. Н. М. Пирумовой. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1991. 180 с.
10. Тарасова И. А. К вопросу о взаимодействии Министерства внутренних дел Российской империи и органов местного самоуправления в деятельности по нейтрализации последствий неурожая 1891 года // Юридические записки. 2013. № 1. С. 51–57.
11. Харизоменов С. А. Экономическая деятельность земства: Краткая историческая записка. Саратов : Типогр. Саратовской губерн. земской управы, 1888. 44 с.
12. Галимичев А. Н., Данилов В. Н., Морозова Е. Н., Чернова Л. Н. Власть и общество: российский и зарубежный исторический опыт / под ред. В. Н. Данилова, Л. Н. Черновой. Саратов : Саратовский источник, 2023. 304 с.
13. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 102 (Департамент полиции). Оп. 7. 1884. Д. 88. Ч. 16.

14. Доклады Саратовской губернской земской управы очередному Саратовскому губернскому земскому собранию 1880 г. Саратов : Типогр. Саратовской губерн. земской управы, 1880. 278 с.
15. Доклады Саратовской губернской земской управы очередному Саратовскому губернскому земскому собранию 1882 г. : в 2 ч. Саратов : Типогр. Саратовской губерн. земской управы, 1882. Ч. 2. 167 с.
16. Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 5 (Губернская земская управа). Оп. I. Д. 17.
17. Толстой Л. Н. Голод или не голод? 26 мая 1898 // Собрание сочинений : в 22 т. Т. 17 : Избранные публицистические статьи. М. : Художественная литература, 1984. 295 с.
18. Тетерина Е. А., Ульянов А. Е. К вопросу о продовольственном положении в Среднем Поволжье в конце XIX – начале XX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2010. № 4 (16). С. 26–33.
19. Журналы заседаний XXV очередного Саратовского губернского земского собрания 1890 г. с 7 по 21 декабря. Саратов : Типогр. Саратовской губерн. земской управы, 1890. 287 с.
20. Что принес нам 1879 год? Исторический очерк. Бм., бг. 176 с.
21. Журналы заседаний очередного Саратовского губернского земского собрания 1888 г. Саратов : Типогр. Саратовской губерн. земской управы, 1888. 346 с.
22. Доклады Саратовской губернской земской управы очередному Саратовскому губернскому земскому собранию 1881 г. : в 2 ч. Ч. 2. Саратов : Типогр. Саратовской губерн. земской управы, 1881. 264 с.
23. Соколов Н. П. Голод 1891 г. и общественно-политическая борьба в России : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. 26 с.
24. Очерки истории Саратовского Поволжья : в 3 т. / под ред. И. В. Пороха. Т. 2, ч. 1 (1855–1894). Саратов : Издательство Саратовского университета, 1995. 320 с.
25. Журналы экстренного Саратовского губернского земского собрания сессии 1–2 августа 1898 года. Саратов : Типогр. Саратовской губерн. земской управы, 1898. 37 с.
26. Доклад губернской земской управы о работе продовольственного отделения по окончании расчетов по продовольственным операциям 1891 и 1892 гг. Бм., бг. 26 с.
27. Круглов В. Н. Царь-голод. Факты против мифов // Сборник русского исторического общества. 2011. № 11 (159). М. : Русская панорама. С. 87–106.
28. Сухоплюев И. К. Народное продовольствие и земство // Саратовская земская неделя. 1905. № 9. С. 12–14.
29. Короленко В. Г. В голодный год // Полное собрание сочинений : в 9 т. Т. 5. Пг. : Издательство Ф. Маркса, 1914. 424 с.
30. Журнал торжественного заседания 19 января 1914 года, посвященный пятидесятилетию земских учреждений. Саратов : Типогр. Саратовской губерн. земской управы, 1914. 58 с.
31. Дюбюк Е. Предполагаемые результаты неурожая в 1905 г. в хозяйстве Саратовского крестьянства // Сборник сведений по Саратовской губернии за 1905 год. : в 2 вып. Вып. 2. Бм, бг. С. 163–196.
32. Горовиц-Власова Л. М. Записки земского врача. URL.: <http://akniga.org/gorovic-vlasova-lyubov-zapiski-zemskovo-vracha> (дата обращения: 17.04.2022).
33. Михневич В. О. Черные дни. Из поездки по шести губерниям, пострадавшим от неурожая, в конце 1891 года. Наблюдения и заметки. СПб. : Типогр. газеты «Новости», 1892. 290 с.
34. Шмурло Е. Ф. Голодный год (1898–1899). М. : Книжное дело, 1900. 198 с.
35. Чехов А. П. Голодающие дети // Сочинения : в 18 т. Т. 16. М. : Наука, 1979. С. 363–364.
36. Журналы заседаний 41-го очередного Саратовского губернского земского собрания 1–16 декабря 1906. Саратов : Типогр. Саратовской губерн. земской управы, 1907. 562 с.
37. Рогожина А. С. Организация общественных работ в Российской империи во время голода 1891–1892 гг. // Научные новости БелГУ. Серия : История. Политология. 2015. № 19 (216), вып. 36. С. 103–109.
38. Белокуров Е. В. Общественные работы как средство помощи голодающим в России (1891–1914 гг.) // Экономическая история. 2020. Т. 16, № 4. С. 418–430.
39. Стэльмах М. К. Организация продовольственного дела в Пермской губернии в конце XIX – начале XX в. // Проблемы истории, филологии и культуры. 2010. № 2. С. 140–154.
40. Журналы заседаний 46-го очередного Саратовского губернского земского собрания сессии 1911 г. Саратов : Типогр. Саратовской губерн. земской управы, 1912. 493 с.
41. Чудов С. И. Хлебные запасные магазины на Европейском Севере России в XVIII – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2017. 206 с.
42. Ермолов А. С. Наши неурожай и продовольственный вопрос : в 2 ч. Ч. 1. СПб. : Типогр. В. Киршбаума, 1909. 598 с,
43. Фоломеев С. Н. Власть и общество в условиях кризиса: социальные последствия голода 1891–1892 годов в Самарской губернии // Психология и социология истории. 2015. № 2. С. 64–79.

Поступила в редакцию 13.05.2024; одобрена после рецензирования 29.05.2024; принята к публикации 28.06.2024
The article was submitted 13.05.2024; approved after reviewing 29.05.2024; accepted for publication 28.06.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 537–544

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 537–544

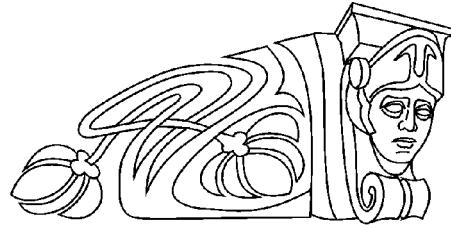
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-537-544>, EDN: TBRTCO

Научная статья

УДК 323.381.3(470.44)|18/19|

Причины и особенности проявления насильственных форм аграрного движения накануне Первой российской революции (по материалам Саратовской губернии)

Ж. А. Утиулиев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Утиулиев Жанбек Аигалиевич, соискатель кафедры истории России и археологии, zh.utiuliev@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0489-1182>, AuthorID: 1054420

Аннотация. В статье предпринято исследование насильственных форм аграрного движения позднеимперской России как наиболее опасных и деструктивных способов крестьянского протеста в социально-политическом, правовом и хозяйственно-экономическом отношении. На примере Саратовской губернии выявляются причины, побудительные мотивы и делинквентные методы выражения различных противоправных эксцессов в крестьянской среде. Основное содержание составляет анализ насильственных форм аграрного движения в России в начале XX в. как разновидностей аграрного террора. По итогам исследования сделан вывод о том, что специфика аграрного движения накануне Первой российской революции в целом по стране и в Саратовской губернии в частности характеризовалась эскалацией крайних форм насильственных действий крестьян в отношении землевладельцев.

Ключевые слова: аграрный террор, крестьянское движение, насилие, протест, эскалация

Для цитирования: Утиулиев Ж. А. Причины и особенности проявления насильственных форм аграрного движения накануне Первой российской революции (по материалам Саратовской губернии) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 537–544. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-537-544>, EDN: TBRTCO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The causes and features of the manifestation of violent forms of the agrarian movement on the eve of the First Russian Revolution (based on the materials of the Saratov province)

J. A. Utiuliev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Zhanbek A. Utiuliev, zh.utiuliev@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0489-1182>, AuthorID: 1054420

Abstract. The article examines the violent forms of the agrarian movement of late Imperial Russia as the most dangerous and destructive ways of peasant protest in socio-political, legal and economic terms. Using the example of the Saratov province, the author identifies the causes, motivations and delinquent methods of expressing various illegal excesses in the peasant environment. The main content of the study is the analysis of violent forms of the agrarian movement in Russia at the beginning of the XX century, as varieties of agrarian terror. According to the results of the study, it was concluded that the specifics of the agrarian movement on the eve of the First Russian Revolution in the whole country, and in the Saratov province, in particular, were characterized by an escalation of extreme forms of violent actions of peasants against landowners.

Keywords: agrarian terror, peasant movement, violence, protest, escalation

For citation: Utiuliev J. A. The causes and features of the manifestation of violent forms of the agrarian movement on the eve of the First Russian Revolution (based on the materials of the Saratov province). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 537–544 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-537-544>, EDN: TBRTCO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Аграрный вопрос в судьбе Российской государства всегда занимал чрезвычайно важное место, так как от его решения зависело не только положение подавляющей части населения страны, но и в целом хозяйственno-экономическое и социально-политическое развитие страны. Особую злободневность проблематика поземельных отношений, включавшая в себя прежде всего социально-правовой аспект, приобрела в позднеимперский период. Именно на рубеже XIX–XX вв. в аграрных отношениях остро и драматично проявились как застарелые, так и вновь возникшие трудности пореформенного периода, усугублявшиеся на тот момент нараставшими революционными процессами в стране. В конце XIX в. крестьянское движение стало все больше приобретать аграрную направленность, характерным признаком которой становились земельные споры и открытое противоборство крестьян с помещиками, выражавшиеся в уничтожении межевых знаков на границах владений, захвате, запахивании или потраве помещичьих земель, и т. п.

В результате нерешенности властями аграрных проблем, остро проявившихся к началу XX столетия, этот вопрос стал приобретать все более ожесточенный характер конфликта между крестьянами и помещиками, выражавшегося в явном или скрытом противостоянии (противоборстве) крестьянства. Протестный характер аграрного движения традиционно выражался в двух основных видах: формах насильственного противодействия (митинг, бойкот, демонстрация, саботаж, порубка леса, потравы, покосы, браконьерство и пр.) и насильственных формах крестьянских выступлений, или по-другому противоправных эксцессов (бунт, поджог, погром, нанесение тяжких телесных повреждений, убийства), которые обобщенно можно расценивать как аграрный террор, направленный против частных землевладельцев. Это понятие, прозвучавшее в резолюции женевской группы социалистов-революционеров, возглавляемой Е. К. Брешко-Брешковской, было введено в политico-идеологический лексикон партии эсеров еще в 1904 г. Под этим термином, как разъяснялось в резолюции женевской группы социалистов-революционеров, подразумевались «насильственные действия против имущества или против личности экономических угнетателей крестьянства: потравы, порубки и захваты имущества, совершаемые миром, поджоги и другие формы повреждения имущества, убийство помещиков, вооруженные нападения и т. п.» [1, с. 92]. Причем эсеры планировали придать этому явлению не стихийный, а планомерный и четко организованный характер через свою революционную агитацию и создание в деревне боевых дружин.

В годы Первой российской революции Саратовскую губернию в этом отношении можно считать своеобразным «зеркалом» процессов эскалации и маргинализации крестьянского движе-

ния не только Поволжья, но и Европейской части России. Современные исследователи, основываясь на архивных и статистических материалах, приводят численные показатели деструктивных последствий массовых крестьянских беспорядков и отмечают, что в 1905 г. «в Саратовской губернии было сожжено, разграблено или частично разрушено около 300 поместий, что составило 31,3% от общего числа пострадавших поместий в Европейской части России. Другими словами, на Саратовщине было уничтожено в 6 раз больше помещичьих усадеб, чем в любой другой губернии Российской империи» [2, с. 136]. Канун этих драматических событий 1905–1906 гг. также был означенован ростом криминальных проявлений крестьянского протesta. Всеподданейшие отчеты губернатора П. А. Столыпина о состоянии Саратовской губернии за 1902–1904 гг. ярко иллюстрируют эту тенденцию и проблемы землепользования. В докладах императору Столыпин подробно освещал ситуацию с крестьянскими выступлениями в губернии и приходил к убеждению, что «наблюдаемые неустройства являются показателями необходимости преобразований...» [3, с. 33].

Историография по теме аграрного движения позднеимперской России весьма обширна и разнообразна, однако в данном случае ракурс исследовательского интереса обращен непосредственно к работам, изучающим проблематику насильственных форм крестьянского протesta, в частности, аграрного террора. Здесь, прежде всего, следует выделить работы В. Л. Телицына [4], А. А. Бакаева [5], И. В. Лемаева [6] и О. Н. Квасова [7], где содержится характеристика террористической составляющей насильственных форм революционных выступлений. Проблемам мотивации крестьянского самосуда, с точки зрения представлений обычного права, посвящена публикация В. Б. Безгина [8]. Проблемам крестьянского движения в Саратовской губернии рассматриваемого периода посвящены труды В. М. Гохлернер [9], И. И. Бабикова [10], Д. П. Шишкина [11] и др. В последнее десятилетие вышли работы, в которых непосредственно рассматриваются различные аспекты насильственных форм крестьянского движения позднеимперской России на материалах Саратовской губернии: Е. П. Воробьев [12], Е. П. Воробьев и Р. В. Ященко [13], А. Ю. и Ю. В. Варфоломеевых [14], Ю. В. Варфоломеева и Л. Н. Шумиловой [2]. Особый интерес в контексте рассматриваемой темы представляет статья Ю. В. Варфоломеева, посвященная осмыслинию происхождения и генезиса эксцесса революционного насилия в крестьянском массовом сознании [15].

На протяжении многих десятилетий идет научное осмысливание причин, содержания и особенностей крестьянского движения в России конца XIX – начала XX в. В 1992 г. группой

ведущих ученых-аграрников во главе с В. П. Даниловым был предложен оригинальный концептуальный проект «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.». В данной концепции обращают на себя внимание, прежде всего, два момента. Во-первых, авторы позиционируют турбулентность социально-политических и хозяйствственно-экономических процессов Российской империи начала XX в. не в традиционном понимании аграрного или крестьянского движения как перманентном факторе социально-политической жизни страны, а в более глобальном контексте – крестьянской революции «как самостоятельном феномене, имеющем свою собственную логику развития», – констатирует В. В. Кондрашин [16, с. 85]. Во-вторых, эксклюзивный подход авторов идеи проявился и в определении хронологических рамок крестьянской революции в России. Вводя концепт «крестьянская революция» и понимая под этим протяженный во времени процесс кардинальной трансформации аграрных отношений и массового крестьянского сознания, В. П. Данилов и Т. Шанин фиксируют нижнюю и верхнюю границы этого явления, не совпадающие с общезвестными и общепринятыми на протяжении многих десятилетий в отечественной историографии хронологическими рамками так называемой Первой русской, Февральской буржуазно-демократической и Великой Октябрьской социалистической революций. По их мнению, точкой отсчета крестьянской революции в России следует считать 1902 г., так как именно в этом году в течение нескольких недель на территории Полтавской и Харьковской губерний бушевали крестьянские беспорядки, поглотившие 165 сел и деревень с населением около 150 тыс. чел. [17, с. 8–10].

Усмирить восставших правительству удалось огромными усилиями и только с привлечением войск. Однако именно эти события, по мнению многих ученых, и, в частности, авторов концепции крестьянской революции, послужили детонатором и отправным моментом старта общероссийского крестьянского движения, распространявшегося в течение нескольких месяцев по всей стране. Вместе с тем массовые крестьянские выступления, инициированные в 1902 г., по целому ряду признаков отличались от предшествующих аграрных выступлений. «Прежде всего отличия заключались в масштабах движения, его целях, поведении крестьян», – отмечает В. В. Кондрашин [16, с. 87]. Именно с этого момента крестьянский протест приобретает ярко выраженный радикальный характер, а требования бунтовщиков звучат все более безапелляционно и ультимативно. Решительный настрой крестьян, открывающих своими действиями новый, теперь уже революционный период в истории страны, отмечает В. П. Данилов: «В 1902 г. на историческую сцену открыто

выступил новый крестьянин – крестьянин эпохи революции» [17, с. 9].

Верхняя граница крестьянской революции в соответствии с логикой этой концепции фиксируется 1922 г., когда советской властью был принят «Земельный кодекс», закрепивший, хотя только на словах и ненадолго, главное завоевание крестьянской революции – ликвидацию помещичьего землевладения, частной собственности на землю и право крестьянина свободно хозяйствовать на земле» [17, с. 22–23]. Однако в данной статье исследуются только начальные этапы рассмотренного концепта крестьянской революции – канун и период Первой российской революции.

Таким образом, на наш взгляд, следует согласиться с понятием и хронологическими рамками крестьянской революции. Во-первых, аграрные выступления крестьян, начавшиеся в 1902 г. на юге России, в Полтавской и Харьковской губерниях, были, как показали дальнейшие события, лишь социально-психологическим детонатором и прелюдией к массовым крестьянским восстаниям периода Первой российской революции, когда они охватили всю страну и в значительной степени Поволжье. Во-вторых, весьма убедительными представляются и выводы сторонников концепции крестьянской революции, резюмирующих, что крестьянское движение, и это особенно заметно с 1902 г., приобретает радикальный и напористый характер, подпитываясь и возбуждаясь антиправительственной пропагандой революционных партий.

В начале 2000-х гг. в российской историографии появляется еще одно научное представление о смысле, содержании и болевых точках крестьянского вопроса в России, сформулированное А. Н. Медушевским. Анализируя взгляды сторонников марксистско-ленинской идеологии по поводу аграрного вопроса, он отмечал, что, с одной стороны, проблематика крестьянского движения понималась ими в контексте классовых противоречий по поводу земельной собственности и взаимоувязанным с этим массовым протестом. С другой стороны, А. Н. Медушевский указывал, что советская интерпретация аграрного конфликта фокусировалась на способах ликвидации в деревне атавизмов докапиталистических отношений, а решение этой проблемы виделось в революции – экспроприации земельной собственности с последующей ее социализацией [18, с. 89–90].

В свою очередь, А. Н. Медушевский предлагает несколько иную концепцию понимания аграрного вопроса – «как осознания обществом легитимности прав на владение землей. <...> Она показывает, что от степени социальной артикуляции аграрного вопроса и выдвигаемых в обществе программ его решения зависят глубина конфликта и конкурирующие стратегии

его разрешения» [18, с. 90]. С этой точки зрения злободневный аграрный вопрос в России начала XX в. интерпретируется им как «новая социально-психологическая реальность, возникающая при переходе от традиционного общества к рациональному» [18, с. 60]. Следовательно, обе рассмотренные концепции признают в качестве одной из неотъемлемых и характерных черт аграрного движения позднеимперской России стремление крестьянства к переделу частнособственнической земли неправовыми, насильтственными методами.

Рубеж XIX–XX вв. на территории Саратовской губернии совпал с «эскалацией деструктивных настроений в крестьянской среде, проявлявшихся в различного рода делинквентных поступках – оскорбление, сопротивление, а также нанесение побоев местной администрации и полиции; оскорбление членов суда и царствующих особ; отказ от исполнения судебных решений, а также выплаты выкупных платежей и земских сборов; незаконная рыбаная ловля и порубка леса; богохульство и пр. Все это свидетельствовало о падении нравов и уровня законопослушания в крестьянской среде, а также о росте нетерпимости и агрессивности по отношению к представителям царской власти» [19, с. 66]. В рассматриваемый период в среде значительной части социально активного крестьянства заметно изменилось отношение к наиболее деструктивной и опасной форме протesta – насилию. Из отчаянного средства самозащиты и сопротивления оно постепенно трансформируется в осознанное орудие агрессии и устрашения противной стороны. Этую роковую тенденцию подтверждают официальные данные Саратовского губернского жандармского управления за 1900 г., которые приводят в своем исследовании Е. П. Воробьев: «За последние 5–6 лет стали часто повторяться в Саратовской губернии, и преимущественно в Балашовском уезде, рабочие и крестьянские беспорядки, направленные против помещиков и крупных земельных собственников. Общей чертой всех этих беспорядков является наглая дерзость крестьян, сознающих свою грубую массовую силу...» [12, с. 60–61]. Примером дерзкого поведения крестьян в отношении землевладельцев служит разбойное нападение группы сельчан на усадьбу помещицы Е. Д. Хотянцевой в д. Ковалевке Балашовского уезда в ночь с 7 на 8 февраля 1902 г. В этом нападении участвовали 8 крестьян, вооруженных ружьями и топорами, главной целью которых, как они сами подтвердили на суде, было завладение имуществом богатой землевладелицы. Однако их преступное посягательство было сорвано местными жителями, которые, услышав шум, звуки стрельбы и крики, бросились на помочь в соседнюю усадьбу [20, л. 2–4]. Вместе с тем отчаянная наглость крестьян проявлялась

и в их противостоянии с местной администрацией и полицией. Известен случай, когда в 1902 г. в с. Хованщина Сердобского уезда Саратовской губернии 52 жителя участвовали в избиении полицейских, прибывших в село для наведения порядка [21, л. 1–2].

В то же время, не всегда встречая адекватное и жесткое противодействие со стороны жертв и правоохранительных органов, крестьяне год от года, убеждались в слабости ответной реакции властей и, нередко ощущая безнаказанность в своей борьбе, делали ставку именно на инструменты насилия как наиболее действенные, по их убеждению, средства для достижения поставленных целей. Сопоставляя количественные и качественные характеристики противоправных действий в крестьянской среде (на примере Саратовского Поволжья), А. Ю. и Ю. В. Варфоломеевы делают вывод о том, что в этот период происходит «...эволюция характера государственных преступлений в сторону радикализма, массовости и десакрализации царской власти» [14, с. 90]. Именно эти изменения, эта «революция» в массовом крестьянском сознании, по нашему мнению, предопределили характер и содержание начавшейся крестьянской революции, в частности, постепенную эскалацию аграрных волнений в Саратовской губернии, закономерно подошедшую к своему апогею в 1905–1906 гг. «Все события 1904 и начала 1905 года должны были зажечь пожаром тот горючий материал, который накопился в деревне, – отмечал П. П. Маслов, – и, действительно, с февраля месяца крестьянское движение вспыхивает с еще небывалой силой, возникая стихийно в различных местах обширной страны» [22, с. 209].

Впоследствии в ходе судебных процессов по делам об этих аграрных беспорядках были наглядно представлены идеология, цели и настрой погромщиков. Ю. В. Варфоломеев, ссылаясь на архивные документы, приводит характерную мотивацию восставших крестьян на примере разгрома экономии Роговского: «Мы сами нашли свое право; ты сегодня хозяин своего дома, а завтра мы им будем распоряжаться, через неделю разделимся твоей землей, которая будет наша, а не твоя, тебя прогоним, оставим тебе только сад с землею» [2, с. 140]. Подобная логика насильтственного передела земли в свою пользу становилась в крестьянском массовом сознании общепринятой и повсеместной. Аналогичный настрой и цели прослеживались и в действиях крестьян в ходе разгрома усадьбы дворян Крымских Аткарского уезда Саратовской губернии в 1905 г. На суде один из свидетелей заявил, что цель у погромщиков была одна – «разгромить усадьбы помещиков, а затем завладеть их землей» [2, с. 141]. Подобная логика насильтственного передела земли в свою пользу стойко закреплялась в крестьянском массовом сознании

и все чаще становилась общепринятой и повсеместной.

Важную роль в процессе перерождения «мирного сеятеля» в беспощадного погромщика играли социально-психологические факторы и революционная пропаганда в крестьянской среде. Саратовский губернатор П. А. Столыпин в 1903 г. давал следующее объяснение ситуации: «Неблагополучное материальное положение сельского населения дало возможность врагам государственного порядка направить свою деятельность в среду крестьянскую и произвести попытки к возбуждению крестьян против землевладельцев с целью нанесения последним ущерба, главным образом путем земельных захватов и поджогов владельческих построек» [3, с. 16]. Анализируя социальную психологию крестьянства, Е. П. Воробьев выделяет ее специфические особенности: «Противоречивое сочетание коллективного и индивидуального начал, высокий уровень терпеливости, миролюбие и наряду с этим недоверие к чужакам, наивность и эмоциональность представителей данной общественной группы» [12, с. 61]. Однако «недоверие к чужакам» в сельской местности, а в данном случае – к эсерам и социал-демократам, в начале прошлого столетия постепенно сменяется сначала интересом со стороны крестьян, а затем и выборочным восприятием ими революционной пропаганды. Опираясь на свидетельства с мест, Б. Б. Веселовский отмечал, что «именно с конца 1901 г. и начала 1902 г. начала развиваться деятельность “подпольных” агитаторов в деревне. Наиболее энергичной на первых порах являлась партия социалистов-революционеров, которая сразу нашла большое сочувствие среди демократически настроенной интеллигенции – учителей, земских служащих и т. д. Все агитационные брошюры “Аграрной лиги” были проникнуты наивной верой в спасительность аграрного террора причем, мысль – добиться таким простым способом лучшей доли – встретила во многих местах сочувствие и со стороны крестьян, результатом чего, явились участившиеся в конце 1902 и начале 1903 гг. поджоги помещичьих усадеб. В особенности это следует сказать относительно Саратовской губернии, где раньше всего и прочнее всего с.-р. удалось организовать работу в крестьянстве» [23, с. 64].

Одной из самых страшных и опасных форм насилия, применяемых крестьянами по отношению к собственникам частновладельческих земель, был поджог. «Согласно нормам обычного права самыми тяжкими преступлениями в деревне являлись поджог, конокрадство и воровство», – отмечает В. Б. Безгин, причем справедливо ставит на первое место среди этих преступлений именно поджог [8, с. 152]. Погромщики и сами понимали, что это была крайне жестокая и бесчеловечная форма противоборства

с помещиками, но целенаправленно и сознательно прибегали к подобным действиям, так как считали, что это деяние является не только актом возмездия за несправедливое, по их мнению, владение землей противной стороной конфликта, но и самым действенным способом изгнания ненавистного владельца из этой местности, так как ему в дальнейшем негде будет жить. «Использование “красного петуха” для защиты своих интересов подкреплялось острыми психологическими мотивами: ненавистью к помещикам, желанием отомстить за прошлые обиды, растущим ощущением вседозволенности», – считают Е. П. Воробьев и Р. В. Ященко [13, с. 177]. Увязывая морально-психологические установки крестьянства с их социально-правовой мотивацией, А. Н. Медушевский делает вывод, согласно которому динамика частноправовых отношений проявлялась «в разрыве представлений о существе и должном, действующим правом и тем, которое кажется более справедливым» [18, с. 90].

Яркой иллюстрацией количественного роста и прогрессирующей динамики поджогов, используемых крестьянами в качестве одной из крайних форм насилия по отношению к помещикам, являются данные, которые приводил в своем исследовании еще в начале 50-х гг. прошлого века И. И. Бабиков. По его подсчетам, в 1896–1899 гг. на территории Саратовской губернии от крестьянских поджогов пострадало 101 помещичье имение, а уже в следующие 5 лет число подобных преступлений выросло более, чем в 2 раза, и составило 234 поджога [10, с. 182]. Тактика и хроника крестьянской войны с помещиками хорошо прослеживается по материалам агентурных донесений в Саратовское губернское жандармское управление. Так, в августе 1901 г. правоохранителям стало известно, что крестьяне нескольких сел Балашовского уезда замышляют весной следующего года самовольно захватить земли местных помещиков и «удалять их из их владений посредством угроз поджогами и убийствами» [24, л. 1–3].

Характерный эпизод комплексного противоборства крестьян с законным собственником земли был подробно описан в 1902 г. в эсеровском печатном органе «Революционная Россия». Суть конфликта, изложенная эсеровским корреспондентом в газете, заключалась в остром земельном споре в с. Урлейка Петровского уезда Саратовской губернии между местными крестьянами и землевладельцем Е. П. Угаровым – собственником участка размером 200 десятин, незадолго до этого принадлежавшего помещику Епиширлову. Добрососедские отношения крестьян-арендаторов с Угаровым не сложились. Между ними в течение нескольких лет происходили постоянные столкновения. Ко всему прочему в собственность к Угарову перешла земля, использовавшаяся крестьянами под огороды. И хотя этот передел земли был подтвержден

казенным землемером и имелось на этот счет судебное решение, крестьяне, недовольные этой ситуацией, крайне озлобились на Угарова. «Изверившись горьким опытом в законе и суде, – сопротивлялся крестьянам эсеровский корреспондент, – крестьяне в борьбе с помещиками пришли к практическому выводу: “мы ж их (помещиков) разсудим, мы ж с ними и справимся”» [25, с. 20].

Другими словами, не считаясь с проведенными землемером замерами и межеванием земельных угодий, а также игнорируя судебное решение, крестьяне решили использовать различные формы насилия и запугивания по отношению к неугодному им землевладельцу: «Формой борьбы становились наиболее экстремистские индивидуализированные виды протестования: от хулиганских выходок, в виде битья окон, до поджогов и убийств», – отмечает О. Н. Квасов [7, с. 286]. На страницах эсеровской газеты подробно описывались преступные «подвиги» крестьян: «За 5 лет хозяйствования в Урлейке, Угарова скигали раза три: то подожгут амбары, то конюшни; не раз его и били, несколько раз удавалось ему уезжать от нападавших на него в поле, иногда спасался он лишь благодаря своей атлетической силе. Однажды пробовали угостить егоувесистым камнем, да промахнулись» [25, с. 20]. Местные власти, наблюдая за противоправными действиями крестьян в отношении Угарова, старались принимать меры против злоумышленников по предотвращению этих бесчинств: во-первых, пытались заставить крестьян выдать виновных, но неписанные правила круговой поруки последних не допускали подобных действий; во-вторых, власти обязали урлейское общество еженедельно выставлять караулы (примерно по 30 чел.) в усадьбе Угарова. Кроме того, в Урлейке регулярно бывали и полицейские чины, однако преступников так и не удалось найти.

Между тем крестьяне затаились, но не отказались от своих преступных замыслов в отношении обидчика, ожидая подходящего момента, чтобы с ним окончательно расправиться. И такой случай скоро представился. Крайнее негодование у крестьян вызвал запрет со стороны Угарова гонять их скотину на водопой по его участку. Реакция крестьян не замедлила себя ждать. Осенью 1901 г. они подбросили Угарову записку, в которой недвусмысленно угрожали физической расправой: «Теперь не бойся огня, а от нынешнего дня бойся крови» [25, с. 20]. Буквально через несколько дней угроза была приведена в исполнение: когда несговорчивый землевладелец стоял у окна в своей комнате, кто-то выстрелил в него из ружья дробью. Угаров только чудом остался жив, но лишился левого глаза и продолжительное время пролежал в больнице. Покалеченный землевладелец, решив, очевидно, не испытывать судьбу в противостоянии с крестьянами, разре-

шил им прогон скота на водопой через свой участок.

Оценивая криминальный характер насильственных действий крестьян в отношении землевладельца Угарова, следует, на наш взгляд, назвать их террористическими или в данном контексте – проявлением аграрного террора. Обоснованием данного определения их действий служит, во-первых, наведение страха на оппонента в земельном споре, посредством угроз убийством, шантажа и запугивания. Во-вторых, и самое главное – это приведение своих преступных намерений в действие путем такой крайне опасной формы насилия, как покушение на убийство. Таким образом, следует согласиться с выводом Д. Б. Павлова о том, что «ведущей формой крестьянской борьбы были насильтственные действия крестьян в отношении личности помещика и его имущества, получившие в интеллигентских кругах наименование “агарного террора”» [26, с. 28].

Современные исследователи также квалифицируют подобные действия как террористические. По мнению Ю. В. Варфоломеева, «эксцесс революционного насилия стал обязательным атрибутом крестьянского движения 1905–1906 гг., проявляясь в своих крайних формах – грабежах, вооруженных нападениях, погромах и поджогах. В этом смысле эти виды крестьянской криминальности напрямую коррелируются с революционным терроризмом, и это вполне объяснимо, ведь идеологи и в том, и в другом случае, как правило, одни и те же – эсеры» [15, с. 381–382]. С формально-юридической точки зрения, происшествие с Угаровым – это преступление, но в психологии крестьянства оно оправдывалось многовековым убеждением и стремлением к справедливости. Данный аспект в их противостоянии с помещиками был главным. Действительно, в этой ситуации, очевидно, было несправедливо со стороны Угарова ущемлять права личностей крестьян, лишая их доступа к водопою, не являвшемуся частной собственностью. Эта несправедливость, на наш взгляд, и стала основным побудительным мотивом действий возмущенных крестьян.

Для поимки преступника, стрелявшего в Угарова, в село прибыл следователь. Крестьяне же, чувствуя свою неуязвимость в изобличении совершенного ими преступления, издевательски подбросили сыщику шерсть для пыжа и письмо, составленное из вырезанных из газет печатных букв, наклеенных на бумагу, и насмешливо уведомлявшее его о том, что посылаются настоящие пыжи, а того, кто стрелял, следователь не найдет, сколько бы ни сидел в деревне [25, с. 20]. Расправа крестьян над неугодным землевладельцем Угаровым вкупе с осознанием ими своей безнаказанности воспринималась как их общая победа в земельном споре. «Эта форма (протеста), оставаясь индивидуальной по своей природе, даже

Список литературы

если в убийстве участвовала группа, вместе с тем по своим последствиям в сознании крестьян представлялась как освобождение коллектива», — констатирует Б. Г. Литвак [27, с. 122]. Правоохранители долго и безуспешно пытались найти виновных, а крестьяне, наблюдая за всем этим, только «ухмылялись себе в бороды: «Мы мол, знаем, что знаем». Так следователь и уехал ни с чем из села» [25, с. 20], — с нескрываемым злорадством подытоживал эсеровский журналист. При этом он пришел к выводу очень важному для функционеров их партии, работавших в деревне: «Эта история лишний раз свидетельствует о том, что наши крестьяне умеют, когда хотят, превосходно прятать концы в воду, и что мнение о невозможности в деревне необходимой при революционной работе конспирации — лишено всякого основания» [25, с. 20]. Этот растиражированный в революционной прессе эпизод, как и многие другие, подобные ему, демонстрирует тенденцию нарастания агрессивных настроений в крестьянской среде, а также указывает на прогрессирующую эскалацию насильтственных действий крестьян по отношению к бывшим помещикам и другим землевладельцам. В этой связи Ю. В. Варфоломеев приходит к следующему выводу: «Эксцесс революционного насилия являлся неотъемлемой чертой всех противоправных действий, совершившихся под лозунгами радикальных партий, включая требования «справедливого» перераспределения земли» [15, с. 382].

По итогам проведенного исследования следует констатировать, что начало прошлого столетия в Российской империи ознаменовалось значительным ростом различных форм протестных выступлений крестьянства. Эта тенденция подтверждается привлеченными к анализу проблемы материалами Саратовской губернии. Накануне Первой русской революции особенно опасный характер стали принимать эскалирующие формы насильтственных действий крестьян в отношении землевладельцев, которые имели все признаки аграрного террора. Вместе с тем необходимо согласиться с выводом Д. П. Шишкина о том, что «массовое крестьянское движение во время Первой русской революции заставило правительство взять курс на формирование личной земельной собственности <...> Необходимым условием эффективности аграрных преобразований был учет локальных факторов и местных особенностей различных регионов обширной Российской империи» [11, с. 45]. Таким образом, нерешенность аграрных проблем и апогей «крестьянской революции» 1905—1906 гг. вынудили царские власти в период премьерства П. А. Столыпина пойти на целый ряд масштабных преобразований в аграрном секторе страны.

1. Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционизма к контрреволюции. М. : Мысль, 1975. 383 с.
2. Варфоломеев Ю. В., Шумилова Л. Н. Погромные «иллюминации»: особенности и характер крестьянских беспорядков в Саратовской губернии в 1905 году (по материалам судебных процессов) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 3 (78). С. 135–145.
3. «Всемилостивейше повелено быть саратовским губернатором...» (к 150-летию П. А. Столыпина) / редкол.: А. В. Воронежцев, А. И. Пиреев, Н. В. Самохвалова, Н. И. Широва. Саратов : Издательский центр «Наука», 2012. 274 с.
4. Телицын В. Л. Аграрный террор, или Феномен деревенского бунтарства // Духовность: Журнал гуманитарных исследований. 2003. Кн. 3: Октябрь – март. С. 154–162.
5. Бакаев А. А. Проблема «агарного террора» в советской историографии // Российский следователь. 2004. № 12. С. 45–47.
6. Лемаев И. В. Феномен аграрного террора в крестьянском движении во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Пензенской губернии) // Успехи современной науки и образования. 2017. № 10. С. 157–163.
7. Квасов О. Н. Терроризм в российском революционном движении (вторая половина XIX – начало XX вв.). Воронеж : ФГБОУ ВО «ВГЛТУ», 2022. 308 с.
8. Безгин В. Б. Крестьянский самосуд и семейная расправа (конец XIX – начало XX вв.) // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 152–157.
9. Гохлернер В. М. Из истории крестьянского движения в Саратовской губернии в годы первой русской революции (1905–1907 гг.) // Ученые записки Саратовского университета. 1956. Т. 55. С. 219–245.
10. Бабиков И. И. Крестьянское движение в Саратовской губернии накануне первой русской революции // Ученые записки Саратовского университета. 1956. Т. 55. С. 172–218.
11. Шишкин Д. П. Содержание и основные особенности реализации стольпинской аграрной реформы в Саратовской губернии в начале XX века // Манускрипт. 2018. № 8 (94). С. 45–48. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-8.10>
12. Воробьев Е. П. Социально-психологические аспекты крестьянского движения в Нижнем Поволжье в 1861–1904 годах // Историческая психология и социология истории. 2015. № 2. С. 45–63.
13. Воробьев Е. П., Ященко Р. В. Поджоги как форма крестьянского движения в пореформенный период : по материалам Саратовской губернии // Вестник архивиста. 2015. № 4. С. 177–187.
14. Варфоломеев А. Ю., Варфоломеев Ю. В. Количественные и качественные изменения в структуре государственных преступлений в начале XX века (по материалам Саратовской судебной палаты и окружного суда) // Базис. 2023. № 1 (13). С. 83–91.

15. Варфоломеев Ю. В. Проблема эксцесса революционного насилия в крестьянском движении 1905–1907 гг. (по материалам Саратовской губернии) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 378–382. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-378-382>
16. Кондрашин В. В. «Крестьянская революция в России 1902–1922 гг.»: научный проект и научная концепция (предварительные заметки) // Уральский исторический вестник. 2008. № 2. С. 85–89.
17. Данилов В. П. Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть : материалы конференции (Тамбов, 7–8 апреля 1995 г.) / отв. ред. С. А. Есиков. М. : МШСЭН ; Тамбов : ТГТУ, 1996. С. 4–23.
18. Медушевский А. Н. Аграрные реформы в России: проекты и реализация // Мир России. 2007. № 1. С. 59–98.
19. Утиулиев Ж. А. Эскалация деструктивных настроений в крестьянской среде накануне Первой русской революции (по материалам Саратовской Судебной палаты и окружного суда) // Базис. Научно-практический журнал. 2022. № 2. С. 64–67. <https://doi.org/10.24412/2587-8042-2022-212-64-67>
20. Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 8 (Саратовский окружной суд Министерства юстиции). Оп. 1. Д. 255.
21. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 254.
22. Маслов П. П. Аграрный вопрос в России. М. ; Л. : Госиздво, 1926. 435 с.
23. Веселовский Б. Б. Крестьянский вопрос и крестьянское движение в России: (1902–1906 гг.). СПб. : Зерно, 1907. 172 с.
24. ГАСО. Ф. 53 (Саратовское губернское жандармское управление). Оп. 1. Д. 121.
25. Как крестьяне учат разываевых // Революционная Россия. 1902. № 7. С. 20.
26. Павлов Д. Б. Эсеры-максималисты в Первой российской революции. М. : Издательство Всесоюзного заочного политехнического института, 1989. 239 с.
27. Литвак Б. Г. Крестьянское движение в России в 1775–1904 гг. : История и методика изучения источников. М. : Наука, 1989. 252 с.

Поступила в редакцию 25.03.2024; одобрена после рецензирования 29.03.2024; принята к публикации 28.06.2024
The article was submitted 25.03.2024; approved after reviewing 29.03.2024; accepted for publication 28.06.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 545–552

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 545–552

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-545-552>, EDN: VERQNB

Научная статья

УДК 271.2-878(470.44)|18/19|

«Приверженцы иудейства». Секта субботников Саратовской губернии в XIX – начале XX века: проблемы идентификации и восприятия

М. С. Мулевая

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Мулевая Мария Сергеевна, аспирант кафедры отечественной истории и историографии, mariamulevaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8101-6597>, AuthorID: 1175671

Аннотация. В статье предпринята попытка анализа проблемы идентификации субботников через призму регионального преломления на примере Саратовской губернии как одного из центров проживания сектантов в рассматриваемый период. Субботники стремились к рецепции ветхозаветных текстов, религиозных традиций и обрядовых практик, под влиянием которых происходило конструирование самосознания сектантов. Рассмотрены истоки появления субботников в регионе, их численность, места локализации и выстраивание контактов с носителями нормативного иудаизма. Особое внимание уделено герам – течению внутри субботников, отождествляющих себя с евреями. Официальная власть воспринимала иудействующих как евреев, применяя соответствующие санкции в рамках политического дискурса.

Ключевые слова: субботники, русские иудействующие, геры, Саратовская губерния, религиозная идентичность, конструирование идентичности, рецепция традиций, нормативный иудаизм

Для цитирования: Мулевая М. С. «Приверженцы иудейства». Секта субботников Саратовской губернии в XIX – начале XX века: проблемы идентификации и восприятия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 545–552. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-545-552>, EDN: VERQNB

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“Followers of Judaism”. Subbotnik sect of the Saratov province in the 19th-early 20th century: Problems of identification and perception

M. S. Mulevaya

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Maria S. Mulevaya, mariamulevaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8101-6597>, AuthorID: 1175671

Abstract. The article attempts to analyze the problem of identifying subbotniki through the prism of regional refraction, using the example of Saratov province as one of the sectarian centres of residence in the period under consideration. Subbotniki strove for the reception of Old Testament texts, religious traditions and ritual practices, under the influence of which the sectarians' identity had been developing. The author also examined the origins of subbotniki in the region, their numbers, settlement areas and the building of contacts with normative Judaism supporters. Particular attention is paid to the Gers, a group within the subbotniki who identify themselves with Jews. The official authorities perceived the Judaizers as Jews, applying appropriate sanctions within the political discourse framework.

Keywords: subbotniki, Russian Judaizers, Gers, Saratov province, religious identity, construction of identity, reception of traditions, normative Judaism

For citation: Mulevaya M. S. “Followers of Judaism”. Subbotnik sect of the Saratov province in the 19th-early 20th century: Problems of identification and perception. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 545–552 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-545-552>, EDN: VERQNB

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В российской историографической традиции изучение аспектов религиозной жизни XIX – начала XX в., в особенности связанных с сектантством в плоскости региональной истории, до сих пор не утратило своей актуальности. Рассматриваемая в рамках данной статьи секта субботников на материалах Саратовской губернии как одного из мест ее локализации, остается на сегодняшний день освещенной крайне фрагментарно. Отдельные упоминания о субботниках региона, впрочем, носящие в большинстве своем обобщающий характер, встречаются в трудах Н. В. Варадинова [1], А. Ф. Леопольдова [2], Н. И. Костомарова [3], А. И. Артемьева [4], протоиерея Т. Буткевича [5], С. В. Булгакова [6], С. Д. Бондаря [7], Е. В. Моловствовой [8], миссионеров М. Тифлова [9] и А. Флегматова [10]. Преимущественно интерес исследователей касался вопросов генезиса движения субботников, особенностей религиозных взглядов и взаимосвязи с ересью «жидовствующих».

Однако не менее важные вопросы их религиозной идентификации, взаимоотношений с евреями и коммуницирования с официальной властью в рамках антиеврейского политического дискурса до сих пор представляют довольно мозаичную картину, состоящую из отрывочных и недостаточно отрефлексированных сведений. Достижение значительного прогресса в изучении данной проблемы в общероссийском контексте стало возможным благодаря привлечению широкого круга источников, собранных практическим путем этнографических, фольклорных и лингвистических материалов, использованию междисциплинарных подходов, что нашло отражение в современных исторических исследованиях Т. И. Хижей [11], А. А. Панченко [12], А. Л. Львова [13] и Л. Г. Жуковой [14].

Время появления раскольников и сектантов в Саратовской губернии краевед А. Ф. Леопольдов относит ко второй половине XVII – началу XVIII в., когда отдаленный и малонаселенный регион служил местом ссылки всякого рода преступников [2, с. 35–36]. По манифесту от 4 декабря 1762 г. начался процесс иностранной колонизации, приглашались выходцы из других стран, за исключением евреев, для заселения и дальнейшего освоения губернии. Вместе с тем религиозная политика Павла I способствовала укреплению местных раскольников, их монастыриширились, пополнялись новыми верующими, а монахи были освобождены от податей и реекрутской повинности. Нередкими оказывались случаи оставления православными священниками своих приходов и уклонения в раскол. В конечном счете обширность Саратовской губернии, до 1799 г. не располагавшей собственной епархией, слабая населенность и общий дух безнадежности способствовали тому, что регион становился благодатной почвой для распространения и укоренения сектантства [2, с. 60–61].

Первые сведения о численности субботников Саратовской губернии относятся к 1770 г., когда в четырех селах Балашовского уезда были зафиксированы 400 душ последователей секты [8, с. 241]. К началу XIX в. данная территориальная единица оставалась основным местом локализации иудействующих, в частности, уездный центр Балашов, села Иняево, Пинеровка, Большая Грязнуха, Дурники и Еремеевка, где, по данным статистика А. И. Артемьева, насчитывалось приблизительно 9/10 общего числа субботников губернии, а именно 396 чел. [4, л. 37]. Однако указанные сведения вряд ли следует считать точными, поскольку епархиальная газета «Саратовский духовный вестник» писала, что в посаде Дубовка Царицынского уезда насчитывалось 673 души обоего пола [15, с. 22]. В течение XIX в. сектантское вероучение распространилось за пределы указанных территорий и пустило корни в Саратовском, Царицынском, Камышинском и Аткарском уездах.

Динамику численности субботников можно проследить благодаря сведениям, собранным правительственным чиновником Министерства внутренних дел Н. В. Варадиновым. Так, в 1826 г. в Саратовской губернии проживали около 1120 субботников, в 1837 г. – 1025, в 1839 г. – 1252, в 1841 г. – 694 [1, с. 374, 377, 379]. Примечательно, что за тот же 1839 г. А. Ф. Леопольдов указывает немно меньше количество – 935 душ [2, с. 137]. Данные последующих десятилетий зафиксировали в 1880 г. – 1557 чел. [16, с. 2], спустя 6 лет – 1006 [17, с. 146].

Колебания численных показателей контингента субботников как в отдельных их центрах, так и в целом по всей губернии, объясняется лишь тем, что сектанты зачастую скрывали свою веру. Проблему сокрытия признают, в частности, благочинные Саратовской епархии в своих отчетах и сведениях о сектантах, подаваемых в губернаторскую канцелярию [18, л. 89]. Распространенной практикой стало крещение новорожденных у местных священников по православной традиции, а затем совершение обрезания. Ярким подтверждением тайного уклонения в сектантство является секретное донесение священника Петра Лебедева епископу Саратовскому и Царицынскому Иакову (Вечеркову) о крестьянах с. Балыклей Царицынского уезда, вернувшихся в лоно православия в 1836 г., а спустя 2 года 92 чел. подали прошение о дозволении оставить христианскую веру, свободно исповедовать иудейскую и также переселиться в закавказские провинции [19, л. 4–4 об]. Сами крестьяне заявляли о «темном усердии к христианской вере с самого своего обращения и о тайном исповедовании иудейства» [19, л. 13]. Аналогичная ситуация приводится в переписке балашовской полиции с саратовским губернатором о мероприятиях по ликвидации иудейской секты за 1837 г.

с указанием на дело некоей однодворки с. Инясово Татьяны Антиповой, уклонившейся сначала в жидовскую секту, затем вернувшейся в православие, но в конечном счете снова перешедшей в сектантство [20, л. 8].

Большинство исследователей единодушны во мнении о роли молоканства и религиозных традиций иудаизма в генезисе секты субботников. Во второй половине XVIII в. духовный лидер молокан однодворец Тамбовской губернии Семен У克莱ин под влиянием некоего иудействующего Семена Далматова, которого исследователи называют евреем и раввином жидовствующих [5, с. 386], сначала перенял в учение отдельные иудейские практики, связанные с пищевыми запретами, затем втянулся в спор о личности Иисуса Христа и превосходстве Моисеева закона. Новыми идеями молоканского учения увлекся крестьянин посада Дубовка Евсей Сундуков, позиционировавший себя учеником У克莱ина, он же стал почитать священным днем не воскресенье, а субботу по иудейскому образцу, в дальнейшем давшую название сектантскому движению – субботники.

Одновременно с субботниками образовалась другой оппозиционный толк молоканства: его сторонники называли себя воскресниками, подчеркивая в названии принципиальное расхождение в основах вероучения. Впоследствии Саратовская Уголовная палата предъявила Сундукову обвинение в распространении жидовской ереси, совершении соответствующих религиозных обрядов и незаконном присвоении звания раввина, о чем свидетельствовали найденные у него записки от саратовских субботников, которых они обращались к нему «равви» [21, с. 288–289]. Согласно приговору он был сослан в Сибирь, где менее чем через год умер от голода.

Феномен проникновения иудейских религиозных традиций в среду некогда православного населения неизбежно наводит исследователей на мысль о генетической связи субботников и новгородского еретического учения жидовствующих, возникшего в XV в. После уничтожения ереси остатки ее последователей расселились по разным отдаленным уголкам России. К выводу о том, что жидовствующие не могли кануть в небытие и, вероятно, с течением времени под влиянием различных обстоятельств изменили свое учение, трансформировавшись в новую секту, приходит чиновник Министерства внутренних дел А. И. Артемьев, принявший участие в 1854–1855 гг. в экспедиции в Саратовскую губернию, результатом которой стало статистическое исследование. Ссылаясь на еврейские легенды и предания, он пишет о неких десяти израильских коленах, расселившихся в саратовских степях, которые со временем смешивались с местным населением, постепенно утрачивали собственные религиозные верования. Евреи же,

по его мнению, ищут когда-то заблудившихся соотечественников, в том числе в среде субботников, считают обязанностью обращать их в закон еврейский [4, л. 37].

Согласно предположению Леопольдова субботники – потомки русских жидовствующих, появившиеся в губернии, вероятно, от жидов, сосланных в незапамятные времена из какой-либо средне-российской губернии в ненаселенные тогда саратовские степи. В дальнейшем произошло слияние двух еретических учений в единий субботнический толк. Прямых подтверждений преемственности субботников с ересью жидовствующих нет, однако, исследователи XIX – начала XX в. считают их продолжателями новгородского еретического учения.

В заметках об иудействующих, оставленных Н. И. Костомаровым во время его пребывания в ссылке в Саратове в 1848–1859 гг., описывается знакомство историка с местными субботниками [3]. В беседе с одним из них Костомаров спрашивает об истоках учения, на что получает ответ о еврее Схарии, распространявшем в XV в. в Новгороде «ересь жидовствующих». Однако историк сомневается в однозначности и достоверности слов сектанта, видя в них следование древнему преданию, переходящему из уст в уста, либо умозаключению более позднего времени, составленному на основе сходства между учеником Схарии и субботников [3, с. 268]. Еще одной причиной проникновения иудаизма в среду русского населения можно назвать прямые контакты с носителями. К примеру, по мнению миссионера Флегматова, появление во второй половине XVIII в. в Дубовке молокан-субботников стало результатом контактирования с неким евреем Левиным, так как территория посада в экономическом отношении представляла собой крупный центр торговли и, соответственно, была местом взаимодействия с разными людьми, в том числе иудействующими из других губерний [10, с. 553].

Между тем во второй половине XVIII – начале XIX в. в Саратовской губернии не было зарегистрировано проживание еврейского населения. Первые упоминания о нем относятся к началу 1830-х гг., когда в губернский центр были сосланы евреи и поляки, участвовавшие в польском восстании [22, с. 65]. В то же время в Саратове квартировались батальоны кантонистов, позже переведенные в уездный город Вольск. В их рядах было немало евреев, принужденных к порой насилиственному принятию православия. В 1834 г. были крещены 127 евреев-кантонистов, в следующем году еще 268 [23, с. 194]. К 1940-м гг. в Саратове функционировало кладбище иностранных исповеданий, в том числе еврейское [24, с. 150–151]. Важно учитывать тот факт, что иудаизм не является миссионерской религией, к тому же численность евреев в губернии в рассматриваемый период была довольно

незначительна. К середине XIX в. количество еврейского населения не превышало 120 чел. [25, л. 1–10], лишь к концу столетия оно значительно увеличилось, достигнув, по данным переписи 1897 г., численности в 2965 чел. [26, с. 3].

Конструирование идентичности субботников как некогда православных людей носило религиозный характер и определялось пограничным состоянием из-за невозможности отнести их ни к христианам, ни к иудеям. Имея девиации по отношению к нормативному иудаизму, обрядовые практики субботников можно расценивать как синкретизм молоканских и еврейских традиций [27, с. 289]. В субботничестве прослеживается рецепция не только религиозных традиций, будь то эсхатологические и мессианские представления, использование обрядовых атрибутов и ритуалов (молитвенные одеяния тфилин и талит, обращение на юг, в сторону Иерусалима во время молитвы), приверженность Моисееву закону и обрезанию, но и тесно связанные с ними повседневные практики, в частности, предпочтение заботы скота представителем природных евреев и пищевые ограничения (кашрут).

В этом отношении representative молитвенник субботников Еременихинско-Балашовской общине, представляющий собой сборник молитв печатного и рукописного текста, содержащий отсылки к ветхозаветным сюжетам и ключевым событиям жизни еврейского народа. В послеобеденной молитве они даже воздают хвалу Всевышнему за то, что тот «вывел Израиля (имеется в виду еврейский народ. – М. М.) из земли египетской и освободил из рабства» [28, с. 22]. В сборнике перечисляются наиболее крупные праздники, объясняется их смысл и происхождение. В качестве «отцов наших» упоминаются имена ветхозаветных патриархов – Авраама, Исаака, Иакова и Моисея.

Некоторые молитвы, представленные в сборнике, не лишены чаяний о сооружении святого храма в Иерусалиме и дальнейшего устроения царства для собранных с четырех концов земли евреев и особенно субботников, представителей «нового Израиля», как именуют они себя в противовес «народу дома Израилева», т. е. евреям. Именно поэтому в конце XIX в. сионистское движение нашло широкий отклик в среде субботников. В рассказе писателя еврейского происхождения С. А. Анского «Среди иудействующих» главный герой Степан, крестьянин Саратовской губернии, мечтает «поехать в Палестинку», так в уменьшительно-ласкательной форме он называет Святую землю, где желает «купить землицу и осесть» [29, с. 284]. В разное время несколько десятков семейств иудействующих со всей Российской империи переселилось в Палестину, устроившись в еврейских колониях, где занимались земледелием и через два-три поколения окончательно ассимилировались в новой среде.

В одной из молитв прослеживается аспект идентификации субботников и соотнесении их с евреями: «Да будут сладостны слова учения Твоего в устах *наших* и в устах *народа Твоего, дома Израилева*, дабы мы *все, потомки наши и потомки народа Твоего, дома Израилева*, *познали имя Твое и изучали закон Твой*» [28, с. 33]. Тем самым, несмотря на общность религиозных традиций и истоков, берущих начало от праотцов, субботники проводят черту между собой и евреями, демаркируя себя от «народа дома Израилева». На аналогичное дистанцирование указывает Н. И. Костомаров: молокане-субботники, с которыми он встречался, также называют себя «новый Израиль», однако не отождествляют с проживающими далеко за пределами святой земли евреями. Относительно последней характеристики он приводит следующее объяснение: «Евреи теперь не приносят жертв, ибо они в изгнании, а мы “новый Израиль”, нам надобно приносить жертвы» [3, с. 267].

Протоиерей Тимофей Буткевич также пишет о том, что субботники ставят себя выше природных евреев в области следования Моисееву закону, которому они подчиняются по добре воле, а не по происхождению [5, с. 396–397]. Подобная аргументация приводится на страницах газеты «Саратовский духовный вестник» за 1910 г. в дискуссии миссионера и субботников Кузьмичева хутора близ Царицына. Сектанты называют себя пока лишь прозелитами Моисеева закона, не достойными быть на одном уровне с евреями [30, с. 7].

Впрочем, в бытовом плане субботники ничем не отличались от православных крестьян, носили русские имена и фамилии. Так, в донесении дубовского полицмейстера губернатору Голицыну от 8 февраля 1828 г. о состоянии иудейской секты прилагается список сектантов, проживавших в посаде, где из 43 имен только одно может быть еврейским – Абрам [31, л. 6–6 об.]. Не знали субботники и древнееврейского языка, используя при богослужении молитвословы в русском переводе. Впрочем, своих детей сектанты стремились научить ему, что является важным показателем формирования идентичности. В с. Инясово Балашовского уезда находилась школа для детей, где их обучали чтению и письму на древнееврейском, здесь же отправляли богомолье [1, с. 94–95]. На «мнимое богослужение с бесчинным криком поющих» жаловался епископ Пензенский и Саратовский Амвросий (Орнатский) в донесении Священному Синоду от 1822 г., указывая на сборища субботников, которые не только устраиваются менее чем в 100 м от православной церкви, но и криками мешают совершению литургии [32, с. 406–407]. В результате сектантов обязали отправлять служение в своих домах.

Далеко не последнюю роль в процессе самоидентификации сыграло свободное чтение

и интерпретация ветхозаветных текстов. Грамотные «толкователи Библии» из числа субботников представляли потенциальную опасность в возможном совращении православного населения в ересь и вызывали немало беспокойства у местного духовенства. Характерной иллюстрацией может служить рапорт 1836 г. священника Захария Смирнова с. Пинеровки на имя епископа, в котором сообщается о некоем однодворце с. Дурниконо из молокан субботней секты Филиппе Иосифове. Умевший читать и писать, он вместе со своим старшим сыном Наумом многие места из Библии подвергал вольной трактовке в соответствии со своим религиозным толком [33, л. 3–3 об.].

У епархиального начальства священник просит принять меры по выдворению сектантов из Пинеровки, где те временно проживают, так как тот же Иосифов, будучи по роду деятельности кузнецом, взаимодействует с православным населением и может кого-то подтолкнуть к уклонению в ересь. В конечном счете в Пинеровке, ранее не зараженной сектантским вероучением, появится очаг субботничества. Поэтому можно говорить о формировании субботников как своего рода текстуального сообщества, сконструированного на базе Ветхого Завета, служившего своеобразной «еврейской закваской» [34]. Именно текст религиозного вероучения и его свободное толкование формировали у сектантов свою особую картину мира, представления о потустороннем и способствовало складыванию собственной идентичности.

Более поздним и вторичным ответвлением субботников являются геры или «пришельцы», как они сами себя называют, ориентированные на конфессиональную традицию талмудического иудаизма [27, с. 288]. Они почти евреи и по самоощущению, и по внешним признакам, и по особенностям учения [8, с. 246]. Геры приняли Талмуд, зачастую читали молитвы на древнееврейском языке, раввин у них природный еврей. В упоминавшемся выше рассказе писателя Семена Ан-ского описывается встреча с гером Степаном, уроженцем Саратовской губернии. Герой представлен типичным крестьянином-великороссом, с широким, открытым мужицким лицом. Ан-ский отмечает в его глазах глубокое, поистине еврейское смиление и религиозность [29, с. 279]. В рассказе геры показаны трудолюбивыми, живущими честным трудом, а главное, строго выполняющими иудейские обряды. Наиболее зажиточные из них отправляют сыновей в еврейские центры – в Вильну и Warsaw – для обучения в иешивах. С местными евреями геры мало сталкиваются, но относятся к ним с глубоким почтением как к прямым потомкам библейских патриархов и считают большой честью возможность породниться с «помазанными божьими» [29, с. 280].

Слова Степана, который говорит о том, что «деды субботствовали, а родители уже “герствовали”» наталкивают на мысль о трансформации самоидентификации прозелитов, считающих себя сынами Авраама по завету, не по рождению, а по собственной воле и желанию. Самы геры держатся за свое положение, осознавая возможность утратить собственную принадлежность к иудейской вере из-за неподобающего поведения, в то время как евреи всегда остаются таковыми по праву своего происхождения [29, с. 289].

Затрагивая аспект восприятия субботников, важно упомянуть об отношении к ним со стороны евреев, о чем можно сделать выводы лишь исходя из объективных фактов и через призму взглядов православного духовенства. Евреи проникали в уже сформированные сообщества в качестве учителей, толкователей, духовных наставников, носителей обрядовых и повседневных практик, к примеру, моэлей в области совершения обрезания и шойхетов в деле кошерной резки скота, а сектанты, в свою очередь, выступали реципиентами. Возможно предположить, что подобные действия евреев носили исключительно добровольный характер. Несмотря на отсутствие в иудаизме стремления к прозелитизму, они не препятствовали желаниям субботников стать последователями Моисеева Закона. Представители духовенства на этот счет приводят довольно противоречивые сведения. К примеру, миссионер Тифлов упоминает об одном сектанте, которого взяли кантором в синагогу Царицына [35, с. 532]. В риторике официальной церковной периодической печати, напротив, подчеркивается предвзятое отношение евреев к неофитам как к иноплеменникам и дальнейшее непринятие чужаков в свою среду [36, с. 119].

В официальном политическом дискурсе восприятие субботников на протяжении XIX– начала XX в. отличалось периодической изменчивостью. Лояльная конфессиональная политика Александра I, характеризовавшаяся религиозной свободой и веротерпимостью, способствовала увеличению контингента иудаизующих в Саратовской губернии. Согласно сведениям миссионера Тимофея Буткевича в посаде Дубовка субботники заняли доминирующее по численности положение, даже вытеснив православное население [5, с. 394].

Изменение вектора религиозной политики в последний год царствования Александра I и особенно с началом правления Николая I повлекло ужесточение санкций по отношению к сектантам. В синодском указе от 29 июля 1825 г. «О мерах к отвращению распространения жидовской секты, под названием субботников» предписывалось высылать евреев из уездов, в которых находятся места проживания субботников [32, с. 398]. Это стало превентивной мерой для предотвращения последующих уклонений

в сектантство. Правительство ограничивало контакты евреев с христианским населением, стремясь оградить их от религиозного воздействия. В то же время провозглашалось «именовать субботников жидовскою сектою и оглашать, что они подлинно суть жиды» [32, с. 397]. В декабре 1842 г. от Священного Синода последовало разделение раскольников на три степени – вреднейшие, вредные и менее вредные, где субботники оказались отнесены к первой категории [1, с. 491–492].

С целью ограждения православного населения от сектантов последних порой целыми селениями переселяли в Закавказье, Тобольскую и Иркутскую губернии. Секта определялась не столько еретичеством, сколько совершенным отпадением от христианства и существенной враждой против него. Субботники ассоциировались с евреями, соответственно, отношение к ним было аналогичным, о чем свидетельствуют негативные по своей семантике наименования, их называли «русскими жидами», «иудействующими», «жидовствующими». Отрицание Христа было основанием считать субботников евреями [37, с. 132]. Как отмечает Т. И. Хижая, в законодательных актах относительно субботников не прослеживался национальный дискурс, не шла речь об измене родине, потере национальной идентичности, отвержении «русскости», делался акцент лишь на конфессиональном аспекте вплоть до конца XIX в. [37, с. 133].

На рубеже столетий на волне усиления национального дискурса, в котором особо остро стоял еврейский вопрос, изменяется и отношение к субботникам. В то время, как сами субботники не мыслили этнонациональными категориями, в общественном сознании они воспринимались предавшими собственную веру и «русскость», отказавшимися от христианства, русских обычаях и даже языка. Помимо использования в вероучении догматов иудаизма, что рассматривалось как кощунство над православными традициями и обрядами, secta субботников представляла собой опасность и для русского государства тем, что ее адепты отказывались от своей народности. Они переставали считать себя русскими, стыдились своего происхождения, стремясь покинуть Ассур (так называли Россию) и уехать на родину в Палестину [35, с. 531]. Подобное отношение сохранится вплоть до 17 апреля 1905 г., когда был обнародован манифест о веротерпимости, задекларировавший свободу вероисповеданий и отменивший преследование за уклонение в ересь.

Духовная власть на местах, в свою очередь, также предпринимала меры по увещеванию заблудших и обращении их ко Святой Христовой Церкви. На территории Саратовской губернии функционировало Братство Святого Креста и Епархиальный комитет российского православного миссионерского общества. Священники

из числа миссионеров совершали поездки по местам жительства субботников, организовывали публичные беседы. В Саратовской духовной семинарии велось преподавание древнееврейского языка не только для чтения подлинников канонических текстов, но и для осуществления миссионерской деятельности среди сектантов [38, с. 25].

На страницах официальных печатных органов, таких как «Саратовские епархиальные ведомости», а с сентября 1905 г. в газете «Саратовский духовный вестник», регулярно обсуждалась проблема распространения сектантства в губернии и предпринимаемые меры для борьбы с ним. Миссионерские братства и епархиальные органы издавали книги, освещающие историю раскола, памятные книжки и брошюры, служившие пособиями по практическим беседам с сектантами. В епархии, кроме противораскольнической библиотеки с книжным складом в губернском центре, было 40 аналогичных окружных библиотек [39, с. 357].

Священник Михаил Тифлов еще во времена службы в Саратовской епархии в 1886 г. в качестве противосектантского миссионера составил соответствующее руководство. Его переписывали и использовали другие представители духовенства, а позже напечатали в Астрахани. В 1897 г. в Царицыне протоиереем Андреем Флегматовым издается подробное пособие по русскому сектантству, в том числе по материалам Саратовской губернии.

Таким образом, появившиеся в XVIII в. в Саратовской губернии сектанты выстраивали тесные контакты с евреями как носителями нормативного иудаизма, что повлияло на конструирование их идентичности. Генезис движения субботников и особенно вопрос непосредственного влияния евреев на некогда православных русских людей, уклонившихся в иудаизм, до сих пор остается открытым. Саморепрезентация, основанная на религии, включала в себя искаженный вариант иудаизма, в большей степени ориентированный на религиозный текст, преимущественно Ветхий Завет. Несмотря на то, что отпадение от православия ставило их в один ряд с евреями, сами субботники не отождествляли себя с ними. Исключение составляли геры, стремившиеся влиться в еврейскую среду за счет ревностного следования религиозным традициям и практикам. Подобное тяготение к евреям некогда православного населения не могло не вызывать беспокойство у официальной власти, однако отношение к ним изменялось в соответствии с политическим дискурсом и во многом коррелировалось с антиеврейской риторикой.

Список литературы

1. Варадинов Н. В. История Министерства внутренних дел : в 8 кн. Кн. 8 : История распоряжений по расколу. СПб. : Тип. Министерства внутренних дел, 1863. 656 с.

2. Леопольдов А. Ф. О расколе в Саратовской епархии, по рукописи А. А. Леопольдова // Труды СУАК. Вып. 23. Саратов : Тип. губернского земства, 1903. С. 35–166.
3. Костомаров Н. И. Воспоминания о молоканах // Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования : в 8 кн., 21 т. Кн. 5, т. 12. СПб. : Тип. Стасюлевича, 1905. С. 265–281.
4. Российская национальная библиотека (РНБ). Отдел рукописей. Ф. 37 (Артемьев Александр Иванович). Д. 273.
5. Буткевич Т. Обзор русских сект и их толков. Харьков : Тип. Губернского Правления, 1910. 607 с.
6. Булгаков С. В. Справочник по ересям, сектам и расколам. М. : Современник, 1994. 951 с.
7. Бондарь С. Д. Секты хлыстов, шалопутов, духовных христиан, старый и новый Израиль и субботников и иудействующих. Краткий очерк. Пг. : Тип. В. Д. Смирнова, 1916. 96 с.
8. Моловствова Е. В. «Иудействующие» в русском сектантстве. Субботники // Пережитое : сборник, посвященный общественной и культурной истории евреев в России : в 4 т. Т. 3. СПб. : Тип. И. Флейтмана, 1911. С. 239–251.
9. Тифлов М. Памятная книжка противосектантского миссионера. Пособие для бесед с сектантами, rationalistами и мистиками. Астрахань : Тип. Н. Л. Рослякова, 1895. 102 с.
10. Флегматов А. Беседы по русскому расколу и сектантству. Царицын : Тип. В. Р. Федоровой, 1897. 574 с.
11. Хижая Т. И. К вопросу о контактах между субботниками и евреями в России первой трети XIX в. // Проблемы европейской истории : в 3 ч. Ч. 1. М. : Книжники, 2008. С. 166–181.
12. Панченко А. А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М. : ОГИ, 2004. 541 с.
13. Львов А. Л. Соха и Пятикинские: русские иудействующие как текстуальное сообщество. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. 328 с.
14. Жукова Л. Г. «Любимцы Бога»: к вопросу о самоидентификации русских иудействующих (субботников) // Вестник РГГУ. Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология». 2009. № 15 (09). С. 160–169.
15. Протоиерей Константин Минин. Исторические справки о происхождении раскола и сектантства в посаде Дубовка Саратовской губернии // Саратовский духовный вестник. 1912. № 32–33. С. 17–23.
16. Об учреждении в Саратовской епархии миссионерства // Саратовские епархиальные ведомости. 1880. № 1. С. 2–5.
17. Современный раскол (повременные выпуски) / под ред. В. М. Скворцова. СПб. : Журн. «Миссионерское обозрение», 1903. 200 с.
18. Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 135 (Саратовская духовная консистория Священного Синода). Оп. 1. Д. 3416.
19. ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 339.
20. ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 168.
21. К истории сектантства в Астраханской губернии // Астраханские епархиальные ведомости. 1891. № 14. С. 285–291.
22. Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф. Саратовская летопись // Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов : Паровая скоропечатня Губернского Правления, 1893. С. 19–104.
23. Еланский В. Г., Смирнов А. В. Описание архива бывшего вольского духовного правления // Труды Саратовской Ученой Архивной Комиссии : в 4 т. Т. 1, вып. 2. Саратов : Тип. Н. П. Штерцер и К°, 1888. С. 121–206.
24. Духовников Ф. В. К истории топографии Саратова начала нынешнего столетия // Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов : Паровая скоропечатня Губернского Правления, 1893. С. 116–154.
25. ГАСО. Ф. 1 (Канцелярия Саратовского губернатора). Оп. 1. Д. 1316.
26. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года / под ред. Н. А. Тройницкого : в 89 т. Т. 38. СПб. : Тип. С.-Петербургской Тюрьмы, 1904. 250 с.
27. Панченко А. А. Субботники и их сны // Свой или чужой? Евреи и славяне глазами друг друга : сборник статей / отв. ред. О. В. Белова : в 24 вып. Вып. 11. М. : Дом европейской книги, 2003. С. 288–320.
28. Молитвы субботников Ветхого Завета / сост. И. Я. Поляников. Балашов, 1917. 305 с.
29. Ан-ский С. А. Среди иудействующих. Из путевых заметок // Собрание сочинений : в 5 т. Т. 3 : Разрушители ограды. СПб. : Просвещение, 1912. С. 279–306.
30. Священник Константин Бульчев. У субботников Кузьмичева хутора близъ города Царицына // Саратовский духовный вестник. 1910. № 28–29. С. 5–7.
31. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 54.
32. О мерах к отвращению распространения Жидовской секты, под названием Субботников. Синодский, по Высочайше утвержденному положению Комитета Министров. 1825, июля 29 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое (1649–1825) : в 45 т. Т. 40, № 30.436.а. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. С. 397–408.
33. ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 50.
34. Львов А. Л. Субботники и евреи. Предисловие к публикации очерка Моисея Козьмина «Из быта субботников». URL: <http://lvov.judaica.spb.ru/subjew.shtml> (дата обращения: 06.05.2024).
35. Тифлов М. Из записок и дневников. О переселении сектантов в Палестину // Миссионерское обозрение. 1904. № 5. С. 530–537.
36. Головкин М. Вечер у субботников. Из дневника епархиального миссионера // Оренбургские епархиальные ведомости. 1897. № 3. С. 117–125.
37. Хижая Т. И. Субботники и евреи в Российском обществе XIX – начала XX в.: дискурсы восприятия

- тия // Научные труды по иудаике. Материалы XX Международной ежегодной конференции по иудаике. Вып. 45 : в 3 т. Т. 1 / отв. ред. В. В. Мочалова. М. : Центр научных работников и преподавателей иудаики в ВУЗах «Сэфера», 2013. С. 131–150.
38. Майорова А. С. Саратовская духовная семинария и ее роль в преобразовании культурного пространства губернского города в первой половине XIX века // Известия Саратовского университета. Новая Серия. Серия : История. Право. Международные отношения. 2005. Т. 5, вып. 1/2. С. 21–28.
39. Извлечение из всеподданейшего отчета Обер-прокурора Священного Синода за 1887 год // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем правительстве Синоде. 1890. № 31. С. 357–358.

Поступила в редакцию 12.05.2024; одобрена после рецензирования 20.05.2024; принята к публикации 28.06.2024
The article was submitted 12.05.2024; approved after reviewing 20.05.2024; accepted for publication 28.06.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 553–557

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 553–557

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-553-557>, EDN: VFHGHQ

Научная статья

УДК [94+329.735](470.44/.47)|1917/1922| (=112.2)

Красная гвардия как инструмент закрепления большевистской власти в немецких селах Поволжья

Г. К. Королев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Королев Герман Константинович, аспирант кафедры отечественной истории и историографии, korolevgk@xarconle-old.ru, <https://orcid.org/0009-0001-8177-3747>, AuthorID: 1245012

Аннотация. В статье на основе конкретных фактов и примеров освещаются важнейшие стороны жизни немецких сел Поволжья в 1918 г. Важным инструментом закрепления власти большевиков на местах стали созданные ими красногвардейские формирования, главным требованием к которым было – защищать новую власть и обеспечивать реализацию ее политики на местах. Выполняя свои функции, данные отряды нередко применяли репрессивные методы обращения с крестьянами вплоть до их убийства, особенно при изъятии у них продовольствия и иного имущества.

Ключевые слова: немцы Поволжья, красногвардейцы, продовольственная диктатура, крестьянские волнения, карательные акции

Для цитирования: Королев Г. К. Красная гвардия как инструмент закрепления большевистской власти в немецких селах Поволжья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 553–557. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-553-557>, EDN: VFHGHQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The Red Guard as a tool for consolidating Bolshevik power in the German villages of the Volga region

G. K. Korolev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

German K. Korolev, korolevgk@xarconle-old.ru, <https://orcid.org/0009-0001-8177-3747>, AuthorID: 1245012

Abstract. The article shows the most important aspects of the life of the German villages of the Volga region in 1918 using specific facts and examples. An important tool for consolidating the power of the Bolsheviks on the ground were the Red Guard formations created by them, the main requirement for which was to protect the new government and ensure the implementation of its policy on the ground. Performing their functions, these detachments often used repressive methods of treating peasants up to their murder, especially when food and other property were seized from them.

Keywords: Volga Germans, Red Guards, peasant unrest, punitive actions, food dictatorship

For citation: Korolev G. K. The Red Guard as a tool for consolidating Bolshevik power in the German villages of the Volga region. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 553–557 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-553-557>, EDN: VFHGHQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

После прихода в России к власти большевиков в Саратовском Поволжье, как и в остальной российской глубинке, старая власть на местах существенно ослабла, потеряв опору сверху. Зимой 1917–1918 гг. немецкие села Поволжья, находившиеся на территории Саратовской (правобережье Волги) и Самарской (левобережье Волги) губерний, как, впрочем, и русские села региона, стали объектом насилиственных действий со стороны различного рода вооруженных

отрядов, как правило, сформированных новой властью для подавления своих противников. Их обычно называли красногвардейскими. Иногда таким названием пользовались уголовные группировки, прикрывая свои истинные цели.

Ярким примером могут служить действия в с. Норка руководителя местной коммунистической ячейки Александра Шлейнинга. Он образовал в селе свой «красногвардейский» отряд, с помощью которого стал творить в нем наси-

лие и произвол. Его дружины конфисковывала у крестьян и сбывала на сторону лошадей, другой скот, сено и иной фураж, ценные предметы домашнего имущества. Шлейнинг постоянно угрожал крестьянам убийством, некоторых даже расстрелял, арестовал и запер в амбаре всех, кто сопротивлялся, вымогал взятки, требовал давать ему для своих утех молодых женщин [1, л. 10–11].

Факты насилия над местным населением вынуждены были признавать даже сами руководители местных советов Саратовского Поволжья. Так, в изданном в первых числах февраля 1918 г. приказе Совнаркома «социалистической трудовой коммуны» Николаевского уезда Самарской губернии, где едва ли не каждое второе село было немецким, прямо говорилось, что «в ряды Красной Армии, Красной гвардии и даже некоторых совдепов, по-видимому, проникли разного рода паразиты трудящихся – хулиганствующие и уголовные элементы... Со всех сторон несутся жалобы, при проверке вполне подтверждающиеся, что некоторые красноармейцы, красногвардейцы и даже представители совдепов устраивают над гражданами различные насилия, произволы, учиняют истязания их плетьюми, наносят побои, злоупотребляют оружием и т. д. И даже мародерствуют, самовольно отирая у населения насильственным путем разное имущество...» [2, л. 4]. Как видим, весьма красноречивое признание!

Однако тот же уездный совнарком уже 26 февраля 1918 г. сам принял решение изъять у «зажиточных» крестьян «излишки хлеба и скота». Причем выполнение данного решения возлагалось на красногвардейцев [3, л. 2].

Такие практиковавшиеся советским руководством решения, как «изъятие излишков», на практике способствовали еще более массовому грабежу крестьян, независимо от уровня их зажиточности. Поскольку не существовало четких количественных и обязательных для соблюдения критериев уровня зажиточности, решение об изъятии зерна с угрозой применения оружия при невыполнении его требований принимал командир отряда. Это приводило к тому, что фактически у крестьян выгребался весь хлеб начисто. Ситуация для сельских жителей становилась все более катастрофической. Начались массовые протестные выступления крестьян как в русских, так и в немецких селах.

Важно отметить, что подавление подобных выступлений постепенно становится главной задачей подразделений Красной гвардии. Данная практика способствовала быстрому развитию ненависти крестьян к красногвардейцам. В случаях, когда крестьянские восстания принимали массовый и особенно опасный для власти характер в помощь красногвардейцам придавались подразделения и части Красной армии.

Следует обратить внимание и на тот факт, что создававшиеся большевиками в конце января 1918 г. подразделения и части Красной армии, по крайней мере, на исследуемой территории, в смысле воинской дисциплины и порядка мало чем отличались от красногвардейцев. Это и понятно, поскольку чаще всего формирование армейских подразделений в то время происходило путем простого переименования из красногвардейских в красноармейские.

Введенные в 1918 г. советским руководством чрезвычайные меры по изъятию у крестьян хлеба и другого продовольствия в пользу советской власти резко накалили ситуацию в российской деревне, включая и немецкие села Поволжья. Большевики фактически повторили политику Временного правительства, установившего в свое время хлебную монополию и на ее основании осуществлявшего реквизиции. Отличие заключалось в том, что большевистская власть сделала такие реквизиции частыми и массовыми. При этом сохранялись и договорные отношения с крестьянами.

Предписанием от 9 мая 1918 г. была подтверждена хлебная монополия [4, с. 249–250], а декретом от 13 мая 1918 г. устанавливалась продовольственная диктатура [5, с. 264–267], которая в последующие месяцы постоянно ужесточалась (массовые реквизиции и конфискации). Все отмеченные мероприятия проводились в основном силами красногвардейцев (из них главным образом комплектовались продотряды, в селах они являлись опорой для комбедов), что не могло не вызвать к ним ненависти со стороны крестьян.

Рассмотрим сложившуюся ситуацию на примере крупнейшей немецкой колонии правобережья – Голый Карамыш, в которую зимой 1917–1918 гг. неоднократно посыпались вооруженные продовольственные красногвардейские отряды, безвозвратно изымавшие у крестьян продовольствие и произведенную на дому сардинку¹. Однажды, в январе 1918 г., терпение жителей села лопнуло. Очередной вооруженный красногвардейский отряд, прибывший для изъятия продовольствия и сардинки, подвергся нападению вооруженных крестьян, был разоружен, избит и заперт под охраной. Применявшееся оружие в основном было привезено с фронта немцами-военнослужащими.

Одному из красногвардейцев все же удалось сбежать в Саратов и сообщить о произошедшем в Саратовский губисполком. Губисполком оперативно мобилизовал около 100 городских легких извозчиков. В повозки загрузили красногвардейский отряд, вооруженный винтовками и пулеметами. Отряд возглавил член Саратовской губернской коллегии ВЧК, большевик М. Венгеров. Отряд прибыл в Голый Карамыш, и восстание было жестоко подавлено [6, л. 54–55 об.].

В апреле 1918 г. в немецких селах правобережья в связи с усилением изъятия властью продовольствия и другого имущества, вновь начались волнения. Антибольшевистские силы Голого Карамыша выступили инициаторами формирования крупного отряда не только из его жителей, но и жителей соседних сел. Отряд был сформирован. Его возглавил учитель Зальцман. Отряд двинулся в сторону Саратова, однако в с. Сосновка, где планировалась пересадка на водный транспорт, голокарамышский отряд вп плотную столкнулся с крупным красногвардейским карательным отрядом под командой А. Шнейдера. Красногвардейцы разгромили голокарамышский отряд, расстреляв значительную его часть (около 100 чел.). Одновременно были расстреляны все антибольшевистские активисты Сосновки (8 чел.) [7, л. 56]

Далее карательный отряд двинулся в Голый Карамыш. Вот как об этом написано в воспоминаниях одного из его членов: «Карательный отряд, въехав в Голый Карамыш, разъехался по улицам, стрелял в воздух. В Голом Карамыше главарей² не оказалось. Все бежали. Лишь расстреляли одного организатора Магеля (Зальцман бежал). После карательный отряд направился в другие села, причем в Норке расстреляно 7 кулаков» [7, л. 57].

Следует отметить, что, несмотря на то, что в конце апреля 1918 г. в Саратове был создан Поволжский комиссариат по немецким делам во главе с германским коммунистом Э. Рейтером, которому Совнарком РСФСР поручил осуществлять управление немецкими поселениями, устанавливать и укреплять там советскую власть, руководство Саратовской и Самарской губерний неохотно передавало ему власть над немецкими селами, постоянно вмешиваясь в их жизнь, в основном по части изъятия оттуда продовольствия и другого имущества.

Поволжский комиссариат по немецким делам по отношению к немецким селам выполнял в основном такие же функции, как и другие губернские и уездные органы советской власти по отношению к жителям своих губерний и уездов. Создав Поволжский комиссариат по немецким делам, центральная большевистская власть надеялась, что этот орган власти, состоявший из немцев, будет внушать поволжским немцам больше доверия, чем другие, и потому облегчит установление в немецких селах все того же большевистского режима.

Исходя из этих намерений, центральная большевистская власть дала Поволжскому комиссариату полномочия по выделению территории немецких сел с целью в дальнейшем создать отдельную административно-территориальную единицу. Первоначально планировалось назвать ее Федерацией немецких уездов Поволжья, однако в октябре 1918 г. было принято и исполнено

окончательное решение: объединить все немецкие села в Область («трудовую коммуну») немцев Поволжья.

Несмотря на жестокие подавления выступлений немецких крестьян, они продолжались. Очередное выступление немецких поселенцев («кулацкое восстание») в Голом Карамыше и одноименном уезде вспыхнуло в июле 1918 г. Оно было подавлено крупным красногвардейским соединением, возглавляемым Д. Боргером. Одним из отрядов, входившим в соединение, командовал Е. Шпан. После жестокого подавления восстания Поволжский комиссариат по немецким делам поручил ему провести следствие по вопросу этого произошедшего «антисоветского» восстания. На основании проведенного следствия десятки жителей Голого Карамыша и сел одноименного уезда были приговорены к «высшей мере революционной защиты» – расстрелу. В дальнейшем Е. Шпан возглавлял «летучий отряд», созданный при уездном ЧК, основная задача которого состояла в выявлении и подавлении «саботажа и сопротивления» крестьян органам советской власти. Своей жестокостью этот отряд приобрел недобрую славу среди немцев правобережья [6, л. 57].

5 июля 1918 г. началось массовое восстание в немецких селах северного левобережья. Оно было жестоким по отношению к сторонникам советской власти. Так, в ходе восстания было уничтожено 25 продотрядовцев. Именно в этом и подобных ему крестьянских восстаниях использовалось оружие, привезенное домой фронтовиками, не поддерживавшими большевиков. В частности, в восстании в с. Цюрих (Зорькино) со своим оружием, принесенным с фронта, участвовал фронтовик Александр Бокк, который весь путь с фронта и до Цюриха прошел пешком [8, с. 596]. Для подавления этого восстания в Баронске был экстренно сформирован красногвардейский (в некоторых документах – красноармейский) отряд численностью до 100 чел. Кроме винтовок, отряд располагал двумя пулеметами с большим числом пулеметных лент. Особенностью отряда стал тот факт, что в его составе насчитывалось всего 5 немцев, включая командира. Руководил отрядом и осуществлял подавление восстания А. Гельвиг. Ему удалось в буквальном смысле слова потопить в крови это восстание. Жертвами карателей стали сотни сельчан, включая и тех фронтовиков, которые поддержали крестьян [9, л. 50]. Произшедшее событие существенно осложнило взаимоотношения русского и немецкого населения.

Данный факт, как и постоянное вмешательство саратовских и самарских губернских властей в жизнь немецких сел и игнорирование ими Поволжского комиссариата по немецким делам, не остались незамеченными в центральном руководстве РСФСР. 26 июля Совнарком РСФСР

издал постановление для губернских и уездных Советов Саратовской и Самарской губерний, категорически запрещавшее всякие самочинные действия в отношении немецких колонистов и призывающее работать в тесном контакте с Поволжским комиссариатом по немецким делам [10, с. 100–101]. Постановление за подписью В. И. Ленина было доставлено непосредственно в Саратов и Самару и лично вручено руководителям губерний, а также Э. Рейтеру.

Таким образом, из ряда приведенных примеров видно, что красногвардейские отряды в глазах основного населения немецких сел не пользовались каким-либо авторитетом, как правило, служили средством подавления сопротивления крестьян при реализации мер по укреплению большевистской власти и изъятию у крестьян продовольствия и другого их личного имущества. Поэтому создание красногвардейских формирований в немецких селах наталкивалось на неприязнь основной массы населения, шло с трудом, а отряды были малочисленны. В них вступала та небольшая часть немцев, которая попала под влияние революционной идеологии либо исходила из конькунтурных соображений, пытаясь таким образом извлечь для себя материальную и иную пользу. Однако, как видно из приведенных примеров, несмотря на свою малочисленность, красногвардейские формирования были хорошо вооружены, а революционный фанатизм и вседозволенность позволяли им применять оружие против своих в большинстве безоружных односельчан.

Выступая на II съезде Советов немецких колоний Поволжья (состоялся 20–24 октября в с. Шиллинг – Сосновка) член Поволжского комиссариата по немецким делам, ведавший военными вопросами, австрийский военнопленный А. Эбенгольц³ [7, л. 6] резко критиковал работу по созданию Красной гвардии в немецких колониях, отмечал, что она идет очень медленно, ее необходимо усилить. Главной причиной сложившегося положения он считал плохую агитацию. «Надо создавать немецкие революционные полки в тесном союзе с русскими братьями», – отмечал он [11, л. 34].

На самом же деле, как уже отмечалось, медленный процесс создания Красной гвардии объяснялся нежеланием немецких крестьян вступать в нее, как, впрочем, и в воинские формирования враждебных большевикам политических сил. Политика и тем более Гражданской войны немецких крестьян не привлекала. Они тяготели к традиционному мирному спокойному укладу своей сельской жизни.

Заслуживает внимания еще один эпизод военного использования властью поволжских немцев-колонистов. В частности, 17 июля 1918 г. Поволжский комиссариат по немецким делам получил телеграмму Председателя Совнаркома

РСФСР В. И. Ленина следующего содержания: «Пришлите немедленно одну роту немецких колонистов, если можете подобрать вполне надежных, вполне советских интернационалистов, знающих по-русски» [12, л. 5]. На основании данной телеграммы в период с 17 по 29 июля такой отряд был сформирован и получил название специальной охранной роты. Рота предназначалась для охраны германского посольства. Однако в связи с выездом германского посольства в оккупированный германскими войсками Псков рота несла охрану других важных государственных учреждений.

22 августа 1918 г. Поволжский комиссариат по немецким делам обратился в Наркомат национальностей РСФСР с просьбой «...вернуть отряд, если он Москве не нужен. Комиссариат просит отпустить отряд для организации красноармейских отрядов, проведения мобилизации» [13, л. 223]. В конце сентября рота из немцев Поволжья была возвращена назад и впоследствии использовалась для поддержания «революционного порядка в колониях» [14, с. 40].

Перемещение военных действий Гражданской войны на территорию проживания немцев Поволжья заставили большевистский режим изменить отношение к немцам Поволжья. Необходимо было укреплять свой авторитет и влияние в немецких селах.

Декретом Совнаркома РСФСР, подписанным В. И. Лениным 19 октября 1918 г., была образована Автономная область (Трудовая коммуна) немцев Поволжья, территория которой образовалась за счет земель, принадлежавших немецким селам. Поскольку во многих местах имело место смешанное расположение немецких и русских сел, территория немецкой области не была сплошной и носила лоскутообразный характер. Создание Области немцев Поволжья сопровождалось прекращением деятельности Поволжского комиссариата по немецким делам. Его функции перешли к Исполнительному комитету Области немцев Поволжья, который 31 октября 1918 г. объявил себя преемником Поволжского комиссариата по немецким делам и проинформировал о начале своей деятельности [14, с. 41]. Одновременно активизировались действия по вовлечению поволжских немцев в части и подразделения Красной Армии по созданию красноармейских вооруженных формирований из немцев Поволжья.

Примечания

¹ Сарпинка – хлопчатобумажная ткань, производившаяся местными жителями. Ее производство в домашних условиях и продажа являлись одним из важнейших факторов благополучия жителей села.

² Автор воспоминаний подразумевает руководителей восстания.

³ Эбенгольц Адольф Германович – австрийский военно-пленный, вступил в РКП(б) в марте 1918 г., входил в состав Поволжского комиссариата по немецким делам. Проводил агитационную работу в немецких колониях Поволжья. В Саратове проживал в гостинице «Европа».

Список литературы

1. Государственный исторический архив немцев Поволжья в г. Энгельсе (далее – ГИАНП). Ф. Р-728 (Поволжский комиссариат по немецким делам). Оп. 1 о/д. Д. 136.
2. ГИАНП. Ф. Р-728. Оп. 1 о/д. Д. 98.
3. ГИАНП. Ф. Р-728. Оп. 1 о/д. Д. 88.
4. Предписание губернским Советам и продовольственным организациям, учреждениям и общественным организациям железных дорог об экстренном продвижении продовольственных грузов к Петрограду от 9 мая 1918 г. // Декреты советской власти : в 18 т. М. : Госполитиздат, 1959. Т. 2, № 140. С. 249–250.
5. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 13 мая 1918 г. о чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию // Декреты советской власти : в 18 т. М. : Госполитиздат, 1959. Т. 2, № 153. С. 261–264.
6. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 1 (Областной комитет ВКП (б) АССР немцев Поволжья). Оп. 1. Д. 96.
7. ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6.
8. Райт А. История села Цюрих. М. : Фонд «Цюрих-Зорькино», 2015. 720 с.
9. ГИАНП. Ф. Р-728. Оп. 1 о/д. Д. 166.
10. Предписание Совнаркома РСФСР Советам Саратовской и Самарской губерний от 26 июля 1918 г. не допускать самочинных действий по отношению к немецким колонистам // Декреты Советской власти : в 18 т. Т. 3, № 56. М. : Политиздат, 1964. С. 100–101
11. ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1.
12. ГИАНП. Ф. Р-728. Оп. 1 о/д. Д. 165.
13. ГИАНП. Ф. Р-728. Оп. 1 о/д. Д. 164.
14. Герман А. А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М. : Готика, 2000. 320 с.

Поступила в редакцию 04.05.2024; одобрена после рецензирования 13.05.2024; принята к публикации 28.06.2024
The article was submitted 04.05.2024; approved after reviewing 13.05.2024; accepted for publication 28.06.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 558–568
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 558–568
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-558-568>, EDN: ZJGWNQ

Научная статья
УДК 355.02(470.44)|1941/1945|

Использование ресурсов Саратовской области для комплектования армии и флота в годы Великой Отечественной войны

В. Н. Данилов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 411012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Данилов Виктор Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и историографии, daniловик@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2080-7736>, AuthorID: 308190

Аннотация. В статье представлена общая картина привлечения людских контингентов из Саратовской области для комплектования Вооруженных сил СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. Подробно освещается проведение трех волн так называемой всеобщей мобилизации военнообязанных в 1941 г., последующих партийно-комсомольских и других специальных мобилизаций, а также проведение в 1942–1945 гг. очередных призывов новобранцев. Показана роль подготовки военнообученных резервов через Всевобуч, народное ополчение и оборонные организации. Высказывается авторская позиция относительно общего количества жителей области, направленных в исследуемый период в армию и флот.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Саратовская область, Красная Армия, население, военнообязанные, мобилизация, призыв, военкоматы, оборонные организации

Для цитирования: Данилов В. Н. Использование ресурсов Саратовской области для комплектования армии и флота в годы Великой Отечественной войны // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 558–568. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-558-568>, EDN: ZJGWNQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Using the resources of the Saratov region for the recruitment of the Army and Navy during the Great Patriotic War

V. N. Danilov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Viktor N. Danilov, daniловик@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2080-7736>, AuthorID: 308190

Abstract. The article presents a general picture of the involvement of human contingents from the Saratov region to recruit the Armed Forces of the USSR on the eve and during the Great Patriotic War. The article highlights in detail the conduct of three waves of the so-called general mobilization of the military in 1941, subsequent party-komsomol and other special mobilizations, as well as the regular conscription of recruits in 1942–1945. The role of the training of military-trained reserves through Vsevobuch, the people's militia and defense organizations is shown. The author expresses his opinion on the total number of residents of the region sent to the army and navy during the period under study.

Keywords: Great Patriotic War, Saratov region, Red Army, population, military service, mobilization, conscription, military enlistment offices, defense organizations

For citation: Danilov V. N. Using the resources of the Saratov region for the recruitment of the Army and Navy during the Great Patriotic War. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 558–568 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-558-568>, EDN: ZJGWNQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Беспрецедентная по своим масштабам и кропотливости Великая Отечественная война потребовала привлечения колоссального человеческого ресурса в Вооруженные силы страны. Согласно военной статистике из почти 34,5 млн чел., надевавших в течение войны

шинели, больше 29,5 млн (85,6%) были непосредственно мобилизованы и призваны за четыре военных года [1, с. 139]. Однако сам процесс использования бывшего гражданского населения для комплектования Красной Армии и Военно-Морского флота СССР изучен весьма поверхностно,

ностно, в том числе и на региональном уровне. Это относится и к Саратовской области, где, как представляется, полностью не решен даже вопрос об общем количестве ушедших отсюда на войну. В своей докторской диссертации, защищенной в 1973 г., Д. П. Ванчинов, ссылаясь на телевизионное выступление тогдашнего военкома Саратовской области Г. П. Фролкина и собственные расчеты, назвал число призванных в Красную Армию за годы войны – 400 тыс. чел. [2, с. 293]. Спустя 20 лет в областной «Книге памяти» было сказано, что «за годы войны Саратовская область дала армии более полумиллиона бойцов», а более 530 тыс. «с оружием в руках сражались с немецко-фашистскими захватчиками» [3, с. 8, 10]. Позже главный редактор книги Г. В. Фролов довел цифру последних до 680 тыс. [4, с. 253] Настоящее исследование проведено с целью выявления самого хода военной мобилизации населения в Саратовской области в 1941–1945 гг. и уточнения на основе документальных источников общего количества саратовцев, принявших участие в Великой Отечественной войне.

Мобилизация военнообязанных по 15 военным округам Советского Союза на основании п. «д» ст. 49 Конституции СССР была объявлена Указом Президиума уже в первый день войны, – 22 июня 1941 г. Мобилизации подлежали военнообязанные, родившиеся с 1905 по 1918 г. включительно, а первым ее днем считалось 23 июня. Именно с этого времени, как правило, ведут отчет формирование массовых пополнений армии в военного времени.

На самом деле указ о мобилизации не начал, а продолжал процесс. В связи с нарастающей военной угрозой в 1939–1940 гг. в Советском Союзе развертывалось большое количество новых соединений и воинских частей. Еще в июне 1939 г. из-за военного конфликта на Халхин-Голе были призваны на учебные сборы, в том числе из Саратовской области, военнообязанные, приписанные к конкретным воинским частям. Кроме того, из народного хозяйства на них привлекалось определенное количество лошадей и мехтранспорта. По решению Политбюро ЦК ВКП (б) от 29 августа 1939 г. из области на политработу в Красную Армию были направлены 88 коммунистов [5, л. 5, 15]. В дальнейшем проводилась еще более масштабная скрытая мобилизация, но значительная часть задействованных в ней военнообязанных к началу 1940 г. была демобилизована. В ходе этих мероприятий выявились многочисленные недостатки по сбору и отправке личного состава и техники в армию. Военные комиссариаты даже при оказываемой им помощи со стороны парткомов слабоправлялись со своими обязанностями. В декабре 1939 г. секретарь Саратовского обкома ВКП (б) П. А. Грибов направил письмо начальнику Политуправления

Красной Армии Л. З. Мехлису, в котором говорилось: «Практика проведения оргмероприятий в июле и августе месяцах 1939 года показала, что районные комиссариаты и особенно городского типа плохо готовы к плановому проведению мобилизации, что диктует необходимость пересмотра штатов и разряда отдельных райвоенкоматов» [5, л. 23]. Таким образом, опыт 1939 г. показал необходимость тщательной проработки в мирное время вопросов мобилизации, комплектования воинских подразделений и частей на разных уровнях, обеспечения их материально-техническими средствами.

В сентябре 1939 г. начался очередной призыв новобранцев, который проводился в соответствии с принятым 31 августа 1939 г. Законом «О всеобщей воинской обязанности», снижавший возраст призыва с 21 года до 19 лет и отменявший ограничения по социальному признаку. Это значительно сократило количество отсрочек от призыва. Если в 1938 г. по Саратовской области их получили 1014 чел., или 4,5% стоявших на учете призывников, то в 1939 г. только 115, или 0,7% призывников. Всего в 1939 г. из области были направлены в Красную Армию по призыву 14378 чел. [6, л. 2]. Численность призывного контингента 1940 г. составила 16245 саратовцев [7, л. 47]. 18 декабря 1940 г. начальник штаба Приволжского военного округа (ПриВО) генерал-майор В. Н. Гордов направил письмо в Саратовский обком ВКП (б), в котором отмечал, что задание Наркомата обороны призвать в Красную Армию 85–87% от общего количества призывников 1920 и 1921 гг. рождения выполнено по округу, в частности из Саратовской области отправлено в войска 85,8% призывного контингента [8, л. 1]. Работа по призыву новобранцев стала носить постоянный характер, во время которой определялся четкий порядок проведения медицинских обследований и оперативного лечения больных призывников, ускоренного обучения неграмотных и малограмотных юношей, оборудования сборных пунктов и организации политico-идеологической и массово-разъяснительной работы среди призывников, членов их семей и населения до призыва и во время призыва. На последнее в то время обращалось особое внимание. Как указывалось в докладе областного военкомата от 2 октября 1940 г., «первый день призыва в РККА был превращен во всенародный праздник. Город Саратов по решению горкома ВКП (б) был украшен флагами. В городах и районных центрах при активном участии партийных, советских и общественных организаций проводились митинги. На митингах после докладов выступали призывники и их родители. Призывники из сельсоветов прибывали на автомашинах, убранных портретами руководителей партии и правительства, плакатами, лозунгами» [6, л. 15]. Весной 1941 г. был осуществлен досрочный призыв

мужчин, родившихся после 1 сентября 1921 г. и не попавших ранее под призыв. До начала войны по Саратовской области были призваны 1848 чел. из 14818, подлежащих призыву в 1941 г. [7, л. 47].

Важное место в работе военкоматов и органов власти в предвоенный период занимали учет и приписка новобранцев и военнообязанных запаса. В частности, в первой половине 1941 г. они проводились дважды: в январе – феврале и в апреле – мае. Последний переучет ресурсов и приписка были осуществлены после принятия 12 февраля 1941 г. нового мобилизационного плана МП-41 с целью получения точных данных о потенциальном количестве личного состава будущей армии военного времени. Одновременно уточнялись сведения о лицах, забронированных на производстве и в партийно-хозяйственном активе, выявлялось количество ограниченно годных и не годных к военной службе. Каждому приписанному выдавалось мобилизационное предписание, где указывались время его прибытия на сборный пункт после начала мобилизации, номер команды или действительный номер войсковой части. 5 апреля 1941 г. Саратовский обком ВКП (б) разоспал в районы письмо «О приписке к воинским частям военнообязанных, лошадей и мехтранспорта», разъяснявшее суть проводимых мероприятий [9, л. 10–11].

В мае 1940 г. в районах области были проведены однодневные проверочные сборы военнообязанных запаса рядового и младшего начальствующего состава. Райкомы партии и райвоенкоматы разработали планы их проведения, выделили руководителей сборов, медицинский персонал, торговых и клубных работников. Оповещение производилось в ночное время, а к 9 ч утра в организованном порядке «во главе с председателями сельсоветов, с флагами и знаменами, портретами вождей, патриотическими лозунгами, с гармошками и революционными песнями» все явились в места сборов [10, л. 2–3], где с ними проводился соответствующий инструктаж. Согласно решению Политбюро ЦК ВКП (б) от 8 марта 1941 г. «О проведении учебных сборов военнообязанных запаса в 1941 г., привлечении на сборы из народного хозяйства лошадей и автотранспорта» уже планировались масштабные многодневные сборы военнообязанных. На них из Саратовской области с 15 мая 1941 г. удалось привлечь несколько тысяч военнообязанных, что фактически являлось скрытой мобилизацией. Практика проведения учебных сборов для резервистов в 1939–1941 гг., а также увеличение количества призывающих обеспечили совокупный рост численности военнослужащих в РККА и ВМФ, пограничных и внутренних войсках НКВД за два предвоенных года почти в 2 раза и к 22 июня 1941 г. их насчитывалось больше 5774 тыс. чел. [11, с. 617].

Сообщение о начале войны с гитлеровской Германией и ее европейскими сателлитами саратовцы, как и подавляющее большинство советского народа, встретили с чувством гнева и возмущения и в то же время с твердым настроем защищать свою страну. Это отношение к акту агрессии в самые первые дни войны они выразили, в частности, на повсеместных массовых митингах, которые начались уже во второй половине дня 22 июня 1941 г. после правительенного заявления по радио, сделанного В. М. Молотовым. Нередко в выступлениях митингующих звучали слова о намерении добровольно вступить в ряды Красной Армии. Так, только в Волжском районе г. Саратова в первый же день войны было подано в военный отдел райкома партии и райвоенкомат 148 заявлений от добровольцев [12, с. 18]. Особую активность проявляла молодежь, жаждавшая героических поступков и опасавшаяся, что война быстро закончится, но без их участия. Добровольческое движение продолжилось и в последующие дни. В своих воспоминаниях А. И. Ключников, работавший в 1941–1943 гг. председателем Саратовского горисполкома, приводит такую картинку, увиденную им утром 23 июня 1941 г.: «По улице Радищева с маршевой песней шла группа ребят. Совсем еще юные, в пиджаках и куртках, стриженные под бокс, браво размахивающие руками, они выглядели необычно рано утром на пустынной улице. Сразу не сообразив, что означает эта развеселая маршировка, остановил их и спросил:

– По какому поводу веселье?

И услышал ответ:

– В военкомат идем, на фронт всем классом записываемся.

– Мы в субботу школу кончили, товарищ» [13, с. 177].

Всего за период проведения мобилизации по г. Саратову и области подали заявления о добровольном желании пойти на фронт около 20 тыс. чел. [12, с. 35]. Аргументы о добровольном зачислении в Красную Армию были самыми разнообразными. Так, студенты Саратовского госуниверситета Хут и Чихляев, участники советско-финляндской войны, заявляли о своем преимуществе перед остальными призывающими, поскольку они имеют боевой опыт [9, л. 35]. Комсомолец Ю. Кочубеев, 1924 г. рождения, работавший в театре оперы и балета осветителем, писал в заявлении: «У меня 3 брата и дядя служат в РККА и громят врага, прошу и меня зачислить в армию» [9, л. 38]. Или вот такой текст телеграммы, попавшей в одно из архивных дел: «Москва, Кремль, Сталину. Копия: обком ВКП (б). Мы члены ВКП (б) в ответ на гитлеровскую авантюру просим принять в ряды Красной Армии с машиной 63–62. Кубышев, Евржев» [14, л. 262]. Поступали заявления и от женщин. Так, по Саратову на 5 июля 1941 г. из 5787 добровольцев,

2074 составляли женщины [7, л. 219]. Добротворчество являлось важной составной частью патриотического подъема, охватившего тогда общество.

Сама же военная мобилизация лета 1941 г. началась на основании телеграммы, подписанной наркомом обороны С. К. Тимошенко по завершению совещания в рабочем кабинете И. В. Сталина в 16.00 22 июня, которая была разослана с Центрального телеграфа Наркомата связи по всем областям и районам СССР. Таким образом, вводился в действие мобилизационный план МП-41, предполагавший, ко всему прочему, проведение большой совместной организационной работы местных органов власти и военного управления. Это касалось оповещения, оборудования сборных пунктов, организации питания мобилизованных, политико-идеологической работы и отправки сформированных команд. В городах призванные в армию получали персональные повестки из военкоматов, а в селах – оповещались сельсоветами.

Как следует из докладных записок райкомов ВКП (б), направленных в первые дни войны в Саратовский обком, телеграмму о мобилизации районы получили 22 июня около 18 ч вечера, после чего были вскрыты мобпланы, в соответствии с которыми оповещение военнообязанных было завершено уже на рассвете 23 июня. В информации Ртищевского райкома даже указывается точное время – до 4 ч 30 мин [15, л. 158]. Что же касается предпринятых в организационно-политическом плане первых шагов, то они осуществлялись везде по единому алгоритму. К примеру, в донесении Дергачевского райкома ВКП (б) по этому поводу говорилось следующее: «Были уточнены списки политуполномоченных, посылаемых в сельсоветы и списки политработников, предназначенных для работы на сборном пункте райвоенкомата, а к 8 часам вечера все работники РК ВКП (б) были вызваны к месту своих работ и находились на своем месте. В 11 часов ночи проведен инструктаж уполномоченных райкома ВКП (б) по сельсоветам об их задачах и задачах парторганизаций, колхозов, сельсоветов в связи с мобилизацией, после чего все они посланы на места. Редактору райгазеты дано задание о выпуске специального номера райгазеты в связи с объявлением мобилизации. Всем парторганизациям дано задание о проведении внеочередных закрытых партсобраний, на которых обсудить решение бюро РК ВКП (б) первого дня мобилизации, принятого в 2 часа 00 23/VI – 41 г. по докладу секретаря РК ВКП (б) о причинах мобилизации и задачах парторганизаций» [14, л. 79]. Необходимо отметить, что бюро райкомов в первую неделю войны по мобилизационным вопросам заседали ежедневно, причем некоторые из них (Балашовский, Куриловский) с приглашением большого числа партийно-хозяйственного актива. Обком ВКП (б) посчитал

такую практику недопустимой, поскольку это «является рассекречиванием мобилизационных планов и их выполнения», и циркулярным письмом от 2 июля 1941 г. указал «на необходимость усиления конспирации», предписывая «все вопросы, связанные с обороной нашей страны, обсуждать только на закрытых заседаниях бюро» [14, л. 122].

Под сборные пункты были переданы наиболее просторные здания в городах и райцентрах, как правило, школы и дома культуры. В информации Балашовского горкома ВКП (б) «О ходе работы на призывах пунктах за время с 23 июня по 1 июля 1941 г.» так описывалась работа по оборудованию сборных пунктов: «6 часов утра до 12 часов дня проходила работа по оборудованию Ленуголков и сборных пунктов. С 10 до 12 часов дня 23/VI-41 г. была проведена проверка степени готовности Ленинских уголков. В результате проверки было установлено, что все три сборно-сдаточных пункта были надлежащим образом оборудованы: лозунги, плакаты, портреты и бюсты вождей, газеты, политическая, военная и художественная литература, журналы, нужные географические карты, шахматы, шашки, биллиарды, домино, цветы, музыкальные инструменты (гармонь, гитары, мандолины, балалайки, патефоны, радиостанции, как в Ленуголках, а также во дворах сборных пунктов). Всем этим культинвентарем все три сборных пункта были обеспечены полностью и к установленному сроку, при каждом сборном пункте организованы столы справок. 23/VI-41 г. во всех сборных пунктах были организованы буфеты, в которых были не только продукты питания, но и сахар, махорка, папиросы, безалкогольные напитки (ситро). Все время на людском сборном пункте работал киоск КОГИЗа и филиал Центральной городской библиотеки» [16, л. 16].

Во время нахождения мобилизованных на сборных пунктах выделенные райкомами партии политработники организовывали митинги, где звучали напутствия, знакомили военнообязанных с законами о всеобщей воинской обязанности и наказании за измену Родине, текстом воинской присяги и указа о порядке выплат пособий их семьям, проводили беседы о международном положении, о ходе военных действий, героических поступках советских воинов на фронте. Выпускались стенные газеты с помещением в них писем и статей самих призываемых, организовывались выступления кружков художественной самодеятельности и профессиональных артистов, практиковались коллективные прослушивания радиопередач и читки газет, а также показ кинокартин. Аналогичная по формам работа проводилась с собиравшимися вокруг сборных пунктов родственниками и членами семей мобилизованных, одной из целей которой была агитация неработающих женщин и пожи-

лых людей на производство взамен уходящих в армию.

Во всех документах с мест, в которых содержится информация о ходе мобилизации, отмечается очень высокая явка призывающихся на сборные пункты. Практически ни в одном районе Саратовской области не было лиц, сознательно уклонившихся от призыва. Отсутствовали или опоздали только те, кто находились в командировках и отпусках, на каникулах или лечении. Так, в Балашове поуважительным причинам не явились 8 чел., в Ртищевском районе – 14, чуть больше в Саратове, где жизнь была более мобильной, например, в Кировском районе – 54 чел., но и это составляло меньше 5% от общего числа вызываемых. На результатах явки оказались и чувство долга перед Родиной в годину тяжелых испытаний, передающегося из поколения в поколение, и результаты воспитательной работы, проводившейся с молодежью советской властью, и, конечно, разного рода проверочные военные сборы, которые имели место в предвоенные годы. Своеобразным выражением желания непременно отправиться на фронт стал отказ значительной части мобилизованных проходить медицинский осмотр. Обобщая итоги проведенной в июне – начале июля 1941 г. мобилизации людских контингентов, бюро Саратовского обкома ВКП (б) в своем решении в качестве ее отрицательных фактов смогло назвать только следующие: «В Новопрокровском, Новорепинском, Волжском и Фрунзенских районах, вследствие недостатка партийно-политической работы на сборных пунктах, среди мобилизованных были случаи пьянки, при отправке команд скапливалось большое число провожающих» [17, л. 82].

Следует подчеркнуть, что в рамках проведенной в первую неделю войны мобилизации призывались только обученные военнообязанные 1905–1918 гг. рождения запаса 1-й категории первой очереди, прошедшие ранее действительную военную службу. Они, как правило, направлялись в воинские части для развертывания последних до штата военного времени, дислокировавшиеся в том же или другом военном округе, либо в пункты, где с объявлением мобилизации начинали формироваться новые части согласно мобилизационному плану МП-41. В этом отношении добровольчество при всей его нравственно-политической значимости, конечно, затрудняло военкоматам, в работе которых импровизации не предусматривались, производить плановый призыв. Серьезных сбоев в отправке сформированных команд из мобилизованных в места их приписки к воинским частям в тот период в Саратовской области не наблюдалось, хотя отдельные случаи задержек почти на сутки из-за отсутствия вагонов на станциях, как, например, в Ртищеве, все же имели место [15, л. 100]. На сутки задержалась отправка команды в Базарном Карабулаке, поскольку телеграфистка район-

ного узла связи не смогла в течение 9 ч передать телеграмму в райвоенкомат, за что была привлечена к уголовной ответственности [15, л. 26].

Как известно, в этот период, наряду с людской мобилизацией, согласно плану МП-41 проводилась и мобилизация в армию транспортных средств. Вот с этим возникали значительные трудности. Весьма часто руководители хозяйств и учреждений попросту «торговались» с военкоматами по поставкам техники и конского состава. Далеко не все районы Саратовской области, как, например, Ворошиловский, могли рапортовать подобным образом: «Наряд на поставку для РККА гусеничных тракторов по району выполнен на 150 процентов, техническое состояние мобилизованных тракторов отличное. Наряд по мобилизации автомашин выполнен на 100 процентов, техническое состояние автопарка удовлетворительное» [14, л. 67]. Значительная часть техники перед сдачей в войсковые части требовала текущего, среднего и даже капитального ремонта. Совсем не в лучших кондициях находились поставляемые лошади, были неисправными конские повозки, а упряжь в подавляющем большинстве не отвечала требованиям использования ее в боевой обстановке. Сказались общие недостатки в организации колхозного производства в то время. До войны в стране было объявлено о создании специального фонда «Лошадь Красной Армии», но он находился не в лучшем состоянии. В конце 1940 г. заведующий военным отделом Саратовского обкома ВКП (б) А. И. Денисов констатировал: «Фондовые лошади, вследствие чрезмерной эксплуатации доведены до крайнего истощения. Конюхи за фондовыми лошадями не закреплены, в результате чего конский состав не ухожен» [18, л. 2]. Зачастую военкоматы плохо справлялись с оформлением и содержанием поступающей на сборно-сдаточные пункты техники и живого тягла, не могли в первые дни должным образом организовать проживание их сопровождающих из числа мобилизованных.

К выполнению нарядов по армейским поставкам тракторов, автомашин и лошадей пришлось даже подключить органы прокуратуры и НКВД, а на некоторых руководителей и исполнителей были заведены уголовные дела. Райкомам пришлось спешно организовать комплектование и ремонт техники, для чего в районах выявлялись наличные ресурсы запчастей и резины, на сборно-сдаточные пункты направлялись ремонтные бригады. Несмотря на все сложности, из МТС, совхозов, предприятий и организаций Саратовского Поволжья, включая бывшую Немецкую автономную республику, до 1 мая 1942 г. было мобилизовано 30695 лошадей, 9589 конских повозок, 6387 грузовых автомашин (75% наличного состава), 70 спецмашин, 332 легковых автомобилей (более 30%) и 1579 гусеничных тракторов (почти 20%) [19, л. 104; 20, л. 13]. Это стало большим подспорьем для

сражающейся Красной Армии в период, когда транспортные средства практически не поступали по ленд-лизу от союзников. Вместе с тем изъятие столь большого по тому времени количества техники и живого тягла осложнило положение в экономике области, прежде всего, в сельском хозяйстве региона.

Мы не располагаем точными данными по числу призванных в первую волну мобилизации в целом по Саратовской области, а также включенным в нее позже районам АССР НП, откуда этнические немцы не призывались. Произведенные расчеты на основе имеющихся сведений по отдельным районам позволяют утверждать, что в период с 23 июня по 1 июля 1941 г. было мобилизовано свыше 50 тыс. граждан 1905–1918 гг. рождения. В частности, из города Балашова отправили в войска 1289 чел., из Кировского района Саратова – 265 чел. младшего комсостава и 854 чел. рядового состава [16, л. 18; 9, л. 39].

Большие потери на фронтах в первые недели войны заставили советское руководства продолжить мобилизацию военнообязанных запаса. 8 июля 1941 г. Государственный Комитет Обороны (ГКО) принял постановление № 48 с «О формировании дополнительных стрелковых дивизий», в соответствии с которым в дополнение к первой волне мобилизации с 12 июля в стране началась вторая волна. Были призваны военнообязанные запаса 1905–1918 гг. рождения, ровесники которых были уже ранее подняты по мобилизации, но которые поуважительным причинам первой волны избежали, и оставшиеся призывники 1920–1921 гг. рождения. В соответствии с постановлением ГКО № 459сс от 11 августа 1941 г. о формировании новых 85 стрелковых и 25 кавалерийских дивизий в конце августа прошла третья волна мобилизации. В ходе нее были призваны остатки возрастов 1905–1918 годов рождения, включая необученных, а также впервые поднят весь ресурс военнообязанных второго разряда запаса 1895–1904 гг. рождения. Вторая и третья волны мобилизации были меньшими по масштабам, не имели, как ранее, столь массированного политico-идеологического сопровождения, а сами призывающиеся и их родные более отчетливо понимали всю серьезность предстоящих испытаний и их возможный трагический исход.

В эти два летних месяца 1941 г. в Саратовском Поволжье после распределения Наркоматом обороны нарядов по регионам вновь проводилась работа по оповещению, призыву, комплектованию, отправке команд мобилизованных в пункты формирования новых соединений, а также в запасные бригады, отправлявшие затем личный состав в создаваемые соединения действующей армии. В области была создана 19-я запасная стрелковая бригада, полки и отдельные батальоны которой дислоцировались в Татищево,

Пугачеве, Балашове и Каменско-Белинске (Пензенская область). В сентябре 1941 г. бригада отправила на фронт 140 маревых рот [21, л. 231]. В декабре 1941 г. в Пугачеве и Ершове началось создание стрелковых дивизий, а в Питерке, Красном Куте, Новоузенске и Александровом Гае – стрелковых бригад [21, л. 272]. В левобережных районах бывшей республики немцев Поволжья приступили к формированию пяти воздушно-десантных корпусов. Значительная часть мобилизованных и призывников Саратовской области пошла на укомплектование этих воинских частей и соединений Красной Армии [22, л. 79–81]. Некоторые команды состоявшие из лиц старших возрастов, направлялись в дислоциированную с ноября 1941 г. по февраль 1942 г. в области 7-ю саперную армию, строившую оборонительные рубежи.

После завершения трех волн летней мобилизации во все последующие месяцы 1941 г. практически непрерывно проводились воинские призывы по специальным нарядам и партийно-комсомольским мобилизациям. 16 сентября 1941 г. бюро Саратовского обкома ВКП (б) по просьбе командования ПриВО приняло решение об отборе добровольцев и призывников в воздушно-десантные части. По районам области была дана разверстка на мобилизацию 1400 призывников и 1140 военнообязанных [23, л. 17]. В соответствии с указаниями ЦК ВКП (б) и Главного политического управления Красной Армии бюро Саратовского обкома партии принимало решения о мобилизации в качестве политбойцов коммунистов и лучших комсомольцев 4 октября, 21 октября и 12 ноября 1941 г., а также 19 января 1942 г. Мобилизации подлежали военнообязанные из числа рядового и младшего начсостава, как служившие, так и не служившие в армии. Мобилизованные должны были быть не старше 40 лет, физически здоровыми и годными к строевой службе. По этим четырем партийно-комсомольским мобилизациям ушли на фронт более 4,5 тыс. саратовцев [12, с. 48–49, 53, 61, 77]. Политбойцы в армии выполняли те же самые обязанности, что и остальные рядовые красноармейцы и младшие командиры, но, кроме того, их задачей было сплачивать воинские коллективы и показывать примеры стойкости в бою. И в этом отношении они сыграли большую роль в ответственных сражениях 1941–1945 гг. Всего из Саратовской области за два года войны в Красную Армию по партийно-комсомольским мобилизациям были направлены 7126 членов и кандидатов ВКП (б) и 3587 членов ВЛКСМ. В целом же только за период с 22 июня 1941 г. по сентябрь 1942 г. в вооруженные силы призывались из области 27843 коммуниста (до войны в области насчитывалось 43787 членов и кандидатов ВКП (б)) и 17108 комсомольцев [24, л. 44].

Самый большой контингент новобранцев в конце 1941 г. составили призывники 1922

и 1923 гг. В данный призыв подлежало явке на сборные пункты 19256 чел., фактически же явилось 19171 чел., т. е. 99,6%, что вновь свидетельствовало о не снижающейся патриотической активности советской молодежи. В этот раз все призывники были пропущены через медицинские комиссии, поэтому были признаны годными к несению строевой службы и направлены в части только 15565 призывников, годными к нестроевой службе 1295 чел. и признаны негодными к несению службы 432 чел. Получили отсрочку от призыва по разным причинам (бронь, болезнь, семейные обстоятельства и др.) 1849 чел. [24, л. 44 об].

Уже во время призывных кампаний конца 1941 г. выявились нехватка мобилизационного ресурса из подготовленных в военном отношении кадров. Поэтому военный комиссар Саратовской области Иванов в декабре 1941 г. направил в обком письмо, в котором указал, что ГКО разрешил на укомплектование формируемых частей призвать начсостав запаса из числа забронированных за народным хозяйством и оборонной промышленностью, а отбор кандидатур, чтобы не нанести урона на ответственных участках работы в тылу, производить комиссиями под председательством первых секретарей райгоркомов партии [23, л. 65]. Практика разбронирования осуществлялась в дальнейшем по мере необходимости вплоть до 1944 г., но нередко бронь снималась по настойчивым просьбам самих военнообязанных. В марте 1942 г. были разбронированы для проведения партмобилизации 190 коммунистов и комсомольцев, в сентябре 1943 г. для мобилизации комсомольцев в воздушно-десантные войска – около 160 чел. [25, л. 1, 53]. В ноябре 1942 г. с подобной просьбой обращался уже командующий Приволжским военным округом генерал-лейтенант С. А. Калинин, предлагая разбронировать более 2 тыс. военнообязанных рядового и начальствующего состава [26, л. 28]. Всего на ноябрь 1942 г. по Саратовской области имели бронь 75861 чел. Это главным образом были рабочие и инженерно-технические работники оборонных заводов – 15571 чел., железнодорожники – 13410 чел. и специалисты сельского хозяйства – 15606 чел., служащие органов НКВД – 7311 чел. и учреждений Наркомата обороны – 2594 чел. Число же работников органов государственной власти, партийных, профсоюзных и общественных организаций, имевших бронь, вопреки распространенному мнению о их первоочередном бронировании от призыва, составляло всего лишь 468 чел. [26, л. 27]. В сентябре 1943 г. в связи с ликвидацией политотделов МТС и совхозов были призваны 198 чел. бывших их работников, ранее имевших бронь, которые направлялись в 19-ю запасную стрелковую бригаду [27, л. 13].

Осенью 1942 г. органы военного управления обратили внимание на такой ресурс комплекто-

вания армии и флота, как эвакуированные и беженцы из оккупированных противником районов страны. 23 сентября 1942 г. командующий войсками ПриВО С. А. Калинин разослав обкомам и облисполкомам округа письма, в которых указал на необходимость проведения работы по выявлению и приему на учет военнообязанных запаса и призывников, прибывших из Западной Украины, Западной Белоруссии, Молдавской, Литовской, Латвийской и Эстонской ССР, а также из других, занятых врагом, областей Украины, Белоруссии и РСФСР [28, л. 35]. Начиная с призыва граждан 1925 г. рождения эвакуированные и беженцы, размещенные в Саратовской области, стали на общих основаниях направляться в войска.

Для восполнения потерь офицерских кадров в первый же год войны была развернута масштабная их подготовка в военно-учебных заведениях, что потребовало постоянного отбора кандидатур из числа военнообязанных и призывников. В масштабном порядке это делалось во время призывных кампаний. Так, из числа лучших призывников 1924 г. рождения в военные училища и школы были отобраны 7670 чел. (при наряде 6998 чел.), из призывников 1925 г. рождения – 6816 чел. (наряд – 6795 чел.) [29, л. 45; 30, л. 4]. Кроме того, военный округ периодически рассыпал в области наряды на 300–850 чел. для добровольного отбора кандидатов в военно-учебные заведения. 19 августа 1943 г. первый секретарь Саратовского обкома ВКП (б) П. Т. Комаров получил от командования ПриВО письмо следующего содержания: «Развернувшееся июльское наступление Красной Армии потребовало новых высококачественных сил для пополнения действующих частей. После отправки на фронт в военные училища округа образовался некомплект, который требуется пополнить в самый кратчайший срок. Имеющиеся в округе ресурсы ввиду увеличившейся потребности и повышенных требований для контингентов, поступающих в военные училища, покрыть всю потребность не могут. Возникла настоятельная необходимость изыскивать требуемые ресурсы на заводах оборонной промышленности в порядке добровольной вербовки. Исходя из общей потребности по вашей области необходимо отобрать 1100 кандидатов» [31, л. 11]. В этой связи обвоенкомату было оказано всемерное содействие по вербовке добровольцев, а дирекции заводов пошли на их освобождение от работы. Многие отобранные в области кандидаты зачислялись в военно-учебные заведения, расположенные в Саратовской области. По данным Д. П. Ванчинова, Саратовское пехотное училище за годы Великой Отечественной войны подготовило около 4 тыс. офицеров, 1-е Саратовское танковое училище – 6 тыс., погранучилище им. Дзержинского выпустило свыше 5 тыс. чел. [32, с. 189].

В годы Великой Отечественной войны в вооруженные силы страны призывались не только мужчины, но и женщины, в подавляющих случаях на добровольной основе. Первая мобилизация женщин произошла в первую же неделю войны. Призывались врачи, фельдшеры, медицинские сестры и другие специалисты в области медицины в целях развертывания медико-санитарной службы. Всю войну кадры женщин-медиков готовили медицинские вузы, училища и организации Красного Креста. За период 1941–1945 гг. Саратовский медицинский институт выпустил 2452 специалиста, из которых 1663 были направлены в ряды Красной Армии и эвакогоспитали [33, с. 27]. Целая группа саратовских девушек в ноябре – декабре 1941 г. вступила добровольцами в формируемые в Энгельсе М. М. Расковой женские авиационные полки. Большое количество женщин служили связистами, снайперами, зенитчицами, прожектористами, штабными и административно-хозяйственными работниками. Каждая из мобилизованных женщин, как отмечает Н. А. Кирсанов, проходила при участии центральных и местных партийных и комсомольских организаций, поскольку предпочтение отдавалось членам партии и комсомола, а затем оформлялось в райгорвоенкоматах [34, с. 15]. Годные к службе в возрасте от 19 до 30 лет поступали в воинские части и учреждения, а в возрасте до 45 лет – в стационарные тыловые службы. Не призывались женщины, имевшие семьи, и беременные, а также работавшие на оборонных предприятиях и транспорте.

В 1942 г. ГКО провел три массовые мобилизации женщин в войска ПВО, связи и ВВС с целью замены на ряде должностей мужчин. В частности, в войска противовоздушной обороны для Саратовско-Балашовского района ПВО были призваны 2030 девушек [35, л. 162–163]. Более 30 девушек направлялись из области на основании постановления ГКО от 5 мая 1942 г. для несения службы в Военно-Морском флоте. На совещании с заведующими военными отделами горкомов и райкомов ВКП (б) 6 мая 1943 г. секретарь обкома П. С. Алферов заявил, что с начала войны Саратовская область направила в Красную Армию более 4 тыс. женщин [36, л. 6]. Но и после этого продолжались «женские» мобилизации. К примеру, во время разрушительных бомбардировок Саратова авиацией противника обком ВКП (б) распорядился мобилизовать для местных частей ПВО 1000 девушек комсомолок и некомсомолок [12, с. 135]. Безусловно, с одной стороны, массовое привлечение в армию не только одних мужчин связано с колоссальными людскими потерями в годы войны, а с другой – с невероятным духовным порывом женщин СССР, которые добровольно шли в действующую армию, настойчиво добиваясь отправки на фронт.

С 1942 г. в основном пополнение армии и флота шло за счет лиц, прошедших подготовку по 110-часовой программе всевобуча, введенного в стране с 1 октября 1941 г. В разное время в Саратове и области действовало от 770 до 1000 его военно-учебных пунктов. Через них до 1945 г. прошло 8 смен обучающихся, начиная с допризывников 1923 г. рождения и кончая 1928 г. Только за 6 первых смен были подготовлены 123650 чел. [37, л. 49, 50]. Главным образом готовились бойцы-стрелки, но немало было обучено и других специалистов военного дела. За 1942–1944 гг. в системе всевобуча области таковых было подготовлено 28358 чел. Примечательно, что всевобуч готовил бойцов-специалистов не только из числа мужчин, но и женщин. Во второй очереди всевобуча военными специальностями владели 1252 женщины, в третьей очереди – 1250, в пятой очереди – 1963 женщины [38, л. 72]. В целях улучшения подготовки бойцов-специалистов приказом НКО № 091 от 11 февраля 1942 г. в системе всевобуча были созданы специальные комсомольско-молодежные подразделения из молодых людей, стоящих на спецучете и успешно прошедших обучение по 110-часовой программе бойца-стрелка. Главное управление всевобуча НКО разработало для этих подразделений специальную программу на 120–150 ч со сроком обучения без отрыва от производства в 4–5 месяцев. После прохождения обучения они отправлялись в армию по особым нарядам НКО.

Задача по совершенствованию и расширению военных знаний и навыков, полученных в ходе всеобщего военного обучения, допризывников и добровольцев возлагалась на организации Осоавиахима. Особое внимание обращалось на обучение снайперов, пулеметчиков, минометчиков, истребителей танков, мотоциклистов, шоферов, радиоставов, телефонистов, инструкторов служебных собак, саперов-подрывников и др. С целью повышения качества военного обучения, закрепления полученных знаний и навыков часто проводились строевые смотры и тактические учения в учебных подразделениях. В целом за период Великой Отечественной войны Саратовская областная организация Осоавиахима подготовила свыше 160 тыс. различных военных специалистов и 1184 младших командиров-инструкторов [39, с. 85]. В 1944 г., когда не проводился очередной призыв граждан, достигших призывающего возраста, организации Осоавиахима стали одним из важных источников ресурсов для выполнения продолжавших поступать нарядов по отправке в армию нового пополнения. Всего в тот год из Саратовской области были призваны, по данным обвоенкомата, более 38 тыс. чел.

Еще одним источником военнообученных резервов стали формирования народного ополчения, созданные в июле 1941 г. В областном

центре была сформирована стрелковая дивизия, а в Энгельсе, Вольске, Балашове, Ртищеве, Аткарске создавались полки, в остальных городах и районах – батальоны, роты, эскадроны. Существование подавляющего большинства подразделений народного ополчения ограничились несколькими месяцами, поскольку основной их личный состав был вскоре призван в армию или включен в группы всевобуча. Саратовская же дивизия действовала до октября 1943 г. За это время из нее убыло в Красную Армию до 34 тыс. чел., или 75% всех бойцов и командиров, состоявших в разное время в дивизии [40, л. 187, 266].

В 1942 г. состоялся призыв на действительную военную службу юношей 1924 г. рождения. Он проходил с 10 по 20 августа и, как все предыдущие призыва, при повышенном внимании партийно-советских органов, с использованием всех возможных в то время средств политкоммассовой работы. Как следует из политдонесения областного военкомата, во время призыва было создано 129 агитпунктов, райкомами ВКП (б) было выделено 295 пропагандистов, проведено митингов, собраний и встреч с участниками отечественной войны – 588, организовано художественных выступлений (артисты театров и самодеятельности) – 332, просмотрено 23 кинофильма, выпущено 100 номеров стенгазет, 44 представителя войсковых частей передавали опыт участия в военных действиях и рассказывали об отдельных боевых эпизодах [28, л. 129]. Явились на призыв 23074 чел., из них признаны годными к строевой службе 20744 чел., годными к нестроевой 778 чел. (обе категории подлежали отправке в войска), негодными к несению службы – 449 чел., предоставлено отсрочек по болезни 682 чел. Не явились к началу призыва по области 170 чел., из которых 69 чел. по г. Саратову. В основном это были рабочие оборонных заводов, которых директора не отпустили на сборные пункты, неправомерно считая их автоматически имеющими отсрочку. Обращает на себя внимание большой отсев в этот раз новобранцев по политко-моральным соображениям (имевшие судимость или родители были осуждены по ст. 58 УК РСФСР) и по национальному признаку (лица, этнически близкие к агрессору) – 421 чел. [28, л. 129].

В 1943 г. был призыв сразу двух возрастов – 1925 и 1926 гг. рождения. Призывная кампания по отправке в войска новобранцев 1925 г. рождения состоялась в период со 2 по 6 января, через два с небольшим месяца после проведенных военкоматами приписных мероприятий. В докладной записке в ЦК ВКП (б) заведующий военным отделом обкома А. И. Денисов указывал, что «приписка и призыв в Красную Армию граждан 1925 года рождения прошли на высоком идеино-политическом уровне. В призывающие

комиссии в ходе их работы поступали сотни заявлений от призванных ускорить отправку в Красную Армию» [30, л. 3]. В качестве недостатков он отметил слабую комсомольскую прослойку, большой процент не вылеченных, не ликвидировавших неграмотность (183 чел. на момент приписки), и малограмотность, и наличие случаев несвоевременной отправки эшелонов по вине отдельных органов местного военного управления. В этот раз призывалось большое число граждан, прибывших в Саратовскую область по эвакуации, поэтому местные органы власти вынуждены были изыскивать возможности по их обеспечению теплой одеждой, обувью, предметами для приема пищи и на путь следования продуктами питания. Всего по результатам этого призыва в Красную Армию из Саратовской области были направлены 22905 чел. [30, л. 4–4 об]. Однако необходимо отметить, что это лишь часть людского контингента, направленного из Саратовской области в первом полугодии 1943 г. Как следует из переписки обкома с ЦК ВКП (б), за период с 1 января по 1 июля были отправлены 40364 чел. рядового и младшего начсостава [30, л. 52].

Призыв граждан 1926 г. рождения осуществлялся в ноябре 1943 г. Это был самый младший возраст, представители которого участвовали затем в боевых действиях на советско-германском фронте и в войне с милитаристской Японией. По сравнению с предыдущими призываами существенно выросла комсомольская прослойка, после приписки летом она была доведена до 59,4% (1924 г. рождения – 21,3%, 1925 г. рождения – 27%) [30, л. 23 об-24], а число неграмотных и малограмотных сведено до единичных значений. В то же время значительно увеличилось число освобожденных от призыва не по состоянию здоровья, национальному признаку и политко-моральным причинам, как это было ранее, а по другим обстоятельствам. Из 5505 чел., освобожденных от призыва (30% всех подлежащих явке), 4217 чел. – это работавшие на предприятиях оборонной промышленности, 607 – студенты вузов и учащиеся техникумов, 140 – ученики 9–10 классов спецшкол Наркомпроса. В результате из этого призыва в Красную Армию были направлены только 12995 призывников, годных к строевой службе, и 385 – к нестроевой службе [30, л. 24–24 об].

Последний военный призыв затронул мужчин 1927 г. рождения, которые в действующую армию не направлялись, но находились на действительной военной службе, как и призывники 1926 г. рождения, вплоть до начала 1950-х гг. Призывная кампания проходила в конце января 1945 г. Как отмечалось в докладной записке облвоенкомата от 13 февраля 1945 г. в обком ВКП (б), в ряде районов в сравнении с призывом 1926 г. ослабла агитационно-массовая и лечебная работа, призыв был проведен на более низком

уровне. Осуществленная ранее приписка выявила 23584 потенциальных призывников этого возраста [41, л. 28], но ввиду значительного числа отсрочек (рабочие оборонных предприятий, учащиеся и др.) в армию из Саратовской области были направлены только 11298 чел. Много отсрочек от призыва было ввиду плохого физического состояния новобранцев (850 чел., или 6,7%). Давали о себе знать тяжелые условия жизни военного времени [41, л. 39, 40].

Подводя итог рассмотрению обозначенной проблемы, следует сказать следующее. В годы Великой Отечественной войны из Саратовской области, как и в целом по стране, для комплектования Красной Армии и Военно-Морского флота СССР личным составом привлекались граждане более 30 возрастов, а становым хребтом стало так называемое предвоенное поколение, то поколение, которое выросло, было воспитано, получило образование и было подготовлено к военной службе в послереволюционные 1920–1930-е гг. В войска призывались представители всех социальных слоев населения и мест проживания, но основным источником людских ресурсов, безусловно, являлась сельская местность, что объясняется как отсутствием здесь сколько-либо заметной системы бронирования от призыва, так и значительным превалированием сельского населения над городским (в соотношении 65,5% и 34,5% согласно переписи 1939 г.) [32, с. 148].

Что же касается общего количества мобилизованных и призванных за годы войны, то в архивных документах такая цифра отсутствует. Материалы военного отдела Саратовского обкома дают нам обобщенные данные относительно числа направленных в армию только за период с июня 1941 г. по сентябрь 1942 г. – 378015 чел. [41, л. 44] и с января по июнь 1943 г. – 40364 чел. рядового и младшего начсостава [30, л. 27], а также по проводившимся позже призыва姆 1926 и 1927 гг. рождения, вместе давшие 24678 чел. В итоге согласно этим данным мы получаем 443047 чел., но в это число не вошел старший начсостав (т. е. офицеры) и мобилизованные по различным нарядам за октябрь – декабрь 1942 г. и за вторую половину 1943 г. и 1944 г., а их могло быть несколько десятков тысяч, т. е. в сумме явно больше полумиллиона. Также в нашем распоряжении есть сводная ведомость мобилизованных и призванных из Саратовской области за период 1941–1945 гг., предоставленная несколько лет назад облвоенкоматом, но в ней отсутствуют данные за отдельные годы по некоторым районным и городским военкоматам, а сведений по Краснокутскому, Питерскому и Петровскому районам вообще нет. Подсчеты имеющихся данных по этому источнику дают в общей сумме цифру 478228 чел. В результате экстраполирования данных, соразмерных по численности населения районов на районы, по которым нет сведений, получается примерно

515 тыс. чел., что коррелирует с числами, приведенными в областной «Книге памяти». Таким образом, и возможное количество саратовцев, принявших участие в Великой Отечественной войне, т. е. с учетом и призванных в довоенный период, приняв хотя бы во внимание соотношение численности войск до 22 июня 1941 г., и нового пополнения непосредственно в военное время (14,4% и 85,6%), никак не может превышать 600 тыс. чел. Данные же о 680 тыс. саратовцев, «с оружием в руках сражавшихся с немецко-фашистскими захватчиками», а тем более считать их мобилизованными за четыре военных года, как это иногда делается в местной прессе, являются явно завышенными. Таким мобилизационным ресурсом тогда Саратовская область попросту не располагала, учитывая потребности народного хозяйства в кадрах, общую численность населения и его половозрастную структуру (в частности, на январь 1941 г. в Саратовской области в тогдашних ее границах проживали 834 тыс. мужчин и 963 тыс. женщин [42, л. 1–2], примерно такое же соотношение было в 15 районах бывшей АССР НП, где проживали около 150 тыс. чел. не немецкого населения).

Список литературы

1. Кривошеев Г. Ф., Андроников В. М., Буриков П. Д., Гуркин В. В., Круглов А. И., Родионов Е. И., Филимошин М. В. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действия и военных конфликтах : Статистическое исследование / под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М. : Воениздат, 1993. 415 с.
2. Ванчинов Д. П. Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1973. 462 с.
3. Книга памяти: Саратовская область : в 40 т. Т. 1. Саратов : Региональное Приволжское издательство «Детская книга», 1994. 624 с.
4. Фролов Г. В. Забвению не подлежит // Этот день Победы : сборник повестей, очерков, рассказов ветеранов Великой Отечественной войны / сост. Л. И. Носова, Н. А. Ущева. Саратов : Слово, 2000. С. 245–265.
5. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 594 (Саратовский обком Коммунистической партии РСФСР). Оп. 1. Д. 1811.
6. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2585.
7. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2587.
8. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2588.
9. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2583.
10. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1804.
11. Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. Т. 2 : Происхождение и начало войны. М. : Кучково поле, 2012. 1008 с.
12. Саратовская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Документы 1941–1945 гг. /

- ред. А. Копылова, В. Черных, Я. Эльфонд, В. Островский. Саратов : Приволжской книжное издательство, 1969. 262 с.
13. Ключников А. И. Мы сражались в тылу // Когда мы были молоды: сб. воспоминаний ветеранов партии и комсомола / сост. В. Турчин. Саратов : Приволжской книжное издательство, 1990. С. 176–189.
14. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2387.
15. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2400.
16. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2594.
17. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 7.
18. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2580.
19. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2747.
20. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2596.
21. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2319.
22. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2746.
23. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2586.
24. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 4058.
25. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3075.
26. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3078.
27. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3080.
28. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3076.
29. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 4048.
30. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3530.
31. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3534.
32. Ванчинов Д. П. Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1976. 306 с.
33. Гижсов В. А. Саратовский медицинский институт в годы Великой Отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. 2016. № 7 (69): в 2 ч. Ч. 1. С. 26–28.
34. Кирсанов Н. А. Мобилизация женщин в Красную Армию в годы фашистского нашествия // Военно-исторический журнал. 2007. № 5. С. 15–17.
35. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644 (Государственный Комитет Обороны). Оп. 2. Д. 43.
36. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3524.
37. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 4546.
38. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 4507.
39. Ванчинов Д. П., Данилов В. Н., Ченакал Д. Д. Трудящиеся Поволжья – фронту. Оборонно-массовая работа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1984. 174 с.
40. ГАНИСО. Ф. 30 (Саратовский горком Коммунистической партии РСФСР). Оп. 15. Д. 57.
41. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 4058.
42. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 2052 (Статистическое управление Саратовской области). Оп. 13. Д. 25.

Поступила в редакцию 19.05.2024; одобрена после рецензирования 29.05.2024; принятая к публикации 28.06.2024
The article was submitted 19.05.2024; approved after reviewing 29.05.2024; accepted for publication 28.06.2024

ISSN 1819-4907

24004

9 771819 490702

ISSN 1819-4907 (Print). ISSN 2542-1913 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: История. Международные отношения. 2024.
Том 24, выпуск 4

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

- Серия: Акмеология образования. Психология развития
Серия: История. Международные отношения
Серия: Математика. Механика. Информатика
Серия: Науки о Земле
Серия: Социология. Политология
Серия: Физика
Серия: Филология. Журналистика
Серия: Философия. Психология. Педагогика
Серия: Химия. Биология. Экология
Серия: Экономика. Управление. Право

